Джон Кеннеди

Дмитрий Петров

Рыжий принц Америки

Астрель

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

22 ноября 1963 года в Америке произошло событие, повлиявшее не только на американскую историю: двумя выстрелами был убит 35-ый президент США сорокатрехлетний Джон Кеннеди. Раскрыть заговор так и не удалось. Молодой, умный, невероятно обаятельный политик прожил короткую, но яркую жизнь: любил самых гламурных женщин Америки, воевал — сначала как простой офицер, потом — как президент ядерной державы; вел огромную страну по избранному им пути. В новой книге Дмитрия Петрова мы познакомимся с Джоном Кеннеди — страстным политиком, харизматичным лидером, обаятельным плейбоем.

- Дмитрий Петров
  - Благодарности
  - Часть I. Бостон
    - Глава первая. Клан
    - Глава вторая. План
    - Глава третья. Таковы Кеннеди
    - Глава четвертая. Искатель приключений
    - Глава пятая. Герой
  - Часть II. Капитолий
    - Глава первая. Шаг
    - Глава вторая. Политик по призванию
    - Глава третья. Вершина холма
    - Глава четвертая. Лучший жених Америки
    - Глава пятая. В бой!
  - Часть III. Белый дом
    - Глава первая. Военный совет
    - Глава вторая. Разведка боем
    - Глава третья. Прорыв
    - Глава четвертая. Наступление
    - Глава пятая. Щит и меч рекламы
    - Глава шестая. Битва в эфире
    - Глава седьмая. Мы сделали это!
  - Часть IV. Далее — везде…
    - Глава первая. Посвящение
    - Глава вторая. Лучшие и блистательнейшие
    - Глава третья. Париж и Вена
    - Глава четвертая. Первый блин
    - Глава пятая. «Берлинский пончик»
    - Глава шестая. Ракеты Карибского моря

        - Глава седьмая. Белый дом. Some like it hot[203]
        - Глава восьмая. Большая игра
        - Глава девятая. Огонь
    - Литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- 260
- 261
- 262

-

Дмитрий Петров
Джон Кеннеди. Рыжий принц Америки

Благодарности

Я ПРИЗНАТЕЛЕН всем, кто сделал возможным выход этой книги. И сердечно благодарю:

Андрея Быстрицкого
Екатерину Егорову-Гантман
Анатолия Громыко
Василия Жаркова
Валентина Зорина
Андрея Колесникова
Серго Микояна
Дмитрия Муратова
Вячеслава Никонова
Глеба Павловского
Рустема Сафронова
Анатолия Уткина
Дмитрия Шушарина
Влада Яковлева
Ефима Островского
Бориса Межуева
Дмитрия Дробницкого
Павла Масловского
Глеба Кузнецова
Карину Саркисян
Ирину Петрову
Дмитрия Дмитриевича Петрова
Елену, Павла и Валентину Петровых
Журнал «Огонек»
«Новую газету»
Электронный журнал Terra America (terra-america.ru)
Государственную библиотеку иностранной литературы им. М.И. Рудомино
От души
Дмитрий Петров

Часть I. Бостон

Глава первая. Клан

1

В начале XX века среди джентльменов еще не было принято находиться рядом с женой во время родов. Так что распростертой на ложе молодой дамой занимались только женщины и доктор.

Дом не спит. В кабинете на втором этаже в камине огонь, на стенах — блики. Май в конце, но в Массачусетсе прохладно. Тишина гулка, как в базилике. Позади тревожный длинный день. Свет настольной лампы приглушен. Свечи догорели — ну и ладно. На лицо Христа упала тень. Отрешен и безмятежен, Он взирал на коленопреклоненного мужчину, молча стоявшего пред Ним, молитвенно сложив руки.

Мужчина не знал, сколько времени провел перед распятием. И когда где-то в дальних комнатах возникло движение, он подумал: ну, слава Богу, похоже, все решилось. Тишина оборвалась вся и как-то разом. Часы пробили три… Шаги, голоса…

Мужчина встал с колен и подошел к двери, прислушиваясь. И когда в нее негромко постучали, был уже готов. Ко всему…

* * *

Он таким рос. И таким вырос. Готовым ко всему.

— Эй, бой, дай-ка мне пакетик! — обращался рабочий-поляк и протягивал «никель»[1].

Джо отсчитывал сдачу и давал ему упаковку орешков.

— И мине тоше, — просил бородатый немец-кузнец.

— Отсыпь, рогаццо, и сюда, — подставлял карман каменщик-итальянец.

— И мне, и мне, давай-давай… — шумел десяток акцентов.

По гавани, утыкавшей небо мачтами судов со всего света, в клубах пара летали десятки катеров, развозящих работяг-эмигрантов по сотням причалов, доков, фабрик, строек.

На этих-то катерах и торговал орешками Джо. С малых лет работать, помогая семье, было в ту пору обычным делом в семьях среднего класса. И пусть бы только кто рискнул отнять у него выручку — не ушел бы без фонаря под глазом, а то и зубы сосчитал бы. Ирландец не дает себя в обиду! — так было принято в их квартале, так было принято в их семье.

Заработанные центы он отдавал матери, а два оставлял себе — на дорогу до школы и обратно. Став постарше — пошел курьером в банк. А закончив школу — в престижный колледж «Бостон Лэтин», где некогда учились отцы-основатели Соединенных Штатов — Бенджамин Франклин и Генри Адамс.

Детей надо учить. И учить хорошо. Больше того — в престижных школах. Так считал его отец. Иначе им ни в жисть не войти в круг янки-бизнесменов. А не войдешь в этот круг — так и останешься в гетто диаспоры, ну, разве что миллион заработаешь. И то еще неизвестно, примут ли. Да и заработай его попробуй…

Отец знал, что говорил. Сам-то он миллиона не заработал. Хоть и трудился всю жизнь. Упорно и успешно. Он — безотцовщина — едва выучился читать и писать. А как же иначе, если кроме него в семье еще трое детей, и мать — бойкая ирландка Бриджит, которой все дети помогали с самых ранних лет, — едва могла их прокормить. Но ведь прокормила! И хоть Пат не получил должного воспитания, но в люди вышел. И все — трудом. Настойчивым, неодолимым ирландским упорством в борьбе за светлое будущее на этой чужой земле.

Вот бы порадовался отец, всю свою американскую жизнь пропахавший бондарем на острове Ноддл на востоке Бостонской бухты! Город остро нуждался в бочках. Уж больно много прибывало в него народу. И всем подавай масло, вино, пиво и виски.

Ну вот ирландцы и «держали мазу» по части тары. И, само собой, по напиткам.

2

Вот Патрик и вкалывал день и ночь. Лелеял американскую мечту.

Он был первым Кеннеди, ступившим на американскую землю. Беглецом из нищей и голодной Ирландии, где страшный неурожай картофеля 1845 года усеял обочины дорог, ведущих к портам, трупами беженцев, так и не сумевших сесть на спасительный корабль, идущий в Штаты.

А Пат дошел. Пат успел. Пат доплыл. Оставил за спиной родной Нью-Росс и графство Вексфорд, где родился в 1823 году, с горстью монет прибыл в Бостон и занялся делом.

А после женился на Бриджит Мерфи и родил четверых. Младший явился на свет в 1858-м. Его назвали Патрик Джозеф. Вскоре отец умер бог знает от какой заразы, а парень пробился, пророс через нищету и маяту ирландских кварталов, где работали

по пятнадцать часов в сутки, жили по пятнадцать человек в комнате и были счастливы, заработав пятнадцать центов в день.

Сперва ирландцы в Бостоне были никем. Другие иммигранты — славяне, евреи, немцы, итальянцы, скандинавы — все считали себя выше их. Даже негры, вчерашние рабы, уже успевшие устроиться в новой жизни. Но были у ирландцев и преимущества. В отличие от других, они худо-бедно говорили по-английски. Были привычны к труду, упорны, проворны и задорны.

Их спаяли традиции и обычаи приходской жизни. Но католицизм стал не только раствором, соединяющим кирпичи этого сообщества, но и мобилизующим фактором: церковь учила — будь богобоязнен, терпелив и трудолюбив. Иди к своей цели и веди братьев и сестер. Ирландец прорвался? Помоги ирландцу. Католик добился? Подсоби католику. «Рыжий» устроился? «Устрой» рыжего[2]. Таков был принцип их жизни.

И вот, мало-помалу вставая на ноги, они сложили землячество. Создали многочисленную, энергичную и со временем довольно влиятельную этническую группу, в целом осознающую собственные — свои — цели и интересы.

В царство успеха дорогу беглецы с Зеленого острова прокладывали грудью, пробивали кулаками и прогрызали зубами. Многие отбили кулаки и обломали челюсти: такова великая американская мечта — не всем она по зубам. Но другие прорвались. И среди них — Патрик Джозеф.

Прокормить пятерых ох как непросто. И его мать день и ночь трудилась в лавке. Какое-то время Пат ходил в церковную школу, но бросил — уж слишком нуждалась мать в его помощи, сильных руках и смекалке.

Что такое ирландская лавочка в конце XIX века? Малый бизнес. Налоги. Борьба за жизнь. Торговля в долг. А долг платежом красен. И местные, постоянные клиенты, отвечали маме Бриджит добром за добро — не дали пропасть. Худо-бедно, а выжили. Дети подросли: дочери вышли замуж, а Пат купил салун. Биг дил — большое дело! И место — супер: у самой верфи, на дороге, ведущей в город.

Шагая с работы устало мимо бара Пата, работяги вспоминали, до чего ж они любят жизнь. И хотят, чтоб она лучше стала. И конечно, шли туда, где пиво пенится, где пить не ленятся и где спецовочки трещат по швам. И допоздна звучали в кабаке Кеннеди звон кружек, песни и смех.

Он знал в округе всех. А округа знала его. Он всегда давал взаймы ирландцу, если тому не повезло. Отказывал разве только самым пропащим бездельникам. Был спокоен, вежлив, рассудителен, силен, усат. Толково вел дела. Короче — внушал

доверие. Взяв на грудь и сделав жизнь чуть лучше, трудяги делились с ним сокровенным. И он не отказывал ни в деньгах, ни в совете. А порой совет важнее денег. Его уважали. Но не только за хватку и ум. Он умел читать!

И читал. А это — по тем временам и в той среде — было редкостью.

— Вот ведь, — говорили докеры, засидевшиеся допоздна, — мы песни орем, а Пат сидит себе мусолит книжку… Ты, это, Хенни, спроси его, грамотного, — за кого на выборах голосовать…

Политика пришла в жизнь землячества, как только оно начало всерьез заколачивать доллар и осознавать свои интересы. Пришла она и в бар Пата.

3

Залы салуна — отличное место для публичных сходок и митингов. А его задние комнаты — для встреч с глазу на глаз. А ведь и без того, и без другого в политике — никуда.

Туда, где много людей, рано или поздно заходят агитаторы. Покупают парням виски. Хлопают по спинам. Бойко травят байки. Говорят: знаешь, что самое главное для человека труда? Работа? Верно. Выпивка? Точно. Дом и семья? Само собой! Все это важно, но главное, друг, — правильно голосовать. Чтоб там, где решают вопросы с работой, жильем, а порой и с бухлом, — сидели наши ребята. Понял, Джек? Так что давай-ка вместе голосовать за своих. За демократов.

Демократическая партия в Бостоне не была ирландским заповедником, но «рыжие» с течением времени стали играть в ней немалую роль. Кеннеди тут же приметил разговорчивых парней, что толкуют с рабочими. Быстро свел с ними знакомство. Враз усек, что к чему. И вскоре превратил свой бар в политический клуб. Здесь распинались ораторы. Здесь вербовались агитаторы. Здесь строили планы избирательных кампаний.

Пат и не заметил, как к нему стали захаживать серьезные люди.

— Ты, Пат, — говорили они, — дельный мужик. Ирландец. Свой в доску. И нам подходишь, понял? Зрелый человек. Скоро тридцатник. Свое дело. Не пора ли подумать о большем?

— О чем вы, джентльмены? — спрашивал Патрик.

— О политике, Пат. Знаешь, что нам в тебе по душе? Почтение к старшим! — смеялись серьезные люди. — Скоро сам поймешь, что к чему.

И он понял. Когда они стали не спеша продвигать его все дальше и выше в своих делах. И вот он уже босс квартала — рулит им из бара. Спустя годы сын Пата Джо расскажет: «Как-то я слышал разговор отца со своими людьми. Они сказали: «Сегодня мы голосовали сто двадцать восемь раз»». Возможно — за него. Ведь Патрик Кеннеди уже большая шишка — член законодательного собрания штата Массачусетс. Куда его избирали пять раз.

И пришел тот час, когда его пригласили в «Стратегический комитет» — закрытый клуб боссов, хозяев политики демократической партии в штате Массачусетс. Это они ставили своих людей на ключевые посты. Это они распоряжались избирательными фондами. Это они решали, кому быть в числе «бостонских воротил». Пата приняли в этот клуб.

Они встречались на Браттл-стрит. Там он познакомился с молодым, но видным политиком — Джоном Фицджеральдом по кличке Хани Фитц — Медовый Фитц.

Он был родом из Бостона, третий в череде из девяти детей. Подростком потерял родителей. Но попал на хорошее место — Бостонскую таможню. Под руку старого босса Леверетта Саптонстолла. Тот быстро приметил толкового парня. И вот он уже в городском совете. А вот — в Конгрессе США. А то и в мэрах Бостона…

Так бывает в жизни. Бывает в политике: Пат и Фитц стали друзьями и партнерами. И с той поры оставались ими, что бы ни творилось в их личной политической судьбе. Вскоре их ввели в круг FIFs — First Irish Families — лучших ирландских фамилий. Прилежные прихожане и элегантные молодые люди (как и любой ирландец-демократ, желавший преуспеть), вскоре они женились на девушках из приличных семей.

В 1910 году Фитц (не без помощи Пата) стал мэром Бостона и первым рожденным в США ирландцем, занявшим этот пост. Ну, а вокруг уже сидело немало его соотечественников.

Бостон рос. Его заполняли иммигранты. Ирландцы стали в нем своими. У них просили помощи новички — славяне, итальянцы, немцы. От них часто зависели работа, жилье, торговля.

Победа на выборах мэра побудила амбициозного Фитца бороться за пост губернатора и кресло в Сенате. Этот пыл остудил суровый политический ветеран — республиканец Генри Кэбот Лодж. Это он в 1916-м победил Медового Фитца на выборах в Сенат. За что спустя сорок лет расплатится его внук. Но в ту пору «старая республиканская гвардия» бостонских янки крепко держала штат, и молодой политической машине демократов-

ирландцев пришлось притормозить.

4

Но политика — политикой, а семья — семьей. Жена, дети, родственники — прежде всего. Даже для прожженных воротил, как Пат и Фитц.

— Роуз Фицджеральд выходит за Джо Кеннеди! — Об их помолвке говорил весь Бостон. Сын одного из ключевых теневых боссов города брал в жены дочь мэра. Для одних — политическая сделка, для других — династический брак, для них — узы любви на долгие годы.

Их обвенчали в октябре 1914-го в личной часовне кардинала О'Коннелла. На свадьбе был весь цвет города — Пат и Фитц имели солидные связи…

Они подходили друг другу: Роуз — красавица, одна из лучших невест города, Джо — молодой способный бизнесмен. Она — училась в Европе, знает языки, любит музыку, умеет занять гостей. Он — хваткий делец и добрый католик, готовый стать прекрасным мужем. Настоящий сын своего отца Патрика Джозефа Кеннеди.

Тот, кто вставал с зарей и с кульками орешков бежал к бухте. Тот, кто сидел в «Бостон Лэтин» с детьми богатых янки. Тот, кто получил Кубок мэра по бейсболу из рук будущего тестя.

Мать и отец мечтали видеть его студентом Гарварда. И он туда поступил. Но учился так себе — уже тогда понимал: спорт, наука, политика, даже богатство и положение в обществе — все покупается за доллары. И сперва он будет делать их, а уж потом — все прочее. Сказано — сделано: на паях с дружком наняв в каникулы автобус, Джо катал по Бостону туристов. А пересчитав свою долю — несколько тысяч долларов, — рассмеялся: в тридцать пять заработаю миллион.

И сдержал слово.

Окончив университет, стал банковским инспектором. На кончиках пальцев освоил науку финансов. И когда банк, среди совладельцев которого были члены его семьи, хотел поглотить другой, более крупный, банк, Джо, собрав с помощью родственников паевые доверенности, был избран его президентом. А ведь до тридцати пяти ему оставалось еще десять лет…

Роуз не жаловалась. Первое, что сделал Джо, будучи по макушку в долгах, — занял денег на взнос за дом в предместье Бостона — Бруклайне. Сумма ипотеки была приличной (по тем

временам) — шесть с половиной тысяч долларов. Но Роуз не тревожилась. Что-то говорило ей: долги он скоро вернет. И заработает еще. Много.

Бруклайн — обитель среднего класса — столпа и оплота Америки. Тихий пригород, расположенный близ Бостонской почтовой дороги, проложенной в 1670 году — вскоре после прихода первых поселенцев. А в прочем — маленький город к юго-западу от Бостона, основанный в 1705 году. Его имя — сочетание слов brook и line — «ручей» и «линия, граница». И действительно, именно ручьи отделяли его от соседних селений.

«Это своего рода сад, — писал о Бруклайне Эндрю Джексон Даунинг, родоначальник ландшафтного дизайна. — В Америке, пожалуй, нет городка, схожего с ним очарованием.

Улицы и переулки ведут от одного коттеджа или виллы к другой… Манящие виды сообщают месту благодатный сельский дух свободы и услады. Живописные аллеи пролегают среди деревьев и обильного кустарника, порой образующего арки из ветвей и трепещущей листвы…»

Таким, в целом, был Бруклайн и в начале прошлого века, хотя улицы стали шире, а к 1917 году проложили и железную дорогу. Но на Биилз-стрит, где жили Джо и Роуз, грохота поездов слышно не было. Здесь, в тиши, вскоре явился на свет их первенец — Джозеф Кеннеди.

Следом — еще один брат, получивший второе имя в честь деда по матери. Потом Розмари, Кэтлин, Юнис, Патриша и Джин. После, в 1925-м — Роберт, а через семь лет Эдвард.

* * *

В ту ночь 29 мая 1917 года, с которой мы начали этот рассказ, когда готовый ко всему джентльмен в домашнем костюме, прервав молитву, открыл дверь на стук, Джо Кеннеди — а это был он — узнал, что только что, в три часа пополуночи, у него родился второй сын.

Джозеф Патрик Кеннеди, сын хозяина бара и теневого босса, делец и финансист, благодарил Господа Бога и Деву Марию за то, что сохранили жизнь жене и даровали ему сына.

Вскоре мальчика нарекли Джоном Фицджеральдом — в честь Евангелиста Иоанна и отца Роуз, Медового Фитца. А дома сразу стали звать Джеком.

5

Прошло чуть больше месяца с тех пор, как Штаты вступили в Первую мировую войну.

Эскадры и транспорты с войсками плыли в Европу, но Джо не взял винтовку, не надел каску. Он стал помощником директора компании «Бетлехем Стил», строившей по госзаказу боевые суда. В армию оттуда не брали. А вскоре война завершилась, и Джо двинулся прямиком к своему первому миллиону — ринулся в круговерть Нью-Йоркской фондовой биржи. Финансовый рынок требовал особого стиля. Но он уже научился копировать манеры поведения янки. Его приметили — сделали главой инвестиционного отдела банка «Хэйден, Стоун энд компани».

Вскоре Джо стал сам играть на бирже. И добился там уважения. Он рисковал, много терял, но возмещал с лихвой. О нем говорили: вот кто умеет делать деньги. Этому помогли два обстоятельства: в начале 20-х он понял, сколь важным искусством становится кино, и купил сеть кинотеатров — тридцать один зал, — а на прибыли от биржевых операций стал финансировать киносъемки. Вскоре он уже контролировал ряд кинокомпаний, реструктурировал их и продал с выгодой. Выступал он и как продюсер — вложил деньги в картины с участием суперзвезды Глории Свенсон. Впрочем, прокат одной отменил: верный католик не счел возможным пустить на экран сцену совращения монахини. Но от романа с Глорией не отказался.

Вообще, Джо отличала немалая склонность к амурным приключениям. Как это вязалось с его усердием католика? Бог весть. Слаб человек…

Что же до бизнеса, то фондовая биржа конца двадцатых годов — рай для отважных дельцов и аферистов — была как раз для него. О Джо заговорили как о крутом брокере, авантюристе и человеке экстравагантных взглядов. Он подтвердил эту репутацию, поддержав на президентских выборах 1924 года «Партию прогресса» — крайних либералов[3] Роберта Ла Файетта и Бертона Уиллера, выступавших за права профсоюзов, низкие налоги для бедных и национализацию ряда отраслей. Ла Файетт и Уиллер взяли на выборах всего 17 % голосов. Но у Кеннеди были миллионы, и причуды ему прощали.

Когда в 1929-м Уолл-стрит погрузилась в кошмар, а страна — в Великую депрессию, и брокеры скакали из окошек небоскребов, он делал деньги на спиртном и недвижимости, руля столь экзотическими аферами, что только сам мог бы рассказать, что в них было к чему. Говорят, среди них были и незаконные операции с импортом виски, но его причастность к ним не доказана.

Так или иначе, пришел день, когда капитал, образование и воспитание, полученное в доме, где главным делом была

политика, направили его амбиции в эту сферу. Но не туда, где заключают сделки средней руки. С миллионами в кармане Джо желал вершить судьбы страны.

Его отец был видным демократом. И в 1932-м Джо ставит на Рузвельта и вносит в его фонд сперва 15 000, а затем 50 000 долларов. По тем временам — немалые деньги.

Впрочем, говорят, он пожертвовал больше, но — тайно.

Рузвельт одолел бывшего президента Гувера, чья репутация была подорвана депрессией. Но дело не в этом (предотвратить крах биржи и спад экономики тогда не смог бы никто), а в том, что Рузвельт нес стране новую энергию. Хотел мобилизовать ее на борьбу с кризисом и отчаянием. Ведь депрессия была не только в экономике. Для людей экономика была почти пустым звуком. Депрессия прокралась в умы. Пора было пробудить в них стремление к переменам. А значит — воображение. Побудить вообразить новую Америку. И себя в этой Америке. Здесь была суть рузвельтовской New Deal — Новой сделки, известной в России под именем Новый курс.

Так перевели название проекта Рузвельта в СССР. Просто потому, что его жителям слова «Новая сделка» были бы не понятны: что за сделка? с кем? А в Штатах не было ничего яснее: до кризиса власть и общество, элиты, средний класс и наемный труд жили по правилам прежнего социального договора, старой сделки о предельно свободном рынке, где кто сильнее — тот и прав, кто смел — тот и съел, кто первый встал — того и тапки. Ее заключили еще при Аврааме Линкольне — в пору первого промышленного переворота, мощного роста индустрии и сельского хозяйства — бурного развития ничем и никем не ограниченного капитализма.

Но срок той сделки истек. Завершился крахом биржи и катастрофой хозяйства. Пришла пора предложить обществу новую сделку. На других условиях. Это и сделал Рузвельт.

«Дело Рузвельта и его команды не было и не могло быть ремонтом, восстановлением, — писал об этом проекте философ Сергей Чернышев. — Они воссоздали на новой основе, возродили национальную жизнь, ее дух и тело… Материалом… была ткань отношений собственности. Здесь он (Рузвельт) открыто выступал как наследник Томаса Джефферсона[4]. Впрочем, люди хотят не столько иметь собственность, сколько свободно пользоваться ее плодами для самореализации. Рузвельт вслед за Джефферсоном ставил право на жизнь, свободу и стремление к счастью выше права свободно распоряжаться собственностью».

Такой подход обусловил политику, меры и проекты администрации Рузвельта по выводу страны из Великой депрессии. Этот процесс можно назвать массовой социальной реабилитацией. Или психотерапией. Для него характерно деятельное использование гуманитарных технологий: всем известны и регулярные радиобеседы Рузвельта с народом, и серии голливудских кинолент «терапевтической» направленности, внушающие зрителям оптимизм, веру в себя и в Америку. И все же корневой сутью Новой сделки стал мощный, искренний призыв: изменим страну и себя. Только так можно победить кризис. Этот призыв сторонники Рузвельта транслировали по всем доступным каналам. И люди его услышали. И поверили ему. Увидели: Рузвельт действительно хочет менять Америку. И знает как.

В числе тех, кто поддержал его в этом деле, был и Джо Кеннеди. В ответ президент назначил его главой нового федерального ведомства — Комиссии по ценным бумагам и биржам, призванной восстановить доверие инвесторов к фондовому рынку, регулируя торговлю финансовыми инструментами. Опыт рискового брокера пригодился: Джо грамотно поставил работу и получил новое назначение — стал главой Морской комиссии, ведавшей торговым флотом и коммерческим судоходством.

Это не значит, что их отношения с Рузвельтом был просты и радужны. Так, Джо не одобрил «пробитое» президентом налоговое законодательство. Но в ходе кампании 1936 года он снова внес в фонд партии солидную сумму плюс написал и издал книгу «Я за Рузвельта», сыгравшую, как считали многие, немалую роль в предвыборной агитации.

В книге Джо разъяснял спасительность Новой сделки и важность переизбрания Рузвельта для закрепления успехов в борьбе с кризисом. Особое значение имело то, что писал это успешный бизнесмен. Тем жестче он критиковал «фанатичные, слепые и иррациональные предрассудки», мешавшие «финансовой аристократии» поддержать реформы, основанные на фундаментальных ценностях Америки: свободе, частной инициативе и равенстве возможностей. Он приветствовал Рузвельта, утверждая, что «у государства нет более благородной задачи и более высокой обязанности, чем забота о нуждающихся гражданах».

И задавал оппонентам простой вопрос: зачем голодному выборы?

А недругов президента звал «новыми Бурбонами». Для многих эти слова звучали странно в устах дельца, разбогатевшего

на рискованных, а то и сомнительных сделках.

Ну, а Рузвельт назвал книгу «крупным вкладом в экономическое и политическое образование» американцев.

7

Джо становился видной фигурой. Отстаивая политику Новой сделки, он являл образец политика и бизнесмена с убеждениями — наследника славных традиций демократической партии.

С другой стороны, он не был совсем чужд консерваторам. Уж такой это был человек: с одной стороны, дружил с кардиналом Пацелли — будущим папой Пием XII — и крайне правым медиамагнатом Херстом, а с другой — с людьми Рузвельта Томом Коркораном и Беном Коэном; в частной жизни был ирландцем-католиком, а в бизнесе и политике играл по правилам янки-протестантов.

Что ж, похоже, это мало беспокоило Джо. У него были убеждения, была позиция. Но они не были просты. Как не был прост он сам. Он понимал, что в глазах многих является чуть ли не аферистом. Но знал и о том, что многие его черты и свойства оправдывал успех. Такова психология американцев. Его беспокоило одно: деловые и политические элиты, в среде которых ценили простоту и одномерность, не принимали Джо полностью.

Но, несмотря ни на что, он шел свои путем. Продолжал дело отца. И не только в бизнесе. Джо стал лидером второго поколения клана. Династии, начало которой положил Патрик.

И он — Джозеф Кеннеди-старший — принял миссию утвердить этот клан в американской политике, поручив в этом главные роли своим наследникам — четвертому поколению американских Кеннеди.

8

— Сэр… — за дверью стоял доктор, а рядом горничная.

— Да, доктор.

— Мистер Кеннеди, сэр! Все в полном порядке. У вас родился сын.

— Как чувствует себя миссис Кеннеди?

— Хорошо. Насколько это возможно. Хотя ей пришлось немало потрудиться. Она у вас молодец!

— Благодарю. Прекрасно.

Джо одернул жилет.

— Я могу видеть ее и мальчика?

— Да, сэр. Но, думаю, лучше обождать.

— Да, конечно… Роуз, должно быть, очень слаба. Пожалуйста, передайте миссис Кеннеди мою душевную признательность. Скажите, что я нежно ее люблю. Мы увидимся завтра.

— Да, сэр.

Дверь затворилась. Джозеф Кеннеди обратился к распятию. Перекрестился открытой ладонью слева направо, как принято у католиков, и молвил: «Слава Тебе, Господи! Благодарю тебя, Матерь Божия!» В миг молитвы голос его дрогнул.

Утром 29 мая 1917 года Джозеф Кеннеди увидел своего второго сына.

И нарек его Джоном.

Глава вторая. План

1

Главную роль в своем сценарии отец отводил старшему сыну Джо.

Он рос крепким, смышленым мальчиком. А главное — был старшим сыном.

Во-первых, несмотря на весь свой либерализм, Джо-старший был верен ирландским традициям, держался старых, испытанных правил: первым среди детей должен быть старший сын. Во-вторых, в его голове уже начал складываться стратегический план утверждения клана Кеннеди в высшей элите Америки. И он распределял детей по местам именно в этом проекте.

Потому-то именно в Джо отец увидел предназначение: стать лидером, стать лучшим — самым умным, образованным, сильным, деловым, самым блестящим — претендентом на корону. А для этого нужно было в совершенстве овладеть боевыми искусствами политики и бизнеса, общения и обаяния, социальной, светской и академической жизни. Возглавить и повести за собой всех сыновей и дочерей.

Ну, а Джон (он же Джек) по ранжиру шел следующим. Ему тоже было отведено весомое место в плане. И хотя физически он был слаб — четырежды тяжелая болезнь ставила его на грань смерти, да и одна нога была короче другой, — отец верил в него и говорил: «Джеку предстоит крайне важная миссия. И он справится с ней. Я сделаю из него бойца. Настоящего Кеннеди».

Отец учил его всю жизнь. И всю жизнь он был и Джоном, и Джеком[5]. Так будет и в книге.

* * *

Здесь, в безмятежном пригороде, провел Джон-Джек ранние годы жизни.

Меж тем благополучие семьи росло, как и она сама. Дом в Бруклайне становился тесноват, и вскоре Кеннеди переехали на солидную Абботсфорд-роуд в огромный дом со старомодным высоким крыльцом, террасой и обширным и ухоженным садом, походившим на маленький парк. О, как славно там было играть в прятки-салки-догонялки! А в плохую погоду всем хватало места в обширной гостиной у старого камина, где было уютно и летом,

когда огонь не разводили.

Отсюда Джон и пошел в школу «Декстер», где уже учился Джо. Других католиков там не было.

* * *

Соединенные Штаты создали протестанты, британские пуритане, лютеране, баптисты и представители других конгрегаций, отколовшихся от католической церкви. Нередко они бежали за океан от преследований и жестокостей средневекового папизма. И несмотря на то, что со временем население всерьез пополнилось за счет иммигрантов-католиков — поляков, итальянцев, баварцев и ирландцев, — протестанты оставались и остаются большинством жителей страны. Они же составили высшее общество так называемых «ос» — WASP[6] — белых протестантов-англосаксов, первыми занявших ключевые посты в политике, бизнесе и на государственной службе.

Католики не были изгоями или угнетенным меньшинством, но много лет оставались людьми как бы не первого сорта. И хотя в городах вроде Чикаго, Нью-Йорка или Бостона они составляли изрядный процент населения и имели хорошие шансы преуспеть — на уровне страны, особенно в политике или армии, возможностей имели мало, что не раз подтверждала практика.

Случалось, в элитных школах мальчишки-протестанты объединялись против немногих католиков, превращая их жизнь в сущий ад. Но, бывало, получали такой отпор, что уж и не лезли.

Впрочем, ни Джо-младший, ни Джек обычно не сталкивались с такими проблемами.

* * *

Порой Медовый Фитц брал их на матч Red Sox — знаменитого бостонского бейсбольного клуба «Красные чулки». Или вез в парк — кормить лебедей.

Как-то он взял Джека и на работу — на встречи с избирателями, где говорил огненные речи и, пританцовывая под оркестр, шагал во главе сторонников (как-то во время речи соперника по сигналу деда музыканты грянули марш, заглушив все слова).

Так вот, ярчайшее воспоминание Джека — объезд избирательных округов в 1922 году. Медовый Фитц баллотировался в губернаторы и буйно вел кампанию, колеся по

штату. Случалось, пятилетний малыш был первым слушателем его выступлений. Не понимая ни слова, он, возможно, уже тогда уловил интонации, жесты и дух публичной политической речи, мастером которой стал впоследствии. Бравурная музыка, приветственные крики, транспаранты и флаги стали в его детском сознании первыми и, возможно, главными впечатлениями.

2

Мама Роуз считала, что дети должны знать историю и расти патриотами. И потому возила мальчиков и в Плимут-Рок и на Банкер-Хилл[7] — осваивать систему ценностей тех, на кого ровнялась семья, — янки. И не только как на элиту, но и основателей страны, давшей приют предкам Фицджеральдов и Кеннеди. Быть как янки в мире янки, быть своими среди янки, оставаясь ирландцами, — таков был один из стратегических ориентиров, заданных Джо-старшим.

Ни Фитца, ни Патрика эта среда не приняла. Сам Джо нагло ворвался в нее с решимостью торпеды. И детям надлежало наступать. Только наступать. Продолжить дела дедов, к которым относились с трепетом. По воскресеньям они, празднично одетые, навещали дедушку Патрика. «Шуметь при нем мы не смели. Боялись даже перемигнуться», — вспоминал Джон.

Но вскоре Джо перевез семью ближе к Нью-Йорку — мировой столице биржевого торга, в Ривердейл — аристократический пригород на берегу Гудзона. А затем — в Бронксвилл, где их соседками были старушки — вдовы генералов Гражданской войны Улисса Гранта и Роберта Ли[8].

Отец устроил в доме кинозал, а лужайки приспособил для бейсбола и футбола. Он считал, что спорт воспитывает волю и командный дух. Побуждает планировать и строить тактику. Учит побеждать. Умение держать удар, давать сдачи и побеждать Джо считал главным для детей.

Школа тоже считалась важным делом. И Джек старался. Был вежлив и усидчив. Мать, следя за его успехами, часто общалась с учителями. А отец нередко звал педагогов посмотреть новый фильм в своем домашнем кинозале.

Его операции оставались рискованными, но он процветал. Помня о своей трудной юности, он обеспечил малышам уютное детство. Они не знали забот и трудов, кроме школы и спорта. Даже девочки любили соревнования. Кроме разве что Розмари, которая росла задумчивой и молчаливой. Зато резвушку Кэтлин

прозвали Кик[9]. Упорством она не уступала братьям.

3

А те старались во всем соответствовать ожиданиям отца.

В пятом классе Джек впервые показал талант дипломата и политика. Он направил отцу записку под названием «Прошение о повышении». В этом своеобразном сочетании политической петиции и дипломатической ноты говорилось: «Я получаю 40 центов на расходы. И раньше враз истратил бы 20 центов, оставшись ни с чем… Но теперь я скаут, и мне нужны фляги, рюкзаки, одеяла, фонарики и все такое. Эти вещи прослужат годы, не то что шоколадное мороженое… Итак, прошу повысить мой бюджет на 30 центов. Они нужны для покупок покупки. И вообще…».

А в тринадцать лет Джон уже учился в католической Школе Кентербери в Коннектикуте. Первую разлуку с домом он пережил непросто, но уже вскоре освоился в новой жизни. «Похоже, я вернусь довольно благочистивым», — писал он матери. Но исправно посещая часовню, он не забывал о спорте: «Сегодня у нас была тренировка по футболу»… А отцу писал: «Проходим «Айвенго». Я помню все эпизоды книги — за контрольную по ней я получил 89 (по пятибалльной шкале — пять с минусом), но не помню, где мои перчатки, билеты в кино, спортивная форма…».

Он преуспевал в спорте. Бейсбол, баскетбол, легкая атлетика… 50 ярдов[10] проплывал за тридцать секунд. Придет день, и это спасет ему жизнь.

Но пока жизнь была легка. Для Джека. Но не для страны. Шел 1930 год, в штатах свирепствовала депрессия, а Джон писал отцу: «Я только что узнал про крах рынка. А еще мне нужны бейсбольные мячи…».

Учился он шаляй-валяй. Хоть и преуспевал в спорте, истории и литературе. А вот латынь, изучению которой в католических школах уделяют особое внимание, ему не давалась. Ну что ты будешь делать! Получить по ней выше 55 баллов (три с минусом) было выше его сил. Он бился над древнеримскими пословицами и неправильными глаголами, но толку было мало. Впрочем, год завершил приступ аппендицита, и Джек так и не доказал, что может с ними справиться.

Поправившись, он поступил в «Чоат Розмари Холл» — частную школу с суровым конкурсом (там и теперь готовят в элитные университеты). За несколько лет до того здесь учились его будущие партнеры в политике Эдлай Стивенсон и Честер

Боулс. А также брат — Джо-младший.

4

Отец понимал: ребята должны уметь ориентироваться в пространстве куда более широком и жестком, чем среда католических школ. В Чоате его сыновья состязались с детьми видных янки. Впрочем, в школе царила веротерпимость и Джон спокойно ощущал себя католиком.

«Я причастился, — писал он маме. — Молитвенник получил. И еще… Пришлите, пожалуйста, кашемировый шарф, а то здесь жуткий холод». А также «пуловеры, галстуки, грампластинки и шоколадный пирог со взбитыми сливками».

Жил он в кирпичном доме викторианского стиля близ квартиры коменданта, и по воскресеньям его обоняние тешил чудный запах вафель, что пекла комендантша. А кроме того, комендант был тренером футбольной команды и утверждал в ней дисциплину, гоняя мальчишек веслом. Спустя годы Кеннеди посетит Чоат, чтобы принять титул Выпускник года, и, приветствуя своего бывшего наставника, напомнит: «Вы ведь так ни разу не догнали меня, верно?»

В элитных школах Новой Англии ценят быстрых и ловких парней. Джон враз завоевал популярность, хотя, как и прежде, не блистал оценками. Но английский и история были в порядке. И хотя на учительском жаргоне его звали «джентльмен Си» — середнячок, его вежливость и покладистость вызывали симпатию. Шестьдесят четвертый по успеваемости из ста двенадцати — таков был его ранг среди выпускников. Но товарищи верили в него и подтвердили это, присудив титул «готового к успеху».

Но отца не устраивала готовность. Он хотел успеха. Очевидного и несомненного. О чем и говорил, когда во время каникул Джек приезжал в новый дом Кеннеди в городке Хианнис-Порт на мысе Кейп-Код. Они оба любили этот дом, с окнами на долгий пляж. Здесь во время теннисных матчей и мужских бесед они обсуждали его будущее.

И Джек от души старался оправдать надежды отца. Всякий раз после их бесед он зарекался исправиться, а неудачи затенял в письмах новостями о победах в спорте. И тут же добавлял: «Я себя не оправдываю. Но, взявшись за ум, я поначалу стараюсь и получаю хорошие оценки, а потом все равно сползаю ниже». В выпускном классе он пишет: «Я решил прекратить валять дурака. Это очень важно — хорошо поработать в этом году, если я хочу поехать в Англию. Я обдумал свое поведение и осознал, что

обманывал только себя, делая вид, что усердно учусь».

Отец отвечал: «…Я рад твоей прямоте… Обычно ее недостает. Не хочу, чтоб ты заподозрил меня в придирках, придираться — худшее, что могут родители. Но я давно изучаю людей и знаю: ты талантлив, перед тобой большой путь. Неужто ты не используешь дарованное тебе Богом? Я не был бы тебе другом, если б не побуждал извлечь из твоего дара всю возможную пользу. Человеку, упустившему в юности главное, очень трудно обрести это вновь. Поэтому я всегда побуждаю тебя к высшим достижениям. Я не жду слишком многого. И не буду разочарован, узнав, что ты не гений. Но, полагаю, ты можешь стать достойным гражданином…»

Отец знал, кому он писал. И был уверен: амбиции Джека огромны. Не зря же он назвал свою первую яхту «Виктура».

— Что это значит? — спрашивали его.

— Это про победу… — отвечал он, озаряясь улыбкой.

5

Джек с детства был прагматиком. Материальные стимулы действовали на него куда лучше поучений. Яхта, лошадь, поездка в Англию — вот что побуждало его к достижениям. Как-то он сильно похудел, а отец сказал: за каждый набранный фунт плачу по доллару. И все наладилось.

У школьника Джона был банковский счет, а также карманные деньги. Он вел им конечно же строгий учет, хотя одевался как денди. И все же учет ему не помогал. Он деньги за несколько дней прожигал. Хотя и не пил еще бренди… И скажем по совести: да, потому поддержка была очень к месту ему. И вес он набрал очень быстро.

Джек чувствовал: при всей комфортности его жизни, благополучие не гарантировано. Конкуренция никогда не была для него абстракцией. Рядом всегда был соперник — брат-первенец.

Если их каникулы приходились на отъезды отца, Джо всегда норовил командовать. Он был крупнее, сильнее и любил драться. За свою помощь он требовал от младших подчинения. И годы спустя, когда Джека спрашивали, что его больше всего напрягало в детстве, он говорил: «Джо. Потом это сгладилось, но когда я был мальчишкой, он меня реально доставал».

Но Джек не сдавался и всегда давал сдачи. Порой состязания и столкновения между старшими братьями бывали жестоки. Годы спустя младший брат Бобби рассказывал, как он и сестры в ужасе

дрожали наверху, пока на первом этаже братья увлеченно тузили друг друга.

Отца устраивало их соперничество. Пока было под контролем. Он считал, что так парни лучше подготовятся к встрече с взрослой жизнью. А пока, рассчитывал он, успешность и властная повадка Джо-младшего будут для Джека стимулами к лучшей учебе.

Кроме того, их соперничество вовсе не всегда было «силовым». Отец побуждал детей к спорам и сам в них участвовал. Причем как равный. При этом, превосходя их опытом и знаниями, он не навязывал свое мнение, а внимательно слушал. Прежде чем опровергнуть чье-либо слишком необоснованное суждение остроумным замечанием. Если речь заходила об экономике или внутренней политике, он твердо отстаивал политику Рузвельта и ценности Новой сделки: ограничения рыночного произвола, помощь бедным, сильную систему соцобеспечения.

В книге «Я за Рузвельта» Джо писал: «Я не скрываю политических амбиций. Они касаются и моих детей… Как отец, я отвечаю за будущее семьи. А как гражданин, рад, что близкие мне принципы и философия не тонут в тумане дешевых эмоций».

Но его второго сына Джека мало занимали Рузвельт и его политика. Его влекла история…

6

Он зачитывался историческими романами и биографиями царей, полководцев, духовных лидеров и ученых, ну а современную, так называемую «реальную» политику считал скучной. Пока. Любовь к такому чтению он сохранил на всю жизнь. «Джек считал, что историю творят герои… — говорила позже его жена Жаклин. — Он видел в ней мир, где живут идеалы».

Но и реальность брала свое: «Он целовался с Бетти Янг!» — писала отцу сестрица Джин, советуя отшлепать ловеласа-лоботряса. Но Джо избегал наказаний. Он не хотел рождать в детях неврозы и ранить тонкую душу Джека — имел на парня серьезные виды.

Рассчитывал на него.

Меж тем Джек окончил школу. Высокий, стройный, с гривой рыжих волос, он нравился девушкам, а среди ребят слыл парнем что надо. И при этом видел в Джо недостижимый идеал! Джо был рожден побеждать — умный, полный шарма, опыта и знаний,

открывших ему двери Гарварда.

Именно Гарвард отец считал университетом, достойным его сыновей. Но Джек внезапно показал характер: решил поступать в Принстон. Может, потому, что хотел выйти из тени Джо?

Отец не возражал. В его шкале мужских достоинств умение делать собственный выбор стояло на высоком месте. Но приняв решение Джека, он предложил ему, пока суть да дело, поучиться в Лондонской школе экономики у профессора Харольда Ласки — экономиста и социалиста. Джо уже учился у него и нравился ученому. Ласки писал: «Он хочет стать президентом».

Джо-старший был рад. Это стремление старшего сына совпадало с его планами. Больше того — и с планами насчет остальных детей. Стратегия состояла в том, чтобы продвинуть их в высшие сферы власти и бизнеса. Джо хотел покорить Америку. Знал: это возможно. Перед ним был пример. Он сам.

Разве не осуществил он великую американскую мечту? Разве не испытал ее реальность на личном опыте? А если он смог, то почему не смогут дети?

Кем он видел старшего сына? Очевидно — президентом.

А кем — Джека? Государственным секретарем или министром обороны.

Следующего сына Бобби? Министром юстиции или финансов.

Девочки станут женами видных предпринимателей, военных и гражданских чиновников и деятелей искусств. А если появятся новые мальчики, то и им найдется место в его планах: конгрессмены, ученые, общественные деятели… Для Кеннеди нет преград. Они должны править Америкой. Или, по меньшей мере, принимать в этом участие.

Причем еще при его жизни! Слышите? Чтобы он успел увидеть плоды своих трудов.

Жаль, профессор Ласки не успел сообщить об амбициях Джека. Едва они познакомились, как тот подцепил желтуху и отплыл домой. Там он выздоровел и отправился было в Принстон. Но рецидив болезни вновь сбил его с ног — пришлось взять отпуск. Удобство домашней жизни и здравый смысл взяли верх над своенравием. Джек решил идти в Гарвард.

— Ну что ж, — сказал отец, — молодец. Мы всегда принимаем те решения, которые отвечают ситуации. Надо бить по воротам — бьем. Надо уходить в оборону — защищаемся. Надо ставить паруса — ловим ветер, а пора возвращаться домой — берем курс на гавань. Но при этом мы — всегда первые. Таковы Кеннеди.

Глава третья. Таковы Кеннеди

1

«Не хотите играть — держитесь подальше от футбольного поля. А если начали — играйте. А то вас перестанут замечать и отправят есть на кухню… Но на площадке не больно-то выпендривайтесь. Даже если в школе играли в защите… Если в игре кто-то из Кеннеди ошибется, сохраняйте спокойствие. Но — не чрезмерное! Носитесь как угорелый и орите как оглашенный; но не делайте вид, что вам слишком «вштырило»: Кеннеди могут решить, что вы играете не всерьез.

Не шутите над соперниками. Среди них могут быть Кеннеди. А они этого не выносят.

Добиться у них благосклонности можно, только если вы крепкий орешек. А показать, что вы именно крепкий орешек, реально, только если все время падать носом в грязь. Не худо бывает и в дом врезаться иной раз, давая пас. Хохочите, вывихнув лодыжку и порвав лучшие штаны. Они это любят. Думают: футбол для вас такая же важная штука, как и для них.

Но… не играйте слишком хорошо. Пусть Джек забьет больше. Здесь он — номер один».

Это «Правила для гостей Кеннеди» — текст-шутка, написанный кем-то из подружек Джека. Но известно: в каждой шутке есть доля шутки, и девушка явно вложила в эти слова часть своего опыта, который, возможно, был непростым. Не зря же и мама Роуз говаривала: «Кеннеди — это национальность со своим языком и традициями. Они зовут гостей, но сохраняют дистанцию».

Клан жил по законам Джо-старшего, основанным на его знании жизни и планах. Власть отца была полной, а авторитет — безграничным. Это он решал, каким быть семейному обиходу. Он решал, чего избегать, а к чему стремиться детям. И какой дорогой идти к цели. При этом знал: рядом есть друг, соратник и единомышленник, который всегда поддержит. Такова была Роуз — верная жена и любящая мать, примерная прихожанка, надежно стоявшая на страже домашнего обычая.

Она никогда не спорила, не повышала голос, не сомневалась в его правоте. Наставляла детей так, как он указывал и считал нужным. И чем богаче становился их дом, тем лучший царил в нем порядок. А затем — и в других резиденциях клана. И хотя в детские годы старших сыновей, да и после, Джо там видели

нечасто, он внимательно следил за их воспитанием.

В каждом из них он угадывал человека, которому вскоре доверит не только свой капитал, но и свои цели. Понимал: наследуют не деньги, не деловые связи, не дома, не предприятия. Наследуют цели и идеи. И наследники его целей и идей должны быть их достойны.

Достаток достался им с рождения, но распорядится им надо уметь. И уже в 30-х годах это едва ли было возможно без отличного образования. Как и завоевание подобающего места в обществе. И главное — осуществления его плана покорения Америки. А значит, и мира.

Он был матерым дельцом и любящим отцом. И в детях, которых безмерно любил и уважал, он видел объекты очень рентабельных и долгосрочных капиталовложений. И понимал, что смысл слова капитал (как он отлично знал) куда шире любых финансовых достижений.

2

Твое место и твоя доля на рынке денег и власти всегда под угрозой. И борьба за них постоянна и беспощадна. И в ней надо победить. Иначе — все усилия и ресурсы потрачены зря! Джо-старший усвоил это давно. И даже поражения ставил себе на пользу, извлекая из них уроки.

Затем-то и сделал нормой в семье конкуренцию: спорт и спор, «силовой» футбол и состязания интеллектов. Темы могли быть разными, но всегда — ясно заданными: на растекания мыслью по древу нет времени. Время — деньги. Надо уметь быстро думать и точно говорить, а также бегать, плавать, ходить под парусом, рулить велосипедом и автомобилем… Да, конечно, и гольф — спорт, но развивает другое: стиль, внимание, терпение, трезвый и холодный расчет.

Вот они на фото — Джо и сыновья. В отличных пиджаках, клубных галстуках и крепчайших башмаках. И не простых — а белых с темными носами. Видно, что следят за обувью и волосами. И, скорее всего, не сами. А прически-то какие — укладки аккуратнейшие, проборы — как струна. У всех на лицах улыбки, у каждого прямая спина. Сияющие образцы благополучия, собрались на лужайке для фотографического случая…

Будто и не бились сегодня в теннис, будто и не спорили до хрипа, кто одолел Помпея — Август или Агриппа…

Так он и готовил их к жизни вне семьи. Учил: «Победитель —

только один, второй — уже проиграл». И хотя главным объектом его внимания и инвестиций был Джо, это касалось всех.

В семье им бояться нечего. Но за ее пределами они должны быть готовы к бою. Там самое страшное — дать слабину, поставить под удар проект отца. Ошибки — поправимы, поражения — наука, за одного битого — двух небитых дают, но трусость и слабость непростительны и недопустимы. Отец не всегда будет рядом…

Так и выходило. Как-то Джо-старший больше месяца провел, не выходя из апартаментов в отеле «Уолдорф Астория» — вертел бумагами на бирже. И вдруг понял: его дочке Пат завтра исполнится месяц. А он ее еще не видел. Он немедля сдал дела помощникам и помчался домой.

Они — Роуз и Джо — никогда не ссорились. Как-то много лет спустя дочка Джека малютка Кэролайн спросила бабушку: «А вы с дедушкой когда-нибудь ссорились?»

— Нет, мой медок, — ответила та.

— А как же вы улаживали разногласия?

— Просто я всегда говорила: «Да, дорогой». И ехала в Париж.

— А потом?

— А потом возвращалась.

Джо ценил в людях решительность. Ценил ее и в жене, и в детях. Но прежде чем действовать, каждый из детей должен был спросить себя: что об этом скажет отец?

Другим важнейшим принципом было единство.

«Кеннеди — самая сплоченная семья из всех, что я видел», — вспоминал один из друзей. Этот единый семейный фронт, этот дом-крепость, готовый ко всем вызовам мира, построил Джо-старший. Отчасти отразив обычаи бостонских демократов — однопартийцев своего отца: они могли в кровь биться в своих округах, но когда наступали «слоны»-республиканцы — все как один нерушимой стеной становились под «знамя осла»[11].

Эта лояльность Кеннеди друг другу перед лицом любых угроз была с Джоном всю жизнь.

3

Если Джо-старший был отцом, учителем, лучшим другом, вдохновителем побед и стратегом, то Роуз — виртуозным тактиком и мастером оперативного искусства. Истинно светская дама, образец элегантности, женственности, красоты и прекрасной формы, она несла на хрупких плечах все тяготы и заботы по дому: кухня, уборка, покупки; своевременная молитва и

исповедь; прививки, болезни и травмы; отметки, экзамены и семейные торжества — все было на ней.

* * *

Окончив Чоат и пройдя годичную стажировку у профессора Ласки, Джо-младший поступил в Гарвард-колледж, где отлично учился, играл в футбол и заседал в студенческом совете. Он с блеском окончил колледж и завел роман с моделью Аталией Феттер. Впрочем, любовные утехи не помешали ему поступить в Гарвардскую юридическую школу и включиться в политику. В 1940-м он вошел в делегацию штата на конвенте Демократической партии, на котором Франклин Рузвельт вновь был триумфально выдвинут кандидатом в президенты. Впрочем, Джо не внес вклад в это выдвижение, а стал одним из немногих, кто голосовал против.

Так он вышел на политический старт. И тут отец поддержал его. Пусть выбор сына казался ему романтической причудой. Но он прекрасно помнил, как в 20-х он, следуя своим убеждениям, поддержал обреченную «Партию прогресса», а потом встал на верный путь. Но и на этом пути не всегда и не во всем соглашался с признанными лидерами. И Джо вырулит на верный курс. И пойдет верным путем. Но — не сложилось. Помешала война.

Помешала она и Джону. И почти всем в тогдашнем мире. Включая его сестер и братьев: Розмари, Кэтлин, Патрисии, Роберту — всем.

Роз росла тихоней. Избегала беготни и соревнований, любила пинг-понг и лошадей. Книгой, выше которой она, похоже, так и не поднялась, был «Винни-Пух».

Когда девочке сравнялось пятнадцать, ее отправили в монастырь Святого Сердца, где наставница мисс Ньютон занималась с ней индивидуально. Дело в том, что тест ее интеллекта дал очень скромный результат. Но Роз освоила чтение, письмо и счет на уровне четвертого класса. Это печалило ее родителей, но они оценили упорство учителей, подарив школе теннисный корт.

Ценили они и усердие и обаяние дочери, которые помогали ей достойно держаться на балах в Белом доме и Букингемском дворце. Когда ее представили королю Георгу VI и королеве Елизавете, придворные были очарованы ее улыбкой и изяществом.

Роз была красива и воспитанна. Ее отличали доброта и тонкий вкус.

В мир иной она ушла из интерната для людей с отклонениями в развитии, на территории которого Джо построил для дочери отдельный дом. Но до того успела увлечься педагогической системой Марии Монтессори и стала осваивать ее методику в английском монастырском колледже. Впрочем — без особого успеха. Не позволял уровень ее развития. Он же помешал ее замужеству. Танцуя с ней молодые люди таяли от восхищения, но беседовать с ней, больше пяти минут, к сожалению, не могли. Родители решились на лоботомию. Но и это не дало результатов. Она на всю жизнь осталась ребенком…

4

Совсем другой росла сестрица Кэтлин по прозвищу Пинок[12], которая родилась 20 февраля 1920 года. С ранних лет она резвилась с братьями, порой не уступая им ни в теннисе, ни в беге.

Но в соответствии с правилами, принятыми в набожных католических семьях, после школы она отправилась получать образование в церковных колледжах для девочек — сперва в монастыре Святого Сердца в Гринвиче, а после во Франции — в монастыре Святого Младенца в Нейи.

Вскоре Джо-старший стал послом в Лондоне, и Кэтлин отплыла в Великобританию, где полтора года училась в Королевском Дворце Ученых Оксфорда — знаменитом Куинз Колледже, основанном в 1341 году духовным отцом королевы Филиппы Робертом де Эглсфилдом.

12 мая 1938 года она дебютировала в лондонском свете. Да сразу — в Букингемском дворце. И была почти единодушно признана «самой восхитительной дебютанткой года».

После вступления Британии в мировую войну она вернулась в США, где после кратковременной учебы посвятила себя писанию театральных и кинообозрений. «А вы это правда видели?..» — так называлась колонка Кэтлин, которую ей доверили вести в газете Times-Herald.

Говорят, что энергичную и живую девушку наверняка ждал немалый успех в журналистике. Но патриотический порыв побудил ее отказаться от этого ремесла. Она вступила в Американский красный крест и отправилась под бомбы — в осажденную нацистами Британию, на поле боя, где уже сражался ее старший брат.

Такая милая в форме Красного креста, она пользовалась в Лондоне еще большим успехом, чем прежде. Вскоре в нее

влюбился старший сын и наследник 10-го герцога Девонширского Уильям Кавендиш маркиз Хартингтонский. Красавица миллионерша и блестящий аристократ решили пожениться. И, нарушив волю мамы Роуз, не одобрившей брака дочери с англиканином, расписались в лондонском Челси 6 мая 1944 года. В церемонии участвовал боевой пилот, лейтенант Джо-младший. Единственный из Кеннеди.

А вскоре майор Колдстримских гвардейцев маркиз Уильям ушел на фронт. Сражаясь с нацистами во Франции и Бельгии, он одним из первых ворвался в Брюссель. Люди встречали его и его солдат вином и слезами. Вскоре в бою с фанатиками из СС он пал, штурмуя город Хоппен.

Его оплакала вдова — маркиза Кэтлин Кавендиш, урожденная Кеннеди. Но срок траура прошел, горе утихло, и через положенный срок Кик вновь вышла в свет. В лондонском высшем обществе ее ждал успех. И вскоре она приняла предложение Питера Уинтворта, восьмого графа Фитцвильямского. Он был женат, но ждал развода. А пока пара отправилась к Джо-старшему, чтобы просить благословения на брак. Их самолет взлетел 13 мая 1948 года. Его обломки нашли во Франции — под Сен-Базелем. Причина катастрофы осталась неизвестной.

Кэтлин похоронили в фамильном склепе Кавендишей в храме Святого Петра города Эденсор в графстве Девоншир. Роуз на церемонии не было.

5

К моменту первого замужества Кэтлин третьей сестрице Юнис как раз подоспело двадцать два. Она получила степень по социологии в Стэнфорде и с 1943 года работала во внешнеполитическом ведомстве США — государственном департаменте, в Специальном подразделении военных проблем. Потом в Министерстве юстиции занималась детской и подростковой преступностью, а также другими отклонениями в социальном поведении. Там она пришла к выводу, что многие социальные проблемы связаны с неврозами и другими психическими заболеваниями. И решила посвятить себя исцелению социальных недугов. Эта деятельность оказалась весьма полезна ее брату Джеку: во время избирательных кампаний Юнис была его экспертом по преступности.

Ее муж Роберт Сэрджант Шрайвер также стал соратником Джека по Демократической партии, а впоследствии послом в

Париже. Пресса назвала их свадьбу «одной из самых важных и красивых в истории Америки». Невеста в роскошном платье от Диора казалась ангелом, а свадебный торт был так высок, что отрезать первый кусочек для мужа Юнис смогла, лишь встав на стул. Среди 1700 гостей были лучшие семьи США. Благословение прислал сам папа римский. А кардинал Спеллман обвенчал их в соборе Святого Патрика.

Несколько лет они прожили в Нью-Йорке, Вашингтоне и Чикаго, а затем открыли в Мэриленде лагерь для людей с нарушениями психики под названием «Шрайвер». Он стал лабораторией для изучения способностей душевнобольных к спорту. Их итогом стало проведение в июле 1968 года международных спортивных игр в Чикаго. Вскоре Юнис учредила организацию «Специальная Олимпиада». А спустя двадцать лет на XV Зимней Олимпиаде в Калгари президент МОК Хуан Антонио Самаранч вручил ей разрешение использовать в названии этих игр слово «олимпийский». В 1990 году Спортивная Академия США удостоила Юнис Премии Орла. Специальные Олимпийские игры людей с отклонениями в психике проходят и теперь.

6

А четвертую дочку, Патрисию, заарканила «фабрика грез». Что стоило ей впоследствии немало горьких слез. Кино — великая сила. С детства она слышала рассказы отца об этом сладостном мире, где блистали ее кумиры… И рискнула — рванула в Лос-Анджелес.

Нельзя сказать, что Джо-старший одобрил это решение. Но и не мешал. Ее порыв укладывался в рамки его плана. Он полагал, что Голливуд станет для дочери той школой, после которой для нее останется мало невозможного. «У нее мозги дельца, — говорил он о Пат. — Если возьмется всерьез, то глядишь, и будет рулить Голливудом». А если — споткнется? Поддержим. Сорвется? Вытащим. Кеннеди своих не бросают.

Но поначалу успех девушке не сопутствовал. Получив должность помощника продюсера патриотических и религиозных программ на радио, Патрисия стала налаживать связи в кино и погрузилась в артистическую жизнь Лос-Анджелеса. Там она встретила своего будущего мужа актера Питера Лоуфорда. Тогда он был не то чтобы знаменит, но довольно хорошо известен. Играл заметные роли в нескольких фильмах, например — «Белые скалы Дувра» и «Мой брат толкует с лошадьми». А в 1947-м снялся с Фрэнком Синатрой в мюзикле «Случай в Бруклине» и

сдружился с ним. Эта дружба помогла ему войти в звездный круг, стать участником знаменитого шоу-квартета Синатры «Рэт-пэк», сделать неплохие деньги.

Патрисия и Питер стали мужем и женой в апреле 1954-го.

Они поселились в Санта-Монике, сдружились с Джуди Гарланд, стали завсегдатаями голливудских вечеринок. Мир гламура стал для них испытанием. Патрисию смущали богемные нравы, которые казались ей — воспитанной в строгих нормах католицизма — слишком вольными. Питера же раздражала ее, как он выражался, «зажатость». Впрочем, это не помешало им впоследствии познакомить Джека с Мэрилин Монро и благодушно следить за их романом, который разворачивался порой прямо на их вилле — буквально в соседней спальне.

Так или иначе, но пришел день, когда Пат устала мириться с амурными похождениями и пьянками мужа, которыми сопровождались его бесконечные съемки и гастроли. Но на беду за время жизни с Питом Патрисия и сама пристрастилась к спиртному. Это не помогло семейной жизни. С другой стороны, идти на разрыв не хотелось — у них были дети. Кристофер родился в 1955-м, а дочь Сидни Малэйа — в 1956-м. Решение далось нелегко. Но в 1966-м они разошлись.

После все было непросто. Пат упорно боролась с раком и алкоголизмом. Была волонтером и много сделала для «Национального центра борьбы с зависимостями». После смерти Джека помогла обустроить «Библиотеку и музей Джона Ф. Кеннеди» в Бостоне. Родила еще двух детей, Викторию и Робина, и дала им фамилию Лоуфорд. Объехала весь мир. Выпускала свои травелоги. Оправдала ли Пат надежды отца? В целом, видимо, — нет. А в чем-то — да. Во всяком случае, как и планировалось, стала женой видного актера и шоумена. Другое дело, какую роль сыграла дружба с ним ее братьев Джека и Бобби. Но рассказать об этом мы еще успеем.

7

А сейчас — о Бобби! О-о-о… Седьмой ребенок и третий сын также имел отведенное ему место в планах отца. Как мы помним, Джо-младшему надлежало занять Белый дом, Джеку — руководить внешней политикой, ну а Роберту Френсису Кеннеди предстояло стать генеральным прокурором, иными словами — министром юстиции. Или — финансов. На худой конец — сделать большую карьеру в политической машине демократов.

Как и почти все дети, Бобби пошел в школу в Ривердейле. А в

1938-м — в Гиббс, лондонскую частную школу для мальчиков. Потом учился в разных местах, служил во флоте, поступил (как и все Кеннеди мужского пола) в Гарвард, окончил со степенью по государственному управлению и на пароходе «Королева Мэри» отплыл в Европу и на Ближний Восток, откуда писал статьи в Boston Post. Окончил Школу права Виргинского Университета. В 1950-м обвенчался с красавицей Этель Скейкл. В 1951-м поступил в Министерство юстиции, а после — в Сенат, где работал в Постоянном комитете по расследованиям под началом известного реакционера Джо Маккарти, что выискивал «комми», прижимал либералов и боролся с коррупцией.

Но главным делом его жизни стала помощь Джеку.

Он, как и брат, полностью выполнит план отца. Станет министром юстиции и крупным политическим деятелем. И, как и брат, погибнет от пули террориста.

8

С террористами столкнет судьба и Джин Энн — пятую дочь в семье Кеннеди. Правда эта встреча закончится к общей пользе.

Джин явилась в этот мир 20 марта 1928 года — в тот же день, что и Кэтлин по кличке Пинок. Роуз как могла оберегала ее от невзгод: «Она родилась так поздно, что может черпать радость лишь в трагедиях — не в триумфах», — однажды сказала она. И, как выяснилось, была не права. Девочку ждало будущее, которое можно назвать блестящим.

Впрочем, старт был вполне обычным. Как и Кэтлин, она посещала Манхэттенвилльский колледж. А 19 мая 1956 года обвенчалась со Стивеном Смитом — сотрудником инвестиционной компании «Парк Эйдженси» и управлявшим капиталом клана. Вскоре он стал видным финансовым аналитиком и политическим стратегом, трудясь на президентской кампании Джона.

Не миновала политика и Джин. Ее первой кампанией стали выборы в Конгресс 1947 года — боевое крещение брата. Помогала она Джеку и на выборах в Сенат. Сыграла заметную роль и в кампании 1960 года. И вместе со всей семьей торжествовала, когда брат принял присягу президента Соединенных Штатов.

Как и Кэтлин, Джин стремилась дать шанс на успех инвалидам. Для них она создала организацию «Очень особенные искусства», где те, кого ныне в Америке называют «не полностью здоровыми» учились творчеству. Так или иначе, но она помогла пяти миллионам человек из США и шестидесяти стран мира, о

чем рассказала в книге «Хроники Отваги: Очень Особенные Искусства»[13].

В жизни она знала и горести, и радости. И последних было явно больше. Президент Билл Клинтон предложил ей пост посла в Дублине. Здесь — на прародине, в Ирландии, — ей и довелось воочию столкнуться с терроризмом. Пять лет Джин трудилась ради прекращения огня в Ольстере между боевиками подпольной Ирландской республиканской армии (ИРА) и британскими силами.

Проповедуя толерантность и примирение между католиками и протестантами, она — убежденная католичка — решилась принять причастие из рук англиканского священника. Она добилась для лидера легального крыла ИРА — партии Шинн Фейн — Джерри Адамса визы на въезд в США. Виза была действительна лишь 48 часов. Но этот символический жест стал знаком: США выступают за мир и поддержат урегулирование, а насилие не поможет объединению Ирландии.

В 1998 году Джин сложила полномочия посла. Но была удостоена почетного гражданства Ирландии, а влиятельный журнал Irish America Magazine присудил ей звание Американской ирландки года. Ее миротворческая деятельность получила высокую оценку и признание «Общества Эри», вручившего ей Золотую Медаль. Высшей среди многих наград, полученных Джин Энн Кеннеди, стала Президентская Медаль Свободы. Отец мог бы гордиться ею.

9

Мог бы он гордиться и сыном Тэдди. Хоть и не всегда. Младший из всех детей, Джо увидел свет 22 февраля 1932 года. Джек, его крестный отец, предложил назвать мальчика Джордж Вашингтон Кеннеди, но нарекли его Эдвардом. Первое причастие он получил от папы Пия XII.

В детстве он тяжело пережил лоботомию Розмари и гибель брата и сестры. Раз, обидевшись на отца, собрался, было, бежать из дома, но был перехвачен Джеком. Как и все Кеннеди, отличный спортсмен, учился Тэдди очень средне. Настолько, что какое-то время отец даже не мог найти ему место в своем плане. Парень списывал контрольные и даже уговорил одного студента сдать вместо себя экзамен. Их разоблачили, а Тэдди исключили. Впрочем, восстановиться все же разрешили: отец и все братья, выпускники Гарварда жертвовали университету немалые деньги.

Как и все мальчики Кеннеди, в 1951-м Тэдди пошел в армию,

служил в Европе, недалеко от Парижа, нередко отлучаясь, чтобы вкусить легких удовольствий послевоенной французской жизни, открывавшей немалые возможности красавчику солдату с долларами в кармане.

После службы он вернулся в Гарвард. И в 1955 году отличился в ежегодном футбольном матче Гарвард — Йель, обеспечив своим единственный тачдаун-пас. Впрочем, Гарвард все равно продул. Потом была Школа права Виргинского Университета. Где он и встретил Джоан Беннетт — красавицу и победительницу конкурсов красоты. 29 ноября 1958 года все тот же кардинал Спеллман венчал их в храме святого Иосифа в Бронксвилле. Вскоре у Джо появились новые внуки. Дедушка очень полюбил Кару, Эдварда и Патрика. Правда, Тэдди снова огорчил его — их брак с Джоан распался. Но были и радости: Тэд вступил в коллегию юристов Массачусетса, а затем, победив на выборах, занял в Сенате место, освободившееся, когда Джек убыл из Капитолия на Пенсильвания-авеню[14]. Так место Тэдди в плане отца нашлось само собой.

Впрочем, прежде у Джо была возможность испытать младшего сына в ходе избирательных кампаний Джона. Тэд очень любил брата и, как все Кеннеди, помогал ему. В частности — отвечал за его президентскую кампанию в западных штатах. Во время праймериз[15] 1960 года он провел семь недель в Вайоминге и столько же в Висконсине. На съезде демократов, где Джека выдвинули в президенты, делегации этих штатов отдали ему большинство голосов. Эдвард тоже пытался баллотироваться в президенты, но был вынужден прервать кампанию. Он много лет прослужил в Сенате США, стяжав репутацию левого либерала и пацифиста.

Таковы вкратце судьбы братьев и сестер Кеннеди. На подробностях некоторых из них

10

Незадолго до Второй мировой каждый из детей получил от отца сумму, превышавшую миллион долларов. Их вложили в особый фонд. Улыбаясь, Джо говорил в интервью: «Я сделал это, чтобы каждый из них мог прямо глядя в глаза послать меня куда подальше».

Читатели умирали от зависти. Но немногие знали: Джо решил — пора поговорить с детьми о деньгах. Разделить с ними ответственность и за капитал клана. Джо не собирался покидать бизнес. Напротив, наступала пора мобилизации ресурсов для

исполнения его планов. Он предвидел, что уже скоро старшие дети покинут отчий дом. И он хотел, чтобы и впредь их связывали с ним не только родственные узы и крепкая любовь, но и финансовый интерес. Деньги, недвижимость, образование, уважение и положение в обществе — к 40-м годам клан располагал всеми ресурсами, необходимыми для реализации стратегии покорения Америки.

Необходимыми, но достаточными ли?

Их родословная фактически начиналась с первого Кеннеди, прибывшего в Америку. И хотя корни семьи тянулись глубоко в почву ирландских картофельных полей, это не интересовало решительно никого в том социальном слое, куда стремился ввести клан Джо-старший. Там имели вес семьи, которых в Штатах называли «старые деньги». А Кеннеди, при всем их богатстве, мощи и победоносности относились пока к «деньгам новым».

Джо-старший претендовал на основание династии. Но династия — это же прежде всего наследство и наследие — материальная и духовная связность поколений. Наследство — это, по сути, про вещи и деньги. Наследие — про ценности и цели. И только вместе они — про клан.

И потому он стремился, чтобы, входя в общество, где правят янки, его дети сберегли национальную, культурную и религиозную идентичность — остались католиками и ирландцами. В этом он видел то основание, на котором собирался строить величественный замок клана Кеннеди.

У него уже были стены и мосты — заработанные им деньги. Но нужна была главная башня и венчающий ее устремленный в небо шпиль. Венец.

Джозеф Патрик Кеннеди, миллионер, внук бондаря и сын кабатчика, первым из Кеннеди вплотную подошел к строительству клана новых аристократов. Отныне все боевые искусства, освоенные его детьми, — от умения ходить под парусом до управления миллионами долларов — должны были служить этой цели. Цели, поставленной основателем новой семьи господ, — Кеннеди-завоевателей и первооткрывателей.

* * *

Все его дочери и сыновья, и каждый из них в отдельности, были важны, ценны и любимы. Соревнуясь друг с другом, они вместе встречали вызовы и отвечали на них. Каждый доверял другому. И доверял абсолютно. Ни один Кеннеди не желал

проиграть игру с жизнью. Каждый боялся бросить тень на семью и разочаровать отца. Каждый в своей частной жизни делал все, чтобы одолеть — врага, болезнь, собственную слабость, лень и страх.

Каждый знал: без борьбы — нет победы.

Глава четвертая. Искатель приключений

1

Джек вырос бойцом. И на спортивной площадке, и в личной своей жизни, и в политике.

«Ему не стать крутым спортсменом, — говорили друзья, — но он всегда бьется, как тигр, — до конца. И потому побеждает».

Немногие девушки могли устоять перед его шармом и упорством. Упорство и жизнелюбие помогали ему одолевать и болезни. Болезнь Эдисона — тяжелый недуг иммунной системы, мешавший организму бороться с любой болезнью, — в пору его юности лечить еще не умели. Да и диагностировали только в 1947 году. Поэтому никто не мог понять, почему в двухлетнем возрасте он перенес скарлатину так тяжело, что потом три месяца «оживал» в детском санатории. Там, оказавшись вдали от родителей, Джек впервые показал свою тайную силу: ходившие за ним сестры едва отпустили малыша домой — до того он был очарователен. Но во время любой болезни ему доставалось куда сильнее, чем обычным людям. Так, во время простуд, которые укладывали другого в постель на три дня, он падал надолго с температурой 40 и четырежды стоял на грани смерти. Да и вообще, «было мало дней, когда он не мучился от хвори или боли», — рассказывает его школьный друг Лемуан Биллингс. В детстве был момент, когда врачи решили, что он болен лейкемией. К счастью, они ошиблись.

Джон ненавидел болезни. И одолевал их. В этом ему помогали терпение, стойкость, сила воли и чувство юмора. Одолел он и «подцепленный» в Англии гепатит, с которым в конце 30-х врачи едва справлялись. А одолев, поступил в Гарвард — вслед за братом сделал первый шаг на пути к намеченной отцом вершине. Джо-старший понимал: домашнего воспитания мало, чтобы подготовить детей к успешному осуществлению его плана. Для этого им нужно образование. И не просто хорошее, а отличное, выдающееся. А Гарвард, как и теперь, уверенно держал марку лучшего университета.

Но и тут, совсем как в школе, Джек по-прежнему увлекался не столько учебой, сколько спортом. И это вышло ему боком. Точнее — спиной. Играя в футбол, он получил серьезную травму, которая будет мучить его всю жизнь. Был он хорош и в гольфе, и в беге, и в плавании. Однажды, больной гриппом, он сбежал от врачей, чтоб участвовать в заплыве во время состязаний с вечным

соперником Гарварда — Йельским университетом.

Как и в школе, вечными спутницами Джона были «тройки» и «четверки». Он не изменил своим интересам — много читал, предпочитал другим предметам английский и историю. К ним, правда, добавились экономика и французский язык — он мечтал о дальних путешествиях и приключениях, а на каком языке станешь говорить с барышней, ну, скажем, в Париже? Или — Касабланке?

Мечта осуществилась: Франция, Италия, Испания — там он провел летние каникулы 1937 года. Время, надо признать, он выбрал не самое лучшее: Францию сотрясали политические страсти, в Италии свирепствовал Муссолини, а в Испании вообще шла гражданская война.

Но все это не мешало ему отлично проводить время.

Восхождение на Везувий… Рулетка в Монте-Карло… Коррида в Памплоне… Ну и, конечно, амурные похождения! Впрочем, все это не мешало молодому повесе внимательно наблюдать политическую жизнь Старого Света.

Этого ждал от него отец. И Джон не разочаровал его. В своих письмах он подробно делился впечатлениями от ситуации в европейских странах. Многое его удивляло. Так, «корпоративный фашистский режим, похоже, был по нраву итальянцам», хотя сам Джек считал дичью и истерические речи дуче, и вопли его чернорубашечников. С их горячечным энтузиазмом приятно контрастировал покой Ватикана, где его принял кардинал Пацелли, а затем и сам Папа.

В испанской гражданской войне пытливый студент увидел скрытый конфликт интересов Германии и Британии. Согласно его анализу, Франко играл за Берлин, а победа республиканцев, которая тогда еще казалась возможной, была на руку Лондону. Прежде он считал, что власти в Мадриде находятся под недопустимо сильным влиянием Советов, но, познакомившись с ситуацией лично, нашел немалое сходство между их программой и рузвельтовской Новой сделкой.

Эта поездка была полезна: увидев воочию политическую реальность, в которой можно применить университетские знания, Джек стал учиться лучше. В это время в центре его внимания — конфликт моделей демократии и авторитаризма; интересов государства с пониманием общественного блага; стремления к независимости с колониальной опекой. Джека беспокоит вопрос: как совместить демократический идеал свободы с мощью сильного государства?

Профессора, прежде видевшие в нем обычного среднего студента, теперь не скупились на похвалы. Разглядев в Джеке

немалые способности, они предрекали ему большое будущее.

2

Но не этого ждал Джо.

Он хотел слышать о сыне лишь одно слово: лучший.

Джо старался развивать это во всех детях: стремление к успеху, жажду достижения, победы. Жизнь — первенство, соревнование: это они должны были усвоить с ранних лет.

Джек, в отличие от Джо-младшего, отца не радовал.

Джо всегда был отличником, Джек — лишь к четвертому курсу стал «хорошистом»; Джо питал серьезный интерес к политике и общественной жизни, Джек был к ним равнодушен.

Гарвард того времени бурлил: сторонники равноправия полов и рас, пацифисты, изоляционисты, левые и правые, консерваторы и радикалы, реакционеры и либералы наполняли кампусы листовками, дискуссиями, манифестациями. Эта активность была своего рода отражением обострившихся и охвативших Соединенные Штаты дебатов между сторонниками либеральной политики президента Рузвельта и защитниками консервативных обычаев и норм жизни между новыми отраслевыми профсоюзами КПП[16] и крупными корпорациями, между сторонниками максимальной открытости страны и рыцарями «Крепости Америка».

В стране все ходит ходуном, а Джону и горя мало. Вместо того чтобы слушать Рузвельта, беседующего с нацией «у камина»[17], он шел на танцы, вместо Nation[18] — листал роман о лорде Мельбурне[19], вместо собраний «Молодых демократов»[20] сидел в Хэсти Пудинг[21]…

А что с него возьмешь? Богатый юноша из важной семьи. Да, изучать всю эту политику он, пожалуй, готов. И даже — успешно. Но участвовать?! Не-ет. Футбол и девушки куда веселей.

Джон уже тогда ощутил повышенный градус внимания со стороны женщин и пользовался этим. Девушки его баловали, сменяя друг дружку: на той неделе Джувел, на этой — Бетти, на будущей — Кенни… Иногда они перепутывались. «Эта сказала «нет»? Ерунда — другая скажет «да», — вспоминала годы спустя одна его тогдашняя симпатия. — Бывало, он просто не помнил, как зовут новенькую. Говорил: «Привет, детка» — и все. Он был невероятно обаятелен и привлекателен, но не настроен на долгие ухаживания и быстро переходил к делу. С Джеком были связи у нескольких моих подружек. Обычно они не принимали это уж слишком всерьез. И очень умно делали».

Отец, который и сам был весьма и весьма не промах по этой части, все же предпочел бы, если бы Джек больше увлекался политическим бизнесом. И говорил об этом сыну. И сын с ним соглашался. Но менять свои увлечения не спешил.

Тем более что у отца становилось все меньше времени, чтобы внимательно следить за его успехами и поведением: в 1937 году президент Рузвельт назначил Джозефа Кеннеди послом в Великобритании, и Джо-старший отбыл в Лондон. Это был важный дипломатический пост и высшая ступень его государственной карьеры — стратегический плацдарм, захваченный им в американском истеблишменте до прихода основных сил — его наследников.

Дело в том, что американская политическая традиция позволяет человеку, однажды занявшему высокий пост, символически сохранять его всю жизнь (если, конечно, он не был изгнан оттуда с позором): президент (по крайней мере официально) не бывает бывшим, о нем всегда говорят «президент»; сенатора до последних дней зовут «сенатор», а посол остается послом.

Так было и с Джо Кеннеди.

3

Джон любил навещать отца в Лондоне. Роскошная резиденция. Автомобили «Роллс-Ройс». Светские дамы. Образ жизни плейбоя. Дружба с денди. Рукой подать до Парижа и Ниццы. В ту пору ни тревоги и беды Европы, ни проблемы собственной страны его всерьез не беспокоили.

Как-то, годы спустя, сотрудник Time Хью Сайди спросит его о Великой депрессии.

Джек положит ноги на стол…

— Я не помню депрессию, — ответит он. — В это время мы жили лучше, чем раньше. Дома становились все солиднее, слуг — все больше. Я узнал о депрессии в Гарварде.

«Он не имел понятия об очередях за бесплатным супом и о нищих, моливших о подаянии, — вспоминал Сайди, сам выросший на ферме в Айове и знавший, что такое бедность. — Джон был далек от реальности. Вел элегантную жизнь. Что вы хотите — сын миллионера, посла…»

Кеннеди искренне считал неравенство — социальное, имущественное, интеллектуальное, расовое, классовое — вполне нормальным, естественным. Это не значит, что он был расистом или, скажем, реакционером. Напротив: став политиком, он

стремился всемерно облегчить жизнь неимущих, черных американцев и народов мира, которых считал угнетенными. Но при этом полагал, что «боль бедных и наша боль — разные вещи». А раз так, то разницу и дистанцию между ими и нами можно и нужно сократить, но не преодолеть. И это — правильно.

И здесь, в большой мере, он был наследником отца, считавшего, по ряду свидетельств, черных — обреченными на угнетенное положение, а евреев — опасными конкурентами. Возможно, в этом отношении частично кроется и приписываемое Джо Кеннеди-старшему «пораженчество» во Второй мировой войне. Сообщается о его желании всеми силами избежать включения США в войну, которую он предвидел, и о настойчивых попытках встретиться с Гитлером и лидером британских нацистов Освальдом Мосли, чтобы «прояснить» отношения Америки и Германии.

После провала британско-французской дипломатии на конференции в Мюнхене, когда для политиков уровня и широты видения Уинстона Черчилля угроза вооруженного конфликта в Европе встала в полный рост, позиция американского посла, стремящегося удержать США от вступления в будущую войну, представлялась угрозой британским национальным интересам.

Не удивительно, что британская контрразведка МИ-5 взяла Джо Кеннеди под наблюдение, а люди Черчилля сообщили Рузвельту, что считают подход посла к проблемам войны и мира опасными для отношений двух стран. Это был прямой намек на желательность его отставки.

В то же время Джо имел сведения о тайных переговорах Рузвельта и Черчилля, которые велись через посольство США, и об обещании Рузвельта выступить на стороне Британии в случае нападения Германии. При этом он заверял американцев, не желавших, чтобы их дети «умирали на чужой войне», что не собирается отправлять войска за границу. Если бы Кеннеди обнародовал эти сведения, то нанес бы президенту серьезный удар. Одновременно пошли слухи о том, что Джо лелеет тайные надежды политически атаковать Рузвельта, поддержать на ближайших выборах кандидата-республиканца Венделла Уилки, а то и выставить свою кандидатуру на пост президента.

Между Рузвельтом и Кеннеди назрел конфликт. Причем стороны располагали неплохим оружием. Рузвельт мог отправить посла в отставку, а Кеннеди — уличить президента во лжи.

Рузвельт не был бы Рузвельтом, если бы допустил это. И когда 26 октября 1940 года Джо прибыл в Вашингтон, президент немедленно пригласил его на «скромный семейный ужин» — в Белый дом. «Умираю, как хочу тебя видеть», — сказал ему

Рузвельт по телефону[22].

Ужин прошел прекрасно. Уже 29 октября Джо, купив время на радио Columbia, выступил с получасовой яркой речью в поддержку президента. Ее передали 114 станций по всей стране. В войну Америка не вступит. Секретных обязательств нет. Голосуйте за Рузвельта. Что же случилось? Ничего особенного. Рузвельт обещал Кеннеди, что если тот поддержит его на президентских выборах 1940 года, то он поддержит его сына Джо-младшего на выборах губернатора Массачусетса 1942 года[23]. И все. Просто политика.

4

Пока его брат Джо делал карьеру в Демократической партии (отец для начала планировал сделать его губернатором), Джон колесил по миру. В 1939 году в Англии он посещал спортивные матчи и балы. Во Франции не забыл о кухне и опере. В Германии катался по Берлину, пока штурмовики, заметив на машине британские номера, не забросали ее камнями.

Не забывает он и об анализе ситуации. В воздухе пахнет грозой. В Лондоне Джон говорит об этом с членами парламента и видит: Англия спит. Она не готова к бою и не думает готовиться.

В весеннем Париже, пользуясь своим статусом сына видного дипломата, а также протекцией посла Уильяма Буллитта, он беседует с министрами, политиками, генералами, дипломатами, журналистами и деловыми людьми. Тревога велика, но Франция наивно чувствует себя готовой отразить любую атаку на фортах линии Мажино и выполнить союзнические обязательства в отношении Польши.

Меж тем Польша марширует и танцует в плену шляхетских грез. Балтийские страны готовятся к съедению Москвой либо Берлином и вроде ждут второго. На Балканах вострят сабли и чистят пушки: болгары, румыны и венгры смотрят в рот Гитлеру; сербы и греки — Чемберлену.

Обо всем этом Джон шлет отцу доклады и аналитические записки. Он получает информацию из первых рук, посещая все эти страны плюс Турцию, Палестину и СССР.

В Москве секретарь посольства Чарльз Болен объяснил Джеку, что здесь его статус не слишком много значит и есть темы, которые лучше не обсуждать. Из Советского Союза он вывез не слишком приятные воспоминания. Это «грубая, нелепая, отсталая, забюрократизированная страна», — пишет он. Причем безразличная к комфорту туристов: «Я летел самолетом, окно в

салоне оказалось разбито, но всем было плевать. Пришлось сидеть на полу. Мусорный ветер метался по широким улицам огромных угрюмых городов» — Ленинграда и Москвы. Возможно, эти впечатления отчасти сгладило путешествие в Крым, откуда Джек отплыл в Стамбул.

Следующая станция — Иерусалим. Британская Палестина. В Лондон из Святой земли поступает солидный аналитический доклад о положении на Ближнем Востоке. Загнанные внутрь, но тлеющие противоречия евреев, арабов и британцев видятся ему источником масштабных и длительных конфликтов. А сам регион — объектом стратегических интересов Германии, чьи геополитические амбиции требуют нефти, нефти и нефти, которой здесь навалом.

Как потом утверждал Кеннеди-старший, тексты сына были полезны. Впрочем, считал он, никакая дипломатия уже не удержит Европу и мир от неумолимого сползания к катастрофе.

Посол не верил, что изнеженные и расслабленные европейские демократии справятся с вызовом агрессивных и сплоченных диктатур. Он опрометчиво говорил об этом публично и стал одним из врагов британской прессы. Тем не менее Джо не сомневался: несмотря на преследования левых в Германии и антифашизм советской пропаганды, Москва и Берлин договорятся о разделе Европы. Был убежден: война на пороге и демократии ее проиграют.

Незадолго до начала проверки этой гипотезы на поле боя его сын Джек вернулся в Лондон. Вскоре Лондон и Париж объявили Берлину войну, выполняя обязательства перед атакованной Польшей. Лондон погрузился во тьму — в домах аристократов маскировка скрывала хрустальный пожар фужеров и люстр. Но в этих залах посла Кеннеди, как мы помним, уже не жаловали.

Через три дня после победы Рузвельта Джо, можно сказать, подпишет свою отставку: заявит в интервью Boston Globe, что с демократией в Британии покончено, с Гитлером ей не справиться, и вопрос только один: сколько продержится остров. Статья вызвала бурю. Читатели возмутились. Нет, они не хотели воевать. Но им не нравились слова Кеннеди. Как? Сукин сын Гитлер победит бриттов? Fuck him! Кстати, а свое ли место занимает мистер Кеннеди?

Последняя беседа Джо и Рузвельта была краткой. Через десять минут бледный как полотно президент велел жене отвезти Кеннеди на вокзал:

— Я не хочу видеть этого человека.

Но это, как мы помним, будет в 1940-м — после возвращения Джона домой.

В Бостоне он взял курс государственного управления и экономики, стал кандидатом на степень в области политических наук. Оставалось написать выпускную работу, на которую и ушла оставшаяся часть года. Он выбрал выигрышную тему «Умиротворение в Мюнхене». Да, «герой» этой трагической сделки британский премьер Невилл Чемберлен был крайне непопулярен, но читая Times и Economist, изучая стенограммы парламента, протоколы Форин-офиса и Госдепа, Джек все больше задавался вопросом: а что, если дело не в Чемберлене? Что, если к сдаче Чехословакии и новой войне привели не его ошибки, а серьезные глубинные процессы?

Работа Джека напоминала большинство крепких выпускных академических текстов. Никаких эмоций. Почему Лондон так запоздало реагировал на перевооружение, затеянное Берлином? Почему там предпочли полагаться не на мощь империи, а на Лигу Наций? Откуда взялось столь весомое влияние пацифистов? Кто поставил сиюминутные выгоды дельцов, торгующих с Германией, выше стратегических национальных интересов? Что мешало партиям и профсоюзам смотреть дальше своих крохоборских интересов? И наконец: почему с момента прихода к власти Муссолини и Гитлера Берлин и Рим вооружались быстро, а Лондон и Париж — крайне медленно?

Кеннеди отвечал на эти вопросы подробно и смело, используя графики, статистику и примеры. «Миротворцы» Чемберлен и Болдуин[24], на которых принято возлагать главную вину за капитуляцию в Мюнхене, виноваты куда меньше, чем перечисленные автором недуги демократий. Забота о прибылях и комфорте в ущерб государственной стратегии — вот что подорвало оборону Англии, Франции и их европейских союзников, которых они не смогли защитить.

Мюнхенский договор как был, так и остался всего лишь документом, а «объектом критики, — писал Кеннеди, — должны были стать… скорее, обусловившие его факторы. Скажем, такие, как британское общественное мнение и состояние вооруженных сил, делавшее «капитуляцию» неизбежной». Демократия, писал Джон, «вынуждена платить за все из своего бюджета и в своих возможностях ограничена законами капитализма: предложением и спросом».

Несмотря на кажущееся сходство, разница в подходах отца и сына Кеннеди к диктатуре и демократии была огромна. Коротко говоря, отец считал, что демократия слаба и в борьбе с авторитарной и тоталитарной системой обречена на крах; ну а

сын утверждал: нет, демократия победит, если будет сильной, преодолеет пассивность и, отказавшись от оборонительной тактики, остановит противника на дальних подступах, перейдет в наступление и разгромит его. А сильной демократию сделать можно. И должно. Иначе и впрямь не будет гарантий, что коварный и жестокий враг не покусится на ее устои, ценности и достижения. Свобода должна не только уметь себя защищать, но и нейтрализовать, а если надо — то и беспощадно громить своих недругов.

Вообразите ситуацию: Джек пишет работу, а Джо — докладные Рузвельту и госсекретарю Халлу. Сын (в дипломе): «Чтобы одержать победу, демократии должны быть солидарны друг с другом, постоянно наращивать хозяйственную и военную мощь»; отец (в телеграмме): «Если мы хотим выжить, то должны готовиться сражаться на собственном заднем дворе». И вот профессора в Гарварде и политики в Вашингтоне читают эти документы, а нацисты маршируют по Европе.

Джон, слышавший в Лондоне вой сирен и залпы ПВО, настаивал на срочной мобилизации и укреплении военной мощи США. Британия проспала момент, когда оказалась лицом к лицу с вооруженной до зубов гитлеровской тиранией. Пора было будить Штаты.

* * *

Джек закончил университет с отличием. Его диплом получил высшие оценки. Роуз и сестры пришли поздравить его в Г Гарвард. А потом он снял ритуальную мантию и шапочку с кисточкой, и они отправились праздновать домой, где на пике веселья получили телеграмму: Я ВСЕГДА ЗНАЛ ДВЕ ВЕЩИ ПЕРВАЯ ЧТО ТЫ УМНЫЙ ВТОРАЯ ЧТО ТЫ ЗНАЮЩИЙ ПАРЕНЬ С ЛЮБОВЬЮ ПАПА.

6

Именно отец в своей мягкой манере: а почему бы тебе не… — подсказал Джеку превратить успешную научную работу в книгу, рассчитанную на широкого читателя. Академический успех воодушевил его, и работа закипела. И хотя, как и прежде, он писал отцу: «Сегодня веду на бейсбол подружку нашей Кик; это — мое первое свидание с девушкой-католичкой; очень интересно, как пройдет», — на первое место выходила работа. Так оно почти

всегда и будет: первым делом — самолеты (авианосцы, подводные лодки, баллистические ракеты), а девушки потом.

Джо-старший снабжал сына полезными советами. Например — рекомендовал не перекладывать полностью ответственность на общество с британского руководства. Ибо это в его обязанности входит «следить за благополучием державы и просвещать ее граждан». И в случае с Мюнхеном и его последствиями ответственность делится поровну.

Джек дописал несколько глав, сделал текст динамичней и изменил финал: «Недостаточно сказать, что события последних недель разбудили демократию. Наш долг — усвоить британский урок и заставить демократию работать. Прямо сейчас. Любое государство эффективно, когда все хорошо. Но выживает только способное работать в тисках кризиса».

В качестве опоры и основного ресурса Кеннеди видел среднего американца, который, по его мнению, несмотря на свой изоляционизм и слабое внимание к зарубежным проблемам, не любил Гитлера. Что же касается СССР и возможного желания западных лидеров направить агрессию Гитлера на восток, то эту версию Кеннеди не рассматривал. Он не относил Советский Союз к числу свободных стран, пакт Молотова — Риббентропа был еще впереди, как и 22 июня 1941 года. Коммунисты всегда считались потенциальными противниками Америки, а видеть в красном Кремле потенциального союзника у Джека не было повода.

По просьбе Джо-старшего его приятель и сотрудник New York Times Артур Крок посоветовал Джону литературного агента, а также название книги: «Почему Англия спала». Его смысл и звучание обыгрывали титул книги Черчилля «Пока спала Англия»[25]. В письме отцу Джек пошутил: «Полагаю, премьер-министр не рассердится».

Книга вышла в издательстве Wilfred Funk. И имела успех.

Шла битва за Англию. Остров стал мишенью для нескончаемых бомбежек, а небо над ним — ареной жестоких боев. Казалось, близится решительный штурм. Сводки с театра военных действий служили книге отличной рекламой. В США продали 40 000 экземпляров. Почти столько же — в Англии. Гонорар автора составил 40 000 долларов.

Гордый отец послал книгу профессору Ласки, королеве и Черчиллю. Премьер-министр не обиделся.

А пресса особо отметила ее трезвость и актуальность.

Предприятие, которое легко можно было счесть авантюрой, удалось.

— Вспоминая тебя, люди будут говорить и об этой книге, — писал Джо сыну. Был прав.

А путешественнику Джону Фицджеральду Кеннеди предстояли новые маршруты. Он был против войны, но — готов к бою. Помни Аламо![26] И потом: «Хочешь повидать другие страны, встретить интересных людей, пережить удивительные приключения? Вступай во флот!»

Глава пятая. Герой

1

Итак, к концу 1940 года Кеннеди-старший — исторический пессимист и американский изоляционист — успел и поддержать Франклина Рузвельта, и поссориться с ним. Входя в число соратников президента, он далеко не во всем был с ним согласен. Как и его сын, который в 1940 году на съезде демократов в Чикаго отдал голос за политика-ирландца Джеймса Фарли, то есть против выдвижения Рузвельта на третий срок, хотя было ясно, что он победит уже в первом туре. Так и вышло — Рузвельт получил 946 (86,32 %) голосов против 72 голосов у Фарли, пришедшего вторым.

Вскоре Рузвельт был избран президентом. Наряду с другими ключевыми фразами его предвыборной агитации, лейтмотивом кампании звучали слова: «…обращаясь к отцам и матерям, я заверяю вас: никто не пошлет ваших мальчиков воевать на чужой земле».

Но в день 7 декабря 1941 года, когда японская авиация атаковала американский флот в бухте Пёрл-Харбор на гавайском острове Оаху, война ударила в двери Америки. И ударила с размаху. Да, Гавайи — это не бастионы Нью-Йорка и Сан-Франциско, но это Соединенные Штаты. И уж если противник стучит в наши двери, ему не избежать расплаты.

Так говорил на совместном заседании Сената и Палаты представителей Конгресса США президент Рузвельт на следующий день после того, как на дно пошла краса и гордость американского флота — линкоры «Аризона», «Западная Вирджиния», «Калифорния», «Оклахома» и другие суда. Еще четыре линейных корабля, три крейсера и эсминец были сильно повреждены. Все восемь линкоров, стоявших в тот день на базе Пёрл-Харбор, вышли из строя: боеспособность американских военно-морских сил в Южных морях была подорвана.

Огромный урон понесла и авиация: из 402 их самолетов 188 было уничтожено, 159 — повреждено[27]. Потери составили более 2000 убитыми и более 1000 ранеными. Рузвельт не солгал: американским мальчикам не пришлось плыть воевать за чужую землю. Они пали на своей. На них обрушили бомбы, снаряды и торпеды 353 самолета, взлетевшие с кораблей ударной группы ВМС, — авианосцы «Акаги», «Хирю», «Кага», «Секаку», «Сорю» и «Дзуйкаку». Вскоре вице-адмирал Тюити Нагумо доложил

командующему объединенным флотом адмиралу Исороку Ямамото об успехе операции. Островная империя начала свою экспансию на просторах Тихого океана. А еще через несколько часов США объявили ей войну.

«…В день, навсегда отмеченный позором, — сказал президент сенаторам и конгрессменам, — Соединенные Штаты Америки подверглись внезапному и преднамеренному нападению… Потеряно много американских жизней. Кроме того… в открытом море между Сан-Франциско и Гонолулу американские корабли подверглись торпедным атакам».

Далее президент перечислил территории, атакованные в этот день японскими войсками: Гонконг, Гуам, Малайю, Мидуэй, Уэйк и Филиппины.

«Таким образом, — продолжил президент, — Япония начала внезапное наступление на всем пространстве Тихоокеанского региона. Как главнокомандующий армией и флотом я отдал приказ принять все меры для обороны. Независимо от того, сколько времени уйдет на отражение этого умышленного нападения, американский народ использует всю свою праведную мощь во имя достижения полной победы.

Я убежден, что излагаю волю Конгресса и народа… мы не только сделаем все, чтобы защитить себя, но и примем любые меры, чтобы впредь избежать подобной предательской атаки.

Идет война. Нельзя закрывать глаза на смертельную угрозу нашему народу, нашей территории и нашим интересам. С уверенностью в наших вооруженных силах, с безграничной решимостью нашего народа мы добьемся неизбежного триумфа. И да поможет нам Бог.

Я прошу, чтобы ввиду… ничем не спровоцированного и подлого нападения Японии, Конгресс объявил состояние войны между Соединенными Штатами и Японской империей»[28].

Сенат и Палата представителей объявили войну Японской империи.

2

«Против» был подан лишь один голос — пацифистки Джанетт Ранкин, первой женщины, избранной в Палату представителей. Она отвергла вступление и в Первую, и во Вторую войну. Но подобных ей в США было немного. Даже идейные противники войны поддержали президента.

Война пришла не из Европы, откуда ждал ее Джо. Но разницы не было: в гитлеризме он видел угрозу «законности, семье,

совести и здравому смыслу», а в японской имперской политике — интересам США на Тихом океане, где они господствовали со времен победы над Испанией в войне за Филиппины. Теперь в игру вступил сильный, опасный и энергичный соперник. Несмотря на ссору, Джо немедленно отправил Рузвельту телеграмму: «Поступаю в Ваше распоряжение. Жду назначения на участок фронта». Но ответа не получил. Похоже, президент все еще не хотел его видеть. Впрочем, есть сведения, что он помнил о недавнем соратнике. «А что это Джо отмалчивается?» — спросил он как-то Джона МакКормака — лидера демократов в Палате представителей и приятеля Кеннеди. То есть, возможно, депеша просто затерялась в канцелярии.

МакКормак сообщил другу о вопросе президента, и тот вновь известил Рузвельта о готовности записаться добровольцем. Тот назначения не предложил. Но — поблагодарил. Что означало: гнев прошел, но строить отношения, возможно, придется с чистого листа.

Если Джо-старший так и не был призван под знамена республики, то Джо-младший встал под них фактически сразу. Он пошел в авиацию и в 1942-м стал морским пилотом, патрулировал небо над Карибами и даже сфотографировал имение клана в Майами. В 1943-м он отбыл в Европу. И уже вскоре бомбил нацистские морские базы и суда в Ла-Манше и Атлантике. Потерял немало друзей. А когда получил отпуск, остался, чтобы не пропустить высадку союзников в Нормандии 6 июня 1944 года. Он летал на задания весь июнь и июль и вновь получил отпуск. Ребята отбыли домой, а Джо остался — узнал о наборе добровольцев для особо опасных операций.

Служить в армии в то время было делом чести и для самых простых парней, и для детей миллионеров. Порой, чтобы пойти на фронт, люди слагали регалии конгрессменов и сенаторов.

У Джона все вышло сложней, чем у брата. Впервые он пытался поступить на службу почти за год до Пёрл-Харбора, но получил отказ по состоянию здоровья — из-за тяжелой травмы спины. Пришлось целый год готовиться к новой комиссии — пройти специальный курс упражнений. Кроме того, за него замолвил словечко друг отца адмирал Алан Керк.

И вот в сентябре 1941 — го его взяли во флот. И направили на «передний край» — в Управление военно-морской разведки: готовить сводки для штаба флота. В его задачи входило следить за действиями флотов воюющих сторон. Задача, кстати, не из последних. Ведь атака на Пёрл-Харбор удалась японцам потому, что им удалось перехитрить морскую разведку США.

Но уже летом 1942-го он был переведен в Портсмут —

осваивать торпедный катер.

Этот внезапный поворот в карьере биографы объясняют по-разному. Есть версия, что всему виной любовь. Точнее — роман. И не с женой или дочкой адмирала. А куда круче — со шпионкой. Ну, то есть — с почти шпионкой. С красавицей-журналисткой Ингой Арвад — датчанкой, почти немкой! Ведь Дания сдалась нацистам без боя… И вот эта, стало быть, блондинка из газеты Time Herald вовсю крутила хвостом перед молодыми офицерами, с иными успела покувыркаться, ну и угодила под колпак ФБР — ее заподозрили в шпионаже. Мол, в постели офицерики легко выбалтывают опытной даме тайные сведения, а там уж и до Абвера недалеко.

Джон был увлечен. Ну, то есть в той мере, в какой был на это способен. На слухи о подозрениях не смотрел, советам отца не внимал. И зря. Потому что того об опасности известил сам Эдгар Гувер, глава ФБР. Короче, хотя подозрения так и не стали обвинениями, парень попал в переделку. И Джо преподал сыну урок: отправил на фронт.

Другая версия прозаичнее.

Кеннеди послали на юг США — инспектировать порты на предмет готовности к налетам противника. Проверяя бомбоубежища и светомаскировку, Джон все больше опасался, что вся его служба пройдет в таких занятиях. И попросил перевести его в действующий флот.

3

Но на снимках той поры он очень бравый. В мае 1942-го они сфотографировались с Джо — оба красавцы, оба в белой форме, только у Джо на груди — крылышки, эмблема ВВС.

Или вот — в рубке торпедного катера, сидит вполоборота, в мятой кепи набекрень; а тут — стоит: фуражка — на размер больше, куртеха — мешком, штаны — висят, тапки — на босу ногу. Зато: в руке — тросточка, в глазах — задор, в улыбке — отвага. Такой легко мог разбить машину о стену дока (что однажды и сделал), но смог и спасти команду своего корабля от почти верной гибели в океане.

Освоив на базах в Портсмуте и Ньюпорте быстроходный торпедный катер PT-109, в 1943-м он отбыл в Южные моря, где гремели битвы: японцы пытались продолжать атаки. В его документах в графе «Личные качества» было указано: лейтенант Кеннеди знает матчасть, хорошо командует лодкой и вообще «волевой и ответственный командир».

Лейтенант Кеннеди, марш на Соломоновы острова! И вот он уже на островах. В марте наметился перелом, союзники отбирали у противника инициативу, задача торпедных катеров — атаковать суда, мешавшие наступлению американцев на Новой Георгии. РТ-109 Джека ходит на патрулирование наравне со всеми.

Команда — класс. Командир — супер. 2 августа идем в ночной рейд.

* * *

В ту ночь волновался, шумел океан, над водами тучи летели. Когда «Амагири» пошел на таран — и свистнуть они не успели. Японский эсминец вмиг расколол катер. Капитан Кохи Ханами скомандовал: полный вперед. Добивать никого не будем. Акулы управятся.

Джека удар швырнул спиной на пол рубки. Через жуткую боль дошло: жив. Выбрался на палубу. Позвал людей. Откликнулись четверо уцелевших на борту. Шестеро ответили из воды. Один — МакМейгон — был сильно обожжен. Другой — Харрис — повредил ногу. Командир выволок их на борт. На воде убийственным пятном пылало топливо. Кормовая часть ушла на дно. Но взрыва не было, и нос остался на плаву. А с ним шанс выжить.

И они выжили. Не все. Двое погибли на месте. Остальные собрались на чудом оставшейся на плаву половинке РТ-109. Стали отгребать от горящего пятна. Утро. Все просто: снимут либо свои, либо японцы. К северо-востоку, западу и югу острова заняты врагом.

Рация разбита. Оружие — автомат «Томпсон», шесть пистолетов 45-го калибра, один — 38-го.

— Что будем делать?

— Что прикажете, сэр, — сказали матросы. — Вы босс.

Приятно быть боссом, когда все нормально. А вот попробуйте на половинке катера, без связи и оружия с двумя тяжело ранеными в нескольких милях от врага. Ну — босс так босс. Джек приказал всем кто цел, сойти в воду, оставив больше места раненым. Милях в трех показался островок. Командир принял решение: плыть к острову. Плыть МакМейгон не мог, и Джон тащил его, держа в зубах шнур его пробкового жилета. Пригодились домашние, школьные и гарвардские тренировки. И все равно, пять часов «заплыва» обошлись ему дорого. Он наглотался морской воды и выбился из сил, но выплыл сам и вытащил людей. В море они пробыли пятнадцать часов.

Парни измучились, но доплыли все. Отдохнув, Джек решил добраться до пролива Фергюссона и ждать своих. Изранившись о кораллы, дрожа от холода, он нашел нужную протоку. Но ждал напрасно. Пришлось возвращаться. Порой он впадал в забытье, думал, что умирает. На небольшой глубине мелькнула тень. На базе шутили: «Сперва барракуда подплывет под тебя, а после — оттяпает яйца». И снова он греб, но течение, описав круг, принесло его туда, где он тщетно ждал спасателей. Из последних сил Джек плыл к островку, порой ступая по острому рифу. На пляже, теряя сознание, шепнул помощнику Бернарду Россу: «Пойдешь следующим». И уснул.

Росс пошел. Но никого не дождался. На острове не было родника, и все страдали от жажды. Перебрались на другой и нашли кокосы. Жадно, обливаясь, пили молоко. А потом блевали до судорог. А ночью, когда пошел дождь, жадно слизывали воду с пальмовых листьев.

А утром увидели: все листья — в птичьих какашках. Ха! Так это ж, ребята, остров Птичий.

Кеннеди и Росс доплыли до острова Науру. Четвертый день в океане. Господи, пора бы уже кому-нибудь появиться. И тут — двое местных. С каноэ и едой. Увидев белых, они исчезли и вернулись компанией. Джек вырезал на кокосе письмо: «одиннадцать живых, местные знают где, рифы и остров науру Кеннеди». Вручил островитянам. И они отплыли с кокосом-письмом.

Днем он лежал без сил. А потом вместе с Россом поплыл на лодке искать спасателей. Ветер усилился. Близился шторм. Полной волной лодку перевернуло, и течение понесло их в море.

— Берни, прости, что втравил тебя в это! — крикнул Кеннеди.

— Надо бы сказать: я предупреждал! — проорал Росс. — Но я не стану!

Но и тут им повезло — выплыли на тихую воду, а там уж скоро и берег. Внезапно волна крутнула Джона и метнула на риф. Чудом он упал в бассейн-малютку. Росс был жив, но рассек руку и плечо. Изранил ступни, но шел — Джек подкладывал ему под ноги лопасти весел. Через десяток шагов, они не в силах двигаться, рухнули в сон.

Разбудили их рыбаки. Один на хорошем английском сказал:

— Вам письмо, сэр.

4

Писал командир новозеландского патруля на Новой Георгии:

«Следуйте за этими людьми; они доставят вас в лагерь».

Помощь пришла вовремя. У МакМейгона гноились ожоги. Рука Росса стала толще бедра. Джека положили в каноэ, укрыли листьями и двинулись. Вскоре на остров Птичий прибыл катер.

— Можно узнать, где вас черти носили? — поинтересовался Джек.

— На вот, пожуй, — сказали ему и дали галету.

Он молча обнял парней с базы.

Сняв с Птичьего команду, катер пошел к своим. На нем нашлось бренди. И немало. Кеннеди и его людям уж во всяком случае хватило. Заправившись, Джон запел:

Иисус меня любит, я знаю…

Это был старый гимн. Джон знал его с детства.

…Об этом в Библии читаю.
Все мы на этом свете
Его — могучего — слабые дети!
А рыбаки подхватили.
Да, Иисус меня любит; да!
Иисус меня любит…[29]

— Как? Вы знаете слова? — удивился Джон, теряя сознание.

— Миссионеры научили, — ответили те. И укрыли его листьями.

* * *

Еще вчера их считали погибшими! Матери Росса уже отправили письмо: «Ваш сын, мэм, пал за дело, в которое верил сильнее, чем каждый из нас. В бою он был рядом с Джоном Кеннеди, сыном посла, который тоже отдал свою жизнь. Так гибнет за свободу цвет нашей нации…».

Но «цвет нации», во всяком случае частично, в лице Джека, пока уцелел. И хлебал виски. Вот, твердили ему, вернулись с того света. Живые, виски лакаете, фак япошек перефак. А посольский сынок, голубая кровь, вообще герой, вытащил людей. А еще учился в Гарварде.

Матросы рассказали про таран, как Кеннеди тащил людей, держа в зубах лямки спасательных жилетов, как плавал в разведку. Как сами не сплоховали. Короче — сами они вышли

круче гор, а Джек — круче некуда.

Газетчики — ребята такие: нужен подвиг — выдумают. Но тут и выдумывать не надо. Подвиг вышел сам собой. Для любой газеты — лакомый кусочек. Этот достался New York Times. Джон Херси напечатал в New York Times Magazine рассказ «Выживший». А младшие-то Кеннеди увидали шапку в полполосы, да журнальчик-то и купили, да и узнали, что брат их герой. Прибегают в дом. Второпях зовут отца. Папа, кричат, папа! Наши Джека в море нашли!

Вот радости было! А то и до Бостона дошла весть: цвет, мол, нации… за дело свободы…

А так — представили к «Пурпурному сердцу». Добавили «Почетную медаль флота и морской пехоты». Адмирал Уильям Хэлси подписал приказ: «Его отвага, выносливость и лидерские качества помогли спасти несколько человеческих жизней в полном соответствии с высокими традициями морской службы Соединенных Штатов».

Хороший приказ. Красивый. Джек его прочел. Да и упал в бреду. Малярия. Вдобавок открылась травма спины. В декабре 1943-го его доставили в Штаты.

5

Про любовные скандалы лейтенанта Кеннеди никто не помнил. Начальство выдало рекомендации — хоть в рай. Классная выучка, опыт, талант руководителя, ум, честь, совесть — все! А что «покладистости и опрятности» не хватает, так то «Пурпурное сердце» с лихвой искупает.

Рекомендации понадобились. Джон снова просился на фронт. На Средиземное море. Ну, говорят ему, герой, сперва ступай на экспертизу в госпиталь. А госпиталь — в Челси.

Рукой подать до загородной резиденции клана. И Джон часто ездил к своим.

Там-то, в Хианнис-Порте, ровно через год после той страшной океанской ночи, прислуга сообщила: пришли два священника, просят Джо-старшего. Тот живо вышел…

А вернулся убитый. Джо-младший пропал без вести.

Вскоре узнали: пасторы не решились сказать, что погиб. Он и его экипаж летели к базе нацистов в машине, набитой взрывчаткой. Задача: направить ее на цель и спрыгнуть. Но 12 августа 1944 года самолет взорвался в воздухе. Джо наградили Военно-морским крестом[30]. Посмертно.

Джек поверил в гибель брата, только увидев его фото в

газете, сообщавшей о потерях. И вновь потребовал: пошлите на европейский фронт. Но врачи сказали ясно: к службе не годен.

С флотом он прощался в Майами. Взял младшего брата Тэдди на торпедный катер — в последнее плавание. Мальчишка всю дорогу хохотал. Джек же был серьезен. Ему предстояла тяжелая (и, как после выяснилось, неудачная) операция на позвоночнике. А после Высшая военно-морская комиссия в Вашингтоне. Она-то и отправила лейтенанта Кеннеди в отставку. С честью.

А через месяц после гибели Джо война унесла жизнь еще одного члена семьи — мужа сестрицы Кэтлин, маркиза Уильяма Кавендиша — майора Колдстримских гвардейцев, того, что брал Брюссель. Гибель отважного аристократа поразила Джека. «Подумать только! — с печалью писал он. — Он всегда был так удачлив! Это сделало утрату тяжелее».

* * *

Держать удар. Разве не этому учил их отец? И Джон, как и сестра, вынес и этот. Как гибель катера и угрозу смерти. Недаром Джимми Дин сочинит о нем самую удачную свою песню:

Он вел команду через тьму,
И покорялась тьма ему,
Голодные акулы
И вражьи патрули…
И их винтовок дула
Героев не нашли.
Четыре ночи,
Четыре дня
Устали очень,
Спаслись от волн и от огня,
PT-109 потонул, но выжили друзья!
Их спас Джек Кеннеди-герой.
И снова нас ведет он в бой…[31]

Екатерина Егорова-Гантман, специалист по политической психологии и исследователь внутреннего мира Кеннеди, считает, что личный трагический опыт, свидание со смертью и череда потерь побудили его верить, что «надо жить моментом, проводя каждый день так, как если бы он был последним, требуя от жизни постоянной интенсивности, приключения, удовольствия». Случайно ли он полюбил стихи Алана Сигера «Свидание со смертью»?[32]

Стремление жить одним днем, страх и ожидание встречи со смертью, фатализм, страсть к риску — все это было в его душе. Но было и другое: непрерывная, упрямая, жестокая борьба с болезнью, слабостью, зависимостью от людей, лекарств и обстоятельств. Быть не тем, с кем нечто все время случается, а тем, кто создает случаи. Соучаствовать в управлении миром. Или хотя бы собой самим. В этом он видел одно из условий достижения своей цели.

Взгляд на себя извне и с разных точек он сделал инструментом. Так же, как сделал принципом владение собой. Без них ему было не обойтись…

Вслушайтесь в слова: капитал — Капитолий… У них разные значения — но есть и сходство. И не только в звуке, но и в смысле.

Капитал у Кеннеди был. Его ждал Капитолий.

Часть II. Капитолий

Глава первая. Шаг

1

Джеку нравилось дома.

Первые послевоенные годы были в Штатах, пожалуй, самыми спокойными и благополучными годами XX века.

И сравнения не было, да и не могло быть, с разрушенной войной Европой. Не говоря об СССР и поверженной Германии. Богатые стали богаче. А бедные… тоже богаче.

Как это уже нередко бывало, Америка и ее хозяйство сумели извлечь из войны немалую выгоду. Промышленный бум — воодушевленные победой люди с утроенной энергией включились в борьбу за скорейшее удовлетворение своих постоянно растущих потребностей.

Дом площадью 750 квадратных футов[33] с одной-двумя ванными комнатами, рассчитанный на семью из четырех-пяти человек, стал обычным делом. Бассейн и лужайка — по вкусу и средствам хозяев. Холодильники, стиральные и посудомоечные машины, тостеры, электропечки и прочие электроприборы заполняли жилища. Не редкость — гараж на одну-две машины. В моду как раз вошел форд «Супер де Люкс» — на первом автомобиле этой серии ездил президент Трумэн.

Крах нацизма и потсдамские соглашения породили немало надежд. Послевоенный мир стал ареной масштабнейшего социально-политического проектирования: попытки строительства эффективной системы международной безопасности, учреждение ООН, международные дискуссии по этим проблемам рождали ожидания. Охватили они и Джона Кеннеди.

В статье «Попытка мирного эксперимента» он анализирует опасные следствия гонки вооружений: рост налогов, ослабление частного бизнеса, безработицу. Избавление от этого бремени в ближайшем будущем он видит в отказе от перевооружения и создании механизма выработки согласия между странами «Большой тройки» — Советского Союза, Англии и США.

Автор книги «Почему Англия спала» считал СССР союзником, а поверженные Японию и Германию неопасными ни в военном, ни в экономическом отношении. Однако у работы имелся заметный минус: автор не сумел ясно и убедительно описать пути к партнерству Лондона, Вашингтона и Москвы. Высказанная им идея создания «работоспособной системы разрешения

противоречий» и укрепления взаимопонимания звучала как благая, но все же иллюзия.

Она не исчезла и после участия Джека (по заданию Journal American) в конференции в Сан-Франциско, где закладывали основы нового мира. Впрочем, его удручил «воинственный настрой русских». Он решил, что «Россия не скоро избавится от комплекса нации… которая доверяет гарантии своей безопасности, прежде всего, Красной армии, а уж потом международным структурам и процедурам». Это будило опасения, что ООН не спасет планету от конфликтов, национального эгоизма и борьбы блоков — то есть пороков погибшей Версальской системы[34]. Тревожили и «разговоры о неизбежном конфликте с русскими в ближайшие десять — пятнадцать лет». Обнадеживало лишь признание того, что мир не может позволить себе новую войну.

Читателям понравились заметки Джека. А Уильям Херст — медиамагнат и друг Джо — направил его летом 1945-го в Англию — освещать тамошние выборы. И эта командировка удалась. И даже позволила Джону почувствовать себя заметной фигурой в журналистике. Ему нравилось это ремесло. Но он понимал, что исполнить в нем требование отца во всем быть первым — очень сложно. Уж больно много было претендентов не только на первые, но и на десятые роли.

А Джо мечтал о главной — звездной — роли.

2

Вскоре после гибели старшего брата — главной надежды отца в осуществлении его плана — Джозеф Патрик и Джон Фицджеральд Кеннеди серьезно обсудили ситуацию. Отец объяснил сыну, что миссия Джо переходит к нему. И хотя Джек волен сам определиться в выборе будущего, теперь все свои расчеты и надежды отец возлагает на него.

Зная требовательность, жесткость и властность Джо, легко предположить, что он, следуя тому обыкновению, которое выработал в бизнесе, делал сыну предложение, от которого тот не мог отказаться. И проба сил в журналистике стала для Джека своего рода развлекательной интерлюдией перед вступлением в серьезную игру, затеянную его отцом. В качестве партнера.

Многие, кто знали Джека в ту пору, говорят, что он не считал политическую журналистику или политическую науку своим жизненным путем. Как, впрочем, не считал им и политику. Ему предстояло самоопределение. А это, как известно, дело очень

непростое.

Если только рядом нет отца с его авторитетом, настойчивостью и миллионами.

И отец настоял. Тонко и умело. Спросил: раз уж ты не уверен в выборе пути, почему не попробовать один из возможных? Тем более что это станет продолжением традиции. Среди Кеннеди не бывало ученых или мастеров слова, а политики были. Причем яркие. Почему же не пойти по их стопам? Не стать, к примеру, конгрессменом? Но только не штата. Нет. Это не наш уровень. О чем я? Да о Палате представителей Конгресса США. А что тебя удивляет, друг мой?

Ты говоришь, придется начать с чистого листа, с самого начала — с выборов? И начнешь.

Ты говоришь, что не умеешь общаться с простыми людьми, а это — ключ к любой избирательной кампании? Научишься. Ты говоришь, что не умеешь выступать публично — а без митингов тут никуда? Но ведь выступал же ты в университете. Выступишь и тут. Ты, наконец, говоришь, что не имеешь опыта руководства? Но, позволь, ты же командовал боевым кораблем. Освоишься и здесь.

Ты победил в бою на войне. Победи и в мирной битве — схватке за власть. Точнее, за ее долю. Для начала — небольшую.

Путь к этой доле неизбежно лежит через общение с избирателем. А он говорит с политиком — претендентом на выборный пост — как с равным. И хотя слова «слуга народа» уже не понимают буквально, часть своего смысла они сохранили. Здесь стеснительным делать нечего. Впрочем, Джек и не стеснялся. В какой-то момент его даже захватили аргументы отца, они были крепки и убедительны, а главное — в них звучала вера в то, что он сможет. Справится. Победит.

Джо и впрямь в него верил. Иначе бы не взял в дело. Но и опасался: достанет ли сыну окаянства для этой драки — столкновения амбиций, самомнений и денег, где, возможно, придется пройти через сделки, коррупцию, шантаж, рекламные трюки, войны компроматов, внутрипартийные и межпартийные интриги и компромиссы?

Может и не потянуть. Но выхода не было. После разлада с Рузвельтом сам он претендовать на место в большой политике не мог. А следующий сын Роберт был для этого слишком юн. Приходилось рисковать. Но Джо привык. В конце концов, не риском ли сделал он свое состояние?

В итоге, сын и отец пришли к соглашению. Первый предпринимает рискованную попытку сделать политическую карьеру. Второй делает рискованное капиталовложение в это

предприятие.

В любом бизнесе главное вход.

Политика — не исключение.

В американскую политику входов несколько. Главных — четыре.

Первый — используя свой талант, образование и связи (если есть), стать сотрудником одного из уже авторитетных или еще растущих политиков и дальше, оказывая ему профессиональные услуги, в случае успеха своего начальника добиться высокого административного поста или выставить свою кандидатуру, заручившись поддержкой шефа.

Второй — включиться в партийную работу; стать функционером одной из организаций; путем интриг и борьбы занять в ней заметный выборный пост; добиться признания боссов и выдвижения на более высокий выборный пост. На сей раз — в системе государственной власти.

Третий — заняться бизнесом, добиться успеха, сделать большие деньги, начать инвестировать в политику, а там уж либо остаться в этой роли, либо в обмен на взносы в предвыборные фонды получить более или менее весомый административный пост.

Четвертый — выставить свою кандидатуру на выборах (муниципальных, региональных или федеральных) и победить (или проиграть). А дальше — расти, по мере сил и возможностей продвигаясь все выше в системе власти.

Но для этого важно знать, как она устроена.

3

Президент, вице-президент, сенатор, конгрессмен, губернатор, мэр — мы знаем эти слова.

Помним, что на вершине политического Монблана стоит президент. Порой вспоминаем о его правительстве — ЦРУ, ФБР, Пентагоне, Госдепе — герои боевиков обычно служат в этих ведомствах. Можем угадать, чем конгрессмен отличается от сенатора. Знаем слово «губернатор». А также — «судья» и «шериф». Но чтобы понять, кем именно готовился стать Джек Кеннеди, важно углубиться в детали.

В целом политическую систему США определяет Конституция. Ее приняли в 1787 году на особом Конвенте в Филадельфии. Делегаты разработали формулу правления для страны, изложили ее простым языком и утвердили федеративное устройство страны с сильным центральным правительством,

подразумевая разделение функций между центром и членами федерации, резервируя права каждой стороны.

Главой федеральной исполнительной власти объявлялся президент, избираемый гражданами, имеющими право голоса. Принятие законов, общих для всей федерации, было функцией Конгресса, состоящего из депутатов, избираемых народом. Утверждалась и судебная система во главе с Верховным судом. Три эти независимые друг от друга ветви власти составили правительство США.

Сегодня Конституция состоит из Преамбулы, семи статей и поправок.

В Преамбуле указан субъект власти: «Мы, народ…». А также, что он осуществляет ее «в целях… содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашим потомкам благ свободы».

Документ ратифицировали тринадцать тогдашних штатов (хотя хватило бы и девяти), и через два года основной закон вступил в силу.

Однако вскоре граждане указали правительству, что в Конституции нет гарантий против тирании. Их потребовали внести. В ответ в нее включили «Билль о правах» — десять поправок. В первой сказано, что Конгресс не будет: поддерживать какую-либо религию и утверждать государственную религию (это будет крайне важно в нашем дальнейшем сюжете); ограничивать свободу вероисповедания; посягать на свободу слова и свободу прессы; ограничивать свободу собраний; нарушать право народа обращаться к правительству с петициями и жалобами.

С годами принимались новые поправки. Сегодня их 27. Последняя датирована 1992 годом и, по сути, гласит, что законодатели текущего созыва не могут сами себе повысить жалованье.

С 1925 года положения Первой поправки касаются не только Конгресса США, но и законодательных органов штатов. Их члены также избираются.

Исполнительную власть членов федерации — штатов и территорий, связанных с центром договорами (порой забавными), — возглавляют губернаторы, избираемые жителями. Граждане имеют право на референдум[35]. Городами управляют избираемые мэры и законодательные собрания. И так — вплоть до судей, шерифов и руководства графств[36].

Итак, главный механизм, процедура и институт демократии в США это — выборы.

Эта система подтвердила свою жизнеспособность. Но хотя в целом она имеет тот же характер, что и в 1790 году, жизнь вносит в нее коррективы, часто не отраженные в документах. Да, они регулируют отношения партий и государства, но не определяют правил и, главное, нравов и обычаев политической жизни. Вспомним хотя бы бостонский «Стратегический комитет» закулисных дельцов, куда приняли дедушек Джона — Патрика и Фитца. Он жил своим неписаным уставом. Вспомним и ловкачей, каждый из коих проголосовал больше ста раз…

Да, ход и исход выборов определен законом. Но на каких выборах совали в урны бюллетени эти прощелыги? А какая разница? Их поведение было обычным. Хотя и незаконным. И совершалось в той сфере жизни, где неписаная норма перевесила писаное правило.

Такие проделки были рискованными, как и скупка голосов (в том числе и за виски), но на них шли. Сто лет назад коррупция вовсе не была в Штатах чем-то из ряда вон выходящим. Но на какие бы ухищрения ни решались политики, как бы ни была активна мафия, сколько бы раз ни доходило до поножовщины и стрельбы, все это всегда было частью состязания. Конкуренции разных центров силы. Разных групп интересов. То есть, несмотря на злоупотребления, демократия не казалась людям подлогом, а кандидаты не представляли, по сути, одну закулисную силу.

В СССР об этом любили говорить агитаторы: мол, состязание партий и кандидатов в США — обман: они (за какие бы личины ни прятались) суть марионетки магнатов Уоллстрита. А вот в СССР, хоть и выбираем мы единственного кандидата, но — от рабочих и крестьян. А что его утвердил комитет единственной партии, так ведь она же «нас — к торжеству коммунизма ведет…».

А в Штатах торжествовал капитал. Но выбор имелся. И беззакония, вроде описанных, лишь подтверждали реальность соперничества. Ведь без него зачем были нужны «вбросы» бюллетеней? Все бы решали высшие инстанции… Но республиканцы и демократы бьются за каждый голос, тратя на это немалые деньги, что создало особую профессию: специалист по выборам и вообще — по политическому процессу. Как у нас иногда говорят — политтехнолог.

Профессия выросла в бизнес. Впрочем, острота соперничества сузила пространство этой отрасли. Так, политтехнологи не могут работать на несколько партий сразу, годами держатся одного клиента, лишь иногда заключая контракты с «третьими партиями».

Неверно думать, что в США всегда действовали две партии — Республиканская (ее эмблема — слон) и Демократическая (эмблема — осел). Нередки были попытки разнообразить партийный ассортимент. Так немалой силой была когда-то Народная (Популистская) партия. В начале XX века вес набрали прогрессисты и социалисты. В отличие от них коммунисты в избирательном процессе толком не участвовали. И из-за своего настроя на революционное переустройство общества они так и остались маргиналами, порой в образе фанатиков и заговорщиков, а то и шпионов. В 1992 и 1996 годах вызов двухпартийности бросили нефтяной магнат Росс Перо и его «Партия реформ» и организация «Вместе отстоим Америку». Он набрал 19 % голосов избирателей — больше, чем какой бы то ни было кандидат от третьей партии с 1912 года.

И все же в Штатах почти безраздельно царят две главные партии. Их политические машины столь мощны, что оставляют очень мало места другим, как правило, вбирая в себя все значимые и серьезные инициативы.

Корни американской двухпартийности уходят в первые годы существования страны — в дискуссии о том, быть ли Америке монархией или республикой. И если республикой — то конфедерацией или федерацией?.. Тогда трое яростных публицистов Александр Гамильтон, Джон Джей и Джеймс Мэдисон сурово бились в печати за федерацию. И эта идея победила.

Но конфедерация все же возникла. В 1861 году ее создали южные плантаторы-демократы, восставшие против промышленников-республиканцев Севера. Тек тому времени создали свою — Республиканскую — партию, объединив в том числе противников рабства. В то время демократы — старейшая в США и одна из старейших в мире партий, — отстаивая рабство, добились выхода южных штатов из федерации.

Любопытно: Демократическую партию основали создатели политической системы страны — Томас Джефферсон и Эндрю Джексон (первый демократ, избранный в 1828 году президентом).

Со дня избрания Джексона и до 1860 года демократы царили в политике. Их соперником была партия вигов, взявшая название у британских либералов и дважды проводившая своих президентов — Уильяма Гаррисона и Закарию Тейлора.

Но Гаррисон — первый губернатор Индианы, конгрессмен, сенатор и президент — простыл, выступая без шляпы и пальто на холодном ветру с двухчасовой инаугурационной речью (самой длинной в истории). И через месяц его убила пневмония. А Тейлор — герой войны за Техас, перед коим дважды трепетала

Мексика — вскоре после избрания умер от тифа.

Национальная дискуссия о рабстве расколола вигов: одни выступали за свободу, другие держались позиции Юга. Первая часть ушла к республиканцам, вторая — к демократам.

6

На выборах демократы опирались на элиту Юга — плантаторов — производителей хлопка и табака. А также на фермеров и торговцев, опасавшихся конкуренции северян.

Когда в 1861 году президентом стал республиканец и противник рабства Авраам Линкольн, еще до его инаугурации семь южных штатов вышли из США. А следом — еще восемь. Началась гражданская война. И победили в ней северяне-республиканцы. Потерпев политическое и моральное поражение, «ослы» 20 лет были в упадке. «Слоны» же, развивая страну, превратили рабов в рабочих, заселили Запад, установили высокие пошлины на импорт из Европы.

Но мало-помалу равновесие восстановилось. Сперва в конце XIX века президентом дважды стал демократ Гровер Кливленд. А когда в 1912-м пришел Вудро Вильсон — демократ из Виргинии, ситуация выровнялась. «Слонов» подкосила Великая депрессия, начавшаяся при их президенте Герберте Гувере. И с 1933 по 1953 год президентами США были демократы.

К тому дню, когда Джек задумался о политической карьере, а Белый дом занимал демократ Гарри Трумэн — партия прошла долгий путь и сильно «полевела».

Она включала четыре главные группы. Первая — южане, наследники традиций Дикси[37] — консерваторы. Вторая — либералы: продолжатели дела Рузвельта, защитники гражданских свобод, сторонники сильного государства, социальных гарантий и других, по сути, социал-демократических ценностей. Третья — левые: «организованный труд» — могучие профсоюзы, отвоевавшие право на место в политике в борьбе с бизнесом и красным подпольем. И четвертая — политические машины больших городов, с весомой долей промышленных рабочих, образованных профессионалов, людей искусства, меньшинств (вроде негров или католиков).

7

«Политическая машина, — сообщает «Британская

энциклопедия», — это организация, возглавляемая «боссом» или группой, способная предоставить (кандидату, партии) количество голосов избирателей, позволяющее сохранить… контроль за городом, страной или штатом».

Иными словами, один из ключевых элементов американской политики — хорошо отлаженный механизм, «производящий» голоса избирателей.

«Это — армия, — так описал этот агрегат Эдвард Флинн, с 1922 по 1953 год босс демократической машины в Бронксе[38]. — Пусть так называемый «независимый избиратель» думает, что политической машиной можно управлять с помощью доброй воли… На самом деле, как и любой армией, ею руководит дисциплина».

Черты такой машины — иерархия и дисциплина. В ней важны обязательства и ожидания, интересы и услуги. Победив, кандидаты выполняют обещания, данные избирателям. Идеологи и агитаторы объясняют позицию партии по разным проблемам. А на уровне квартала, района, города, штата боссы, их актив и СМИ, «помогают» избирателям понять: у них и их политика есть обязательства: у него — блюсти их интересы, у них — голосовать за него.

Создатель мощной машины в Канзас-сити «Большой Джим» Пендергаст говорил: «Меня звали боссом. Это значит… ты помогаешь людям. А они — тебе. Принуждать голосовать нельзя. Я никогда этого не делал. А если видел, что кто-то пытается, знал: долго он не протянет».

Машины оказывают или обещают оказать услуги группам избирателей в обмен на голоса. Если те согласны, значит их «голоса под контролем». Сердце машины — босс и его команда. Кровь — группы интересов, голосующие так, как надо. Цель — обеспечить именно такой результат.

Машины породило устройство жизни в больших городах, где интересы предельно сконцентрированы и организованы. Пример — бизнес: малый, средний, крупный. Еще пример — этнические группы: ирландцы в Бостоне или поляки в Чикаго с их весомой численностью и спайкой. Дальше — наемные труженики: литейщики, учителя, строители и прочие. С тех пор как в ходе борьбы рабочих за право на профсоюзы республиканцы были за работодателей, а демократы поддержали «организованный труд», союзы стали одной из сильнейших групп интересов, важным партнером машин и важной частью партии «осла».

Самое крутое достижение политической машины — контроль над числом голосов, гарантирующий победу всегда. Т. е. — монополия на власть. Добиться ее непросто. Но можно. Мэр

Чикаго Ричард Дейли и его машина на десятилетия сделали город местом, где у республиканцев нет шансов. Есть только один способ борьбы с этим типом организаций: машина, которая сильней.

Это ясно видно на уровне страны. Как мы помним, «слоны» «рулили» Штатами почти всю вторую половину XIX века. А «ослы» — всю вторую четверть века XX… А потом — по очереди. И эта ротация власти — итог жесткой борьбы за избирателя, в которой с каждым годом ставки выше, а конкуренция острее.

8

Есть гипотеза, согласно которой переход власти в США от партии к партии определяет тайный «клуб» всемогущих воротил, как когда-то в Мексике или Португалии. Но авторитетные политологи убеждены: это возможно только там, где есть один полюс силы. И только до тех пор, пока не создан еще один или несколько полюсов.

Что же до Штатов, то там центров силы несколько. И они конкурируют за доли власти. Их и представляют главные партии в масштабах страны, штата, города, городка, городишки или округа. В округах американцы и голосуют. Там выдвигаются и кандидаты. Скажем, в Палату представителей Конгресса. Или в Сенат.

Палата — орган, представляющий граждан. В ней 435 членов. Выборы проходят раз в два года. Места расределяются среди штатов в соответствии с числом жителей. В Сенате заседают 100 политиков — по два от штата, который они и представляют. Их избирают на шесть лет.

Избираться в Сенат или Палату можно сколько угодно раз. Правила выборов схожи во всех штатах. Претенденты проходят первичные выборы — праймериз, где состязаются представители одной и той же партии. Затем победители праймериз от разных партий борются друг с другом. Порой в бюллетени включают и независимых кандидатов. Если член Палаты (конгрессмен) или сенатор оставит пост до истечения полномочий, на его место избирают нового законодателя.

9

Выборы президента не прямые. На них сперва голосуют избиратели, а затем — по итогам голосования в штатах —

Коллегия выборщиков избирает главу государства. Стать президентом может гражданин США по рождению, старше 35 лет, живущий в США не менее 14 лет. Согласно 22-й поправке к Конституции, одно и то же лицо может быть избрано президентом не более двух раз. Исключением был Рузвельт. В критических условиях Второй мировой войны его избрали на третий срок, а в 1944-м — и на четвертый. А потом ограничили число переизбраний, чтобы не позволить президентам создавать систему личной власти, избирающую их вновь и вновь. Тот, кто после смерти или отставки президента занимал этот пост два года и более, может быть избран только один раз. Это не коснулось Гарри Трумэна, который как вице-президент сменил умершего Рузвельта (поправка не имела обратной силы).

Прежде чем кандидат в президенты пойдет на выборы, его должна выдвинуть его партия на съезде делегатов штатов. Получивший большее число голосов утверждается кандидатом на кресло в самом белом доме Америки. Дальше — борьба с соперником от партии-конкурентки.

Нередко кандидат участвует и в праймериз. Это — риск: проигрыш на предварительных выборах делает выдвижение маловероятным. Но и победа не сулит автоматического успеха. На съездах царит борьба. Многое и тут зависит от мощи машин, работающих на и против кандидатов.

Когда складывается пара президент — вице-президент (до съезда, на нем или после), избирательная кампания стартует.

* * *

10

Возможно, кому-то покажется, что политическое устройство США описано здесь слишком подробно. Но не зная его, крайне сложно следовать за нашим героем — Джоном Кеннеди.

Во второй половине 40-х в партии «ослов» в Массачусетсе ирландцам была «зеленая улица». Они почти полностью контролировали партийную машину штата, опираясь на тысячи соотечественников-иммигрантов, которые уже во множестве покинули цеха и доки, пополнив ряды юристов, врачей, инженеров, ученых, служащих, бизнесменов. Они оттеснили янки на второй план, а новые иммигранты еще не освоились. А вечные соперники-итальянцы были слабы…

Тогда в Массачусетсе Демократическая партия была своего рода холдингом частных политических машин. Удобно для

новичков! У кого есть деньги и карт-бланш в игре в политику.

Джеку карт-бланш обеспечил клан[39]. И отец.

Сыграл ему на руку и бывший мэр Бостона Джим Керли. Став конгрессменом, он задолжал 42 000 долларов как штраф за махинации на выборах. Он хотел в Бостон. В мэры. Там о нем подзабыли, и шансы были. А его победа освобождала место конгрессмена по 11-му округу…

И Джим в четвертый раз — уникум! — стал мэром Бостона. И пусть его ждала тюрьма, это открыло Джону путь в политику. Отец убедил: поражение — не трагедия! Но… надо побеждать.

Это не спорт, не разбой, а скорее, искусство. Чуть-чуть иллюзия. Немного — страсть. Короче, сэр, политика — это не когда стреляют из кольта в люстру. А когда просто делают власть.

И если ты в деле — значит, в деле. Вольнодумство допустимо. Но помни: ты — часть целого. И тогда у тебя есть шанс достичь вершин, о коих сейчас ты и не думаешь. Ну и дерзай! Победишь — увидишь: служба конгрессмена не так уж трудна.

— Что же ты, Джек? Марш! А ля гэр ком а ля гэр!

— Yes, сэр.

Глава вторая. Политик по призванию

1

В прямом смысле слова. Его призвал отец.

Большинство в 11-м округе много лет «брали» демократы.

Те, кто здесь жил, — рабочие, мастеровые, инженеры, профессора, чиновники и даже люмпены голосовали за «ослов» — свою партию. И надо было всерьез постараться или полным кретином оказаться, чтоб здесь проиграть кандидату «слонов».

Джон Кеннеди кретином не был.

Кварталы старых доходных домов, чад мастерских, дым фабрик, нефтебазы, железные пути, лавчонки и бары, тюрьма штата… Ирландцы, итальянцы, славяне, немцы, евреи — беглецы от довоенной нищеты и военных ужасов, — моряки, докеры, заводские работяги, дальнобойщики, шпана… Их дети, жены и домочадцы — таков был электорат в 11-м округе. Точнее — в его восточной части. Немногие заходили сюда погулять в сумерках.

Это было опасней, чем в среднем по стране. Здешние места когда-то крепко «держал» дед Патрик. Но теперь тут жили итальянцы, а политикой заправляли теневые дельцы, продающие свои голоса тому, кто больше заплатит.

И поразительное дело — в этот индустриальный, криминальный, маргинальный округ ни с того ни с сего втиснули другой, особый, по сути, мир — Гарвардский университет. Плюс — окрестности, где жили дельцы-янки, ученые и служащие. Прежде они были частью тихого 9-го округа, где «рулили» республиканцы, и вот теперь…

Впрочем, в 11-й входили и районы среднего класса — Кембридж и Саммервилл, аккуратные дома которых были мечтой работяг с востока.

Но в целом, по совести говоря, Джека электорат радовал не слишком.

С другой стороны, тот факт, что выдвижение здесь было, по сути, равно победе, играл ему на руку. Но до поединка со «слоном» нужно было побороться за выдвижение с однопартийцами. Пройти через праймериз.

Иные «знатоки» советовали не лезть на большие выборы, начать с уровня штата, скажем — идти в вице-губернаторы. Чем плохо? Но уж больно много метило на этот «вкусный» пост местных воротил, имевших связи в высоких кругах. Кроме того, Джона, честно говоря, больше привлекал гламурный и столичный

Вашингтон, чем провинциальный Бостон.

И он решил баллотироваться именно здесь.

* * *

Что и говорить — для этих мест он выглядел непривычно.

Настоящий серьезный бостонский политик должен быть румян, пухл, задорен, разговорчив. Носить визитку, солидную шляпу, золотые часы с цепью и жить в собственном доме.

А Кеннеди въехал в отель «Бельвю» (где когда-то жил — не тужил медовый Фитц), часы носил на руке, не имел шляпы, ходил в пиджаке, был строен и темен загаром (из-за болезни и лекарств). Хотя и обладал немалым чувством юмора.

Потому-то он и рассмеялся в ответ на замечание одного крупного партийного босса, к которому заехал просить поддержки. Тот прямо сказал:

— Молодой человек, ваши дед и отец — солидные люди, я их уважаю, но вас не поддержу.

— Почему?

— Потому что вы похожи на такого-разэтакого афериста: живете, вон, в отеле…

Услышав это, Джек весело рассмеялся. Ему и в голову не приходило, что это важно.

Это сперва смутило, а потом развеселило воротилу. Он тоже хохотнул и спросил:

— Чего это вы смеетесь?

— Сэр, вы, конечно, правы, — ответил Джек, — но сейчас это не отель. Это штаб. Кстати, там нередко бывает мой папа. Заходите. Мы будем рады вас видеть.

Так и было: Джон часто навещал его в «Бельвю». И что же он видел? Комнаты, полные народа — друзей семьи и одноклассников, флотских офицеров и политических шарлатанов, карьеристов, активистов, мечтателей… Чтобы спокойно поговорить по делу, приходилось спускаться в холл. Но Джо это не смущало. Он сам немалую часть жизни провел в отелях — оттуда было удобно разруливать финансовые сделки.

Не будь отца, местные серьезные люди вряд ли приняли бы Джека всерьез.

Бостонская политика — не для мальчиков с чернилами под ногтями, бурчали они, но Джо! Джо — это голова… И деньги у него есть.

Без денег, конечно, и соваться не стоило. Но на важное дело долларов отец не жалел. И, как когда-то в бурный океан, Джек

отважно «нырнул» в кампанию.

Ему пришлось создавать команду. И он ее создал. С ним были его друзья по Чоату, Гарварду и флоту. И главное — с ним был клан.

2

Джон подбирал людей родом из Бостона. А лучше — из округа. Молодых, энергичных, грамотных. Демократов не по партийному опыту или привычке, а по духу… Фрэнк Морриси и Марк Дэлтон; улыбчивый Тэд Риордан из Саммервилля; Том Бродерик из Брайтона; Дэйв Пауэрс, взявший на себя «крутой» квартал Чарльстаун; Билл Кейли с востока и Джон Дроуни из Кембриджа — все были на войне, все были молоды, все хотели многого. И больше всех — Джек.

Обаятельный молодой человек. Хорошо одетый. С привлекательной внешностью. С правильной речью. И с какой-то отчаянной храбростью в глазах.

Порой они возвращались в «Бельвю» за полночь. Но так и надо вкалывать на праймериз.

Потому что на них все жестко. Бывает по десятку и больше кандидатов. И все — из одной партии. Это не конкурс идей и программ, это личное дело. Облить соперника грязью, обвинить во всех грехах — легко. Хвастаться прибылями и хвалиться медалями — сколько угодно.

Статная блондинка Кэтрин Фарли, ветеран, майор медслужбы, в белоснежном кителе шла на трибуну, чтобы назвать Кеннеди «бедненьким маленьким богатеньким мальчугашей».

Ее внимательно слушали четверо смуглых итальянцев (двое — по имени Жозеф Руссо), утверждавших: «Джо Кеннеди хочет купить выборы».

Некий учитель, решивший доказать, что можно баллотироваться без денег, призывал его оставить блажь папенькина сынка. Ему вторил Джо Ли, что часто баллотировался на разные должности в католических районах и, случалось, побеждал.

Ну, а бывший секретарь мэра Керли Джон Ф. Коттер и Майкл Нэвилл, что с разным успехом шел в мэры и Конгресс штата и считался реальным претендентом на победу, наперебой предлагали ему подучиться — поработать у них на побегушках.

Между тем Джон вел кампанию спокойно, энергично и целеустремленно. И соперники, чувствуя опасность, сменили насмешки на обвинения. Папа Джо прямо сказал, заявляли они,

если захочу, изберу в Конгресс и своего шофера.

Сложно сказать, насколько опасными для Джека были эти слухи. Быть может, они и побуждали задуматься и усомниться средний класс, а у работяг с «востока» вызывали, возможно, смех: а что? Сказал — изберет. С такими-то деньгами… Кеннеди — люди серьезные. А нам нужно, чтоб в Конгрессе сидел серьезный парень. А Джек к тому же — герой.

И впрямь, война дала кандидату честь и славу — сильное орудие политической борьбы. Выступая перед избирателями, он не раз весело говорил о своем подвиге, но прежде всего — о матросах, об их мужестве и верности флагу. С особым теплом говорил он Джо. О погибших. О ветеранах. На трибуне, на ящике, просто на земле стоял не только герой и брат героя, но человек, воздающий дань павшим за свободу Америки и других народов. И обещавший заботиться о живых. А их были тысячи — парней, вернувшихся с войны, в том числе раненых и увечных. И его слушали. Ему хлопали. Его шуткам смеялись. Ему жали руку.

3

Пешком и на машинах округ бороздили его активисты — звонили в двери, просили голосовать за Кеннеди. От них не отставала Роуз. Она приглашала на чай. Сегодня — жен боссов, а завтра — домохозяек. Сестры Джека были с ними приветливы, шутили, подносили печенье. Гостьи были довольны: вон какая у кандидата любящая, красивая, настоящая американская семья. А как они плачут по погибшему мальчику. А ведь чуть не потеряли двоих! А мой Билли вернулся без руки. А сколько их теперь — калек на пособии? А Джек может им помочь…

В мае 1946 года Джек с треском разгромил соперников-однопартийцев.

Утром он отправился на избирательный участок с дедушкой и бабушкой Фицджеральдами. Потом — в кино, на «Ночь в Касабланке». К концу сеанса подоспели результаты праймериз. У него -22 183 голоса. Майкл Нэвилл мог нервно курить в уголке — он получил вдвое меньше. Коттер проиграл со счетом три к одному. Белоснежка майор Фарли пришла пятой. Джек взял 42 %. Для гонки десяти кандидатов — очень неплохой результат.

Джек принял успех спокойно. Хотя и был в восторге. А вот дедушка Фитц!..

Надо было видеть, как он, распевая «Сладкую Аделину», бацал ирландскую джигу…

Так Джон получил мандат Демократической партии на

борьбу с республиканским кандидатом. И победил, получив на выборах в декабре в два раза больше голосов. А что вы хотите -11-й округ. Здесь всегда побеждают демократы.

Сразу после победы Джек, Бобби и сестрица Пат отправились путешествовать. Вместе они проехали 40 000 километров по Израилю, Индии, Вьетнаму и Японии и сдружились еще крепче. С тех пор Бобби стал непременным участником всех серьезных политических операций брата. А их предстояло немало.

4

В январе 1947 года двадцатидевятилетний конгрессмен Джон Кеннеди занял свой кабинет в корпусе Палаты представителей Капитолия — комплекса зданий, где расположены учреждения законодательной власти США. Но это еще не значило стать политиком.

Однажды он в смущении рассказал сотрудникам: «Вхожу я в лифт, а какие-то — мне: эй, чел, нажми-ка четвертый…».

Таков его вид: галстук ослаблен, сорочка торчит… Он привык надевать первое, что попалось под руку. А то и костюм, который слуга Джордж Томас приготовил для стирки. Так что опытные коллеги видят в нем юного выскочку, а матерые лоббисты называют «парниша».

Как-то он играл в футбол со школьниками. И тренер спросил:

— Ну как конгрессмен в игре?

— Конгрессмен? Ну и кликуха! Ему надо больше тренироваться. Будет работать — выйдет толк. Мальчишки, что «пинали мячишко», не знали, что перед ними — законник…

В Конгрессе Кеннеди много работает над законами о труде, заботясь о рабочем человеке, но следя, чтоб смутьяны-«комми» не сбили его с толку. Одним словом — «бутербродный либерал».

Служба конгрессмена и впрямь оказалась не так трудна.

Особенно если у тебя толковые сотрудники. Его тогдашняя секретарша Мэри Дэвис и помощник Тэд Риордан усердно вели переписку с округом, разъясняя людям, что для них сделал их конгрессмен, как голосовал по важным для них вопросам… И люди это ценили.

Ему часто писали. И он всегда отвечал. Да, у сотрудников были образцы ответов, но годились они не всегда. А Джон понимал важность общения. И знал, как люди ценят внимание: о его ответе мистер Джонс расскажет миссис Джонс, а та — миссис О'Хара, а та мужу Майклу… И тот скажет: знаешь, Люси, а ведь не зря мы выбрали этого парня. Давай-ка и в следующий раз…

Для избирателей его двери всегда открыты. Он записывает их имена, а потом толкует по-приятельски: как дела, Гарольд? Все в порядке, Люси?

В его элегантной квартире в Джорджтауне его ждут горничная Маргарет Эмброуз и черный слуга Джо Томас. Он же чистит его одежду и приносит в Конгресс судки с домашней едой.

Джек холост, и его встречи с девушками мало кого интересуют. Как и то, что девушек много. Должен же и конгрессмен когда-то жениться. И выбрать супругу. Как тут обойтись без свиданий? И друзья у него приличные — вот, скажем, Джо Смазерс — молодой, энергичный, холостой. Отчего ж им не сводить девушек в кино или на бейсбол? Отчего не съездить на пикник?

В те времена заезжать с девушками в отели было лучше в маленьких городках Виргинии и Мэриленда, где тебя никто не знает и где ты вряд ли встретишь знакомых. А еще лучше — в мотели на отдаленных дорогах, где не просят предъявлять права.

Но и спорт, и развлечения, и романы постепенно отступают на задний план. Мало-помалу политика увлекла Джона. Он все больше верит в себя. Его уже не зовут «парнишей». Он и в Конгрессе уже почти ветеран. Он знает парламентскую «кухню».

Отец внушает: Конгресс — это старт. Так беги! Пора в Сенат.

Да, твой будущий соперник — матерый Генри Кэбот Лодж. Но «сделаем» и его. Вперед!

5

Пройти в Сенат — задача не из простых. Сенатор представляет не жителей округа, а весь штат. Он вхож и на мировую арену. Джека всегда влекла мировая политика…

Он готовится к новым выборам. Он делает свою программу масштабней и глубже.

Говорит о войне в Корее, о роли Москвы и Пекина. Чаще общается с дипломатами и журналистами. Едет в Европу, встречается с Тито, Неру, Бен-Гурионом, папой Пием XII… Его задача — понять: выполнят ли страны НАТО свои обязательства, если США пошлют в Старый Свет войска для их защиты? Он посещает Британию, Францию, Италию, встречается с видными политиками и незаметными (но важными) чиновниками, конспектирует свои впечатления и итоги бесед, а вернувшись, готовит доклад — свое видение ситуации.

В начале 1951 года сенатские Комитеты по международным и военным делам совместно обсуждали вопрос: направлять войска в

Европу или не спешить. После госсекретаря Ачесона, генералов Эйзенхауэра и Маршалла пригласили выступить конгрессмена Кеннеди как эксперта, только что вернувшегося «из полей».

И он говорит. Впервые — перед такой аудиторией. Перед ним — крупнейшие гражданские и военные чиновники, мастера глобальной политики, сенаторы. Он говорит о стратегической важности Западной Европы и о ее слабости. О потребности в военной помощи. О том, что надо убедить европейцев наращивать оборону — выставить по шесть дивизий вдобавок к каждой американской. Его подход прост: цель не в том, чтобы «Америка делала меньше, чем может, а чтобы Европа делала больше, чем сейчас».

Этот подход по душе не всем. К нему обращается опытнейший сенатор Уолтер Джордж: «Вы — член именитой семьи. Ее влияние на общественное мнение хорошо известно. Поэтому я хочу спросить вас: вы помните выступление вашего отца в декабре 1950 года?»[40].

Джек помнил. В этой лекции Джо призвал Америку уйти из Кореи, а о Европе заявил: «Обсуждать вопрос, где остановить русских — на Эльбе или на Рейне, — нет смысла. Не лучше ли убраться из Европы прямо сейчас? Правда такова: если русские решат наступать, мы сможем остановить их только на этой стороне Атлантики. Возможно, через десять лет, через поколение или чуть позже, Европа станет коммунистической».

— Вы расходитесь во мнении с отцом? — спросил сенатор.

— Мой отец… считает, что защищать Европу слишком сложно и слишком поздно, — ответил Джек. — Они думают, что мы пошлем солдат на смерть. Но без Европы Америке не выжить.

— Я считаю так, — заключил он. — А мнение отца спросите у него.

На этих слушаниях впервые публично прозвучала его позиция: Защищая Европу, мы защищаем Америку. Это — прообраз будущего подхода Кеннеди-президента. А в тот момент — его прорыв в большую внешнюю политику.

Он становится все заметнее в Конгрессе. А в 1952 году вступает в борьбу за место в Сенате от штата Массачусетс. Его штабом командует Бобби. Он тоже включается в план отца.

6

Им предстоит помериться силами с матерым политическим волком — сенатором Генри Кэботом Лоджем. Это его деду тридцать шесть лет назад Медовый Фитц проиграл выборы в

Сенат. Внук тоже был не промах. Имел в Массачусетсе сильную избирательную машину.

В начале 1956 года Джон проехал все городки штата- всего 351. Он плел свою сеть. Ткал полотно социальных связей, где центральной нитью был он сам — кандидат в Сенат. Кеннеди строил свою организацию, способную эффективно противостоять машине Лоджа и одолеть ее.

Вскоре у него было 286 секретарей, готовых заклеить штат плакатами, нацепить его значок на грудь каждому, обойти дом за домом. Сдержать врага, перейти в наступление и победить. Пришла пора, и Кеннеди послал свою армию в бой.

— Кризис пришел и в Массачусетс… — объявил он, — слишком долго наши представители в Сенате беспомощно мирились с тем, как гибнут наши предприятия и рабочие места… Поэтому я выступаю против Генри Кэбота Лоджа-младшего…

Лодж принял вызов. Его и его семью знал весь штат. Еще в 1936-м он побил демократа Джима Керли. А то был год, когда «ослы» побеждали почти везде. Через шесть через лет победил снова. В 1944-м прямо с сенатской скамьи ушел в армию. А через год вернулся и снова победил.

Как и Джон, Лодж энергично работал с электоратом. И пользовался успехом. К тому же их программы были схожи, как и позиции по законопроектам. Лодж, хоть и был республиканцем, тоже считался «бутербродным либералом». Как и у Кеннеди, во внутренней политике его позиция была умеренной. Он голосовал за дешевое жилье, льготные кредиты и избегал выступать за или против политики Джозефа Маккарти. Как и Джек, был против изоляционизма, за активность Штатов в мире, за помощь Европе и усиление НАТО. Это было трудно — найти проблему, по которой между ними мог возникнуть конфликт (а конфликт — ключевой фактор предвыборной борьбы). И значит, кампания снова из битвы программ и идей превращалась в личную дуэль.

Никто из местных республиканцев не мог тягаться с Лоджем. Ему и Джеку предстояло собрать несколько тысяч подписей за свое выдвижение. Праймериз не было. И значит, Кеннеди не мог «обкатать» на них свою любительскую организацию. Собрать подписи было делом не хитрым.

Выход нашел братец Бобби. А давайте, сказал он, соберем в 10 раз больше. Причем не в Бостоне, а в провинции. Итог превзошел ожидания — 262 324 подписи. Всех подписавших, их адреса и телефоны внесли в особые списки, чтобы вновь обратиться к ним в ходе кампании.

Кеннеди наращивали силы. Из Чикаго прибыли Джин и Юнис. Из Нью-Йорка приехала Пат. К битве готовилась мама.

Отец разрабатывал стратегию борьбы в элитах.

Так оттачивалась схема избирательной кампании, которую использовал Джек. Борьба ведется в массах, в СМИ (на телевидении) и высшем обществе. С массами работают актив и семья. С журналистами — семья и профессионалы. С элитами — отец. И со всеми — он.

Каждый член семьи вложил в кампанию свои деньги: по 1000 долларов в каждый из комитетов, основанных для ее финансирования: «Граждане за Кеннеди и процветающий Массачусетс», плюс комитеты «Развития рыбного хозяйства», «Модернизации промышленности побережья», «Модернизации текстильной промышленности», «Строительства Массачусетса». По закону один человек не мог вносить в один комитет больше 1000. То есть каждый из членов клана выложил по пять. Другие траты составили 70 000. Собрали и еще двести взносов по 1000.

7

Повсюду в парикмахерских и салонах красоты лежали сотни очерков о военном подвиге Джека. Что ни день, выходили пресс-релизы. Его поддержала Boston Post[41]. Поздравление с еврейским Новым годом от его лица подготовили за несколько недель до праздника…

Районы Бостона, города и фермы — кандидат побывал везде.

С тактикой и практикой был порядок. Но не со стратегией. С какой руки ходить — с правой или с левой?.. Ведь в «армии» Кеннеди и ее штабе были и консерваторы, и либералы.

Случались и конфузы. Как-то ветеран Новой сделки Гарднер «Пэт» Джексон принес в штаб заявление, где от лица Джека осуждался сенатор Маккарти. Кандидат спал, а в гостиной, где сидел и Джо, народ слушал Джексона. Но не успел он начать, как Кеннеди-старший вскричал: «Вы что? Хотите погубить Джона? Мы не против Маккарти! Мы даем ему денег! А вы и ваши дружки евреи и профсоюзники — профаны в политике и ради своих идеек готовы угробить все дело».

Вошел кандидат. Молча послушал. И отбыл на митинг.

Через пару дней в той же комнате он спросил Джексона:

— Что, Пэт, досталось?

— Джек, объясни, что за человек твой отец?

— Г лава семьи… — был ответ. Поняв, что стратегов не помирить, Кеннеди дал им свободу рук, но и сам действовал. Пока его правые и левые вели свои операции, он атаковал Лоджа по ряду тем: гражданские права, рост цен и аренды, КНР и

торговля с коммунистами. Но в центре внимания был Массачусетс.

8

«Лодж сделал и сделает для Массачусетса все возможное!» — кричали плакаты соперника.

«Кеннеди сделает для Массачусетса БОЛЬШЕ!» — отвечал наш кандидат.

И рекламных щитов у него было больше.

Но не это, конечно, было ключом к победе. Как-то он увидел придорожное кафе. А над ним огромный, очень дорогостоящий билборд с призывом: «Кеннеди — в сенаторы!»

Выпив в кафе бокал коктейля, он протянул руку бармену: здравствуйте, я Джон Кеннеди!

— Кто-кто?

— Джон Кеннеди, баллотируюсь в Сенат США.

— О, Джон! Привет-привет! Так куда вы баллотируетесь?

* * *

Битва реклам шла своим чередом, но Кеннеди и Лодж вели себя как джентльмены, воздерживаясь от нападок и обвинений. Как-то немалая толпа собралась, чтобы услышать их полемику, ожидая увидеть милую сердцу любого обывателя предвыборную свару, но кандидаты были крайне корректны. Впрочем, они очень редко встречались лицом к лицу.

«Мягким» было и секретное оружие, примененное Кеннеди против Лоджа. На завершающем этапе кампании домохозяйки несколько недель получали вот такие открытки:

Прием в честь госпожи Джозеф П. Кеннеди[42] и ее сына, конгрессмена Джона Ф. Кеннеди.

В среду 1 октября 1952 года в 8 часов вечера.

Отель «Командор», Кембридж, Массачусетс.

Вы приглашены!

Казалось бы, какое отношение к выборам имели эти изящные приглашения на белом картоне? А самое прямое. Бал на чаепитиях правила Роуз Кеннеди и ее дочки! И они покорили дам штата независимо от их возраста и положения. Импозантная, зрелая, мудрая женщина беседовала с ними как с подружками. Говорила о детях, о том, как растила их и как переживает за сына.

— А если бы вы знали, — говорила, — как они все

переживают!

И указывала при этом на дочек, мило щебечущих с другими гостьями.

А тут и сын выходил с краткой, энергичной речью. И домохозяйки застывали с чашкой в одной руке, а с печеньем — в другой: ах какой-какой-какой… хороший мальчик! Аплодисменты, еще чашка чаю или кофе, довольные дамы рассаживаются по «плимутам» и «бюикам» и следуют домой, чтоб рассказать мужьям и соседям, какие классные эти Кеннеди и какой у них отличный сын.

Меж тем сами Кеннеди почти без сил шли к столам. А через день все повторялось.

Больше того, программа «Кофе с Кеннеди» дважды вышла на телевидении. Роуз в кресле, с вязанием в руках, объясняла, как хорошо воспитать детей, как поддерживать мир в семье, как прекрасны ее дети и что Америка есть на свете! И как она горда Джеком. Своим героем.

А Джек улыбался с экрана.

Он был нарасхват. Мест, где его ждали, было больше, чем его родных и активистов. Как-то пришлось выступать даже Бобби: «Мой брат Джек не смог приехать. Мама и сестры — тоже. Но если бы Джек был здесь, то сказал бы: в Сенате у Лоджа сплошная лажа. Спасибо».

В ночь подсчета голосов сестры спали, измученные раздачей значков в бостонском метро. Кандидат, взволнованный, но внешне спокойный и, главное, уверенный в победе, сидел в кругу друзей. На той же улице располагался штаб Лоджа. Там окна горели тоже. Рассвело. Джек и его друг Торби Макдональд пошли подышать в городской сад. Лодж покинул свой штаб в 6 утра.

Джек выиграл со счетом 1 211 984: 1 141 247.

— Меня победили проклятые чаепития, — заявил Лодж. Но все знали: победил Кеннеди.

Глава третья. Вершина холма

1

Желтая пресса взахлеб писала о торжестве Кеннеди. Серьезная обсуждала новость скупо. Там понимали: в его методах ведения кампании технологии (прежде всего — ТВ) преобладают над идеями; его вероисповедание — заведомый минус, не ставший помехой; его настойчивость и прагматизм — говорят о силе. Самые прозорливые догадывались: Капитолийский холм для Кеннеди — лишь пересадка на пути к Пенсильвания-авеню[43].

Кеннеди победил политика, впервые избранного сенатором, когда сам Джек ходил под стол пешком. В прямом смысле слова. Он стал третьим демократом, избранным в Сенат от Массачусетса. Для этого мало было чаепитий и больших денег.

Дальновидные обозреватели видели: похоже, рождается новый большой политик. А возможно, и новый политический феномен — предвыборные технологии нового поколения.

Кроме того, Кеннеди нельзя было вместить в рамки ни одной из главных идеологических групп, представленных в США.

Он не выглядел четко выраженным либералом, как не был и консерватором, — уклонился от публичного самоопределения. Но показал себя человеком, озабоченным не столько лозунгами и девизами, сколько настоящим и будущим штата, который ему предстояло представлять. И будущим страны, в жизни которой он играл все большую роль.

Что же до технологий, то внимательные комментаторы подметили: он во многом отошел от принятых стандартов политической рекламы — адресовался не потребительским рефлексам посетителей супермаркетов, привыкших к мессиджам типа «Наш товар лучший — сделайте его своим!», а к их разуму и высоким эмоциям, предлагал обсудить и осмыслить содержательные истории. Стремился не впарить товар, а присоединить людей. Если не к программе, то хотя бы к ее носителю — к нему, Джону Кеннеди.

2

Возможно, уже тогда Кеннеди начал ощущать роль, которую телевидение начинало играть в обществе? С тех пор он не раз поражал людей своей интуицией. Но, очевидно, здесь работала и

логика. Примерно такая: по телевидению рекламируют автомобили; автомобили стали не менее важной частью нашего образа жизни, чем политика; почему не использовать эфир для рекламы политиков? Возможно, уже тогда в окружение Кеннеди стали проникать идеи Маршалла Маклюэна[44], работавшего над концептом массовой коммуникации.

Фильмы вроде «Кофе с Кеннеди» оставляют впечатление, что ТВ не было для него лишь инструментом, вроде плаката или речи. Он хотел не просто себя показать, но утвердить свой образ в картине мира зрителей… Похоже, Кеннеди (или те, кто делал его фильмы и обсуждал их воздействие) хотел, с одной стороны, превратить себя во внезапно материализованную мечту зрителей, а с другой — породить у них стойкие и долгие позитивные эмоции.

Маклюэн утверждал: телевидение — уникальная технология соединения чувства и воображения в рамках единой, общей жизни. Об этом начиная с XVIII века мечтали поэты, с творчеством которых был знаком Кеннеди: когда-то Уильям Блейк, а после Дэвид Герберт Лоуренс и Уильям Йетс. Мечтать-то мечтали, но считали мечту несбыточной. Мечты поэтов отражали стремление тысяч людей увидеть в реальности живущие в их сознании позитивные образы и, встретившись с ними, ощутить подлинную радость.

И вот к ним пришел телевизор. И, как учил Маклюэн, изменил их жизнь во всех личных, социальных и политических аспектах, как самая новая и импозантная технология продления центральной нервной системы вне тела человека. Что позволяло герою (а точнее — его телевизионному образу) соединиться со зрителем. Стать важной, приятной и ценной частью внутреннего мира избирателя.

Легко допустить, что Кеннеди или люди из его окружения, знакомые с этими теориями, решили, что стоит использовать такую возможность. Или задумали провести эксперимент.

И провели успешно. Уже скоро мы увидим, как ТВ станет одним из самых часто применяемых и успешных политических инструментов Кеннеди.

Впрочем, попытки использовать ТВ в политических целях уже имелись.

В 1952 году штаб кандидата в президенты Дуайта Эйзенхауэра впервые выпустил предвыборный телеролик с песней — знаменитый I Like Ike. Под бодрую музыку Ирвинга Берлина милый белый мультяшный слон с портретом кандидата вел за собой приятных рисованных людей — пожарных, рабочих, клерков, фермеров, мам-пап с колясочками и маленьких собачек.

Они держали флаги и воздушные шары с надписью: Ike (Айк — прозвище генерала), и пели:

I like Ike, you like Ike,
everybody likes Ike!
Hang out the banner and beat the drum:
Well take Ike to Washington!..

Ну типа:

Я люблю Айка, ты любишь Айка,
а ну-ка за Айка голосуем, давай-ка!
Вывеси флаг и бей в барабан,
Мы ведем Айка в Вашингтон!

На победно торчащем хоботе слоника реял флаг с именем Айк, а на попе располагался барабан, в который он лупил колотушкой, ухваченной хвостом.

А у обочины ослики — вожди демократов — уныло стояли в вольере. Марш завершался триумфом. Над Капитолием встает солнце с надписью: «Айк». Звучит призыв: «Все добрые американцы — на помощь стране!» На экране девиз: «Голосуйте за Айка Эйзенхауэра!»

Демократы ответили клипом, где Эдлай Стивенсон представал спасителем фермеров.

Так началась битва роликов. Чтобы через 15 лет стать одной из самых дорогих статей в бюджетах избирательных кампаний.

Кеннеди был среди первооткрывателей этого мощного орудия борьбы. Но он пошел дальше. Стивенсон и Эйзенхауэр видели в ТВ лишь инструмент. Кеннеди сделал его политикой.

А пока получил столь нужный ему для победы перевес в 70 000 (1,6 %) голосов.

3

Обосновавшись в Сенате, Джек не раз говорил своему новому сотруднику — молодому и способному юристу Теодору Соренсену: «Сидя на этом красивом холме, я нередко мечтаю. И вот что видится мне: все дело не в деньгах и не в количестве женщин, и не в старых идеях, и не в возможной войне… А в том, что пока я, как слепой, на незнакомом пути. Знающий точно, куда он должен прийти. И я боюсь, что иду не так быстро, как надо, но

верю, что я у Бога в горсти…».

Соренсен слушал внимательно. Он понимал: Кеннеди хорошо умеет сочетать внешне романтические рассуждения с трезвым прагматизмом и жестким планированием.

Тэд, хоть и был по профессии юристом, пришел на работу к Джеку как автор статей и речей. И показал свой яркий талант, ответственность и неординарность суждений.

Кеннеди не терпел в людях ординарности. И напротив — ценил из ряда вон выходящих, неожиданных и ищущих помощников. Главное, чтобы все это не было красивым переливанием из пустого в порожнее, а приносило конкретный и видимый результат.

Он и себя ощущал необычным. И не только в Верхней палате.

Коллеги-сенаторы присматривались к нему. И хотя, как и каждый вновь избранный, Джек занял место в одном из задних рядов — он легко вписался в этот «зал живых монументов» американской политики: оценил верность традициям и ритуальному «джентльменству», подчеркнутый демократизм, легко идущий бок о бок с «аристократизмом».

Вот знаменитый Карл Хэйден, избранный в 1927 году. Вот Том Коннели, избранный в 1929-м. А вот и бывший губернатор Гэри Берд, пришедший на Холм в 1933-м. Были здесь и видный деятель Новой сделки Герберт Леман, сенатор от Нью-Йорка и глава банка Lehman Brothers; алабамский юрист Джозеф Хилл. Кресло перед Джеком занимал умеренный демократ из Иллинойса Пол Дуглас, а справа — левый либерал из Миннесоты Хьюберт Хэмфри…

Хватало и «столпов консерватизма»: начиная с лидера демократического меньшинства Линдона Джонсона и многолетнего идеолога республиканцев Роберта Тафта до Джо Маккарти из Висконсина, печально известного тем, что в фанатичной борьбе с «красной угрозой» умудрился попрать и этику, и нормы, и доброе имя американского законодателя…

Теперь он был одним из них. Сенатор от Массачусетса — Джон Фицджеральд Кеннеди.

Ему отвели четыре комнаты. Помещение для аппарата. Личный кабинет и приемную. Ее дверь всегда была открыта. Джек знал: не так уж велика роль, которую сенаторы-новички играют в большой политике. Избиратели, лоббисты и именитые коллеги оценивают тебя не столько по речам или работе над законами, сколько по конкретной пользе, принесенной штату, бизнесу штата и им. Понятно, что с первых своих дней в Верхней палате Джон хотел, чтоб его офис приобрел репутацию места, где решают вопросы.

Для этого нужен был немалый персонал. Государство выделило ему на оплату сотрудников 36 900 долларов, но их не хватало. Пришлось доплачивать из своих. В результате Джек добился того, что приобрел репутацию полезного парня, нужного человека.

Вопросы были разные — от неясностей с ветеранскими льготами и получения профессором Гарварда рабочего места в Библиотеке Конгресса до законов, нужных рыболовецким, текстильным, кораблестроительным и другим компаниям штата[45]. Требовались также расширение сети общественного транспорта и реконструкция Бостонского порта.

Законы, над которыми работал Джон, касались в основном делового сообщества Массачусетса и рабочих. Входя в Комитет по труду и социальному обеспечению, он занимался страховой защитой рыболовных судов; контролем за ценами на сырую шерсть; выделением 10 000 000 долларов на ремонт и конверсию военной базы Пьер и другими вопросами, связанными с доходностью бизнеса и созданием новых рабочих мест.

Вскоре он предоставил солидный отчет о своих делах. А в мае 1953 года начал личный «крестовый поход» во имя интересов промышленников и наемных работников Новой Англии. Он заявил с трибуны Сената, что, хотя регион процветает, «это процветание находится под угрозой, с которой надо разобраться». Он говорил два часа. В этом первом большом выступлении в Верхней палате он представлял не только свой штат, а всю Новую Англию[46]. Причем предлагал бороться с угрозами, которых большинство его коллег не видели. Среди них (и ей он посвятил свою вторую большую речь) были слишком слабые гарантии минимальной заработной платы.

Третью речь он посвятил темам национального масштаба — свободе конкуренции, экономии госсредств, расширению торговли и сохранению уровня производства.

Так он вошел в круг ветеранов палаты. Расширил свою политическую базу, выступив в роли лидера ряда штатов. А главное — обозначил подход, который будет отличать его как президента (хоть и не всегда): решать вопросы до того, как они станут проблемами.

4

Но проблема была у самого Кеннеди. Состояла она в том, что рамки штата и даже группы штатов были ему узки. Он претендовал на более высокий статус и масштабную роль.

Комитет по международным делам — один из самых престижных в Сенате: вот где он видел приложение силам. Но чтобы достигнуть этого уровня, предстояло одолеть несколько ступеней.

Первая: компромисс в отношении сенатора антикоммуниста и антилиберала Джо Маккарти[47]. Джек выступал за финансирование его расследований и за Закон о контроле за подрывной деятельностью, ибо, как многие либералы, да и американцы вообще, боялся коммунизма. Да, Россия далеко, но свои, местные «комми» — здесь, рядом. И служат Кремлю, помогая распространить его влияние на весь мир. Это и есть «красная угроза». И ее нужно пресечь. Проблема в том, что, атакуя «красных», Джо нападает и на либералов. И вот, чтобы отвести удар от себя, сенаторы Хэмфри, Фулбрайт и Леман предлагают запретить Компартию и сделать работу Маккарти ненужной. Но тот в ответ лишь смеялся, рассказывая, как в детстве ловил скунсов: «Скунса невозможно запретить. Так и с «комми» не покончить, не извозившись в дерьме. Ну а потом — со всеми этими чистоплюями-Леманами…».

Но и они знали: этот фанатик и его массовая поддержка среди людей, напуганных атомной мощью Советов, угрожают демократии. Сегодня они скандируют Better Dead, then Red! или Kill a Commy for Your Mommy![48] — а завтра примутся за них. И плевать им будет на закон.

И впрямь, «отморозок Джо» презирал всякие там нормы и правила. И тут ошибся — покусился на святая святых — на армию. Отлов «комми» в Голливуде и профессуре еще терпели, но армия!.. И после скандальных слушаний «Маккарти против Армии США» либералы решили: параноика надо «валить». И обвинили его в «стремлении расколоть Сенат и общество», в «посягательстве на гражданские свободы» и «нанесении ущерба престижу США». Газеты полнились карикатурами: мракобес, крича: «Горим, горим!», лезет тушить факел статуи свободы. Кампания достигла такого размаха, что Джо вынесли официальное порицание, это означало отказ в доверии. Вспомнили и о давней подделке наградного листа, и о запойном пьянстве.

Джек хотел остаться в стороне от этой борьбы. Ведь Маккарти был другом его отца. Но чтобы избежать изоляции в своей фракции, он решил голосовать за порицание, хоть и с иной формулой: «За покушение на честь и достоинство Сената». Но слова уже не имели большого значения. Шел бой, где нужны были смелость и стойкость.

В нем победят либералы. Их верность демократическим принципам перевесит истерические крики об избавлении США от

«красных» и их пособников. 2 декабря 1954 года Маккарти получит взыскание. «За» проголосуют 67 сенаторов. И лишь 22 — «против».

И как же голосовал Кеннеди? А никак. Он следил за баталией издали — с больничной койки. Хотя боль в спине была так сильна, что он едва мог читать газеты и слушать радио.

Незадолго до дебатов о Маккарти Джек покинул столицу и лег в больницу. Дали о себе знать давняя футбольная травма, боевое ранение и операция, оказавшаяся не такой уж успешной.

Врачи настаивали: нужно новое хирургическое вмешательство.

И вот он в Манхэттенском госпитале специальной хирургии — ему вставляют в спину стальную пластину. Еще месяц он лежит пластом и видит только самых близких. Нередки случаи забытья. Состояние остается тяжелым. Приходит декабрь. Маккарти объявляют порицание, а в протоколе пишут: «Сенатор Джон Кеннеди отсутствует по болезни».

А болезнь все тяжелее. Врачи предлагают увезти его из снежного Нью-Йорка в теплую Флориду. И вот на Рождество, укутанный и бледный, летит он в Палм-Бич. Но улучшения нет.

Назначена новая операция. Пластину удаляют, многочасовая работа хирургов и тревога семьи. Успех. Он идет на поправку. 25 февраля Джон, тихо ступая, выходит из больницы. Лечение длится полгода и требует не меньшего мужества, чем битва в Сенате.

Джек ненавидел зависимость от врачей и близких. Он привык быть хозяином положения. Хотел чувствовать себя во всем победителем. Не желал мириться со своей болезнью.

Друзья шутили: природа обеспечила тебе отдых от вечной гонки за утехами и успехами.

Враги дразнили: Кеннеди на краю могилы — рак в последней стадии. Да, что вы?! Он умирает от туберкулеза! Да нет — от болезни Эдисона, крайнего ослабления иммунитета. Господа, очень тяжелый случай. Сможет ли сенатор исполнять свои обязанности?

Чтобы противостоять сплетням, отец издавал бюллетени о его здоровье. Но помогало это плохо. Как и интервью — писаки ухмылялись: признается он, как же!..

Болеть в Америке — это не только большой расход, но и удар по престижу. Там не верят, что больной политик имеет право на свой пост. Да, кресло-каталку простили Рузвельту.

Но супергероям прощают почти все, а простым сенаторам — нет. Соперники легко превращают их простуду в чахотку. Порез пальца — в ампутацию руки. Мигрень — в рак мозга. Так было и с

Джеком. Но что делать? От болей в спине спасал только новокаин, от болезни Эдисона — инъекции кортизона.

Но говорить о процедурах публике опасно. Публика любит, когда все просто и ясно. И потому Кеннеди публикует заключение врачей: «…сенатор обладает исключительной физической стойкостью и иммунитетом выше среднего уровня. Его редкая энергия при минимальном отпуске… говорит о прекрасной физической форме и замечательной жизнеспособности».

Ну и, добавим от себя, редкой выдержке.

Именно выдержку, силу, острый ум и верность принципам, прежде всего, ценил Кеннеди в людях. И именно их воспел в новой книге, написанной в больнице. «Образцы отваги»[49] — так называлась эта книга, где Джек в тексте, как в медали, отчеканил профили тех, кого считал героями. Но что такое героизм в политике? Да не что иное, как способность, будучи многим обязанным своим, оказавшись в меньшинстве, выступить против них. Вопреки общественному мнению, следуя убеждениям, а не корысти, принять опасное решение.

5

Не любую книгу переводят на язык телугу. Эту перевели. Плюс на много других.

В Штатах издательство Harper & Brothers[50] издало ее на английском в 1956-м.

Она почти сразу на месяцы возглавила чарты бестселлеров. Ее расхвалили и расхватали.

Cristian Science Monitor писала: «Человек независимых взглядов создал тонкий, умный, замечательный текст. Кеннеди поднял на мачте прекрасный стяг. Пусть же он реет там впредь».

Правды ради следует сказать, что написал ее Кеннеди не в одиночку. Из Библиотеки Конгресса ему слали коробки журналов и книг. Тэд Соренсен[51] работал с черновиками. Кандидатуры героев обсуждали профессора Юл Дэвис из Джорджтаунского университета и Джеймс Лэндис из Гарварда. Давал советы публицист Артур Крок (это он предложил включить в текст Роберта Тафта за то, что тот выступил против Нюрнбергского трибунала). Кеннеди, хоть и был антифашистом и врагом деспотии, не спорил. Он увидел в его поступке признак храбрости.

А открывал книгу президент США Джон Адамс[52] — противник федеративного устройства, что смело шел наперекор федералистскому большинству. Дэниэл Уэбстер[53] —

конгрессмен, сенатор и госсекретарь — шел вторым. Почему? Да потому что перед лицом своей партии, готовой к войне до конца, отстаивал мир между Севером и Югом. Далее следовал Эдмунд Росс[54], сенатор, отказавшийся вопреки своей партии голосовать за импичмент президента Эндрю Джонсона[55], понимая, что подписывает приговор своей политической карьере. Про Боба Тафта мы знаем. Следом за ним стоит Джордж Норрис[56], что по идейным мотивам поддержал Эла Смита[57] в штате, где для политика не было худшей характеристики, чем принадлежность к католической церкви. Либерал Норрис уравновешивал в книге консерватора Тафта.

Итак, Джек рассказал о судьбах политиков, которых считал образцами храбрости. Предисловие написал профессор Колумбийского университета Аллан Невинс, указав, что история, политика и мораль объединены в книге «подлинным государственным служением».

Заметила книгу и вдова президента Рузвельта, имевшая вес в Демократической партии: Достопочтенному Джону Ф. Кеннеди.

Мой дорогой мальчик, я говорю это лишь для Вашего блага… Полная несчастий жизнь научила меня: когда множество раз бьют по одной щеке, подставлять другую.

Миссис Элеонора Рузвельт[58].

Записка стала знаком: ты замечен. А это было важно. Притом госпожа Рузвельт делилась мнением о книге и с близкими, и с советниками.

Получили «Образцы» и Пулитцеровскую премию[59]. Так талант Кеннеди был признан интеллектуальным истеблишментом. Больше того, столь авторитетная премия говорила и о признании в качестве мыслителя. Он передал деньги в «Фонд негритянских колледжей», как и свои гонорары и жалованье сенатора, которое всегда жертвовал на благотворительные проекты.

Возможно, среди героев книги незримо присутствует и еще один образ — профиль самого Джека? И хотя в тот период он еще ни разу не шел наперекор большинству и общественному мнению, тем не менее, как мы знаем, уже не раз бросал вызов судьбе.

Впрочем, у него был, что называется, крепкий тыл. Его семья. И его любовь.

Блистательная Жаклин.

Глава четвертая. Лучший жених Америки

1

Ее крестили за три дня до Рождества 1929 года в храме Святого Игнация на Парк-авеню в Нью-Йорке. И нарекли Жаклин Ли. Ее родители Джон Верну Бувье III и Джанет Ли, желая умаслить своего самого богатого родственника — деда по материнской линии, — надели на малышку его крестильную рубашечку. Говорят, крошка выглядела в ней просто потрясающе!

Все звали ее Джеки. А ее отца — голубоглазого мужчину редкого обаяния, имевшего огромный успех у дам — Черный Джо (за загар) и Черный Шейх (за число поклонниц, сравнимое с гаремом султана). У мамы прозвища не было, но была безупречная фигура, изящество и шарм. Нельзя сказать, что по части увлечений и приключений она не уступала мужу. Уступала. Но не слишком. Впрочем, его это не беспокоило. Он считал, что, пока у них есть деньги, заработанные им на бирже, положение в обществе, коттедж в Ист-Хэмптоне, лошади и собаки, а также дочурка Джеки, можно жить-поживать, наслаждаясь красой мира и его удовольствиями. Он был гедонист.

Джеки холили и лелеяли. Мама и папа души в ней не чаяли. С ранних лет она привыкла к вниманию. В том числе — прессы. Ее первая фотосессия прошла во второй день рождения. Репортеры светской хроники запечатлели деточку с ее шотландским терьером Хучи.

Джон и Джанет устраивали яркие вечеринки в местом яхт-клубе, где, несмотря на сухой закон, спиртное лилось рекой. Проводили и турниры по бейсболу: Джанет была капитаном дамской сборной, а джентльмены играли за команду «Звезды Уолл-стрита».

В семье любили спорт, хотя не так сильно и не те виды, что Кеннеди. Бувье предпочитали лошадей. Мама Жаклин участвовала в скачках, в конной выставке в Мэдисон-сквер-Гарден и редко возвращалась без приза. Была и у Джеки любимая лошадка по кличке Балерина. Ее впервые посадили в седло в два года и сфотографировали. С тех пор с каждым новым годом, а то и месяцем фото Жаклин верхом появлялись в светской хронике. «Эта юная амазонка, — писали газеты, — самая шикарная наездница на Лонг-Айленде. Перед сложными прыжками ее лицо столь же сосредоточено, как у чемпионки по теннису перед решающим сетом, но если прыжок удался, ее улыбка освещает

мир на мили вокруг». Слетев с лошади, она сразу садилась обратно в седло.

3 марта 1933 года в семье появилась дочка Каролин (так ее назвали в честь бабушки, чтоб порадовать богатого деда). Все звали ее Ли, а дома за сестрами закрепились прозвища Джек и Пек. Пек (от слова Пекин) — за Ли. Из-за широко поставленных карих глаз.

Девочек связывали любопытные отношения. «Я ощущала и ревность, и привязанность.

И хотя привязанность перевешивала, мы постоянно ссорились и дрались. Как-то мне досталось крокетным молотком — я была жутко вредной младшей сестрой», — вспоминает Ли.

Такие отношения (но без молотков) они сохранят на всю жизнь. Коктейль «Нежная привязанность с капризным соперничеством» — так, пожалуй, можно назвать их вернее всего. И в том, и в другом, похоже, больше преуспела Жаклин.

Отец обожал обеих. Но Джеки — особенно. Ли ревновала: «Мне особенно нравилось, когда мы оставались вдвоем с папой», — писала она.

2

Но их семейный небосвод лишь казался безоблачным. Взаимное терпение родителей истощилось. Джанет надоели романы мужа и его финансовые неурядицы. В 1936 году она потребовала пробного развода сроком на полгода. «Шейх» покинул их квартиру, поселившись в отеле близ бара «Поло», где, по слухам, встречался с влюбленными в него дамами.

Минуло полгода. Черный Джо и Джанет попытались оживить брак и отправились в любимый коттедж. Но вскоре разошлись окончательно. Это ранило Жаклин. Тем более что ей, обожавшей отца, родственники матери твердили: «Он ужасный человек! Ужасный-ужасный-ужасный!» «Ну какой же он ужасный, — мучилась девочка, — если он так любит меня?»

Девочка тяжело пережила разлад родителей. Удар был тем больней, чем публичней становился конфликт. Его обсуждали таблоиды. Их шапки кричали: «От биржевого брокера требуют развода через суд». Печатали имена подруг Черного Джека, а то и фото.

«Это был самый кошмарный развод из всех, какие мне доводилось видеть, — вспоминала Ли годы спустя. — Стороны исходили желчью; мы с Джеки ощущали, как каждый из родителей тянет нас на свою сторону. Каких только гадостей они

друг о друге не говорили!..».

Джеки не хотела, просто была не в силах слушать это. Похоже, тогда она и научилась пропускать мимо ушей то, что было не по душе, и не замечать того, что не нравилось. И это умение сослужило ей немалую службу. С другой стороны, она могла, не принимая ни сторону матери, ни сторону отца, твердо идти своим курсом, порой играя на их слабостях и страстях. Не потому ли ее любимой героиней надолго стала Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром»?

Она прочла роман трижды, почти наизусть пересказывала фрагменты и была популярна в школе мисс Чапин, куда пошла, едва они перебрались в Нью-Йорк. В школе были спартанские порядки. На физкультуре ползали по-пластунски, «будто пули свистят над головой», на каждом углу красовался девиз Fortier et Recte — «Отважно и справедливо», а директриса без устали повторяла не слишком понятный совет: «Будь заметной, не мозоля глаза».

Джеки резво справлялась с заданиями и, глядя в окно, мечтала о будущем.

А у Черного Джека дела шли все хуже. Он продал два из трех своих авто, переехал в более скромное жилье на 4-й улице, отказался от лошадей, но, как и прежде, содержал в конюшне Балерину, чтобы Джеки, навещая его, могла гарцевать на своей любимице. Он оплачивал дочерям учебу, водил их гулять с собаками, которых брал напрокат в магазине, опустошал магазины игрушек. Два сеанса в кино подряд были в порядке вещей. Джек обедал с дочками на Уолл-стрит, где собирались брокеры… А когда они подросли, разрешил пользоваться своим банковским счетом.

Жениться вновь старый «ходок» не спешил, оставаясь верным страсти к приключениям. А вот красавице Джанет не терпелось связать судьбу с новым — состоятельным и сильным — мужчиной с хорошей репутацией. Свой план она осуществила в 1942 году. Хью Очинклосс, хозяин мощной нефтяной компании «Стандарт Ойл», — вот кто стал ее избранником. Хью, или Хьюди, как звали его друзья, был хозяином двух роскошных поместий, происходил из аристократической семьи, из того круга, который в Штатах именуют old money — старые деньги. Он был воспитан, спокоен, не склонен к интрижкам, не лишен чувства юмора, любил детей.

3

Джанет, встречаясь с Очинклоссом, замуж не спешила —

считала, что может выбирать: недостатка в поклонниках не было.

Впервые ее дочки встретились с будущим отчимом примерно за год до их свадьбы, когда отправились с ней в Вашингтон, недалеко от которого находился Мэрривуд — одно из обширных и роскошных поместий нефтяника. Но и Хьюди прибыл в столицу не один.

С ним был сын со странным для американского уха именем Юша — производным от русского то ли Андрюша, то ли Кирюша, то ли Ванюша. Его мать была аристократкой, бежавшей от большевиков.

Юшу — застенчивого и тихого четырнадцатилетнего подростка — связали с Джеки нежная дружба, любовь к истории и патриотизм. Они встретились через десять дней после атаки на Пёрл-Харбор и горячо обсуждали будущие военные операции в южных морях и битву в Европе. Джеки переживала за поверженную, но не покоренную Францию. Она даже пуделя назвала Голли — в честь высокого и прямого генерала, своевольно и отважно отказавшегося капитулировать вместе со своим правительством и в изгнании возглавившего французское Сопротивление.

На свадьбе Хьюди и Джанет Юша был шафером. Он, Джеки и Ли сидели вместе. Что же до Черного Джека, то он отнесся к браку с сарказмом: «Желаю счастливых убытков с Очинклоссом», — напутствовал он бывшую спутницу жизни. Но в убытке, похоже, остался.

В 1944 году Джеки перевели в более престижную школу. В Фармингтон. Там училась ее бабушка. «Эта школа для одаренных девочек из богатых семей, — писал журнал Time, — стоит средь красот Коннектикута и гордится своим отделением истории искусств. А также тем, что один учитель приходится в ней на восемь воспитанниц из двухсот тридцати. А на завтрак отличницам подают лучшее молоко. Кстати, потом все они поступают в лучшие университеты».

Джеки делила комнату с милой девчушкой-хохотушкой из Калифорнии по имени Сью Нортон. Эта блондинка вся так и лучилась южным солнцем. В знак дружбы девочки выцарапали на окне свои имена. Но вскоре дружба поостыла — уж больно всерьез принимала Сью школьные правила. А Джеки любила шалить, например запудрить мозги мальчишкам, чтоб они притащили шоколадное мороженое из лавочки, куда школьницам ходить строго запрещалось.

Жаклин делала все, чтобы выписать к себе Балерину. Содержание лошади стоило 25 долларов в месяц — по тем временам немало. Но юная хитрюга написала деду нежное письмо

со стихами своего сочинения, сердце старикана растаяло, и он ответил так:

Дорогая Жаклин!

С одной стороны, твоя просьба может показаться экстравагантным расточительством, но с другой — ее можно счесть и вполне оправданной необходимостью. Балерина поддержит тебя в хорошей физической форме, отвлечет от забот, так что я готов взять на себя расходы…

Дальше — в том же духе еще строк двадцать. Возможно, это было самое длинное неделовое письмо, которое он послал за последние десять лет…

Желанная подруга Балерина прибыла в Фармингтон. В жизни Джеки появился некто, о ком она могла заботиться. Холодными вечерами девочка укутывала лошадь одеялами, чистила, учила возить санки и выигрывала на ней школьные скачки. Имя Жаклин Бувье дважды выгравировали на кубке, служившем призом на конных состязаниях. На фото они вместе: Жаклин в царственной позе с поводьями в руках. Рядом — две восхищенные придворные дамы той поры: Сюзи Нортон и Нэнси Такерман — малышка Таки, тоже родом из Нью-Йорка, — еще одна близкая подруга героини. В комнату к Нэнси Джеки переехала после первого года учебы.

4

Но верховая езда уже не была главным ее увлечением.

На смену пришла изящная словесность.

Интерес Жаклин к литературе и искусству, конечно же, не был случаен. Ее отчим Хьюди и его сестра Энни, жившая в соседстве со школой, хорошо знали и тонко ценили классическую музыку, живопись, книги и рукописи. Муж Энни Шелдон Льюис был видным коллекционером. Он обладал уникальным собранием британских сатирических и топографических эстампов, считавшимся богатейшим после владений Британского музея. Сегодня коллекции Очинклосса и Льюиса нашли приют в библиотеках Йельского университета и школы Фармингтон.

Джеки и ее подруги нередко гостили в очаровательном особняке Льюисов, где на стене до сих пор висит листок, на котором к рисунку праздничного торта приписано стихотворение нашей героини в честь дня рождения любимой тети.

То были самые первые и очень еще неловкие пробы пера, сделанные под влиянием любимых авторов. Девчонка влюбилась в Лонгфелло! Обожала Шекспира. Зачитывалась Чеховым. Знала наизусть Уордсворта, Байрона и Эдну Сент-Винсент Миллей.

«Она лучше всех в классе разбиралась в литературных тонкостях, — сообщает в мемуарах однокашница Джеки Элен Гейтс. — Нам особенно нравилось, когда Джеки спорила с упрямой учительницей Кэтрин Уотсон… и в конце концов доказывала свою правоту. Их дебаты наполняли класс творческой энергией. Было видно, что и мисс Уотсон получала удовольствие… У нас было несколько таких умниц, но она читала больше всех».

Понятно, что никто не удивился, когда летом 1946 года Жаклин присудили первое место среди школьников за «творческий подход к освоению материала» в области литературы, вручив приз — книгу стихов ее любимой Эдны Миллей.

«Джеки стала легендой Фармингтона, — рассказывала выпускница школы Изабель Эберстадт. — Я поступила через год после ее ухода, но имя Джеки продолжало греметь и всегда — с приставкой «супер». Даже директриса, казалось, была влюблена в нее. И все учителя тоже…».

Окруженная легкой влюбленностью всех, кто был рядом, Джеки сама жила ожиданием этого чувства, готовилась к приключениям… Ее девические переживания любопытно соединились с желанием писать. Весной 1947 года семнадцатилетняя красавица из Фармингтона, готовая к поступлению в престижный колледж Вассар, пишет рассказ «Весеннее томление». В нем прекрасная юная нимфа по имени Дафна, устав подчиняться прихотям Зевса, бежит прочь с Олимпа. В гневе верховное божество превращает непослушную девицу в мыслящую мраморную статую и объявляет, что она будет оживать лишь раз в три тысячи лет. Проходят столетия, археологи привозят Дафну в Нью-Йорк, чтоб украсить изваянием фонтан Центрального парка. К этому времени приходит срок Дафне ожить. Что и происходит. Прелестная девушка спускается с пьедестала, очаровывает юношу, а вернувшись, принимает позу, при виде которой все мужчины жалеют, что она — лишь изваяние…

В отличие от Дафны Джеки мраморной не была — любила наряды, вечеринки, забавы и танцы. Она очень быстро научилась очаровывать мужчин. Молодые люди бывали счастливы убежать с нашей героиней с вечеринки и провести вечер, кушая омлет, слушая граммофон и нежно (но невинно) целуясь. Джентльмены постарше надолго задерживали на ней внимательный взгляд. Сверстницы сурово ревновали, неизменно чувствуя себя в лучшем случае вторыми.

Одна из них, Присцилла Макмиллан, вспоминала, что, увидев

Жаклин Бувье впервые, была поражена: «…она спускалась по лестнице в изумрудном платье с кринолином. У меня перехватило дух — настолько Джеки казалась величественной, настолько отличалась от всех нас. В ней было нечто восхитительное. Никогда не забуду тот момент».

5

Очарование и кажущаяся легкомысленность сочетались в Жаклин с серьезностью и ответственностью. Походы на футбол, танцы, приемы и вечеринки вовсе не были помехой ее образованию. После строгостей Фармингтона, которые немного тяготили Джеки, рождая в ней скрытый протест, отчасти мешавший занятиям, в Вассаре она упивалась свободой, которая стала лучшей атмосферой для ее развития. Девушка с удовольствием посещала занятия, легко получая отличные оценки, все так же усердно читала, посещала театральную студию и выпускала газету.

Больше того, она взялась писать детскую книгу, для которой ее новая соседка Эдна Харрисон с увлечением рисовала картинки. Совместная работа шла успешно, ничуть не мешая подружкам искать приключения. В отношениях с мужчинами — впрочем, вполне невинных — Джеки взяла на себя роль наставницы. «Надо заставлять их ждать!» — учила она компаньонку. «Помню, — говорила Эдна, — один классный парень из Принстона впервые пригласил меня на настоящее свидание. Я накрасилась, стильно оделась, но… выходить не спешила. В ушах звучали слова Джеки: «Нельзя показывать, что ты готова, пусть мальчик подождет»».

Это она умела. Очевидно, сказались навыки, почерпнутые из личной жизни родителей, проходившей на глазах у нее и сестры. Зная это, отец тревожился за них. «Притворяйся недотрогой», — это заклинание он неустанно твердил дочерям. И они слушались, понимая: папа знает, что говорит.

Эта непринужденная недоступность в сочетании с наивной неотразимостью позволяли сестрам легко порабощать мужчин. «Мы просто диву давались, как легко эти, казалось бы, совсем зеленые барышни цепляют мужиков, — делилась одна из их сверстниц, используя колоритный молодежный жаргон того времени. — Они по обе стороны подсаживались к пареньку, томно глядя в глаза жертве. Бедный пупс млел, видя, что привлек таких цыпочек, и тут же решал, что он просто охрененный чел и все может». И вел себя соответственно, готовый к услугам и ждущий взаимности. А красотки, не стесняясь, пользовались этим,

внутренне хохоча.

Джеки была в этом особенно хороша и непрестанно совершенствовала искусство светской львицы. Толкуя с мужчинами, она понижала тон голоса до воркования, так что «во время беседы возникало совершенно особое чувство, с ней всегда было легко говорить», ее взгляд был устремлен на мужчину, и ему казалось, что в целом мире для нее существует только он. Если собеседник сетовал на неприятности, то встречал глубокое сочувствие и понимание, больше того, узнавал, что у нее — те же проблемы. И даже сложнее. Если же он торжествовал — Джеки совершенно искренне радовалась вместе с ним. «Это было изумительно, — делился впечатлениями литератор Ричард де Комбрей, — сидеть напротив женщины… которая увлечена вашим рассказом так, словно это самое интересное, что она слышала в жизни…Джеки никогда не говорила о себе, а всегда о вас». Писатель Гор Видал, как и Джеки, один из приемных детей Хьюди, рассказал, что как-то она призналась — в шутку или нет? — что цель ее жизни — нравиться мужчинам.

Немудрено, что обворожительная Жаклин Бувье преуспела в американском свете, где привычно царили «хозяева жизни» джентльмены, а правили леди — хозяйки их грез и страстей.

Вскоре к ней пришла слава — знаменитый светский обозреватель Игорь Кассини назвал ее «королевой дебютанток 1947 года». Ничего не скажешь: яркий пример ситуации, когда два-три слова признанного авторитета в момент возносят никому не известную студентку до голливудских звезд. Эту историю впору приводить в лекциях по персональному брендингу. Кассини описал Джеки как «величественную брюнетку с классическими чертами лица и точеной, словно дрезденский фарфор, фигуркой. Как и положено дебютантке, она держала себя с достоинством».

Это умение держаться с достоинством, как и другие, обретенные Джеки в свете, помогло ей в жизни не меньше, чем красота. Но не забудем, что у слова достоинство есть важный синоним — цена.

6

Джек Бувье всегда стремился уберечь своих дочек от жизненных ошибок. О! Уж он-то знал мужчин. Уж он-то понимал, как уязвимы юные девы перед очарованием богатых ловеласов. Сам разбивший немало сердец, он твердил: мужчины опасны. «Никто из окружавших нас парней не был хорош для него, — вспоминала Ли. — Джеки принимала это близко к сердцу».

Она уже блистала в свете. Сердцееды засматривались на нее. Джек переживал. «Видно, скоро придется отдать тебя какому-нибудь странному типу, который будет казаться тебе милым, потому что он «такой романтик» и носит вместо запонок жемчужные сережки своей матери», — повторял он. Чего было больше в этих словах — самоиронии или сладкой горечи?

Сверстницы Джеки выходили замуж — ранние браки были для женщин обычным делом. Вместо поездки в Париж, где они с Джеки собирались провести семестр, ее однокашница Эллен Гейтс вышла замуж. «Вместо того чтобы плавать по Сене, Эллен плывет к алтарю», — пошутила мисс Бувье, которая и сама все чаще думала, что не отказалась бы от такого маршрута.

Флирт как спорт стал утомлять молодую львицу. Она быстро постигла его тонкости и готовилась применить их в борьбе за реальный, а не символический приз, в лице принца на белом коне, с которым так славно гарцевать по аллеям чудного дворцового парка. Причем «принц» здесь отнюдь не метафора, а просто — принц. Персона монарших кровей. Наследник престола. Ну на худой конец — герцогской или графской короны. Или нескольких миллионов долларов.

Ничего невозможного в этом не было. Во Франции Джеки жила в доме графа Де Ренти — героя Сопротивления, погибшего в плену, была дружна с его вдовой и детьми, имела поклонников среди аристократов. Скажем, графа Поля де Гане, с которым она веселилась на маскарадах в замке графа Этьена де Бомона, где гости танцевали в костюмах от Диора и Шанель, а также на вечерах в поместье писательницы Луизы (Лулу) де Вильморен, где бывали Эли де Ротшильд, Памелла Черчилль, Жан Ануй, Жан Кокто и Андре Мальро[60], с которым Лулу одно время была близка. Придет день, и Джеки примет Мальро в Белом доме в роли хозяйки.

В «кругах» Лондона, Брюсселя и других столиц Джеки постигла сходство между высшим обществом Нового и Старого света: там ценят титулы, признанный талант и большие деньги. Чуть меньше — шарм, вкус и красоту. Далее — интеллект и деловитость. Ибо считают все это итогом адекватного использования таланта и денег. Если же они ничего не принесли, то они сомнительны. Как и ум, красота, шарм, а также красота девушки, не вышедшей замуж…

7

У тридцатипятилетнего холостяка из Бостона, а ныне

известного вашингтонца Джона Фицджеральда Кеннеди все это было. Кроме титула. Впрочем, место в Конгрессе отчасти возмещало этот изъян. Так что не зря его называли одним из лучших женихов Америки. Он же знал, что слегка запоздал, — в его возрасте серьезному политику надлежало иметь супругу и пару милых малышей. А он все наслаждался холостяцкими утехами в окрестностях столицы, в Нью-Йорке и в других местах, где мало какая барышня могла устоять перед его обаянием и состоянием. Тогда для политика-холостяка «спалиться» с девицей было куда менее опасно, чем сейчас.

Опаснее было другое: о неженатом мужчине его положения, перевалившем за тридцать пять, шептались как о человеке либо легкомысленном, либо больном, либо склонном к однополой любви. Все гипотезы, начни они обсуждаться, таили равную угрозу репутации, а значит, и карьере.

Джон это понимал. Но и достойных претенденток на его руку и сердце не находил. Как-то Чикита, невестка первой женщины — члена Британского парламента леди Нэнси Астор, спросит его: «Вы когда-нибудь любили?» А он ответит: «Нет. Бывал сильно увлечен».

Вот, скажем, однажды… Да, конечно, был! Одной красавицей и умницей, студенточкой из Университета Джорджа Вашингтона. Она так мило щебетала о Париже на тихом ужине у Марты и Чарли Бартлеттов[61] в мае 1951-го[62]… Но куда очаровательней внимала его шуткам и историям. После Джон рассказывал Джеймсу Бернсу, что до того был очарован красотой и скромностью Джеки, что «просто не смог не пригласить ее на свидание».

А она согласилась. И не мудрено. Как говорила о Джоне писательница Глория Эмерсон, тогда начинавшая свой творческий путь, ему «не приходилось прилагать усилий, чтобы очаровывать женщин; его внешний вид завораживал; у Джона была потрясающая фигура…»

Но и Джеки была не лыком шита. «Она сразила брата наповал! — утверждает Тэдди. — С самого начала, когда они встретились на том обеде. Все родные сразу поняли: эта девушка особенная. Она стала фактически членом семьи. Джон пленил ее…».

И впрямь у них было много общего. Но до прогулок и бесед надо было дожить. Джон вступал в поворотный этап карьеры — борьбу с Лоджем, а Джеки ехала в Европу. Они встретились через полгода. Джон с победой вернулся из Бостона, а Джеки — из Старого Света.

С той поры свидания, походы в кино и на вечеринки, пусть и

не частые, пошли своим чередом, сближая все больше. Вместе с цветами и конфетами, а порой и вместо них, Джон дарил ей то «Ворона» Сэма Хаустона, то «Путь пилигрима» Джона Бачана, то другую историческую книгу. Она же дарила ему ласковый взор и благосклонность. Это пришлось по вкусу Роуз и Джо, как и то, что, посетив Хианнис-Порт, Джеки показала себя истинной спортсменкой.

Они ничего не обещали друг другу. Но в «сферах» заговорили о возможной женитьбе сенатора и очаровательной журналистки (героиня, завершив образование, пробовала себя в фотографии и интервью для газеты Times-Herald). Толки ее устраивали. Во-первых, она любила. А во-вторых, была готова на многое ради замужества. Дело тут в эмоциях.

Видите ли, сестрица Ли, что всегда была в тени, опередила ее на марше под венец. 12 декабря 1952 года Хьюди Очинклосс объявил о ее помолвке с пасынком видного издателя Майклом Кэнфилдом. А через четыре месяца отвел к алтарю храма Святой Троицы в Джорджтауне. В тот день Джеки поймала букет невесты, брошенный сестрой. И все бы хорошо, если б не триумф в глазах счастливой Ли.

Тут-то она и сказала себе: довольно! И пустила в ход все свои чары, чтобы в мае 1953-го, почти через два года после первой встречи, услышать от Джона заветное предложение.

8

Сенатор принял решение. Во многом благодаря совету отца, который, познакомившись с Джеки во время ее визита в Хианнис-Порт, увидел в ней жену своего сына. Или это умелица Жаклин показала ему нужный ей и ожидаемый образ? Возможно. Но, думается, Джо и это учел. Его опыт общения с женщинами — а он был не беднее, чем у Джека Бувье, — помог мудрому политику и дельцу отметить не только ее происхождение, принадлежность высшему классу, красоту, ум, начитанность и расчетливость, но и волю. Плюс — качество, которое он ценил в людях выше всего и старался воспитать в своих детях: умение держать удар.

А держать его пришлось. И до свадьбы, и после.

Узнав о предложении Джона, друзья и знакомые вдруг стали ее отговаривать. Началось это в Англии, куда она отбыла на лайнере «Соединенные Штаты» на пятый день после объяснения с будущим мужем. Тем же рейсом плыли герцогиня и герцог Виндзорские[63]. В Лондоне они собирались присутствовать на коронации Елизаветы II и вдоволь наплясаться в роскошном

клубе «400».

Всю дорогу сын французского поэта и дипломата Анри Клодель уговаривал Жаклин расстаться с Джеком. Старый поклонник Джон «Дэми» Гейтс рассказывал ей о его похождениях и звал «отпетым бабником».

— А ты на моего отца посмотри, — отвечала она.

Не отставал и Джон Маркванд, которого считали ее любовником. Их серьезный разговор описал Гор Видал[64]:

«Он… воскликнул: ты не можешь выйти за этого… придурка!

Джеки спокойно возразила: у него деньги есть, а у тебя нет.

Тогда он спросил, каково ей будет с мужем-политиком…

Она ответила:

— Да, конечно, я недолюбливаю политиков. И он намного старше меня. Но жизнь с ним всегда будет интересной. И прибавь к этому деньги.

— Что с тобой будет?

— Читай газеты и узнаешь».

Джеки была права. Скоро о ее жизни многие стали узнавать из газет. Да и сейчас узнают…

Странно, но ряд авторов, пишущих о Кеннеди, разводит по разные стороны жизни деньги и любовь. Как бы давая понять, что в отношении Джеки к Джону преобладало что угодно: жажда богатства, желание вырваться из-под опеки матери, отчима и отца, жажда впечатлений и приключений, одним из которых был их роман. Они забывают, что и тогда, и теперь богатые часто так же эмоциональны, как все, а деньги — не помеха любви. Напротив. Доллары и чувства помогают друг другу. Что же до разговора Жаклин с мужчиной, с которым ее связывал флирт и который питал к ней страсть, то она так часто вспоминает о деньгах, потому что хочет описать свой мотив в наименее ранящих и в то же время самых ясных словах.

Джеки искренне и глубоко любила Джона. И любовь лишь усиливалась по мере их жизни, о которой сложно сказать, чего в ней было больше: слез или счастья, боли или мечты…

* * *

На аэродроме в Бостоне ее встречал Джон.

Пока Джеки была в Лондоне, он засыпал ее депешами, а теперь был здесь. 24 июня объявили о помолвке. И хотя, как говорят, за три месяца до свадьбы Джон завел во Франции роман с роскошной шведкой, о нем и Жаклин уже не говорили иначе, как о женихе и невесте.

— Платье — супер! — шепнула портниха, оправив шлейф. — Больше мерить не надо.

Жаклин наряд понравился. Но хвалить его она не спешила. Ведь как ни крути, а он не дотягивал до платья от Диора, в котором за полгода до того выходила замуж сестра Джека Юнис.

Так или иначе, а через несколько дней двадцатичетырехлетней журналистке и светской баловнице предстояло выйти замуж за тридцатишестилетнего сенатора и миллионера.

Замышлялась грандиозная свадьба. Джо хотел, чтоб она стала светским событием года. Масштабы не только потрясли мать невесты, но удивили и ее ко многому привычного мужа-магната. Полторы тысячи гостей — это и в самом деле — как бы сказать? — впечатляло… Плюс звезды: знаменитый актер Мортон Дауни, светская львица Марион Дэвис, ее однофамилец блестящий джазмен Мейер Дэвис…

Но Джо быстро все объяснил: «Миссис Очинклосс, вы выдаете замуж дочь, а я на этой свадьбе знакомлю страну с будущей первой леди. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что Джон станет президентом?» И Джанет успокоилась. Тем более что все расходы клан взял на себя. «Что ж, с состоянием в 400 миллионов долларов они могут это себе позволить», — резонно рассудила она.

12 сентября 1953 года ее дочь пошла под венец в храме Святой Девы Марии в Ньюпорте. Таинство совершил старый друг семьи архиепископ Бостонский преосвященный Ричард Кушинг, зачитавший благословение, направленное молодым папой Пием XII.

В 11 утра невеста прибыла в церковь с Хьюди Очинклоссом, который повел ее к алтарю. Да-да, вот так. Когда газеты вышли со снимками, где они изображены ступающими на ковровую дорожку, подписи гласили: «…невеста под руку с отцом Джоном Бувье Третьим[65]…», но репортеры ошиблись: вопреки традиции вел ее не отец. Черного Джека не пригласили. Ни на венчание, ни за стол, хотя накануне он был на репетиции. Это была месть Джанет. Убитый, Бувье направился прямиком в бар отеля «Викинг», где занимал лучший в Ньюпорте номер и вусмерть напился. Так — пожалуй, впервые в жизни. Джеки на мать обиделась. Но взяла себя в руки. Держала удар. Джо-старший заметил и оценил это. Оценил и Джек. Окруженный одетыми в синие костюмы друзьями жениха, сыпавшими шутками, и сам радостно возбужденный, он тем не менее отметил, что, пожалуй,

с этой девушкой все будет не так просто, как казалось вчера.

За два дня до того будущий тесть устроил ему мальчишник в закрытом клубе, где жених, опорожняя один за другим бокалы шампанского, лихо метал их через плечо в камин, по примеру русских гвардейцев имперских времен. Он чувствовал себя покорителем красивой девочки с мягким характером, которая будет смотреть ему в рот. Слезы, проглоченные на свадьбе, где она держалась легко, будто так и надо, сказали ему о другом: она не тихая овечка, а сильная женщина.

* * *

Уже скоро он вновь оценит ее внутреннюю силу — после тяжких операций, прикованный к больничной койке, он испытает ее нежность, заботу, преданность и самообладание, которые не только помогли ему вынести боль, борясь с недугом, но и победить его.

У него будет немало случаев опереться на несокрушимый стержень, скрытый в жене. И во время новых выборов. И в пору еще более сложных политических операций. И в ходе президентской кампании. И потом — до той минуты, когда смерть разлучит их.

Он всегда будет знать, что она — настоящий, верный друг, спутница жизни, умеющая ценить его и вынести все, что нес с собой его нрав. Привычки, страсти, ритм и образ жизни, подобный торнадо. Жажду совершенства и целой жизни, вложенной в один миг.

Глава пятая. В бой!

1

«Институт Гэллапа» — одна из старейших и авторитетнейших социологических служб США — в январе 1957 года провел опрос на тему: «Если бы пришлось решать, кого выдвинуть кандидатом в президенты от демократов: Кифовера[66] или Кеннеди, кого бы вы выбрали?» И выяснил, что Кифовера поддержали бы 38 %, а Кеннеди — 41 %.

Но с какой стати Гэллап взялся прояснять этот вопрос?

К середине 50-х Кеннеди решил, что перерос границы Сената и готов стать политиком национального масштаба. Посоветовался с отцом. Тот согласился, но призвал сына рассмотреть все возможные варианты своего продвижения на этот уровень.

Их оказалось мало. Джек не был «сильным человеком» в партии. Он избегал аппаратных игр, не был карьерным функционером, а, как бы перешагнув этот уровень, стал заметным деятелем в международных делах. Но пост сенатора не гарантировал дальнейших побед. Нужна была поддержка партии, делающая его претензии легитимными.

Но Джек не стремился стать членом или главой Национального комитета — он не терпел партийную рутину, скучные закулисные интриги, подковерные сделки и медленное продвижение наверх в ржавом карьерном лифте. Но задача оставалась задачей: быстро встать на новую солидную ступень на той лестнице репутаций, по которой продвигаются к президентскому посту.

И место кандидата в вице-президенты вполне могло стать такой ступенью.

Ближайшие выборы были не за горами — в 1956 году, и Джек не видел в этом ничего невозможного. Как и в любом действии, предпринятом в нужное время в нужном направлении. Сотрудники и близкие подбадривали его. Все, кроме отца. Джо не видел, кому из кандидатов-демократов Джек мог стать парой. Возможно, губернатору Иллинойса Эдлаю Стивенсону, способному добиться выдвижения на съезде партии, но вряд ли способному одолеть Дуайта Эйзенхауэра — признанного вождя республиканцев. То есть выдвижение в вице-президенты в любом случае было успехом. Но поражение в тандеме со Стивенсоном грозило большими репутационными издержками. Ведь тогда все скажут: ну да, Эдлай взял в команду католика — вот и продул.

Ведь все знают: нечего католикам делать на президентских выборах.

И это серьезно осложнит и замедлит путь Джека к заветному выдвижению в президенты.

— Ничего страшного! — отвечали соратники сына. — Главное, что Джек выйдет на сцену национальной политики. А сделав это однажды, с его энергией и харизмой сможет там закрепиться. И вот вам — плацдарм для дальнейшего наступления. А если угодно — трамплин для взлета к вершине власти.

Не желая расстраивать отца и обескураживать команду, Джек уклонился от радикального личного решения. Пусть Джо сомневается, а ребята — действуют. «Я не буду разочарован, если ничего не выйдет», — объяснил он Соренсену и членам семьи.

2

Легко сказать — пусть действуют! Задача была не из простых: побудить Стивенсона взять Джека в пару до съезда. Или — на нем. Или добиться победы в ходе голосования делегатов.

Повлиять на Стивенсона люди Кеннеди не могли и решили сформировать фракцию Джека на съезде. Ее ядром могла стать делегация Массачусетса, но нужно было привлечь и другие штаты, могучих боссов и партийных лидеров.

Договорились с губернатором Коннектикута Авраамом Рибикоффом — человеком солидным и авторитетным. Ему понравилась идея выставить против Эйзенхауэра и Никсона пару Стивенсон — Кеннеди. Ему возражали: Кеннеди католик, и напоминали о провале партии на выборах 1928 года[67]. А он отвечал, что «американцы нынче стали опытные. Да, когда речь заходит о религии, политики много чего выдумывают, но люди ценят в первую очередь характер кандидата и его силу.

Я за сенатора Кеннеди, независимо от его вероисповедания. Потому что я с ним согласен. Он уверенно прошел в Сенат. Южане ценят его взгляд на важные для них вопросы[68] и будут голосовать за него».

Его слова команда Кеннеди подкрепила аналитическим докладом, где разъяснялось: кандидат в вице-президенты-католик усилит кандидата в президенты-протестанта. Потому что в США сложился новый фактор — избиратель-католик. Он живет в штатах, весомо представленных в Коллегии выборщиков[69]. А Стивенсону нужны их голоса. Иначе их получит Эйзенхауэр.

Доклад «слили» СМИ, как подход «тех, кто стоит за Кеннеди».

Его напечатал влиятельный журнал US News and World Report и подробно цитировал Time.

Тем временем девиз «Кеннеди — в вице-президенты» становился популярен. Ну, а Стивенсон? Он молчал. Похоже, и впрямь не знал, кого выбрать.

Чтобы ему помочь, люди Кеннеди подготовили анализ минусов и плюсов претендентов на роль кандидата в вице-президенты. Учитывались близость их взглядов и взглядов Стивенсона, их опыт, семейное положение, участие в войне, доходы, связи… Итог: Джек лучше всех.

Идеологически он очень близок Стивенсону. Его опыт велик. Штат Массачусетс имеет 11 членов в Коллегии выборщиков. Кеннеди герой войны. Женат на красавице. Он зрелый и ответственный мужчина. Отличный спортсмен, интеллектуал и оратор. Богат. В связях, порочащих его, замечен не был. Связан с кругами, готовыми к финансовой поддержке.

При этом Хюберт Хэмфри — сенатор от Миннесоты и ближайший соперник Джека — проигрывал ему ряд позиций. Он не был на войне. Был ограничен в средствах. Истеблишмент считал его «левым»… Да и прочие серьезно уступали по всем позициям.

Стивенсон получил оба документа. Беседы с ним добился и Сарджент Шрайвер — близкий помощник Джека. Но этот разговор дал не много. Губернатор не был уверен в реальном политическом весе избирателя-католика, как и в способности Кеннеди исполнять обязанности вице-президента. Да, он считает, что Джек лучше Дика[70], он молод и отличный оратор. Но разве кто-то доказал, что он намного превосходит Хэмфри?

Потенциальный кандидат в президенты дал понять: он еще не решил. И, быть может, не решит вообще. А его люди посоветовали: остыньте — Стивенсон не даст никого себе навязать.

Тогда люди Кеннеди переключились на окружение губернатора: экспертов, советников, специалистов, друзей. Они убеждали, объясняли, доказывали. Попутно готовили материалы для раздачи, «стихийные» овации, оркестр. И без конца убеждали, убеждали, убеждали губернаторов, конгрессменов и глав делегаций. И убедили многих. Шансы Кеннеди росли.

Да он и сам изменил отношение к операции.

— Знаешь, Тэд, — сказал он Соренсену, — я буду разочарован, если мы проиграем.

Ни о какой «игре с нулевой суммой» речи больше не шло.

13 августа 1956 года в Чикаго открылся съезд демократов.

В первый же день делегатам показали фильм о партии, где Джек выступил в роли ведущего — для претендента немалый плюс. Потом делегаты штатов Новой Англии устроили общий завтрак и при появлении Джека встали в знак приветствия. Два дня были полны демонстраций в его поддержку и закулисной борьбы. В результате Стивенсон понял: победа близка. И тут он сделал неожиданный реверанс в сторону Кеннеди.

— Прошу вас, — обратился он к Джеку, — выступить с речью. Выдвинуть меня в президенты.

— Это что — утешительный приз? — спросил тот. — Вы сделали выбор. И не в мою пользу?

Но нет. Решения все еще не было. И значит, лестное предложение работало на Кеннеди.

Но тот решил выдержать паузу. Напряжение росло. И через два часа Стивенсон позвонил снова.

— Это — вы! — сказала трубка. — Действуйте!

И хотя эти слова ничего не проясняли окончательно, Кеннеди решил произнести эту речь.

До утра советники Стивенсона обсуждали с Джеком выступление, ситуацию на конвенте и поддержку делегации Массачусетса. А утром он вышел на трибуну.

— Здесь и сейчас мы выбираем… главу самой сильной страны мира, — заявил Джек, — человека, в чьих руках, в прямом смысле слова, власть над жизнью и смертью, рабством и волей…

Зал взревел. Стивенсон победил. Массачусетс отдал ему 32 голоса из 40. И Кеннеди рассчитывал, что Стивенсон выберет в напарники его. Но нет.

Выдвинуть второе лицо кандидат поручил съезду.

Решение должно быть принято через двенадцать часов. Команда Джека подготовилась к битве: актив, оркестр, плакаты — все было на месте. Кроме поддержки всех делегаций. Что скажет Нью-Йорк? И Юг? А Элеонора Рузвельт — пожилая, но все еще влиятельная?

Время неумолимо летело. Делегаты разбредались. Люди Кеннеди ловили их в отелях и барах. Отец звонил друзьям. Но не зевали и соперники, в первую очередь — Кифовер.

Утром Джек не поехал на съезд и следил за голосованием по ТВ. В первом туре Кифовер взял 485,5 голоса, за Кеннеди проголосовали 304 делегата. Эл Гор и остальные выбыли из гонки. В совещательной комнате Рибикофф пытается убедить делегацию Нью-Йорка поддержать Джека. Идет работа и с техасцами — их 56 голосов далеко не лишние. Ура! Их вождь Линдон Джонсон говорит: «Я с гордостью поддержу бравого

моряка, носящего на теле следы ранений».

Второй тур: Кифовер — 551,5, Кеннеди — 618. Нужно еще 68 голосов.

К Джеку переходит Кентукки — это 30 голосов, но еще не победа.

Сторонники Кеннеди колонной обходят зал, скандируя его имя. Скалистые горы и Средний Запад — за Кифовера. Юг колеблется. Что скажет Миссури?

4

— Кифовер!

Кеннеди прибывает в зал и выходит на подиум. Благодарит сторонников и отдает голоса Кифоверу. Соренсен устал. Он подавлен. Как и вся команда. Джек в тревоге звонит отцу. Что-то скажет ему мудрый Джо?

А Джо и говорит: «Отлично, мой друг. Теперь ты — знаменитость». Главное, учит он, не расслабляться. Впереди новая — куда более важная битва. Память миллионов телезрителей «запечатлела» Джека. Азарт в борьбе и стойкость перед лицом поражения — избиратели это ценят.

А главное — ценят те, кто делает политику. Теперь они увидели силу Джека.

И еще: он попал в поле зрения высшей деловой элиты. На стол капитанов индустрии, нефтяных баронов и финансовых королей легли подробнейшие справки о ходе и исходе съезда. А значит, и о Джеке. И эти люди — распорядители колоссальных средств, одно слово которых решало порой судьбы людей, — тоже включили его в свои списки возможных претендентов на самый белый дом страны. То есть — в списки своих вероятных протеже.

— Это что — сын Джо? — спросил банкир R промышленника M.

— Да, R, это он.

— А что, M, как дела у Кеннеди?

— Да вроде неплохо. Вчера он звонил из Европы — советовался о сыне.

— И что ты сказал?

— Что надо подумать.

— Что ж. Подумаем. А скоро и поговорим. Сдается мне, на этом он не остановится. Вот увидишь — парень метит в Белый дом.

Часть III. Белый дом

Глава первая. Военный совет

1

В штате Массачусетс есть тихие места. Одно из них — городок Хианнис-Порт, что на мысе Кейп-Код, где Атлантика и романтика, и пляжи, и волны, и яхты… И где всерьез, а не с бухты-барахты Джон, Бобби и Тэдди гонялись когда-то на лодках, и каждый из них впервые попробовал чистую водку. Но братьям она не понравилась, чего не скажешь о коктейле дайкири, который они с тех пор нередко с удовольствием пили.

В этом уютном — с широкими улицами, просторными домами, клумбами-лужайками-гаражами, ухоженными рощами, мэрией и площадью, со школой, сити-холлом и надежным каменным молом, с цветочными магазинами и комфортабельными отелями, где гости наслаждаются крахмальными постелями, — в этом-то во всех отношениях приятном и далеко не бедном месте Кеннеди владели целым поместьем.

Да таким, что места в нем хватило на дома если не для каждого члена клана, то для родителей и братьев — точно. Один из них — дом братца Бобби. Не слишком большой, но, как считалось тогда — вполне достаточный. Во всяком случае, чтобы достойно принять гостей.

Гости, конечно, заезжали, и не раз. Но ясным прохладным днем 28 октября 1959 года такая компания там, пожалуй, впервые собралась. Шестнадцать серьезных мужчин. И для их появления в поместье было несколько весомых причин.

2

Во-первых — отличные личные отношения. Во-вторых — соображения конфиденциальности. В-третьих — общее дело, общий интерес, общая большая задача.

Ее обсуждение и собрало в элегантной гостиной Бобби этих не слишком похожих людей Первым вошел хозяин. В рубашке поло и спортивных штанах. За ним — Джек и Тэд.

Следом — Кеннет Патрик О’Доннел, крепыш-ирландец, бывший капитан гарвардской футбольной команды. Родом из Ворчестера, сын футболиста-тренера, ветеран войны, пилот. С 1946 года — друг Бобби. Тот и подбил его помочь Джону в борьбе

за место в Конгрессе. В 1952-м они продвигали его в Сенат. Кен стал юристом, потрудился в области общественных связей[71], а затем работал с Бобби в Конгрессе.

Вскоре его опять пригласили в штаб Джека. Уж больно хорошим он был организатором. В этой роли он и прибыл в Хианнис-Порт.

Лоуренс О'Брайен тоже работал с Джеком в 1952 и 1958 годах. Они дружили с юности. Но дружба дружбой, а служба — службой, и его позвали в Хианнис-Порт как сильного управленца.

За ними вошел всегда сосредоточенный Стив Смит из компании Park Agency, бывший студент-историк и летчик, ныне управлявший тремястами миллионами инвестиций клана. Он был женат на сестре Джона — Джин, стал членом семьи и интересовал ее как опытный финансист.

Следующий — полный и заводной пресс-секретарь Пьер Сэлинджер — лучился энергией. Родом из Сан-Франциско, во время войны он служил во флоте. А закончив университет, стал журналистом, приобрел связи в масс-медиа. Говорят, даже слушал лекции Маршалла Маклюэна и был с ним знаком. Неординарность суждений помогала ему отлично работать со СМИ.

Он сел рядом с Тэдом Соренсеном, взиравшим на мир сквозь очки с улыбкой человека, знающего чуть больше, чем надо, и умеющего чуть больше, чем все. Он родился в Небраске. Его отец — видный левый республиканец и сподвижник независимого сенатора Джорджа Норриса[72] — служил генеральным прокурором штата. Стал юристом и Тэд, но куда лучше он писал политические речи. За семь лет работы с Джеком он отточил свой талант. Тот нанял его после своего прихода в Сенат. Вскоре Тэд стал его близким советником и автором речей. По слухам, это он написал «Образцы мужества»[73], но когда при нем упоминали об этом, таинственно улыбался.

Прежде чем прийти с просьбой о работе, Тэд навел справки. И услышал: «Даже не пробуй. Джек не возьмет человека, не одобренного старым Джо. А тот за полвека не взял ни одного некатолика, кроме Джима Лэндиса. Ну, а ты-то унитарианец[74]». Но Тэд решился и выиграл.

А вот Хайман Раскин из Чикаго как был юристом, так и остался. Но известность получил как участник двух президентских кампаний Эдлая Стивенсона. Больше того — как один из лучших в его окружении. За то и удостоился внимания Кеннеди.

Следующий — Джон Бейли — по меркам команды был стариком. Но свой «полтинник» он прожил не зря — дорос до

босса партии в Коннектикуте. Мастер интриги, он умел дружить с важными людьми и знал все ходы и выходы там, куда не всех пускают.

Он отбил Коннектикут у «слонов» и превратил его в пастбище «ослов», где взрастил бойцов предыдущего поколения — евреев и католиков (а вы пробейтесь в политике, если вы еврей или католик) — Абрахама Рибикоффа и Эллу Грассо; а теперь закулисно рулил Законодательной Ассамблеей штата. Но метил выше — в председатели Национального комитета партии.

Из Коннектикута был и Луис Харрис — создатель одной из авторитетнейших социологических служб в стране. Harris and Associates проводила опросы по заказам избирательных штабов. И очень успешно. Потому-то Лу и пригласили в Хианнис-Порт.

Остальным гостям тоже предстояло сыграть немалую роль в предстоящей встрече.

3

И не только!

Каждого из них ожидали важные события и большие дела.

Зная это, Джек и Бобби отбирали их на основании пяти критериев, соответствие которым было обязательно для большинства: 1) связанность с братьями и друг с другом семейными, деловыми и дружескими узами, доказанная делом преданность и надежность; 2) принадлежность к ирландской общине и Католической церкви; 3) участие в войне и военная служба; 4) хорошее образование; 5) успешная работа в компаниях, связанных с финансами, общественными связями, социологией, юриспруденцией, журналистикой и т. п., либо — собственный бизнес.

Это был тщательный и кропотливый отбор. Ибо команде предстояло дело, которое можно доверить только самым приближенным, самым надежным людям и самым лучшим специалистам. Клану предстояло выполнить серьезнейшую миссию, возможно — ключевую в истории семьи. А главное — в тайном плане Джо Кеннеди.

Его осуществление требовало боевой спайки, дисциплины, ответственности. Все это, как считалось, давали длительные личные отношения, обязательства и интересы (в том числе — карьерные и материальные), членство в ирландском землячестве и принадлежность к католическому меньшинству; участие в войне и военная служба.

Особое значение придавалось образованию. Тогда многие

политики и интеллектуалы США опасались, что Советский Союз уже опередил либо готовился опередить Штаты в этой сфере. А главное — прошли времена, когда для успешной работы на выборах хватало смелости, бойкости и цинизма. Теперь в цене был интеллект. Как, впрочем, и успех в работе или бизнесе. Сумел заработать деньги — значит, ты самостоятельный, твердо стоящий на ногах и стоящий высокой оплаты человек. Тебе можно доверить большое дело.

Но главным для Кеннеди была незаурядность.

«Обычный парень», «нормальная девушка» — худших характеристик и придумать было нельзя. Обычность и соответствие норме немедленно гасили в глазах Кеннеди огоньки интереса и внимания. Таким людям рядом с ним места не было. Его интересовали лучшие и блистательнейшие. И именно они, как считал Джек, собрались сегодня в гостиной брата Бобби.

4

Впереди была большая битва. Битва за Америку.

И Джек описывал ситуацию в партии и стране так, будто это было положение на поле будущего боя — вдумчиво, емко, детально. «Меня удивило, — вспоминал младший брат Тэдди, — что он помнил все о политике в каждом штате — не только местных боссов и сенаторов, но и каждую фракцию и ее ключевых людей». Он не пользовался картами или таблицами, но предельно ясно излагал ключевые аспекты политического, хозяйственного, социального и военного положения США, продвигаясь от региона к региону, от штата к штату. Закончив с Восточным побережьем, где теснились большие портовые города — оплоты индустрии и наук, переходил к промышленной кузнице Среднего Запада. После — к фермерским и горным штатам, где колыхались поля пшеницы и кукурузы; где добывали уголь и руду. А дальше — спускался к Тихому океану, поворачивал на юго-запад и, наконец, достигал юга с его прериями, нефтяными вышками и расовыми проблемами.

В глазах гостей он видел напряженное внимание. Они, без сомнения, знали, зачем он их собрал и к чему готовил.

«И как же молодо они выглядят в этих спортивных пиджаках, широких брюках и мягких туфлях… — думал он. — И как же они на самом деле еще молоды. Во всяком случае — в сравнении со «зверски серьезными» стариками из большого бомонда. Или это свойство тех редких людей, которые даже таким сложным и опасным делом, как политика, умеют заниматься весело, с

улыбкой и задором. Кто знает, может, в этом — тайна их побед?»

Так думал он, глядя на тех, от кого уже с завтрашнего дня, возможно, будет зависеть его судьба, так же, как судьба вождя, военачальника, полководца на поле брани зависит от его маршалов и генералов и от ведомых ими частей и соединений.

Порой он делал паузу, просил комментариев, задавал вопросы и отвечал на них. К ланчу многие и впрямь догадались, о чем идет речь. Перед ними была развернута не только картина жизни страны, но и стратегия будущей борьбы. В чем-то — предельно подробно, где-то — в общих чертах, но было ясно: все это имело смысл обсуждать только в том случае, если речь шла о политической операции национального масштаба.

Сомнений не оставалось: Джек принял решение.

Решение окончательное и бесповоротное. Решение, после которого бывает только победа или смерть. Если не физическая, то, скорее всего, — политическая. Решение стать президентом Соединенных Штатов Америки.

* * *

Теперь им предстояла суровая борьба. Ибо только такой может быть борьба за «самую важную выборную должность в мире». И не только с соперниками республиканцами и не менее беспощадными конкурентами из своей партии, но и с собственной неуверенностью, ленью и страхом, а равно — и с недоверием высшего истеблишмента, и с привычками миллионов избирателей. Элиты его уже знали, но далеко не были уверены, что именно Кеннеди достоин быть их человеком в Белом доме. Ну, а простым американцам он хоть и был уже известен, но мало, мало для того, чтобы победить! И потом, он был для них непривычен. Ведь президент в их глазах — умудренный и заслуженный господин, возможно — в седых усах и уж точно в солидных годах, а не обаятельный рыжий парень в модном костюме.

Никогда еще не становился президентом человек сорока трех лет от роду. Никогда не избирали главой государства католика. И уже очень давно не становился им сенатор-демократ.

Предстоящая борьба и победа в ней станут поворотным моментом и для них самих, для страны и для всей планеты — это гости Хианнис-Порта знали точно.

Путь к ней лежал через внутрипартийную рутину: интриги, переговоры, сделки, праймериз, съезд партии — через их тяжелый и напряженный труд. Но успех сулил неслыханную добычу и

невиданный почет. И понимая это, они как бы стояли сейчас на пике Уитни[75], а перед ними простиралась страна, которую предстояло завоевать.

Это твоя земля. Это моя земля.
Твои заводы, банки и поля
От Калифорнии и до Нью-Йорка…
А знаешь, стоит это сколько?[76]

А сколько бы ни стоило! Это земля твоя. А станет твоей вдвойне.

5

Джек утверждал: выдвижения в президенты надо добиваться на праймериз. Использовать как трамплин к еще более широкой известности и триумфу на конвенте партии.

Суть праймериз, как мы помним, в том, чтобы в состязании с противниками из собственной партии доказать свою готовность и годность к борьбе с конкурентами из партии-соперницы. Конечно, без кулуарных баталий не обойтись, но главное сражение предстояло в штатах. Всего их было шестнадцать[77]. Во всех бороться не требовалось, но Джек знал: именно эти результаты покажут его преимущество перед другими возможными кандидатами. Сделают его несомненным.

Из шестнадцати штатов Джек предложил выбрать те, где победа могла быть наиболее весомой для: а) видных партийных боссов; б) других делегатов съезда; в) жителей соседних штатов. Выиграть надо было в каждом. Поражение в одном означало провал всей кампании.

Поэтому выбрали ключевые — среди них Висконсин, Западная Виргиния, Индиана, Калифорния, Мэриленд, Орегон и другие.

На этом Джек закончил. Стратегию описал он — полководец. Распределить командиров по участкам предстояло начальнику штаба — Бобби.

О’Доннела назначили помощником кандидата, ответственным за его расписание и график кампании, а также — главой бригады политтехнологов, которую вскоре назовут «Ирландской мафией».

О’Брайену поручили разработать общий план кампании.

Харрис стал первым в США штабным социологом и автором метода компьютерного расчета результатов выборов по итогам

голосования в «ключевых точках». Смиту поручат бюджет. Бейли станет человеком Кеннеди в руководстве партии, а после победы — председателем Национального комитета (позиции его правнуков и ныне сильны в политике). Пьер останется пресс-секретарем. Тэд — спичрайтером и ближайшим советником.

Распределили и регионы, за которые предстояло отвечать, обеспечивая связанность, боеспособность, мобильность и эффективность всех частей и соединений.

Да, гарантий, что дело дойдет до «больших» выборов, не было. Но молодые, задорные, грамотные — они желали славных дел и сияющих высот. Будто покорить их было — раз плюнуть.

Бейли получил север штата Нью-Йорк и Новую Англию. 114 голосов делегатов этих регионов много весили на съезде. Их надо было «взять», поставив больших боссов перед фактом.

Раскину отдали Запад и его родную Айову. У него были самые крепкие связи в Чикаго, Орегоне и Калифорнии. Вместе с ним предстояло работать Тэдди.

Помощник Джека Боб Уоллес получил Западную Вирджинию. О'Брайен — Мэриленд, Индиану и Висконсин. Юг поручили Бобби — мало кто еще мог сладить с тамошними строптивцами.

Нью-Джерси, город Нью-Йорк, Огайо, Пенсильванию и Мичиган Джек оставил за собой. Там слишком многое зависело от сделок с большими боссами. Бейли и Джо-старшему досталась почетная миссия решать вопросы на уровне высших элит — там, где их больше никто не решит.

* * *

Уровень… Как много весит это слово. Его значение в партийной политике известно. Возможность выхода на уровень ведущих финансовых магнатов, больших семей и аристократов американского бизнеса, право позвонить, потолковать с ними, выпить по бокалу у камина, поделиться тревогами и ожиданиями, обратиться с просьбой… Порой все это стоит куда дороже денег. Деньги — это кровь проектов. Но им нужен мозг. Центральная нервная система. Элита.

Взаимовыгодное партнерство с ее ведущими представителями позволяет добиться того, чтоб проблемы отступали, а герои побеждали.

На благо народа. Но стоп, господа! При чем здесь народ? Народ? А кто ж бюллетени в урны кладет? Народ, дорогой мой, народ. Тот самый — субъект демократии…

6

Похолодало. Бобби зажег камин. На дома, лужайки, пляжи и пристани поместья спускались сумерки. Хианнис-Порт, Массачусетс, Новая Англия, Америка погружались в осенний вечер, стиравший багрец «индейского лета», и трепет облаков, и отблеск солнца в океане.

Совещание кончилось. Все вышли на лужайку. Вдохнули соленый воздух. Солнце почти село. День удался. Один из тех, в которых незримо для мира пульсирует кровь истории и слышится дыхание судьбы. Настали сумерки — час прорех и открытий, когда в темном хрустале реальности видны просветы туда, где даже самые несбыточные грезы превращаются в реальность.

* * *

Утро рассыпалось золотом, ветер напевал весело и молодо, и влажный лист ракит спадал на сырость плит и все еще зеленый газон. Потом опустела терраса. Смолк вдали гул последнего автомобиля. Джон стоял, раскачиваясь с пятки на мысок. Руки — в карманах. Рукава свитера узлом завязаны на груди. Из штанов как всегда торчит пола отменной рубахи.

Бобби смотрит на него из окна. Думает: ну, вот. Сейчас снова начнется. Бессонные ночи. Трезвон телефонов. Гул голосов. Дым табачный воздух выел. Виски. Нервы. Самолеты. Телефоны. Поезда. Парадные завтраки и секретные ужины. Тайные договоренности, рукопожатия, и деньги, деньги, деньги… И снова нервы, нервы, нервы… И люди, люди, люди, люди…

Что ж, не зря он в прошлые выборы объехал страну как помощник Джеймса Финнегана — начальника штаба Эдлая Стивенсона. В полетах он обычно сидел в хвосте, на совещаниях — за креслом шефа. Говорил мало, улыбался много, внимательно смотрел и слушал. С ручкой и блокнотом, куда день и ночь записывал все, что делалось на кампании.

Вернулся он со стопой тетрадок и негромко сказал: «Теперь я знаю, как выбирать президентов». Да, теперь он это знал. Но видел: каждый случай — особый. Не все можно понять, осмыслить и оформить в действие. Ибо большая кампания — это большое искусство.

— Стану большим художником, — решил Бобби.

Он вышел из дому, спустился с крыльца и подошел к брату. Встал рядом.

Так же они будут стоять здесь — счастливые — через год и

одиннадцать месяцев.

Но их еще предстояло прожить.

Глава вторая. Разведка боем

1

— Я выдвигаю свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов.

Этот пост — пост президента — самый значительный в свободном мире. С ним связаны надежды человечества на свободную и более безопасную жизнь. Президенту, как главе исполнительной власти этой страны, в ближайшие четыре года предстоит принимать важнейшие решения XX века.

Я служил Соединенным Штатам восемнадцать лет — сначала во время Второй мировой войны как офицер флота на Тихом океане, а последние четырнадцать лет как член Конгресса. За последние двадцать лет, посетив едва ли не все континенты и страны — от Ленинграда до Сайгона и от Бухареста до Лимы, — я ощутил благородство исторической роли Америки и ее хранителя — искреннего и отважного народа, готового защищать свободу в эпоху максимальной опасности.

С этим образом в душе я начинаю эту кампанию.

Для кого-то эта речь стала новостью. Для кого-то — нет.

А кое-кто о ней просто не узнал. В тот день — 2 января 1960 года.

Заявлению предшествовали серьезные консультации отца и самого Джека с ведущими персонами делового и политического истеблишмента. Их реакцию сложно определить как однозначно положительную, но строгого «нет» не сказал никто. Их не предостерегали. Но и не воодушевляли. Любимый ход Джека — оставить все на усмотрение тех, кому предстоит работать.

Ну что ж — пусть сражается. Праймериз многое покажут. В конце концов, кандидата выдвигает конвент, и к тому времени мы успеем про него многое понять. Например — дельный он парень, реально «заточенный» на победу, или — болтушка, пустышка, папенькин сынок.

В нем есть задор, есть шарм, есть драйв. Но есть ли в нем сила? Говорят, он не промах в амурных делах, шелушит девчонок? А на Белый дом маячит ли у него? Дымится? Поглядим.

Слава Богу, никто не говорит о нем как о «левом», вроде Хюберта Хэмфри. Но и «правым» его не назовешь. Прагматик. Вот ведь — вошло же в обиход это хитрое слово: прагматик.

Присматривались к Кеннеди и в Москве.

И именно так чуть больше года спустя укажут место президента в политическом раскладе эксперты советского посольства в докладе Кремлю: «типичный прагматик».

Что же в Кремле прочли о Кеннеди? «В политике он следует… чисто рациональным соображениям. Отстаивает свои позиции, сообразуясь, прежде всего, с конкретными обстоятельствами. И, что более важно, с личными интересами. За годы службы в Конгрессе позиция Кеннеди по ряду вопросов не раз была непостоянной и противоречивой. А в конфликтных ситуациях он вообще избегал занимать позицию. Пример — его отношение к профашистскому маккартистскому течению в политической жизни США в 1950-х годах. Не причисляя себя к тому направлению, Кеннеди, в то же время, избегал критиковать его. Даже когда в 1954 году большинство его коллег по Сенату противостояли Маккарти.

Кеннеди видит путь к оживлению экономики в повышении потребительского спроса путем снижения подоходного налога для определенных групп населения: в частности — для лиц с низкими доходами. При этом он прямо заявляет, что без сомнения повысит налоги, в случае если это станет необходимо для экономики и решения серьезных политических задач.

Кеннеди выступает за предоставление неграм равных прав с белыми во всех сферах жизни, при этом — в рамках «подобающей процедуры», осуществляемой исполнительной властью в соответствии с адекватными законами.

Кеннеди открыто критикует политику правительства США и Запада в вопросах разоружения за отсутствие конкретного плана. Он предлагает учредить в США правительственный орган, способный разработать «реальную программу разоружения», меры по переориентации американской экономики с военной на мирную направленность, а также различные программы международного сотрудничества в социально-экономической области. Он заявлял, что на месте президента запретил бы полеты разведывательных самолетов U-2 накануне встречи на высшем уровне и нашел бы путь принести извинения СССР…»[78]

Доклад солидный. Отражающий черты будущей политики президента. И впрямь, Джек не видел смысла провоцировать напряженность в отношениях с Советами. Выступал за разоружение (в рамках разумного) и расовое равенство (в рамках закона). Не ограничивая себя при этом ни групповыми обязательствами, ни прописями идеологий. Так легче маневрировать. Находить понимание у либералов и не раздражать правых.

Это порождало недоразумения. В партии к нему относились

сложно. К тому времени позиции либералов рузвельтовского призыва ослабли, а консерваторы старшего поколения Джека не поддерживали: «Писатель он, может, и неплохой. Но сенатор не больно важный». Их лидером был Линдон Джонсон, сам искавший пути в Белый дом.

Не считали Кеннеди до конца своим и либералы его поколения. Не хотели забыть его позицию в отношении Маккарти. Кроме того, один из их вождей, сенатор Хюберт Хэмфри, тоже собирался сражаться за президентский пост.

2

О Хэмфри мы уже говорили. Крупный политик, либерал и прогрессист, в 50-х во главе молодых демократов он захватил руководство в парторганизации Миннесоты и стал одним из лидеров лево-либерального крыла всей партии.

Вскоре Америка увидела его портрет на обложке Time. Хэмфри считали видной фигурой в Сенате, представителем интересов рабочих и черных, сторонником разоружения. В этом качестве его знали даже в СССР. Стивенсон собирался взять его в пару на выборах 1956 года. Его поддерживали профсоюзы, группы фермеров, боссы ряда региональных организаций и заметное число университетских интеллектуалов. И хотя его влияние порой преувеличивали, он, без сомнения, был одной из звезд в созвездии демократов, метивших в президенты.

С другой стороны, Хэмфри и ведомая им группа политиков были мишенью критики консерваторов, которых хватало в партии «осла». Проигравший прошлые выборы Стивенсон, зная, что Эйзенхауэр не может баллотироваться вновь и это дает ему шансы стать, наконец, президентом, видел в Хэмфри сильного соперника. И хотя поддерживал в сенаторе амбиции, но только чтобы сделать его «тараном» против Кеннеди. Джонсон не мешал ему по той же причине. А большой бизнес отмалчивался, обеспокоенный его слишком «левой» риторикой.

На поверку выходило, что Хэмфри может рассчитывать только на парторганизацию Миннесоты, рабочих и крестьян трудового северо-запада, ряд либеральных организаций, профсоюзных вожаков и журналистов, а также неизвестное число других сторонников.

Да, сбрасывать со счетов его волю, энергию и яркость не следовало. Но если всерьез, то кроме них и портрета на обложке Time, он имел не так уж много. Его карьера и рост популярности замедлились, положение было стабильным, а значит — опасным.

Нужны были немалые усилия для рывка вперед.

Кеннеди же был на подъеме. О нем все чаще писали большие СМИ. На обложку Time он пока не попал, но ведь журналы — дело такое: только дай серьезный повод, и ты — там. Кроме того, на счету Джека был бестселлер «Образцы мужества», что обложку, пожалуй, уравновешивало. И хотя за пять лет вышло немало других заметных книг, Кеннеди было чем помериться.

Ну и потом: деньги. Большие деньги. Клан мог позволить себе потратить на избирательную кампанию очень много своих долларов, а кроме того, мог рассчитывать на вливания со стороны сильных мира сего. А у Хэмфри своего капитала не имелось совсем, а источники финансирования были сравнительно скудны, да и немногочисленны.

Теперь — команда. Сравнивать команды всегда сложно. Особенно если с обеих сторон — опытные и способные бойцы. Так что можно считать, что по этой позиции они были равны.

Ну и образ. Казалось бы, здесь преимущество у Хэмфри: его позиция четка и ясна. Избиратель это любит. А образ Кеннеди размыт. Но, с другой стороны, в этом есть плюс: чутко ловя настроения публики, он сможет корректировать свой имидж и подстроить его под потребности кампании. Тем более, что у него и на это есть деньги. Деньги. Деньги…

3

В американских партиях соседствуют защитники максимальных свобод и сторонники жестких ограничений, радетели всевозможных меньшинств и их гонители, трибуны автономии штатов и апологеты сильной центральной власти. Эти фракции постоянно борются друг с другом, и на фоне соперничества двух ведущих партий это делает конкуренцию отнюдь не формальной.

Так обстояли дела и тогда, когда Кеннеди боролся за выдвижение в президенты.

Потому-то, отлично зная ситуацию, он считал, что «классический прагматизм», как определили его позицию советские эксперты, — и есть самое выигрышное положение, какое только можно занять. Да, он, скорее, либерал, чем реакционер. Скорее, сторонник открытости миру, чем страж «крепости Америка». Симпатизирует скорее дерзости, чем конформизму, и скорее толерантности, чем фанатизму. Однако — в меру. Очень в меру.

И лишь несколько черт превосходили в нем любые меры и

рамки. Одна из них — страстное и неудержимое стремление в Белый дом и готовность сокрушить любого, кто встанет на пути.

А встали люди серьезные. Сенаторы Джонсон (Техас), Хэмфри (Миннесота), Саймингтон (Миссури), губернатор Калифорнии Браун и бывший кандидат в президенты Стивенсон. Не обошлось и без так называемых «любимых сынков» — политиков, что имели сильную поддержку в своем штате и шли на выборы в расчете, что если на съезде никто не победит ни в первом, ни во втором туре, они станут компромиссной фигурой или кандидатом в вице-президенты.

«Сынки» в праймериз не участвовали. Отказались от них Джонсон, Саймингтон и Стивенсон. Каждый из них надеялся стать компромиссной фигурой и добиться выдвижения поверх поражений и успехов участников предварительных выборов…

4

В Америке любят тесты. Оно и понятно: прежде чем допустить кого-то к делу, важно понять, готов ли он к нему; а прежде чем дать путевку в жизнь — выяснить направление…

Этим и занялись как-то родители одного юноши. Кем он станет? Что его ждет? — желали узнать папа и мама. Они разместили на столе бутылку виски, Библию, десять долларов и спрятались.

Через несколько минут вошел сынок. Первым делом — пролистал Библию.

— Он станет пастором! — шепотом воскликнула радостная мама.

Тут парень увидел бутылку. Глянул на этикетку. Отвинтил пробку и понюхал.

— Пьянь! — уронил голову на руки удрученный отец.

Он не видел, как сын смотрит на просвет купюру. Но видела жена.

— Банкир-банкир-банкир! — радостно потирала руки женщина.

— Что же с ним станет? Что его ждет? — безмолвно вопрошали родители.

Тут сын сунул деньги поглубже в карман. Взял под мышку Библию. И, размахивая бутылкой, насвистывая «Янки Дудль»[79], летящей походкой вышел из комнаты.

— Он будет политическим дельцом! — воскликнули изумленные папа и мама.

* * *

Политические дельцы — это те, кто зарабатывает, так или иначе инвестируя в политику. То есть покупая и пуская в оборот тот или иной политический товар. Например: лозунги, девизы, знамена, марши и оркестры, схемы подкупа сторонников и нейтрализации противников, обличения и оды, встречи с важными людьми и защиту от покушений, компрометирующие материалы и голоса на выборах. В том числе — на праймериз.

Впрочем, праймериз — это самобытное изобретение американской демократии — относится к числу самых нелюбимых политическими дельцами. Потому что мешает им зарабатывать деньги. До введения праймериз кандидаты на все выборные посты определялись в ходе тайного торга политических боссов. Теперь же они мешают им частным порядком решать: кого придержать, а кого выдвинуть. Ибо делают процедуру прозрачной: победил — достоин, продул — мимо кассы.

Неважно, кто избирается, — глава школьного округа или президент: эта процедура касается фактически всех выборных постов. То есть праймериз — дело серьезное.

Но неудобное для политических дельцов (хоть и привычное). Не имея возможности кулуарно решить, кто станет кандидатом, они вынуждены вкладывать деньги в кампании праймериз — поддерживать своих. Зачем? А затем, чтобы потом получить от них преференции для других своих клиентов — предпринимателей, торгующих виски, Библиями и деньгами.

Но денег всегда не хватает. Так как дураки-политики тратят их почем зря да еще вынося сор из партийной избы. А это нарушает стабильность и гармонию.

«Вот бы обойтись без праймериз, — думает политический делец, — боссы отбирали бы нужных кандидатов, их бы обсуждали делегаты съездов, а высшее руководство решало: кому не быть кандидатом, а кому быть. И никакого риска! А так? Тратишь деньги и силы на интриги, взятки, лоббирование и всякую предвыборную мишуру. А отдача? Не гарантирована!».

А ведь целых 35 лет — с 1865 года по фактически 1900 год — дела шли гладко. И какие были заработки! Но потом ввели эти долбаные праймериз. Хорошо хоть только в 16 штатах. То есть победил во всех — получил на съезде голоса 16 делегаций. Победил в одном — голоса одного.

Во всех штатах законы о выборах различались. Как и сама их жизнь — национальный состав, обычаи, история, хозяйство. И кандидатам, решившим меряться силами, приходилось их учитывать. Главными полями сражений на праймериз 1960 года

Кеннеди выпали штаты Висконсин и Западная Вирджиния.

Там, где его соперником стал Хэмфри.

5

Он считал, что знает народ. Поскольку сам был отнюдь не из аристократического рода.

И был уверен: в этих далеко не благополучных штатах у него куда больше шансов на симпатии фермеров, рабочих и бизнесменов, чем у Кеннеди. И бросил ему вызов.

А Джек его принял. Его шансы на выдвижение в президенты прямо зависели от успеха на праймериз. Побеждая в них, он, во-первых, показывал, что может привлекать голоса не только в Массачусетсе, но везде, а во-вторых — завоевывал голоса важных делегаций. Ну а проигрыш неизбежно вел к крушению надежд. Его просто не могли выдвинуть в ходе закулисной сделки.

Тем более что влиятельные журналисты не считали его выдвижение реальным: религия, возраст, должность и штат — все против него.

Католик никогда не был президентом. И с 1928 года эту возможность даже не брали в расчет. Это — раз. Никогда демократы не выдвигали парня 42-х лет от роду. Во всяком случае — в XX веке. Это — два. Ни один демократ никогда не переезжал в Белый дом из Сената[80]. Уже 100 лет партия не выдвигала сенаторов в президенты.

Короче: вице-президент — куда ни шло. Президент — no way[81].

А вот Джонсон, Стивенсон, Саймингтон, Хэмфри — пожалуй.

С журналистами соглашались и партийные лидеры. Хотя и не все. За Джека был председатель Национального комитета Пол Батлер, а также боссы из Бронкса и Филадельфии — Чарльз Бакли и Билл Грин. А еще — мэр Чикаго Ричард Дэйли. Очень серьезный человек.

Впрочем, пока в высших эшелонах партийной власти все было сложно, люди Джека строили его избирательную машину там, где жили простые американцы. Искали новых местных лидеров. Создавали организации. Он ездил по стране. Выступал на партактивах и митингах. Собирал (и давал) деньги на местные кампании. Писал письма и отвечал на них. Принимал «ходоков».

Местные организации получали его книги, брошюры и статьи о нем. Джек знал: партийный активист любого уровня хочет одного: подняться, продвинуться. И для этого ему нужен «паровоз» — большой новый победитель. А значит — он, Джек

Кеннеди.

И он выглядел как новый победитель. Как герой спорта, звезда экрана или подиума.

Он излучал оптимизм. Вселял уверенность. Победитель в нем был заметнее политика.

6

В каждом штате его команда создавала группы «своих» и связывала в сеть. Прежде всего — в штатах, где предстояли праймериз, — в Висконсине, Западной Вирджинии, Индиане, Небраске, Массачусетсе, Мэриленде, Нью-Гемпшире и Орегоне.

В Западной Вирджинии и Висконсине его соперником был Хэмфри.

Только в поединке эти двое могли показать партии и стране, кто сильнее. При этом Кеннеди предстоял бой на «чужой территории», где победа была весомей, чем где-то еще. Ну а, кроме того, на съезде он получал голоса делегаций этих штатов, в соответствии с их законодательством[82].

Но почему — на «чужой территории»? В Висконсине и Западной Вирджинии жили в основном протестанты[83]. И многие — прежде всего фермеры — были за Хэмфри. Его отлично знали в пограничных с Миннесотой округах Висконсина, где приемники ловили соседское ТВ и радио.

Да и политическая система этого штата была не слишком удобной.

Ведущей партией в Висконсине долго были прогрессисты — особая местная партия, созданная их лидером Робертом Ла Файеттом[84]. Они откололись от «слонов», вобрав в себя часть среднего класса, интеллектуалов, рабочих (немцев) и фермеров (скандинавов), склонных к социализму в двух его версиях — «пиво-германской» и «хотдогово-датской». В 40-х годах прогрессисты вернулись в «партию слона», которая с той поры и доминировала в штате.

Ну, а висконсинские демократы больше чем 8 % на выборах отродясь не получали.

Специфику региона определило господство семьи Ла Файетт. Их подход был таков: беда страны — союз лоббистов и политиков, приводящий к власти своих людей. Меж тем, власть должна служить народу. Ее основа — права и активность граждан. За тридцать лет Ла Файетты так изменили политическую систему штата, что заслужили ненависть политических дельцов.

К тому же на рубеже 40 — 50-х годов — после возвращения

прогрессистов к «слонам» — к «ослам» ушла часть их «левых» сторонников. Началось возрождение местных демократов. И в 1952 году (второй раз в столетии) их кандидат Билл Проксмайр стал сенатором. А в 1958 (опять же во второй раз за век) демократ Гейлорд Нельсон был избран губернатором.

Но в 1960-м часть демократов поддержала Хэмфри, а другая — Кеннеди. К тому же по закону штата, он, будучи чуть «правее» «друга рабочих и крестьян» из Миннесоты, при хорошей организации кампании мог получить голоса и местных республиканцев.

7

В Висконсине люди Кеннеди работали во всех избирательных округах. В штабах работали (совершенно бесплатно) его однокашники по Гарварду. В 1-м округе — Билл (Художник) Уолтон[85]. В сложном 10-м — бывший мэр Бен Смит (будущий сенатор). На сторону Кеннеди встали глава «Демократической организации штата Висконсин» Патрик Ласи и Айвэн Нэстинген — мэр столицы штата города Мэдисон. Его Джек сделал главой Гражданского комитета — центра, координирующего работу волонтеров, встречи с избирателями, митинги и выступления.

А в целом кампанией командовал… верно — братец Бобби. Руля сотнями людей из штаба и центра связи в отеле «Пфистер» в Милуоки.

Джек направил в Висконсин весь свой аппарат (кроме Соренсена). Лу Харрис провел опрос 23 000 избирателей — самый широкий из всех в одном штате. Братья и сестры ждали сигнала.

В каждом округе имелась группа волонтеров, с первого дня готовая вырасти в десять раз и обойти округ от дома к дому, толкуя с людьми, раздавая листовки и склоняя голосовать и демократов, и республиканцев.

Кроме того, Кеннеди мог быстро перемещаться. На собственном самолете.

А Хэмфри ездил на автобусе.

В ходе кампании он полагался в основном на волонтеров из Миннесоты, друзей их профсоюзов и на тех местных демократов, что были благодарны сенатору за продвижение их интересов в Вашингтоне. Они помогли ему организовать в штате два штаба — в ключевых городах Мэдисоне и Милуоки, издать плакаты, арендовать билборды, купить эфир. Но его основной миннесотский актив мог в полную силу работать только в уикенды. А так ребята каждый вечер приезжали после работы, а

после возвращались домой. Что отнимало кучу времени.

По ряду позиций он сильно уступал Кеннеди. Но при этом имел расчет. Не самый тонкий, но — резонный: победить его в Висконсине, припугнуть Западной Вирджинией и заставить выбыть из ключевых праймериз, доказав свое преимущество.

Между тем, на людях он не забывал указать на мощь и богатство Кеннеди.

Представьте себе большую торговую сеть, мечтающую сожрать небольшой магазин, говорил он, выступая перед простыми людьми. Так вот, бывает, я чувствую себя владельцем этого магазина. Но я не отступлю!

Говорить так было легко. Победишь — лишний почет. Проиграешь — понятно почему. Впрочем, как потом выяснилось, Хэмфри потратил в Висконсине немало — 150 000 долларов. Столько же, сколько Джек.

А пока по данным опросов он вел в трех приграничных округах. В двух — в Милуоки — лидировал Кеннеди. Как и в двух южных, где фермеры были богаче приграничных. Еще три были непредсказуемы. Два приозерных прежде были оплотом сенатора Маккарти, за удаление которого из Сената Джек не голосовал. Вроде бы, это был плюс. Но много ли это значило 1960 году?

8

— Слава Богу, — говорил Хэмфри, выступая перед избирателями в Еврейском центре в Милуоки, — все мы — просто люди. Сейчас много говорят о рациональности и продуктивности. Может быть, мы не слишком рациональны и продуктивны. Но возьмите «Декларацию независимости». Откройте «Конституцию». Прочтите «Геттисбергское послание»[86]. Вы не найдете там слов «рациональность» и «продуктивность». А потом прочтите всего Маркса, всего Энгельса, всего Ленина и Сталина. И вы нигде не увидите слова «любовь». За продуктивностью идите к коммунистам. Я же верю, что быть политиком — значит любить людей, быть хорошим человеком.

Потом слышавший это Теодор Уайт напишет: «Выступая, Хэмфри… был великолепен. А порой — блистателен. И говори он побольше безупречных речей, глядишь, и победил бы.

Но он испортил кампанию тем, что старался… быть проще, яснее. Обсуждать каждый вопрос по-домашнему. Он мог толковать о чем и с кем угодно — с фермерами, рабочими, профессорами. С аптекарями он становился аптекарем. В пикете забастовщиков он пел «Солидарность навсегда»[87], сливаясь с

рабочими. Общаясь с журналистами в своем холодном автобусе, превращался в балагура-репортера. А обсуждая проблемы негров, сам как бы чернел…

Он кончал говорить, и все вопросы были закрыты. Как в храме. Но американцы в 1960 не ждали проповедей».

Им нужен был не проповедник, а герой. Полководец. Лидер. Принц. Новый победитель.

* * *

Джек это понимал.

И потому не только полагался на свои штабы, но и сам создавал образ. Образ вождя. Сюзерена, прибывшего к любимым подданным. Мудрого, милого, щедрого, с дружески протянутой рукой. Но — не до конца понятного.

Его всегда окружала семья, свита и тайна. Он не смешивался с толпой, хотя всегда без опаски шел в самую гущу. И все равно — вокруг него оставалось пространство. Его пространство.

Нового победителя ждали не только политические активисты, но и просто люди — в том числе и в Висконсине. И Джек представал перед ними таким. Новым. Победным.

Он начал кампанию с обещания вести ее честно: «Я не собираюсь нападать на моего оппонента-демократа… — заявил он, — я намерен говорить о нем уважительно и требую, чтобы тех же принципов держались все, кто работает в Висконсине от моего имени.

Мы не боремся против тех или иных деятелей. Мы боремся за пост президента».

И отправился в путь. С родными, соратниками, прессой.

На рассвете с непокрытой головой он стоял у ворот фабрик, раздавая рабочим листовки и пожимая руки. Волосы треплет ветер, пальто распахнулось, рабочие берут листки, говорят пару слов, жмут руку и идут дальше, зная, что руку пожать легко, а стать таким же — нельзя.

Фермеры, студенты, учителя, пенсионеры — со всеми он говорил весло и открыто. И не только о проблемах. А если и о них, то в особом — высоком — стиле, подобающем высокому лицу. И тут же — о роли президента в Америке. И о том месте в мире, которого она заслуживает.

Родные были проще. Тэдди — так тот ради него даже прыгнул с трамплина. Впервые в жизни.

Он прибыл в Грин-Бей, чтобы съехать с горы с плакатом «Кеннеди в президенты». А его сходу спросили: с трамплина

прыгнешь? Подняли. Объявили: «На старте Эдвард Кеннеди — брат сенатора Джона Кеннеди! Он еще никогда не прыгал. Но если мы попросим, он попытается!»

До вышки донесся приветственный гул толпы. Внизу была пропасть.

Надо линять, решил Тэдди. Но тут же представил, как будет жалок, сползая вниз. А диктор: «Он прыгнет, дамы и господа! Храбрец! Думаю, сенатор бы им гордился!»

Оркестр грянул «Звездный флаг», ударил барабан, и Тэд полетел.

Нашли его в сугробе. Достали, отряхнули, подвели к микрофону. А он спросил: «Эй, кто-нибудь видел на трамплине Хюберта Хэмфри? Так что поддержите моего брата Джона!»

Гип-гип, ура! Ура!! Ура!!!

* * *

Журналисты постоянно получали данные из социологического центра. С цифрами в руках они все уверенней писали о Джеке как о победителе. Предсказывали, что он «возьмет» 6 из 10 округов. Потом — 8. Потом — 9. А избиратели читали об этом в газетах, слышали по радио, видели его в новостях. Обсуждали в клубах, в барах и на родительских собраниях. Казалось бы — надо говорить об оценках и поведении детей, а они — о Кеннеди! Это был успех.

И когда 5 апреля Висконсин пошел на избирательные участки, вся его команда ликовала: победа! А пресса готовилась отписаться в стиле поздравительных адресов.

И он победил. Но не так, как предсказывали. И тон статей был иным. Как и чувства Джека.

Висконсин стал пирровой победой. И это определило стиль всей дальнейшей кампании.

Он сидел в отеле «Пфистер». Попивал бульон. Получал от Бобби цифры о голосовании. Через два часа после закрытия участков все было ясно. Он проиграл три приграничных и один центральный округ. С трудом победил в одном, а еще в двух (бывших цитаделях Маккарти) — с большим перевесом. Еще три округа, где жило много католиков, «взял» полностью.

Это было не то, чего он ждал и желал. Такой итог не был большой победой.

Позвонил Бобби — поздравил. Сестры ликовали. А он был задумчив. Даже удручен.

Наконец, обращаясь к близким, сказал: «Это значит, что нам

придется все сделать по-другому. В каждом округе. И во всех. Потом. В том числе и на «больших выборах»».

В Висконсине он взял 56 % в 6 округах из 10. Это не убедит в его готовности к борьбе со «слонами» никого из нужных людей. Никого из тех, кто контролирует съезд. Он не решил боевую задачу — не одолел Хэмфри ни в одном из протестантских округов. Только в смешанных и католических. А впереди — Западная Вирджиния с 95 % протестантов.

А сейчас… Сейчас его ждали на телевидении. Там он должен выглядеть ликующим новым победителем. А здесь он сказал просто: «Теперь мы обязаны победить везде: в Индиане, Мэриленде, Орегоне… Везде! И главное — в Западной Вирджинии».

9

Хэмфри хотел этой схватки. Он считал, что одержал в Висконсине стратегическую победу.

Повода праздновать не было, но сенатор выглядел веселым и непринужденным. Ненадолго вышел к прессе, той, что предсказывала победу Кеннеди, пошутил:

«Цитируйте меня: жаль, что здесь все закончилось… Через два дня я буду в Западной Вирджинии».

Зря он красовался. Узнав об итогах в Висконсине, сильные люди в партии поняли: Хэмфри больше не кандидат. Потому что проиграл у себя. На Среднем Западе. Выскреб из него все. До дна. И теперь ограничен границей Миннесоты. Даже победив в Западной Вирджинии, он больше никого ни в чем не убедит. О его номинации можно забыть. Но его победа над Кеннеди может лишить последнего надежды на выдвижение и переместить решение о кандидате в кулуары съезда. А если Хьюби этого не знает, то и не надо. Довольно того, что знаем мы.

А если хочет снова меряться силами с Кеннеди — мешать не станем. Если победит — а шансы на это есть, и шансы хорошие, — вырастет вероятность «тупика» на съезде и выхода на сцену компромиссных фигур — Джонсона и Стивенсона. А этого мы и ждем.

А Хэмфри завелся. Друзья подбросили ему денег, и сенатор решил показать им, что он настоящий боец. Ослепленный жаждой реванша, он ринулся в атаку.

* * *

А Кеннеди напротив — видел ситуацию ясно. Понимал: Джонсон и Стивенсон хотят его остановить. И хотя они уже списали Хэмфри со счетов, но подзадоривают, надеясь, что он вышибет Кеннеди из седла в штате, где у католика крайне мало шансов.

Что ж. Мы сыграли плохо. А сыграем классно. Хоть никто и не обещал, что будет легко. В Западной Вирджинии его люди запустили ту же систему, что и везде: организация, друзья, близкие. Роуз очаровывала жен шахтеров, фермеров и жительниц городков.

Сестры дарили горнякам улыбки. За Джека агитировал Франклин Рузвельт-младший (за это ему в случае победы обещали пост в администрации). Бобби и О'Брайан явились из Висконсина через день после выборов. Тэдди стал их адъютантом. И неплохо сработал в Висконсине.

Прибыла и Джеки. И выяснилось: жена претендента привлекает внимание не меньшее, чем он сам. Ее «небрежно-элегантное алое пальто» произвело впечатление даже на Джеймса Рестона[88]. А рассказы об их двухлетней дочке Кэролайн, ждущей дома маму и папу, очаровывали слушателей. Так что когда Кеннеди улетал ненадолго в Вашингтон, с речами выступала она.

А когда Джек вернулся, то выступал, бывало, по двадцать раз в день. Охрип, похудел, осунулся. Хэмфри ввел в бой сверхтяжелую артиллерию — тему веры. Он знал: многие жители штата до сих пор ненавидят католиков — «рабов Папы». Считают, что те во всем послушны воле Ватикана. Не станет ли и президент-католик игрушкой в руках римского клира? Будет ли свободен в принятии решений? Ответ был прост: за три недели до выборов Хэмфри опередил Кеннеди на 20 пунктов. А раньше опросы показывали: Джека поддержат до 70 % избирателей.

10

И впрямь, накануне кампании Кеннеди опережал Хэмфри почти на 40 %!

Что же случилось? Да ничего особенного. Просто тогда в штате не знали, что Джек — католик. А рассказали им об этом агитаторы соперника. Они отлично понимали, что в этом суровом краю, где подавляющее большинство жителей активные прихожане протестантских конгрегаций, принадлежность к Католической церкви крайне опасна для политика.

Вот что думали об этом простые люди, вот что они говорили социологам Луи Харриса: «От века не было президента-католика,

и надеюсь — не будет; эту страну создал народ, если б он этого хотел, то так бы и записал в Конституции», — заявляла пожилая женщина в черном.

Крупный мужчина, инвалид войны: «Я лютеранин — и я не был в Нью-Йорке, с тех пор как вернулся из Европы, там теперь все не так, как у добрых христиан…».

Солидная дама: «Нет-нет, я уважаю все религии, но католики… они же… за единство церкви и государства, а я — против».

Как-то Тэдди пригласили выступить в ток-шоу на местном радио. Хозяин студии сходу спросил: а что — не правда, что католики всегда делают то, что им скажут попы? Что, неправда, что Римская церковь — государство в государстве? Что, разве не от нее бежали люди в Америку?

Тэдди пытался что-то объяснить, но ведущий засыпает его вопросами. Младший брат горячится, говорит о толерантности… В ответ ведущий обличает «папистов». Передача идет к концу. Ведущий предоставляет Тэдди «последнее слово». Но когда тот начинает говорить о жизни в духе христианской любви, ставит песню Элвиса Пресли: у нас в студии был мистер Кеннеди — брат претендента на пост кандидата в президенты Соединенных Штатов, ведущего кампанию в Западной Вирджинии. Всего доброго, молодой человек.

Вскоре Тэдди узнал, что по совместительству ведущий является местным проповедником.

Прочие проблемы отошли на задний план.

Надо было отвечать. И люди Кеннеди ответили. Чем? Энергичными рассказами о героизме Джека на войне (вспомним Менкена). Об этом постоянно напоминали рекламные страницы в газетах (в других материалах Хэмфри изображали марионеткой безымянных, безликих, злых сил).

Много говорили и о помощи Джека бедным.

Это напрямую касалось и глубинных эмоций людей, и их повседневности. Потому что бедность тогда была нормой для Западной Вирджинии — шахтерского края в Аппалачских горах, где в угольной отрасли занята пятая часть всего нефермерского населения. Бывало, угля здесь добывали в год больше, чем во всей Германии. Но разбогатели немногие.

Шахта осталась местом тяжкого труда, низких зарплат и жестокой борьбы рабочих и хозяев. Здесь в 20-х Джон Льюис и другие рабочие лидеры создали одно из сильнейших объединений трудящихся — Профсоюз шахтеров Америки[89]. При его поддержке со времен Рузвельта в штате доминировали демократы, как и в большинстве индустриальных регионов. Но

профсоюз и партия теряли влияние. На шахтах внедрялась техника. Хозяева все меньше нуждались в рабочих. В 1960 в штате добывали угля столько же, сколько 20 лет назад, а число шахтеров сократилось втрое. А другую работу — пойди поищи.

В итоге 15 % населения жили ниже черты бедности, а в ряде мест и все 40 %!

Борьба за работу становилась борьбой за жизнь.

Бедность и безысходность многих в Западной Вирджинии потрясли Джека.

— Вы можете представить себе детей, — потрясенно спросил он как-то помощника, — которые никогда не пили молока?..

Но несмотря на все тяготы и лишения, жителей Западной Вирджинии отличал высокий патриотизм. Во время Второй мировой они дали стране больше всего солдат. Они же понесли и самые тяжелые потери. Вирджинцы трудолюбивы, набожны и добры к неграм[90], но суровы нравом, ибо сурова жизнь. Потому и политика здесь суровая. В начале 60-х по «грязи» эксперты ставили ее в один ряд с Техасом. И «черный пиар» здесь был под стать репутации (вспомним историю с Тэдди на радио). Кроме того, здесь не скупились на взятки и не стеснялись их брать. Подкуп на выборах стал обычным делом. Причиной тому также было уж больно тугое житье.

Поэтому меценатство Джека отзывалось в душах вирджинцев. Как и его героизм. О нем им рассказал Джеймс Менкен — прозаик и общественный деятель (в прошлом, кстати, баптистский пастор). Выступая, он поднимал над головой книгу «Выживший» — рассказ о подвиге Джека.

— Знаете, что это? — спрашивал он. — Повесть о настоящем человеке, который, рискуя жизнью ради родины, спас команду своего корабля. Книга о герое, который станет президентом Соединенных Штатов. О Джоне Кеннеди.

— Ну, а что это такое, вы знаете точно. — Теперь он поднимал Библию. — Слово Божие. Слово, которому повинуются добрые люди Западной Вирджинии, а с ними и Джон Кеннеди. И вот я кладу ее поверх повести о славном герое войны.

— А вот и наша «Старая слава»[91], - продолжал писатель, указывая на звездно-полосатый флаг. — Синий цвет, белый, красный… Синий — небо Западной Вирджинии; белый — непорочное сердце Западной Вирджинии; красный — кровь ее сынов, пролитая за нашу великую страну.

Тут внезапно гас свет. И Менкен возжигал длинную свечу.

— А вот и светоч! — восклицал он. — Он знаком любому горняку. Он выводит нас из тьмы шахт. Освещает дорогу к дому. Он — наш друг и спаситель. И я здесь затем, чтобы сказать вам:

Джон Кеннеди и есть такой светоч. Спаситель команды. Герой войны. Защитник страны. Джон Кеннеди, почитающий Слово Божие.

Тут вспыхивал свет. И выходил Джек.

Овация.

11

И все равно — за три недели до голосования он отставал от Хэмфри на двадцать процентов.

Пора было спасать кампанию. И занялся этим О'Брайен.

Его считают одним из лучших политических менеджеров новой школы. Ее отличие от старой в том, что важные решения принимает не узкий круг боссов, а активисты, выступая с предложениями и обсуждая их. Это куда продуктивнее. Во-первых — шире приток полезных идей, во-вторых, люди чувствуют, что все зависит от них, и для них это большой и важный стимул.

Они как бы становятся компаньонами кандидата. И в случае его победы — ощущают себя такими же победителями. Ну, а при неудаче столь же остро переживают поражение.

Но «построить» и «завести» людей — это полдела. Важнее и сложнее побудить их работать на постоянной основе. Дать им вкус власти и причастности к ней.

Этой задаче служила организация «Западная Вирджиния — за Кеннеди». Ей О'Брайен поставил задачу создать отделение в каждом графстве штата. Опорные пункты. В каждом есть председатель; агитатор на телефоне; ответственный за доставку людей на участки; двое распространителей агитматериалов. Все пашут день и ночь. Отделения открыли в двадцати графствах. И то хлеб. О'Брайан бросил их в бой.

График его работы был сумасшедшим. Утром он был на юге штата, в полдень — в центре, а вечером — на севере.

— Помните, ребята, — напутствовал О'Брайен активистов, — вы работаете на самого крутого парня в стране. Если он победит — в ней настанет новая эра. О бедной Западной Вирджинии вы будете вспоминать как о страшном сне.

Ко дню выборов на Кеннеди работало уже 9000 человек. Сам же он мог уделить штату только десять дней. Надо было успеть в Небраску, Орегон и Мэриленд. Но О'Брайен знал свое дело. Он запустил машину агитации и ввел ее в рабочий режим.

Спасибо активу — предрассудки постепенно удавалось побороть. Люди Харриса сообщали, что отношение к Кеннеди меняется. Сам он описал это так: вот пожилая дама вся в черном.

В понедельник она говорит вам: «Я не хочу президента-католика, прощайте». А в субботу зовет в дом и поит чаем: «Не хочу, чтоб нас звали мракобесами. Хватит с нас других проблем».

На борьбу с нетерпимостью с открытым забралом вышел сам кандидат. 8 мая 1960 года (за два дня до выборов) он выступил по телевидению. И эту его речь считают одной из лучших.

Соренсен набросал для него пять самых острых вопросов в отношении протестантов и католиков. А Рузвельт-младший задал их в эфире. Джек отвечал пятнадцать минут из тридцати.

В финале же заявил: «Когда человек… принимает присягу президента, он обещает соблюдать принцип разделения церкви и государства; кладет руку на Библию, поднимает другую к Богу и дает клятву. Нарушив ее, он совершит не только преступление против Конституции, за что Конгресс может — и должен! — подвергнуть его импичменту, но согрешит против Бога».

Тут он положил руку на незримую Библию, другую воздел к небесам: «Согрешит против Бога! Ибо клялся на Библии».

Дальше — кино. Он на борту катера, летящего в ночь, — герой. Получает премию — умница. Читает дочурке — нежный отец. Политик с безупречной биографией, глядя в глаза, обещает защищать свободу вероисповедания и принцип разделения церкви и власти.

Здесь сложно описать особый магнетизм, интонации, жесты и выражение глаз, что помогали Кеннеди пробуждать в людях особое доверие. Но это ему удалось. Так кандидат за два дня до выборов переломил ситуацию.

— Господь не допустит, чтоб я проиграл в день моих крестин, — шутил он.

И впрямь: в графстве Каноухо, где за две недели до выборов Хэмфри опережал его на 10 %, накануне выборов соотношение стало 48 % против 52 % в пользу Кеннеди.

12

Хэмфри видел: дело плохо. Козырная карта антикатолицизма, которую, казалось, удалось разыграть, была бита. Кеннеди провозгласил толерантность и ждал ответа избирателей и соперника. И Западная Вирджиния могла адекватно ответить, только выбрав Джека.

А что мог Хэмфри? Других козырей у него не было. Как и времени. Как и денег. Он устал от перелетов и от автобуса с девизом «Через перевал — с Хэмфри»[92]. От своего друга народного певца Джимми Уоффорда с его балладами в стиле

Новой сделки. От необходимости выпрашивать каждый цент. Ему помогали люди Стивенсона, но им передали, что после победы Джек не станет даже рассматривать кандидатуру их шефа на пост госсекретаря. Бывший сенатор Билл Бентон перевел Хэмфри 5000, а Бейли шепнул ему, что если так пойдет, он может забыть о партийной должности, пока слово Бейли что-то значит. И это было всерьез.

Слова Хэмфри о том, что он за политику граждан и против политики больших денег, — звучали слабым утешением. Он потратил на всю кампанию 25 000 долларов, а Кеннеди только на ТВ больше 35 000. И вот Хэмфри предстоял последний эфир, а студия хотела деньги вперед.

Он крикнул помощнику: «Нужны деньги? Так заплатите! И отстаньте от меня».

Тот в изумлении отступил — это было так не похоже на всегда корректного Хюберта. А тот, взяв себя в руки, достал чек: «Я сам». Те, кто видел тогда глаза его жены, говорят: в них был страх. Ведь он тратил собственные деньги — 750 долларов, отложенных на свадьбу дочери…

Все началось хорошо. Кандидат отвечал на вопросы зрителей:

— Вы правда считаете, что годитесь в президенты?

— Правда.

— Почему?

Хэмфри объяснил. Следующий.

— Вам кажется, у вас есть шанс на выдвижение?

— Да.

— А почему?

Рассказал. Обычное дело.

И тут прозвенел его «последний звонок» — старческий фальцет какой-то леди: «Знаете что? Валите отсюда! Валите, мистер Хэмфри!»

Он хотел что-то сказать, а голос дамы крепчал: «Валите! Вам не победить! Вы еще здесь?»

Это был явный «троллинг»[93]! И за его деньги! Наезд шел за наездом. Лоб Хэмфри покрылся испариной, он защищался. И тут позвонил мужчина: «Мистер Хэмфри, слушайте… Не сердитесь на леди, что велела вам валить. Мне очень жаль, сэр…» Казалось, то говорит сам здравый смысл Западной Вирджинии. И он убил Хэмфри.

Он понял, что зажат в угол ринга. И показательный бой, обещанный им покровителям, проигран. А это означало крах надежд. По крайней мере — на следующие четыре года.

Но надежда умирает последней. И 10 мая он еще верил, что шанс есть, в глубине души рассчитывая на фанатично-

протестантский юг штата. Но к десяти вечера голоса подсчитали и там. Кеннеди победил с почти двукратным перевесом: 61 % против 39 %.

Его надежда умерла.

* * *

Когда дождливым вечером посыльный принес Бобби поздравление от Хэмфри, тот раскрыл зонт, пришел к Хюберту и пожал руку. Под дождем они вместе направились в его штаб.

— Внимание! — сказал сенатор. — Я больше не кандидат в президенты.

Бобби обнял его за плечи. Джимми Уоффорд ударил по струнам и запел:

This land is your land, this land is my land…[94]

По его изрезанным морщинами щекам катились слезы.

13

А Джек в это время ужинал. К ним с Джеки пришли друзья. С шампанским.

Впрочем, до конца трапезы оно осталось неоткрытым — все ждали вестей из Аппалачей.

Не дождались. Пошли в кино. А вернувшись, нашли записку: «Позвоните в Чарльстон».

Ответил Бобби. И едва кончился разговор — бахнула пробка. Джек хлебнул шампанского, позвонил отцу и умчался на аэродром. В самолете он попросил любимого томатного супа.

Утром он был в Чарльстоне. За стандартными словами вроде: «Западная Вирджиния — оплот демократии»; «Классная работа, ребята! Вперед, на Мэриленд!»; «Спасибо, что зашли, Хюберт»; «Надеюсь, мы покончили с проблемой религии», — сияло и искрилось торжество.

Западная Вирджиния стала ключом к кампании. Джек доказал всем и все. Сторонникам — что их ставка сделана верно. Противникам — что рассчитывать на то, что он сойдет с дистанции, не стоит. Неопределившимся — а их мнение было самым важным, — что пора принять сторону. И при этом — не ошибиться. Ведь у Кеннеди есть не только талант. Не только деньги. Не только организация. Но и тот стержень, что заставляет держать спину прямо. И если за него голосовали протестанты Западной Вирджинии, то почему бы вам не последовать их

примеру?

Ведь Кеннеди умеет побеждать.

Остальные штаты он взял с легкостью.

* * *

Но его победы на праймериз не стали, как ожидалось, первополосными шапками в СМИ. Помешал американский пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс. Советская ПВО сбила его самолет-разведчик над Свердловской областью 1 мая 1960 года. С этого дня тема Пауэрса, как и тема конфронтации с СССР, стали для прессы главными.

А большие люди задались непростым вопросом: ну хорошо, этот бравый Кеннеди справился с Хэмфри, но если дойдет до серьезных дел — справится ли он с Хрущевым?

Ответ знали двое: Джек и история.

Глава третья. Прорыв

1

Съезд — дело серьезное.

Хоть на нем и принимают не так много решений.

Причем решения, связанные с руководством партией, остаются как бы в тени главных: о предвыборной платформе и о кандидатах на пост вице-президента и главы государства.

С партийной платформой все было несложно. Среди ряда разделов имелось три главных, которые уже вскоре всерьез повлияют на политику страны.

Раздел «Оборона» включал намерение расширить военные возможности, «увеличить их объем и повысить качество в целях отражения агрессий». Указывалось, что десять лет назад недруги уважали силу и влияние Америки, но при Эйзенхауэре все изменилось: «Последние семь с половиной лет наша военная мощь постоянно снижалась в сравнении с мощью России, Китая и их союзников». «Платформа» ставила задачу реорганизовать и модернизировать вооруженные силы до того уровня, когда противник знает: атака на США грозит ему уничтожением.

Подчеркивалось, что «хрупкий баланс сил, основанный на взаимном страхе перед ядерной угрозой, не гарантирует мира. Мы должны вновь овладеть инициативой по всему фронту международной политики, направленной на создание условий для обеспечения мира. Постепенное глобальное разоружение высвободит ресурсы для новой атаки на нищету».

«Третьему миру» уделялось особое внимание, посвященная ему часть документа втрое превосходила часть, обсуждающую отношения со странами НАТО, и примерно вдвое — отношения с «коммунистическим миром». Меры по созданию в мире «адекватного образа США» составили отдельную главу.

Разделы, посвященные внутренней политике, включали задачи ускорения экономического роста, повышение эффективности государственного управления, установление гибкой налоговой политики. Обеспечение гражданам, способным и желающим работать, полной занятости провозглашалось главной задачей партии и ее будущей администрации.

Все это во многом составит политику администрации Кеннеди. Но для того чтобы это случилось, ему требовалось победить на выборах. А чтобы попасть на выборы, следовало преодолеть упорное и умелое сопротивление соперников на

конвенте собственной партии.

2

11 июля Спортивная арена Лос-Анджелеса заполнилась делегатами.

Их удачно описал видный прозаик Норман Мейлер в эссе для Esquire «Супермен следует в супермаркет». И предстали они в нем отнюдь не «благороднейшими сынами и дочерями республики». То есть, «если бы, залетев на Землю, их увидел марсианин с хорошим вкусом, он бы, чего доброго, сразу улетел, уверенный, что угодил в самый безотрадный вертеп ада». Такие у них были лица. А ведь считалось, что это им, и никому иному, партия доверяла утвердить кандидата, которому предстояло, в случае успеха, занять высший из постов, какие есть в стране.

Им надлежало на несколько дней воплотить в себе народ США. Потрудиться — средь дыма сигар и потных лиц, шума толпы и грома оркестров найти свое место. Приветствия и речи кандидатов, и топот, и ропот, и шепот, и мат (американский) — все надо переорать, перехлопать и шляпой перемахать. Потрясти портретом кандидата и проголосовать как надо. Главное — верить, что от твоего голоса что-то зависит.

При этом, подметил Мейлер, казалось, что все это скопление, бурление и мельтешение — зря. Итог предрешен. И хоть будет названо много имен, победит «тот самый единственный парень», чье имя звенит в воздухе. Которого ждут и опасаются. Потому что, хотя его-то и ждут, чего от него жать — не знают.

Уж больно он необычен. Слишком молод. Слишком смел. Слишком хорош собой. Ну и… католик. Словом — рискованный кандидат. И все это знают. Но он зрел, умел и намерен добиться всего, чего хочет. Так что — за Кеннеди!

3

На Першинг-сквер Кеннеди не въехал, а влетел.

Суббота. 9 июля. Калифорнийское лето. Кортеж роскошных кабриолетов. В его машине все сидят задом наперед — лицом к шефу. И только охрана глядит вперед-назад, направо-налево…

Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy for me! — вопят барышни. Будто принц прискакал на белом лихом коне. Боже, какая фигура! (Он часто носит корсет, чтоб не болела спина.) Загорелый, ну прямо инструктор по горным лыжам, плаванию

или серфингу. (Такой цвет кожи — результат болезни Эдисона, но об этом не знает никто.) И улыбка. О! Эта улыбка… Она «сияет за полета ярдов» — показалось Мейлеру. И не ему одному.

Выходя из машины, Джек салютует толпе. Она отвечает веселым ревом. К подъезду отеля «Билтмор» полиция расчищает проход. Но он, улыбаясь, идет «в народ». Он жмет руки. Обменивается с кем-то парой слов. Хлопает кого-то по спине. Ему отвечают смехом. И это — тоже политика. Та ее часть, что творится на людях. Прелюдия к той, что свершается далеко от их глаз.

Кеннеди предстоит решить три задачи.

Обеспечить себе большинство голосов делегатов. И так обойти главных соперников, Джонсона и Стивенсона, чтобы не допустить ни второго тура, ни «тупика», который может привести к включению в процесс компромиссной фигуры. Это — раз.

Два: в случае успеха, определить на роль вице-президента человека, способного усилить тандем. Список есть. Имени — пока нет.

И три: добившись выдвижения, сокрушить соперника-республиканца. Все.

Решать первую задачу он и приехал в Калифорнию. И знал, как будет это делать. Со второй нужно было обождать: определиться с фамилией напарника можно и на съезде, и после. Ну, а до решения третьей задачи нужно было победить здесь — в Лос-Анджелесе. Впрочем, ее решение, а с ним и его будущее, зависело, главным образом, не от него, а от миллионов американцев.

Девиц с хвостатыми прическами, адвокатов в галстуках-бабочках, продавцов хот-догов, операторов MGM и всех, кому он, улыбаясь, жал руки, шагая к трону принцессы Америки.

И, казалось, шагнув с Першинг-сквер в отель «Билтмор», он прошел его насквозь и вступил в зал заседаний, в гомон толпы, в мир внимательных и рассеянных взглядов, воздушных шаров и плакатов с именами соперников.

А с ним и его люди — Бобби и его команда, что разместилась в штабе на восьмом этаже «Билтмора». Связь, радушие, кофе, сигары и многое другое мог найти ступивший на его гостеприимный порог делегат. Но в дальние комнаты гостя не пускали. Посторонним вход воспрещен. Там делают будущее.

Телефон и радио соединили офисы с членами команды и активом в зале заседаний.

Еще до съезда пресс-служба выпускала несколько пресс-релизов в день. СМИ получали информацию о новых видных сторонниках Джека: Терри Сэнфорде — губернаторе Северной

Каролины; Орвилле Фримэне — губернаторе Миннесоты, делегации Нью-Джерси… Десятки сторонников из Массачусетса и друзей со всех концов страны были готовы дни напролет говорить с членами каждой делегации, докладывать об их настроениях и намерениях.

Но главное — следить за ходом голосования.

4

Штаб располагал картотекой делегатов. В особом зале «для дорогих гостей» стайка фигуристых блондинок порхала вокруг них, щебеча и предлагая бесплатный кофе, а попутно — крутя кино про Джека. Число дорогих гостей росло с каждым часом.

— Думаю, — Кеннеди выдержал паузу, — мы возьмем номинацию…

Журналисты застрочили в блокнотах. Фотокорры защелкали затворами.

— Но, — продолжил Джек, — не на блюдечке с голубой каемочкой. Так не бывает.

Он знал, что когда-то Чэмп Кларк и Билл Макаду прибыли на съезды, уверенные в победе. И «пролетели». Тогда для этого требовалось «взять» две трети голосов делегатов. Не измени Рузвельт это правило, и Джек не видал бы выдвижения как своих ушей. Но теперь шансы были.

Судя по имеющимся данным, его большинство было скромным. Но это было большинство. Даже после того, как лояльность подтвердили крупные делегации Иллинойса и Пенсильвании. Поддерживал его и губернатор Калифорнии Пэт Браун. Но, похоже, не контролировал свою делегацию. Канзас и Айова обещали поддержку, но было не ясно, в первом или втором туре.

А тут еще вдова великого Рузвельта, влиятельнейшая Элеонора, возьми да заяви: она, мол, «ждет, что самоотверженность и отвага Кеннеди» побудят его принять роль вице-президента.

Еще чего? Плохо же она знала Джека. Думала, что его слова «я никогда не приму второе место в тандеме» были игрой. Ан нет! Просто потому, что в этом случае — кто бы ни стал первым, — в 1960 году он был обречен на провал.

Кроме Кеннеди выдвижения хотели Стивенсон, Саймингтон, Джонсон и еще восемь человек. Среди них — побитый им Хюберт Хэмфри. И ни у одного из них, считал Джек, не было шансов. Кого бы ни выставили республиканцы.

Но люди Джонсона становились все активней. Они знали свое дело — упорно твердили за влиятельным сенатором Сэмом Рейберном: «Силы зла… не пощадят невинность и не будут снисходительны к неопытности» (это он намекал на Кеннеди). Из их же штаба шли сплетни, что-де отец Джека антисемит и пораженец, а сам он беспринципен, да еще и не здоров. Поговаривали о подковерных соглашениях, согласно коим во втором туре Джек отдаст свои голоса Стивенсону. Но тот все равно не победит. Тут-то и явится Линдон. Та самая «компромиссная фигура», о которой так много говорят. А Джек не волновался. Без слухов съезд — не съезд.

5

А пока Кеннеди согласился на дебаты с Джонсоном перед делегацией Техаса. Но с условием: с участием делегатов от Массачусетса. Джонсон согласился. Ему было что предъявить. Он красочно описал свои успехи в Сенате. Ну, а его слова о «пассивности других сенаторов-кандидатов» все приняли явно на счет Джона.

Тот среагировал мгновенно и виртуозно. Ответил, что уважает Джонсона, горд его успехами и убежден, что, говоря о «некоторых других», он явно имел в виду не Кеннеди. И тут же поведал о своих достижениях и беззаветной службе избирателям. Ведь не зря они избирали его на новые сроки. Под занавес он пожелал Линдону успехов, пообещав помощь в его важной работе на посту главы сенатского большинства.

ТВ донесло дискуссию до делегатов. И, как показали опросы, итоги были не в пользу Джонсона. Люди Кеннеди решили, что вот она — удобная минута для «вброса» информации, нужной их шефу. С их подачи на съезде чуть не хором заговорили, что Джек, мол, «рулит хорошо смазанной машиной», «любого переедет асфальтовым катком» и вообще «пойдет по головам». Это был добрый знак. Так говорят о тех, у кого есть шансы.

Да, плакаты Джонсона торчали гуще. И его люди все нашептывали о «компромиссной фигуре». Но Джек знал: «тупика» на съездах не было со дня отмены большинства в две трети. Он смотрел на дело так: надо «взять» 761 голос. Из 1520. В первом туре. Все.

Губернатор Миннесоты Фримэн (земляк и член той же парторганизации, в которой состояли трое из соперников Джека), человек с обликом героя вестерна, объявил: Джон Фицджеральд Кеннеди намерен добиваться выдвижения кандидатом в

президенты. А следом пошла группа поддержки: негр и дама, губернатор с Юга и глава аграрного штата, пожилой либерал и молодой умеренный… И все — протестанты!

Что с того, что в списке номинантов он последний? Должен стать первым!

Делагаты ушли совещаться. Их обрабатывали его люди. Не все вышло гладко, но в целом справились. С Пенсильванией помог босс из Филадельфии Билл Грин. Когда в совещании возникла заминка и губернатор Лоуренс дал слабину, Грин убедил его пригласить на дискуссию Кеннеди. И тот пришел. И выступил. И добился поддержки. Ему аплодировали стоя — видели: «парень реально крут». И голосовали за Кеннеди.

6

В 22.07 огласили результаты.

Голоса Юга разделили, главным образом, Кеннеди и Джонсон. Арканзас, Вирджиния, Делавэр, Теннесси, Южная Каролина и Техас — а кто сомневался? — голосовали за Линдона. Плюс — большая часть Джорджии.

Зато Аризона встала за Джека. Как и Аляска, Вермонт, Индиана и еще девять штатов. Получил он и 104 из 114 голосов делегации Нью-Йорка, и большинство в Пенсильвании, в Айове, Иллинойсе, Мичигане и Монтане.

Делегация Калифорнии раздала свой 81 голос разным кандидатам. Кеннеди досталось 3 с половиной. Миссисипи, Миссури, Нью-Джерси и Флорида отдали все голоса своим «любимым сынкам». Миннесота встала за Хэмфри. Канзас к моменту подсчета голосов еще совещался.

Для победы в первом туре требовался 761 голос. В минуту, когда объявили итоги по Висконсину, у Джона их было 750.

На очереди был Вайоминг с 15 голосами. Другие штаты и территории мало что решали.

Итак… Дамы и господа, штат Вайоминг! 15 голосов. Все — за Кеннеди!

Джек получил большинство. В первом туре! Дело сделано!

* * *

Джек следил за подсчетом из дома, где он и Дейв Пауэрс укрылись от журналистов. Во время объявления результатов по Вайомингу в кадр попал Бобби. Он знал результат. Он улыбался.

Спортивную арену заполнил гром оркестров и вопль восторга.

Джек спокойно и тихо курил «гавану».

— Ну, что, Дэйв? Пошли… Нас, наверное, ждут.

* * *

Голоса на конвенте распределились так:

Первое место у Кеннеди: 806 голосов — 52,89 %.

Второе у Джонсона — 409 (26,84 %).

Саймингтон — 86, Стивенсон — 79,5, Мейнер — 43, Хэмфри — 41, прочие от 30 до одного.

Теперь предстоял торг. Кеннеди выдвигался как претендент на номинацию без пары, но он не отдал решение о вице-президенте на усмотрение конвента, а оставил его за собой. Пришла пора выбрать соратника. В такой ситуации кандидат в президенты неизбежно становится объектом давления претендентов и ведущих групп интересов. При этом держит в голове шансы вероятного напарника принести как можно больше голосов и его способность работать на этой должности.

В Америке вице — важная птица.

Он приносит присягу перед президентом[95]: «Торжественно клянусь, что буду поддерживать и защищать Конституцию Соединенных Штатов против всех врагов, внешних и внутренних; что я буду хранить ей истинную верность; что я принимаю это обязательство свободно, без какой-либо внутренней оговорки или цели от него уклониться; и что я хорошо и добросовестно буду исполнять обязанности в той должности, в которую ныне вступаю. Да поможет мне Бог».

Согласно 12-й поправке[96], к нему предъявляют те же требования, что и к кандидату в президенты: гражданин США по рождению, проживающий в стране не менее 14 лет, и не моложе 35 от роду. Ограничений на число вице-президентских сроков нет.

По Конституции вице-президент — второе лицо в стране. Он заменяет президента в случае его смерти, отрешения от должности или добровольной отставки. Он же возглавляет Сенат.

Кроме того, вице-президент, по крайней мере формально, — ближайший сотрудник главы государства, выполняющий его особые поручения как за пределами, так и внутри страны.

То есть пост это отнюдь не номинальный, а политически чрезвычайно весомый. И потому каждая из политических, социальных, отраслевых, региональных групп, участвующих в

политической жизни, желает видеть на нем своего человека.

В период торга за пост вице-президента кандидату в президенты нелегко — приходится выдерживать немалый напор лоббистов, настоятельно рекомендующих самых лучших и подходящих. Если у первого лица с самого начала нет никаких предпочтений, кандидат в вице-президенты — компромиссная фигура. Вокруг нее-то и развернулась борьба.

7

Парторги штатов, профсоюзы, лоббисты и бывшие соперники предлагали своих людей.

Но Джек исходил из расклада сил в регионах. Он мог рассчитывать на поддержку влиятельных лиц и части избирателей на Востоке, Северо-Западе и Среднем Западе. Но не на Юге. Юга ему катастрофически не хватало. И на съезде почти весь Юг был за Джонсона.

То есть стоило предложить место кандидата в вице-президенты человеку, популярному в этом недружественном регионе. Бобби, О'Доннел и Сэлинджер посчитали совокупные голоса членов Коллегии выборщиков от Новой Англии, Среднего Запада и Большого Юга. Картина вышла — проще не придумаешь: в Америке нет кандидата в вице-президенты лучше Джонсона.

К тому же он отвечал и другим требованиям. Прежде всего — был своим для консерваторов. И значит — прикрывал Кеннеди с этой стороны.

Амбициозный и жесткий, Джонсон был ветераном, получил из рук президента Рузвельта орден «Серебряная звезда», занялся политикой в молодости — в 29 лет уже был конгрессменом. Как и Джек, происходил из политической семьи. Его дед и отец были законодателями штата.

Рос Джонсон в условиях сложных. Его мать — женщина добрая и умная — воспитывала в сыне гуманизм и сдержанность. Отец же был суров, обрезал сыну красивые локоны, дразнил девчонкой и, думая, что воспитывает в нем мужество, заставил однажды застрелить кролика. Неспособность сопротивляться его воле и убийство зверька стали для Линдона страшной травмой. Подобные эпизоды, породившие низкую самооценку, требующую компенсации, по мнению политических психологов[97], стали в будущем источником его агрессивности, жажды успеха любой ценой и готовности к применению в политике вооруженной силы.

Линдон успешно работал в Конгрессе. Успешно воевал. Успешно прошел в Сенат и стал лидером большинства. Успешно

победил инфаркт. Успешно пришел к выдвижению в президенты. Успешно занял второе место. Успешно получил предложение стать вице. Успешный человек!

Он умел превращать неудачу в успех. И сразу принял предложение Джека.

А до того случилась любопытная история. Ею со мной поделился знаменитый советский международник Валентин Зорин[98], работавший тогда на съезде:

«После выдвижения у Кеннеди на съезде было несколько выступлений — и с трибуны, и в кулуарах. И в одно из них он вставил любопытную шутку.

— Вчера во сне, — сказал Джек, — Бог сказал мне: «Я назначаю тебя президентом Соединенных Штатов Америки». Я ответил: «Да будет так, Господи». Утром я спросил Линдона: что мог значить мой сон? «Что-то я не помню, что назначал тебя президентом», — устало ответил он».

Кеннеди знал: ему нужен такой человек. Известный Югу. Солидный. Опытный. Гордый Техасом и Америкой. Его влюбленность в страну дополняла космическую устремленность Кеннеди.

Джонсон был бойцом на важном месте — в узле интересов либералов и консерваторов, молодых и ветеранов. Джек показал старшему поколению, что знает и уважает его интересы. Прислушивается к его мнению. Рассчитывает на помощь. А помощь эта стоила дорого.

Без нее едва ли можно было сконцентрировать силы для наступления.

Глава четвертая. Наступление

1

15 июля 1960 года 50 000 человек рукоплескали Кеннеди — официальному кандидату в президенты от Демократической партии.

— Я принимаю это выдвижение с чувством ответственности и решимости. Сердечно благодарю вас… и беру лишь одно обязательство — посвятить каждое движение моего тела, мысли и духа возвращению нашей партии победы, а нации — величия.

Благодарен я и за то, что вы снабдили меня столь убедительным манифестом партийной платформы. Права человека — гражданские и экономические… — таковы, без сомнения, и наша цель, и наш принцип.

Может ли выстоять нация, организованная и управляемая так, как наша? Вот в чем вопрос! Обладаем ли мы необходимой энергией и волей? Можем ли мы прорваться сквозь эпоху, в которой столкнемся не только с новыми орудиями разрушения, но и с борьбой за власть над небом и дождем, океаном и приливами, высотами космоса и глубинами ума?

Готовы ли мы выполнить задачу и встретить вызов? Готовы ли мы, подобно русским, жертвовать настоящим ради будущего? Или должны пожертвовать нашим будущим ради наслаждений нынешнего дня?

Это — вопрос Новых рубежей!

«Новые рубежи» — как сочетание слов, как видение, концепция и — в будущем — политика впервые забрезжили перед Америкой там, в Лос-Анджелесе, в середине лета первого десятилетия второй половины прошлого века. Так дозорный с мачты кричал Колумбу: земля! Так первые поселенцы с Восточного побережья с восторгом взирали на бескрайние прерии: Запад!

Путь Кеннеди, некогда указанный отцом, вел его туда — к Новым рубежам. Но только ли во исполнение плана отца — обретения кланом вершины власти? Или во имя воплощения мечты, взлелеянной в душе Джека? Во имя свободы и грядущего мира? Во имя нового неба и новой земли? Сейчас, обращаясь к восхищенным сторонникам, он тайно задавал себе этот вопрос…

Лидеры партии и почетные гости, «золотые девушки» и потные делегаты аплодировали стоя. А он бросал в их повседневность слова, которые им еще предстояло понять.

— Таков выбор, перед которым стоит нация… И едва ли это выбор между двумя людьми или двумя партиями, но между общественным благом и покоем обывателя, между величием нации и ее упадком, между свежим ветром развития и нудной обыденностью — между пресмыкающейся посредственностью и высокой целью.

Нечасто такие слова звучали прежде с трибуны, украшенной фигурой орла.

2

Но следом за речами шла рутина. Агитация. Бой за Белый дом. Кеннеди еще не стал главнокомандующим армией США, но возглавил штурм твердынь республиканцев.

О его начале мир известили теленовости, сводки агентств, шапки газет, яркие репортажи.

В Los Angeles Times вышел подробный фотоотчет.

Вот демонстранты накануне конвента требуют запрета атомного оружия. Вот Спортивная арена полная людей. Вот техасская красотка Мэри Бэйли агитирует за Джонсона. Вот Джек в окружении поклонников в холле «Билтмора». Вот за столом званого ужина Пэт Кеннеди что-то тревожно ему говорит, а рядом лучится улыбкой Фрэнк Синатра. Вот мама Роуз в роскошной шляпке толкует с журналистками. Вот помощница Стивенсона Патрисия Диксон рыдает, узнав о победе Джека. А вот и он на трибуне решительным жестом отметает все сомнения в успехе.

С этой минуты поток информации о кампании непрерывно нарастал.

«Со дня утверждения кандидатов логика и не ночует в политике», — пишет знакомый нам Теодор Уайт. Логика и выборы — из разных миров. Кому нужна логика? Главное — голоса!

Агитация превращает кандидатов в существа, равные величием автогонщикам, бейсболистам и кинозвездам. В почти героев приключенческих и фантастических картин, а то и вестернов. Впрочем, как правило, эта битва бескровна, а ее финал — полон такого же напряжения и страсти, как happy end классической голливудской ленты. Только там в нежном поцелуе сливаются уста героя и героини, а здесь — души голосующей нации и образ ее избранника.

Есть мнение, что лидеров демократий избирают восторженные болельщики, а не ответственные граждане. И отчасти это верно. Технологии управления выбором достигли

уровня, когда соперничающие стороны могут сравнительно легко настраивать человеческие эмоции на нужные им волны. Собственно, эти технологии и есть оружие борьбы интересов. Возможно — то самое, о котором говорил Джек: оружие борьбы «за власть над небом и глубинами человеческого ума». Но те, кого именуют «массами», этого не видят. И лишь порой — и всегда после объявления победителей — догадываются, что приемы, использующие чувства, инстинкты, фобии, мании и желания избирателей, служили деловой и строгой стратегии избирательной борьбы.

Главное в ней — знать проблемы и ожидания масс в момент ее старта.

Это было важно и кандидатам, и их операторам гуманитарных технологий. Ведь, в конечном счете, выбор гражданина основан на сравнении будущего (какое они обещают) с прошлым и настоящим (каким он его видит).

Так какой же была Америка, перешагнувшая во вторую половину XX века? Чем отличалась от довоенной? Что умела? Чего хотела?

3

Внешне Штаты 1960 года напоминали Штаты года 1950. Но только внешне.

Население выросло. Со 151 300 000 до 179 300 000 человек. Это сильно изменило бюджетную ситуацию. Каким образом? А вот таким. В стране рождалось больше детей, пожилые уходили медленнее, но прежним оставалось число работающих налогоплательщиков. Семьи молодели — в 1960 году 29 % вступивших в брак было по 19 лет и у них рождались дети! А им нужны садики, больницы, врачи, школы, учителя. А многим — и дешевое государственное жилье. И все — за деньги. Точнее — за налоги работающих по найму и занятых бизнесом. Но налогов собирали столько же, сколько прежде. А значит, бюджетных денег на обеспечение такого же, как десять лет назад, качества жизни нового поколения не хватало. Не говоря уже о более комфортном.

Десяти лет хватило, чтобы большая часть Америки выехала за пределы городов.

Средний класс вырос, требования банков смягчились, ипотека стала доступней, и в итоге две трети от 28 000 000 детей, рожденных за десять лет, появились на свет и росли в пригородах.

Переезд отразился на политике: массовое кредитование

породило миллионы заемщиков и кредиторов — новые группы интересов. С ними хочешь не хочешь нужно было работать. Отъезд среднего класса сделал города местом жительства бедных слоев — изменил состав, облик, язык и интересы тамошнего избирателя. И создал избирателя нового, пригородного: образованного, квалифицированного, платежеспособного, прагматичного профессионала — потребителя, берущего товар не в магазине по соседству, а в огромном торговом центре.

Появились новые зоны предвыборной агитации — обширные кварталы частной застройки и колоссальные моллы. С этим пришлось считаться и демократам, и республиканцам. Города — особенно крупные — всегда были оплотом «ослов», а число избирателей там сократилось. «Слонам» же предстояло понять, каков он — пригородный избиратель и как с ним говорить. Может, он консерватор? Может. Таков его образ жизни — свой дом, большая семья, хороший доход. А может — либерал? Тоже может. Он культурен, склонен к творчеству и хорошо образован.

Рост качества образования изменил структуру рабочей силы. Раньше в промышленности на один «белый воротничок» приходилось три «синих»[99], а теперь соотношение стало три к двум в пользу «белых». Как это влияло на предпочтения избирателя индустриальных зон? Никто не знал.

Мало кто представлял, как работать с организованным черным избирателем. Только что он просто пахал, ел арбуз и пел свой блюз. И взирая из гетто на политику белого мира, мало видел в ней интересного. Его призывали — он шел на войну защищать демократию. А после возвращался туда, где и политика была «черным делом» negro politician — черного дельца, торгующего голосами.

Но новые лидеры научили его видеть свои интересы, создали нового избирателя — объект споров вошел в число субъектов борьбы.

Со времен Великой депрессии, когда Рузвельт много сделал для цветных, они в основном поддерживали демократов. При этом черный рабочий класс, подобно белому среднему классу, бежавшему в пригороды, уходил на Север. И вот уже в Нью-Йорке трое черных из четырех голосуют за демократов, а в Детройте — восемь из девяти. Это соотношение было оружием их вождей — они учились управлять избирателями, а после обменивать голоса на реформы.

Они были готовы к диалогу. Но не были готовы расисты — и идейные, и бытовые — белое большинство жителей Юга, раздраженное переменами в отношениях рас.

А были еще китайцы. Латиносы, евреи, поляки. Другие новые

и старые иммигранты. Было соотношение голосов белого рабочего и белого специалиста, протестанта и католика…

Все это была новая Америка, очертания которой различал Кеннеди.

Видели их и его сторонники и противники. И им было важно освоить все это, собрать воедино, использовать в деле. Ибо победа на выборах — это успех многомиллионного делового предприятия. Как и поражение — равносильно краху колоссального бизнеса.

4

Встреча руководства конкурирующей фирмы — республиканской партии — прошла в июле в Чикаго. Там утвердили кандидатом Дика Никсона — вице-президента при Эйзенхауэре. До съезда он смирил либеральную оппозицию во главе с губернатором Нью-Йорка Нельсоном Рокфеллером, а после просто сдул сенатора от Аризоны Барри Голдуотера с его десятью голосами.

Его партнером стал представитель в ООН Гарри Кэбот Лодж-младший. Для него победа над Джеком стала бы реваншем (вспомним о давних счетах семей Лодж и Кеннеди). Никсон обещал и собирался вести свою кампанию по всей стране. Он всерьез опасался Джека — его победы на праймериз и съезде показали, что это сильный противник. Опасный, но — уязвимый. Советники Никсона указывали на «болевые точки» Кеннеди: молодость, меньший, чем у него, опыт государственной службы и вероисповедание.

До сих пор только однажды в президенты выдвигался католик — демократ Альфред Смит. И был разгромлен. В Штатах — стране, где доминировали протестанты, когда речь заходила о религии, выяснялось, что весомая часть населения не доверяет католикам. Вспомним сложности Кеннеди в Западной Вирджинии и попытку Хэмфри разыграть «католическую карту». Как говорится: карты нет — ходи с бубей. Это собирался сделать и Никсон.

Но Кеннеди был готов. Его ребята посчитали: в США есть 14 штатов, играющих особую роль в избирательной системе страны: победа в них всех дает голоса 261 выборщика — на восемь меньше, чем нужно для победы в стране. И относятся они к разряду swinging states[100] — то есть раз за разом голосуют за разные партии. Этих штатов и касались подсчеты: в Нью-Йорке католики составили 40 % населения, в Род-Айленде — 60, в

Массачусетсе — 50, 49 — в Коннектикуте, 39 — в Нью-Джерси, 31 — в Висконсине. В других подобных штатах их доля не меньше одной пятой. И если католики проголосуют, то скорее за, чем против Кеннеди. И дадут ему много процентов.

Да, с ними требовалось работать. Но и к этому Кеннеди был готов. Больше того — он желал этого. Вдохновленный видением новой, юной и мощной Америки — примера миру, — он был готов почти на все ради магического числа: 269. Столько голосов выборщиков должен получить президент.

* * *

Большой бизнес и большая работа — вот что такое выборы. Это переговоры, сделки, планы, решения и деньги. Неустанный труд многих интеллектов, облекающих высокие ценности в простые слова и конвертирующих идеалы в знаки и смыслы[101].

Джек после съезда сразу улетел на Кейп-Код. Отдышаться на свежем воздухе Атлантики. Хоть на пару дней отдаться ветру и романтике. Поиграть с Кэролайн, поплавать на яхте с женой. Он знал: скоро кончится рай и начнется безжалостный адский зной. Но именно там — в краю парусов, соленого бриза и облаков в белоснежных ризах — он начал избирательную кампанию.

Телефон (шнур цвета травы) ставили на лужайке. В креслах: О'Доннелл, О'Брайан, Смит, Сэлинджер, Бейли (с сигарой) и Соренсен (в очках). И, конечно, Бобби — теперь он их шеф.

Задача: план на десять недель.

1. Стратегия. Девять крупнейших штатов имеют в Коллегии выборщиков 237 голосов из нужных 269. Если Джонсон даст 60–70 голосов южан и удастся «взять» ряд штатов Новой Англии и Среднего Запада — то вот она победа. Вывод: главный удар — на Северо-Запад.

Там соседствуют семь из девяти упомянутых штатов. Джонсон мобилизует Техас. Калифорнией занимается лично Джек.

2. Избиратель. Согласно опросам из 107 000 000 американцев, имеющих право голоса, 40 000 000 не зарегистрируются. Но если 70 % из них проголосуют, то, скорее всего, за «ослов» (показали те же опросы). Значит надо привести к урнам как можно больше людей.

3. Расписание. С минуты выдвижения жизнь кандидата расписана по минутам. В ней отведено время для прессы, боссов и личных вопросов. За это отвечает О'Доннел. Он уже умчал в Вашингтон и дальше по стране — готовить турне.

4. Умные слова. Без них не обойтись. На ужине в «Гарвардском клубе» основали мозговой трест: профессора помогут своему питомцу с анализом деловых, социальных, культурных трендов, с речами и повесткой дня — национальной и глобальной. За плату, конечно.

5. Структура. Избирательная машина национального масштаба. Повсюду работают тысячи «Добровольцев за Кеннеди-Джонсона». В Вашингтоне — Национальный комитет поддержки. Дело поручили О'Брайану и Байрону Уайту по прозвищу Свистун.

Прочее — в рабочем порядке. За дело, джентльмены.

5

Меж тем республиканцы не теряют времени. На Юге их люди ведут яростную агитацию против «папизма» и его ставленника Джека Кеннеди. А он и отреагировать толком не может: как сенатор обязан работать на сессии до 1 сентября.

А 2-го летит выступать в Мэн. А 3-го — в Сан-Франциско. А 4-го — на Аляску.

А в понедельник — День труда! — открывает кампанию на митинге рабочих Детройта.

В Детройте — шесть часов сна. Три завтрака: в 7 — с помощниками. В 8 — с кандидатом в губернаторы штата. В 12 — с лидерами профсоюзов. Дальше — фотосессия. Потом доработка речи. Обращение к дорогим трудящимся. Съемка с местной звездой бейсбола.

А дальше — гонка по Мичигану: мы выбились из графика на 15 минут!

Пикник работяг в городе Понтиак (День труда как-никак). Дальше — Флинт — еще пикник. Речь. Перелет. Пикник. Речь. Перелет. Голос садится. Ужин в отеле (стейк, салат, два стакана молока). Звонок Джеки. Речь в поддержку местного демократа, идущего в Конгресс. Перелет в Айдахо. Два ночи. Пять часов сна и — новые речи, пикники, фотосессии и переезды.

Быстрее, быстрее, быстрее. У нас всего десять недель.

Через десять дней он нашел стиль. Теперь к людям выходил молодой вождь. Интонации и ключевые слова отработаны до автоматизма: «президент ведет страну», «в мире не должны соседствовать рабство и свобода», «фермер — вот кто главный», «страна держится на рабочем», «будущее США — люди с образованием», «предприниматель — гарант свободы», «вперед!», «мне нужна ваша помощь».

Америка должна быть в движении; наш престиж в мире

падает; впереди — заботы и труды; дело у нас тяжелое, но мы его знаем; за мной! Такова отныне формула его риторики.

В нее вплетается важная личная нота: семья. Братья, сестры и родители — важные персонажи. Но главные герои — жена и дети. Почему он без жены? Это надо объяснить людям. Джеки беременна? Отлично. Скажем об этом. Но скажем тонко! И вот, стоя в лучах солнца в парке далекого провинциального городка, он вдруг сделает паузу и тихо скажет: «Жаль, нет со мной жены, но она… у нее сейчас другое и очень важное дело». Аплодисменты.

— А у жены-то моей, друзья, есть теперь и другие обязанности, — это следующим утром, в Северной Калифорнии. И снова — хлопают.

А в полдень: «У нас с Джеки будет ребенок!» Овация.

И завтра, в долине Сан Хоакин: «Моя супруга подарит мне сына!»

— Откуда известно, что сына? — кричат из зала.

А он не теряется: «Сэр, так она мне сказала!»

Гип-гип ура!

Взлеты-посадки, отправления-остановки, целыми днями — толпы, толки, шум и гам. Ни минуты покоя. Общение с людьми труда и студентами, спортсменами и скаутами, домохозяйками и клубными дамами, полицейскими и экологами. Люди сажают на плечи малышей: глянь, Билли, этот дядя — наш будущий президент.

— А кто это — президент, паппи?

— Да тот, кто все решает там — в Вашингтоне.

* * *

И это — верно. Так он и впрямь считает — этот фермер, учитель, адвокат или водитель грузовика. Поэтому каждое выступление, даже в самой глубинке, должно быть отличным, чтобы новость о нем из захолустья разлетелась по стране, дала новые голоса. Стала его проповедью.

Ну а что уж говорить о выступлениях перед проповедниками. Особенно перед теми, что агитируют против него, как баптистские пасторы на Юге.

Там, на Юге, в Хьюстоне (штат Техас) 12 сентября Кеннеди произнесет одну из самых ярких своих речей. Перед протестантскими проповедниками.

Они ждали ясного ответа на вопросы, которые подсказал им коллега — преподобный Норман Пил. Первый: разве не каждый

католик выполняет указания римского папы, своего кардинала или епископа? Второй: разве католики не объединяют церковь и государство? Третий: зачем американцам президент, послушный воле Ватикана?

Они пригласили Джека, чтоб услышать ответы. И Джек ответил.

В отеле «Райс». Выступая перед 300 членами «Великой ассоциации священников» и 300 гостями. Рядом председатель — преподобный Герберт Меза. Впереди — зал. За спиной — никаких ангельских крыльев. Только политика. Отступать некуда.

«…Я верю в Америку, где государство и церковь абсолютно независимы друг от друга. Где ни один католический прелат не говорит президенту (если тот — католик), как ему действовать, и ни один протестантский священник не указывает избирателям, как голосовать. Где ни одна церковь и ни одна церковная школа не получает денег от правительства и не имеет привилегий. И где ни для кого не закрыт путь к государственной должности просто потому, что его религия отличается от религии президента, который его назначает, или людей, которые его избирают…».

Он предельно точен. Он не может быть понят неверно. Он говорит с теми, кто ему не верит и выступает против него. Он обязан их переубедить. Или, по меньшей мере, — нейтрализовать.

«…Я — не католический кандидат… Я кандидат Демократической партии, …исповедующий католицизм. Я не представляю церковь… а церковь не говорит от моего имени».

«…Сегодня я был в Аламо[102]. Там вместе с Боуи и Крокеттом пали Маккаферти, Бейли и Кейри[103]. Никто не знает, были они католиками или нет. В Аламо это было не важно. Такому обычаю я прошу следовать и вас — оценивать меня, исходя из итогов моей четырнадцатилетней службы в Конгрессе… вместо того, чтобы судить, основываясь на всем нам известных, умело сфабрикованных брошюрках с ловко подобранными цитатами из речей… произнесенных в других странах… в другие века. И где, конечно, нет ни слова из «Заявления американских епископов»[104] 1948 года, в котором они твердо поддерживают разделение церкви и государства и которое отражает позицию фактически каждого американского католика».

И — переходя в наступление — спросил: справедливо ли, что католики, составляющие четверть граждан страны, все же кое-где у нас порой считаются гражданами второго сорта?

На вопрос: «Что бы вы сделали как президент, если бы в католической Южной Америке стали преследовать протестантов за веру?» он ответил: «Я… использовал бы все мое влияние для утверждения свободы… Свобода совести — одна из главнейших

свобод, и хочу надеяться, что как президент буду отстаивать эту свободу всюду, невзирая на географические, религиозные или…»[105].

Закончить ему не дали — грянули аплодисменты.

На каждый вопрос он дал ответ, достойный большого политика. И сумел расположить к себе тех, кто только что не скрывал своей враждебности и подозрительности.

Фрагменты этой речи показали главные телеканалы страны. Семь недель его агитаторы крутили запись в протестантских и католических районах. Это был один из пиковых моментов кампании. Начиная с него, в опросах стало резко снижаться число высказываний «Я против Кеннеди потому, что он католик». Это стало плохой новостью для Дика Никсона. Его «католическая карта» если и не была еще бита, то явно теряла свою силу. Протестанты склонялись на сторону Джека. Как и южане в целом. Ему аплодировали Сент-Луис и Новый Орлеан[106].

Он отвечал им улыбкой, взмахом руки и летел на Север.

Глава пятая. Щит и меч рекламы

1

Север и Юг. Восточное и Западное побережья, шахтерские горы и фермерские равнины… От Ди-Си[107] до самых до окраин Штаты стали ареной битвы двух животных — слона и осла.

Он не прост в бою — этот брыкливый трудяга-осел. И только кажется, что махине-слону с жуткими бивнями раз плюнуть его победить. Это быстро поняли Никсон и его команда.

Напоминала ли битва Джека и Дика постмодернистские полотна, где Айболиты лупят Дедов Морозов, а Чучела бьются со Снеговиками? Возможно — ведь и Кеннеди с Джонсоном, и Никсон с Лоджем были не вполне людьми, а в большей степени образами — порождением предвыборных мифотворцев, персонажами легенд с флагами на копьях и гербами на щитах.

И на носках. Да-да, такова рекламная индустрия. Она и нехитрый предмет сделает носителем смыслов. И вот в продаже носки с профилями партийных зверушек. Надел носки — и сразу видно, кто ты есть и за кого агитируешь. А коли еще не решил — бери две пары и надевай осла — на левую ногу, а слона — на правую. Футболки и бейсболки, фляжки и флажки, галстуки и запонки — все кругом было исполнено предвыборного символизма. Кошелек для ключей? С призывом дать Кеннеди ключ от Белого дома. Гаечный ключ — призыв вручить его Никсону. Значки и жетоны с героями анфас и в профиль. Сто миллионов штук (сейчас они — редкость).

Американцы, утверждал некий психолог, покупают и носят такие значки по той же причине, по какой индейцы перед боем красили лица и тела — это придавало им храбрости и устрашало врага. Представьте: Кеннеди замечает — на любом прохожем значок с Никсоном. Вообразите: Никсон видит — на каждом встречном-поперечном майка с Кеннеди. Тут струхнешь.

2

Между тем карнавал разворачивался во всю ширь!

Под потолком нью-йоркского мюзик-холла «Радио-сити», рассказывал свидетель этого большого шоу журналист «Литературной газеты» Георгий Кублицкий, висел колоссальный знак вопроса. Хор красоток поет: «Как его имя? О-ла-ла! Э-гой!

Может, завтра он пойдет немного вправо! А может — немного влево! Но, в общем — вперед! Э-гой!» Казалось бы — это они просто так, как бы в общем про выборы… Но чей это девиз — «Вперед!»? Чье заклинание? Точно — Кеннеди… Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy for me!

Неужели? За месяц до выборов газета Washington Post направила в провинцию сотрудника — узнать: что на уме у избирателя. Вдоволь поколесив по проселкам, пшеничным, картофельным и кукурузным полям, он сообщил: «Я опросил 353 фермера, учителя, священника, владельца заправки, аптекаря, лавочника и ветерана. И понял: выводы делать рано». Выходит, ребята Джека все рассчитали верно: житель одноэтажной Америки — он только выглядит комиком — этаким увальнем Биллом-деревенщиной. На самом деле он чувствует себя звездой, актером драматическим: если уж он выходит на сцену, так под занавес. С главным монологом.

Отсюда задача: сделать так, чтоб вышел. И сказал, что надо: веское слово за Кеннеди.

Но задача — задачей, а опросы показывают: Джек все еще мало известен американцам. И как их познакомить поближе — большой вопрос. А между тем в августе социологи отмечали перевес Никсона. Хоть и не большой, но тревожный.

Да, живых осликов в Америке куда больше, чем слонов, и легко завершать встречи с избирателями снимком: Кеннеди и Джонсон обнимают ушастого. Но этого явно не достаточно.

— Так что, — решили в штабе Кеннеди, — пора в полную силу задействовать величайшего агитатора современности — телевидение.

— Что значит — задействовать? Ведь Джек и так во всех новостях и комментариях!

— Но там же и Никсон.

— Мы покупаем дорогущее рекламное время и крутим наши ролики.

— Но и они тоже крутят.

Значит, нужно придумать что-то новое, а пока — крутим, крутим, крутим наши ролики.

Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy for me!

3

В кампании 1960 года телевидение впервые играло действительно огромную роль. Мудрый Маклюэн как в воду глядел: телевизор стал как бы наставником и одновременно

продолжением зрителя — говорил ему то, что он сам не мог выразить, помогал уяснить, чего тот не умел сформулировать, громогласно провозглашал истины, на которые тому не хватало слов.

Нам, нынешним, привычны агитационные телеролики, а полвека назад они были в новинку.

Говорят, война нередко становится и главным заказчиком изобретений, и их полигоном.

Но говорят также, что бизнес — это война. Не зря же и он заказывает технические инновации и гуманитарные технологии, делая политику, как одну из своих отраслей, местом их испытаний. И чем изощренней политика, тем сложнее и эффективнее ее методы. Конечно, и тут многое зависит от тех, кто их применяет. Но в предвыборной кампании 1960-го до поры соперники были на равных — и те, и другие еще только осваивали ТВ как инструмент кодирования и программирования.

Это они ввели в обиход предвыборные ролики, куда ловко включали предвыборные песни. То есть песни пели в ходе кампаний издавна. Но именно в начале 60-х вошло в моду их сочинение специально для ТВ. Первая попытка была сделана еще в 1952-м, когда «король мюзикла» Ирвинг Берлин написал для ролика Эйзенхауэра знаменитую песню I Like Ike — «Люблю Айка», где обыгрывалось сходство слов «лайк»[108] с прозвищем кандидата — Айк.

Ее включили в мультяшку: веселый слон в попоне с портретом Айка бьет в барабан и ведет в Белый дом трактористов и мотористов, детей в колясках и сварщиков в масках, шахтеров и монтеров, поваров и докторов, крестьян, рабочих и всех-всех прочих. А ослики в сторонке хлопают глазами… Кое-кто и нынче считает, что эта песня-клип помогла генералу одолеть его тогдашнего соперника Стивенсона. Возможно. Но восемь лет спустя «ослы» дали сдачи.

4

Фрэнк Синатра переделал для кампании Джона любимую семейную песенку американцев «Высокие надежды» (High Hopes) Сэмми Кана и Джимми ван Хойзена. В оригинале есть куплет:

Жил на свете странный баран —
Свои рога превратил он в таран.
Взялся ими плотину долбить…
Никто не решился ему запретить.

И до сих пор продолжает он бить.
И долбит, и долбит баран!
Потому что…
С высокой верой в успех, с высокой верой в успех;
Да — с высокой надеждой на славный успех
Он плотину прошибет лучше всех!

В американской культуре, в отличие от нашей, баран символизирует не тупую упертость, но упорство. Настойчивость в хорошем смысле слова. Поэтому когда люди слышали популярную музыку со словами о Кеннеди, то склеивали ее в сознании со знакомой и любимой песней. И не замечали, как уже пели «Высокие надежды (с Джоном Кеннеди)»:

Все у нас голосуют за Джека,
Все, до единого человека!
Рядом с ним любой соперник — калека,
Что есть у него — у других не найти:
Джек на верном пути!
Потому что…
С высокой верой в успех, с высокой верой в успех;
Да — с высокой надеждой на славный успех
В 60-м он круче всех!
Эй! Давай! Голосуй за Кеннеди!
Голосуй за Кеннеди!
Марш в поход вместе с ним!
С Джеком все вершины покорим!
Ух ты, да здесь у нас оппозиция: кря!
Ух ты, да здесь у нас оппозиция: кря!
Ух ты, да здесь у нас оппозиция: кря-хлюп-хлюп!.
Кей — И — ДаблЭн — И — Д — Уай (K-E-N-N-E-D-Y)
Джеку помогай — не зевай!
Люди любят Джека — как ни крути;
Джек на верном пути!
Потому что…
С высокой верой в успех, с высокой верой в успех;
Да — с высокой надеждой на славный успех
В 60-м он выше всех!
Эй, давай, голосуй за Кеннеди!
Голосуй за Кеннеди!
Вместе сделаем Америку сильней:
Марш вместе с Кеннеди — эй! —
Марш вместе с Кеннеди — эй! —
Марш вместе с Кеннеди — скоре-е-е-ей!

Но оппозиция не крякала. Оливия Хоффман, Джордж Сторк и Кларенс Фурман сочинили для Никсона песню Klick With Dick: «Щелкай с Диком», дескать, избери его, и все проблемы он решит одним щелчком: клик!

Потому что:

Мыскам ботинок Дика
Привычен Белый дом,
За классным парнем Диком
Идем мы в Вашингтон!

Последние строки куплета почти повторяют строки предвыборной песни Эйзенхауэра. А ролик Кеннеди в ответ:

Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди!
Кен-не-ди, для меня!
Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди…
Нам нужен президент, который непоколебим?
Сторонник инноваций, верный принципам своим?
Что зрел достаточно, чтоб знать,
И молод — чтоб дерзать?!
Эй, вам решать!
Да, вам решать!
И только вам решать!
Нам нужен честный парень, что всегда открыт и прям?
Сравни его с другими и тогда увидишь сам!
И проголосуй за Кеннеди,
Готового все менять!
Тебе решать!
Тебе решать!
И лишь тебе решать!
Да! Это
Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди, Кеннеди!
Кен-не-ди, для меня!..

5

Со стороны казалось: песни — лишь гарнир для главных предвыборных яств. Нет. Наложенные на сменяющие друг друга плакаты Джека, лица избирателей всех возрастов и цветов и его

красивое веселое лицо, они работали с избирателем не хуже сотен активистов, идущих от двери к двери с портретом Кеннеди на лацкане.

На активнейшем включении телевидения в кампанию настаивали Соренсен и Сэлинджер — в недавнем прошлом заметный журналист, некогда слушавший лекции Маршалла Маклюэна и, похоже, знакомый с ним. И хотя Маклюэн тогда еще не издал ни «Галактику Гутенберга» (1962), ни «Понимая медиа» (1964), его книга «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» уже вышла в 1951-м и живо обсуждалась интеллектуалами последующие десять лет. А Маклюэн писал свою ключевую работу, размышляя над ролью ТВ в жизни людских сообществ.

Ряд исследователей считают, что благодаря общению с Маклюэном Кеннеди и его команда успешно использовали потенциал телевидения и в победной операции теледебатов, и в создании роликов, атакующих Дика и продвигающих Джека.

Тема общения Кеннеди и Маклюэна и влияния философа на президента — особый вопрос. Да, они могли встречаться. Скажем — в Гарварде, где в первой половине 30-х Маклюэн готовился к защите докторской. И защитился, когда Джек пришел в университет. Да, разница их статусов была велика, а разница в возрасте — не слишком (Маклюэн родился в 1911 году). Оба были католики. И это много значило для них в течение всей жизни, что тоже могло стать поводом для сближения.

Кеннеди много читал. И круг его интересов был широк. Возможно, он сам, либо по совету того же Сэлинджера, ознакомился и с трудами Маклюэна. И, как человек внимательный, легко мог увлечься необычностью изложения, тематики и аргументации молодого канадского мыслителя, с которым они делили не только общую веру, но и ценности одного поколения…

Глава шестая. Битва в эфире

1

Кеннеди не проснулся знаменитым.

Да, утром 26 сентября 1960 года — в день теледебатов с Никсоном — он уже был видным политиком, сенатором и кандидатом в президенты. Но еще не сиял звездой. Ей предстояло взойти лишь под вечер. Обычное дело — кто-то знаменитым просыпается, а кто-то — отходит ко сну.

В этот день Джеку и Дику предстоял часовой поединок перед многомиллионной теле- и радиоаудиторией. Намечалась дуэль. А то и бой гладиаторов: от того, в честь кого поднимет палец большинство зрителей, во многом зависел дальнейший ход кампании, а отчасти и ее исход.

* * *

Телевидение как политический инструмент уже было знакомо Джеку. Восемь лет назад он использовал его в борьбе за кресло в Сенате с Генри К. Лоджем[109]. В передачах, показанных в Новой Англии в канун выборов, его явили публике обаятельным джентльменом и умным оратором. Перед ней предстал с одной стороны — зрелый мужчина и серьезный политик, а с другой — человек, в чьей манере держаться наблюдалось нечто романтическое, неуловимо юношеское. Опросы показали: это нечто рождало симпатию. Как и ободряющая улыбка. Рядом с ним чопорный Лодж, желавший выглядеть мудрецом, смотрелся напыщенным стариком.

Включив оплаченную семьей передачу «Чашка кофе с Кеннеди», зритель попадал в уют «типичного американского дома» и «типичной американской семьи»: мама Роуз вяжет и отвечает на вопросы домохозяек, младшие дети трогательно послушны, Джон с милой улыбкой время от времени является на заднем плане. Ненавязчивый, но узнаваемый. Это шоу придумал Бобби. Отчасти грамотное использование ТВ решило тогда исход выборов.

Но и у Никсона были с ним свои отношения. В 1950-м, когда он тоже шел в Сенат от Калифорнии, Дик разыграл сюжет «славная семья». Денег хватало, и он, не скупясь, купил время в прайм-тайм и показал нехитрый клип: сам Дик, жена Пат и

малютки Джули и Триша, обнявшись, поют на мотив популярной детской песенки: «Мы едем в Вашингтон. Голосуйте за Никсона!» Ничего особенного в ролике не было, но ему добавил шарма экспромт двухлетней Джули. Взяв на съемку любимого плюшевого кролика по имени Микс, она нежно пропела вместо «Голосуйте за Никсона!» — «Голосуйте за Микса!». Говорят — случайно. И имя кролика просто оказалось созвучно фамилии политика. Возможно. Но зрители умилились. И пошли голосовать за Микса. То есть, простите, — за Никсона. И он прошел в Сенат, показав себя отнюдь не плюшевым.

2

Идея устроить теледебаты родилась в команде Кеннеди. Там все думали: как явить его Америке? Ведь, честно говоря, широкий избиратель знал его плоховато… Покупать эфир, нанимать сценаристов и съемочные группы можно, но очень дорого. Нужен какой-то творческий ход. Точнее — вход на телевидение при умеренных тратах.

И в голову ребятам Кеннеди пришла удачная мысль: вызвать Никсона на дискуссию перед лицом всей нации. В истории выборов такого еще не бывало? Отлично! Мы будем первыми! Вряд ли Дик откажется. Ведь о нашем предложении и его отказе расскажут СМИ. И Никсон будет выглядеть трусом. Этого кандидат «слонов» себе позволить не может.

— А если победит Дик?

— Тогда мы — в пролете. Значит, должны победить мы.

Да, риск есть. Но наш успех убедит множество неопределившихся в мощи Джона.

И вот штаб Кеннеди отправляет штабу Никсона предложение провести в прямом эфире ведущих телеканалов обсуждение актуальнейших вопросов внутренней и мировой политики.

Дик и его парни, просчитав ситуацию, пошли на переговоры. Они решили, что в публичной полемике опытный Никсон легко переиграет прыткого «мальчишку».

Впрочем, неплохой военный и политический стратег, генерал и президент Эйзенхауэр, да и другие видные республиканцы, отговаривали Никсона от участия в дебатах. Но горделивый Дик, полагаясь на свое мастерство, отверг их советы. «Я высмею его на всю страну», — твердил он. Сложно сказать, чего не хватило ему и его людям: трезвого анализа потенциала соперника или того тайного навыка, что называют профессиональным чутьем, — но к началу осени штабы уже обсуждали детали дуэли.

Сэлинджер предложил пресс-секретарю Никсона Хербу Клайну состав журналистов-участников: всего пять — двое газетчиков, один от журнала и два — от радио/ТВ. Других отберем, когда формат шоу утвердится. Остальных разместим так, чтоб они следили за дебатами на большом экране. Фотографов пустим только из United Press International и Associated Press.

Никсон выбрал два главных направления атаки: молодость Кеннеди и его вероисповедание. И продвинулся на втором направлении.

Сто пятьдесят протестантских деятелей во главе с Норманом Пилом учредили комитет для борьбы с попытками Ватикана влиять на политику Кеннеди в случае его избрания.

Пил заявлял, что «паписты» хотят превратить США в страну, где правит папа.

Кеннеди, не дожидаясь дебатов, ответил: «Я не позволю, чтобы наша страна была однозначно католической, протестантской или иудейской. Ни один священник… не сможет влиять на политику президента. Таков принцип нашего демократического государства»[110]. Успех этой речи дал повод считать, что Джек проведет дебаты достойно. А возможно — и более чем.

Вероятно, это побудило его оставить тему своей молодости для дискуссии в эфире.

Соглашение о четырех поединках было достигнуто со штабом Никсона и телекомпаниями. Первые дебаты назначили на 26 сентября в Чикаго. Их вел видный журналист Говард Смит.

Слева и справа установили кресла и трибуны для соперников, обращенные к залу. Чуть сзади — стол ведущего (потом рядом с ним ставили флаг США). Лицом к полемистам сидели представители ведущих телеканалов — NBC, CBS, ABC и Mutual News[111]. В момент вопроса их показывали со спины, а кандидатов — анфас у трибун, в момент же ответа — давали «говорящую голову» на весь экран.

Дебаты начались с восьмиминутных «установочных» заявлений соперников.

На съемку Джон пришел в темном костюме, выгодно смотревшемся на черно-белом экране. В нем были сила, легкость и уверенность. «Не припомню, чтобы он еще когда-нибудь был в такой отличной форме», — писал потом Никсон. Сам он вышел на подиум в великоватой рубашке и светло-сером костюме и смотрелся рядом с Кеннеди тускло.

Очень тускло…

3

Считается, что многие из тех, кто слушал дебаты по радио, решили, что их выиграл Никсон[112]. Но они были в меньшинстве. 88 % американских семей уже имели телевизоры, и число людей, наблюдавших первый раунд дебатов, по разным данным составило от 66 до 74[113] миллионов человек (через полтора месяца на участки пришло 68 895 537), при населении в 179 миллионов.

Дебаты анонсировались. Их ждали. До того «большинство избирателей не видели кандидатов «вживую», — пишет Лари Сабато, аналитик из Вирджинского университета, автор работы «Полвека Кеннеди». — Они читали о них и видели фото, и вот получили принципиально новые основания для оценок главы государства, которого им предстояло избрать». Это был первый случай, когда американцы увидели соперников за Белый дом в личном поединке.

И, по мнению огромного большинства наблюдателей, они оценили Кеннеди выше. Он стал абсолютным победителем дуэли. Ряд экспертов считают, что в этот вечер он выиграл и выборы.

Журнал Time приводит слова Соренсена. Он заметил, что сперва команда не осознала в полной мере значения этого успеха. Впрочем, в неведении они пребывали недолго. День спустя, прибыв в штат Огайо, штабисты Кеннеди увидели, что толпы, встречающие кортеж, стали гуще. А встретившись с местными боссами партии, обнаружили, что их лояльность Кеннеди упрочилась.

* * *

Профессор Алан Шредер, автор книги «Дебаты в президентских кампаниях: сорок лет крайне рискованного ТВ», считает, что ключевую роль в победе Кеннеди на первых дебатах сыграл тот факт, что американцы еще не воспринимали ТВ как пространство для серьезных разговоров, но почти только как развлечение. И к дебатам отнеслись именно так. А Кеннеди, только что из Калифорнии, загорелый, обаятельный и умело играющий роль, смотрелся лучше усталого и потного Никсона. Они выглядели артистами разных амплуа. Никсон — человеком, попавшим в сложное положение, который всегда настороже, а Кеннеди — героем-победителем. Это амплуа было более удачным. Зрители хотели быть такими, как он, а не как Дик.

А у того и впрямь все было не просто. Он только что вышел

из больницы после операции на колене. И сразу отправился по стране. За две недели, веся на двадцать фунтов меньше нормы, он объехал более двадцати штатов. До встречи с Кеннеди он произнес две речи, вымотался, голова трещала… И еще беда — отросла щетина (Никсон брился три раза в день). Помощники предложили грим, но светлая пудра в свете софитов превратила его лицо в болезненную маску.

Потом Дик лучше смотрелся в дебатах. Спасибо сотрудникам.

Но щетина, как и прежде, лезла, и цвет лица оставлял желать лучшего.

— Сэр, — предложили ему, — пригласите классного гримера, и хватит волнений по пустякам.

И — чудо. Немного умело наложенного грима, и, начиная со вторых дебатов, Дик стал телегеничней. Но помощники на достигнутом не остановились.

— Дик, — сказали они сердечно, — ваш образ стал куда привлекательнее, и все же вы выглядите усталым. Дают себя знать операция, госпитализация и агитация. Давайте поправляться.

— Вы о чем, парни? — спросил слегка задетый Никсон.

— Мы о коктейлях, сэр! — весело заявили те. — Легкие в приготовлении, питательные и вкусные коктейли из отличного американского молока, сэр!

— О'кей, давайте! — согласился кандидат.

И сразу в его руке оказался изящный фужер с гербом США, полный густой, пенной, розоватой жидкости. От нее пахло детством и солнцем в широких окнах аптеки, где юный Дик лакомился хот-догами, кока-колой и бесконечно соблазнительными коктейлями, тайный рецепт которых знал лишь один человек на земле — веселый аптекарь Натан Розенцвет.

Вскоре помощники, жена Пэт, сам Никсон и, главное, телезрители стали замечать: Дик окреп. И следа почти не осталось от изможденного облика, заостренности скул, теней под глазами… Да и сами глаза стали живее и выразительнее. Словом, дело пошло на лад.

Но… Но впечатление от поединка уже проникло в душу зрителя. И работало на Джека.

Через четыре дня после избрания он указал на важность своего появления на экране: «Телевизор управлял ходом кампании лучше, чем любой другой инструмент», — сказал президент. Через 20 лет, в отчете исследовательской группы «Смотрим вместе с нацией»[114] отмечалось: «Дебаты Никсон — Кеннеди сделали телепоединки самым «горячим блюдом»

кампаний со дня изобретения предвыборного значка».

Очевидно, именно тогда немало светлых умов задумались о том, как изменит демократию телевизионная эра, насколько эффективно может формировать и контролировать предпочтения избирателей тот, кто купил (или еще как-то прибрал к рукам) и наиболее грамотно использовал кусок эфира. И в частности: куда в большей степени погружают зрителя теледебаты — в атмосферу свободного выбора в стиле Линкольна и Рузвельта или в студию реалити-шоу?

Любопытно, что следующая серия дебатов прошла только через шестнадцать лет. В 1964-м Линдон Джонсон знал, что и так управится с Барри Голдуотером. А в 1968-м и 1972-м Никсон от дебатов отказывался — слишком сильна была травма 60-го года.

Этот гуманитарно-технологический инструмент снова пошел в ход в 1976-м. Тогда Джеральд Форд согласился на дуэль с Джимми Картером. Сегодня дебаты — рутина президентских кампаний. С тех пор и поныне эксперты и политики, оценивая потенциальных кандидатов, задаются вопросами: «Кто эффектней смотрится на телеэкране? Лучше одет? Находчивей в споре?».

4

А в 60-м году все было в новинку. И участникам телепоединка, не имевшим ни личного опыта таких дискуссий, ни предшественников, опыт которых можно учесть, требовалась особая собранность, находчивость, ясность мысли, владение словом и собой.

При этом у обоих хватало уязвимых мест. И журналисты «били» именно по ним. Кеннеди (как предвидели оба соперника) атаковали, в основном указывая на его молодость и отсутствие опыта работы в исполнительной власти. Никсона же — подвергая сомнению его успехи в этой работе. Девиз вашей кампании, говорили ему: «Опыт — это важно!» Вы говорили, что участвовали в принятии решений на высшем уровне… Но Эйзенхауэр, отвечая на вопрос, какую из ваших идей он одобрил и принял, попросил неделю на размышление, надеясь что-нибудь вспомнить. Чье заявление правдивее — ваше или президента?

На это Никсон отвечал, что это, мол, дело президента — принимать и отвергать идеи, с которыми он выступал; что сам он не принимал главных решений, да и Айк не допустил бы вмешательства в свои полномочия. А что до опыта, то пусть американцы сравнят, чей богаче.

Кеннеди же переводил разговор об опыте то на историю

соперничества партий (указывая на триумфы «ослов» и провалы «слонов»), то на личные планы и видение будущего. При этом он ловко сопрягал эти планы и «цели Соединенных Штатов», создавая у зрителей ощущение, что его планы и цели страны — суть одно и то же. А попутно подчеркивал, что при всей важности опыта сейчас важнее решить: какой президент и какая партия справится с вызовами нового десятилетия.

Он вообще лучше подготовился — зубрил ответы на возможные вопросы, снимался на кинокамеру, репетировал перед зеркалом. Его «натаскивали, как студента перед экзаменом», — писал Теодор Уайт в книге «Как делали президента в 1960 году». Тэд Соренсен вспоминал, как они с Джоном готовились к бою — сидя на крыше отеля «Амбассадор Ист» перебирали карточки с репликами по ключевым темам, отрабатывая позицию по каждой из них. «Мы знали: первые дебаты крайне важны, но не представляли, сколь важным окажется их результат на самом деле».

Последний тренинг занял несколько часов. Потом Кеннеди выступил перед членами профсоюзов (старик-Чикаго — колыбель и цитадель рабочего движения) и пошел вздремнуть, а команда занялась штабной рутиной. Вскоре, однако, пришло время будить шефа. Отправили Соренсена. «С удовольствием вспоминаю, — рассказывал он, — как вхожу я в спальню и вижу: свет включен, а он лежит и вроде спит, словно одеялом укрытый десятками карточек с записями».

5

В ходе первого раунда обсуждали внутренние дела. Но не забыли и о личных свойствах соперников. И, как водится, эта привлекло особое внимание зрителей. Ибо «только хорошо тренированный обозреватель, — отмечал комментатор журнала Reporter Дуглас Кейтер, участник одного из раундов, — мог бы выдержать перекрестный огонь доводов… скорострельные ссылки на «Доклады Рокфеллера», «поправки Лемана», «мониторинги престижа» и попурри из так называемых фактов». С ним согласен социолог Сэмюэл Лабелл: зрители «старались уловить смысл дискуссии, но чем больше они вникали, тем больше путались».

А вот личные свойства многое проясняли. Неважно, шла ли речь о школах или расовых проблемах, Джек был более точен и выглядел более компетентным.

То же касалось и политики внешней, которую обсуждали 7 октября в студии NBC в столице и 13 октября в жанре телемоста:

Никсон из Лос-Анджелеса, а Кеннеди из Нью-Йорка. Говорили об СССР и красном Китае, угрожавшим Тайваню. Если конкретнее: надо ли воевать с КНР, если она атакует острова в Южно-Китайском море? И что делать, если возникнет кризис вокруг Берлина?

В ходе кампании Кеннеди назвал Никсона trigger-happy — «любитель спускать курок». Ничего обидного в этом нет. Но тот увидел здесь атаку на свою партию, как на партию «ястребов», и напомнил, что за последние полвека США при президенте-республиканце ни разу не воевали, а при демократах делали это трижды. «Утверждение, что республиканцы — это де любители спускать курки, — отметил он, — опровергают факты». Что же до Берлина, то не вопрос: он должен быть свободным. И если комми нападут, мы его защитим.

Кеннеди заявил: надо разобраться, насколько эти острова подпадают под договор 1955 года о защите Соединенными Штатами Тайваня и Пескадорских островов, отстоять которые надо непременно. Далее: США, безусловно, должны оборонять и Берлин, и весь Западный мир. Для этого Америке нужно усилить армию, совершенствовать обычные вооружения и повышать стратегический потенциал, выпуская больше ракет «Минитмен» и «Поларис». И начинать надо немедленно.

Что же касается разоружения, и прежде всего — ядерного, то Джон предложил провести в 1961 году переговоры об испытаниях в атмосфере и о нераспространении атомного оружия (ибо, вероятно, к 1964 году создать его смогут не менее десяти стран, включая Китай). Дадут ли что-нибудь эти переговоры, неизвестно, но — почему нет? Думать, что контроль за вооружениями невозможен, — ошибка. И это — еще одно важное расхождение с республиканцами и правительством Эйзенхауэра, которое, по его мнению, не уделяло должного внимания этому вопросу.

Обсуждая международную экономику, Кеннеди сделал акцент на важности разделения ответственности за развитие стран Азии, Африки и Южной Америки между развитыми странами. А Никсон, вернувшись к теме островов у берегов КНР, заявил, что не даст нанести ущерб США, «отдав коммунистам этот регион». И провозгласил кредо: «Ни поражения, ни отступления!»

Поскольку он выступал последним, девиз прозвучал как финальный, пафосный аккорд симфонии. Многие решили, что поле боя осталось за республиканцами. Но нет, по душе зрителям пришлись мирный тон Джека и стратегия неагрессивного патриотизма. А кроме того, впечатление от стартового поединка было столь мощным, что перекрыло воинственную риторику Никсона.

Последний раунд прошел 21 октября в Нью-Йорке. Говорили о Кубе, в отношении которой Штаты ввели эмбарго. Джек подчеркнул его неэффективность, ибо «коммунисты наступают очень быстро — в Лаосе, в Африке, на Кубе — везде». Не пришлось бы вводить слишком много эмбарго…

В ответ Никсон отверг возможность американской интервенции на Кубу, указав, что она станет «приглашением: идите, господин Хрущев, в Южную Америку».

— Откуда исходит угроза миру и свободе? — вопрошал вице-президент и отвечал: — Есть одна угроза миру и свободе — международное коммунистическое движение. Если мы хотим мира, то должны научиться иметь дело с коммунистами… Я знаю Хрущева. Я знаком и встречался с другими вождями коммунистов… И считаю, что надо выработать принципы взаимодействия с ними… позволяющие сохранять мир. И в то же время — расширять пространство свободы.

И вот тут неопределившийся избиратель столкнулся с проблемой: слова Никсона противоречили взглядам, которые он высказывал ранее. В команде Эйзенхауэра Никсон был, пожалуй, одним из самых жестких противников коммунизма и сторонников атаки на Кубу. Он был в курсе планов ЦРУ, которые вскоре приведут к катастрофе в заливе Свиней. Его позиция была известна, и речи о мире давали повод подозревать его в неискренности.

Отвечая, Кеннеди сказал: «В 1957 году я был в Гаване. Я говорил с американским послом. Дипломаты предупреждали: Кастро окружен марксистами и находится под их влиянием… Но… правительство ничего не сделало. Наша безопасность зависит от положения в Латинской Америке. Между тем… кандидат в президенты Бразилии апеллирует не к Вашингтону, а к Гаване, чтобы получить голоса сторонников Кастро…»

И дальше: «Кто будет доминировать в Азии в ближайшие пять — десять лет?

Коммунисты? Китайцы? Или свобода?[115] Достаточно ли мы делаем для этого? Мы довольны своей силой и престижем? Люди хотят подражать нам? Они признают лидерство Соединенных Штатов и готовы следовать за нами? Не думаю, что в нужной мере. Господин Никсон говорит: мы — сильнейшая страна мира. Это так. Но пять лет назад мы были сильнее коммунистов, чем сейчас. Равновесие под угрозой… Они строят ракеты и в 1962 — 63 году догонят нас. Последние 9 месяцев наш экономический рост был ниже, чем в других крупных промышленных странах.

Когда я смотрю в небо, то вижу красный флаг на Луне»[116].

Джек атаковал «слонов» (а значит, и Дика), бывших у власти в последние годы и из сегодня: «Правительство не делает ничего в отношении Кубы»; и из завтра: «Кто будет доминировать в Азии в ближайшие пять лет? Китайцы?»; «Советы догонят нас»; с земли — «Признают ли люди лидерство США?», и из космоса — «Вижу красный флаг на Луне»…

— Думаю, — делился мыслями Кеннеди, — мы должны показать миру, что мы, хозяева свободной страны, стремимся быть первыми. Без всяких «если». Без всяких «но». Без всяких «когда». Просто — первыми. Если мы сильны, если мы — первые, то побеждает свобода; побеждает наше общество; расширяются перспективы всего мира.

Оба кандидата говорили много и в основном — по делу: о Китае и Тайване, Кубе и Южной Америке, дипломатии и военной силе, промышленном росте и спаде, ценностях и идеалах, о международной политике, угрозах, вызовах и возможностях нового десятилетия, о совести и вере. Но дискуссия подходила к концу. Завершались дебаты, которые журналисты назовут «Великими».

Последнее слово (если не считать реплик ведущего — звезды ABC Куинси Хоува) досталось Никсону. Но лишь по очередности — не по значимости. Он сказал: «…Следующий президент, лидер Америки и свободного мира, будет велик лишь настолько, насколько велик наш народ. И в заключение я говорю: твердо верьте в Америку. Следите, чтобы юные американцы верили в идеалы свободы и в Бога, в отличие от наших противников — атеистов и материалистов».

Сказано веско. И все же… Все же истинную точку в дебатах поставил Кеннеди. Завершая свое предыдущее выступление: «Не верю, что на свете есть тягота или ответственность, которую бы каждый американец не понес ради защиты своей страны, ради нашей безопасности, ради нашего дела утверждения свободы. Я верю: такова наша миссия».

В 1936 году Рузвельт сказал: «Это поколение приглашено на свидание со своим предназначением. Это предназначение — защищать Соединенные Штаты и свободу; и чтобы его исполнить, давайте выполним свой долг — возглавим страну и вновь приведем ее в движение».

Похоже, ошибаются те, кто считает, что в ходе дебатов победил не Кеннеди, а «более удачный телевизионный имидж как таковой»[117]. В финальных репликах четвертого раунда и всех дебатов — главная разница между соперниками: Дик спорил, стремясь одолеть соперника в студии, а Джек — обращался к

нации. Как писал об этом Роберт Далек в книге «Незавершенная жизнь»: Кеннеди выступил как лидер, готовый решать ключевые проблемы страны…

* * *

Вскоре Харрис представил меморандум по итогам дебатов. Соотношение голосов составило 48 % против 43 % в пользу Кеннеди. Резюме: «этим мы обязаны в основном дебатам».

Данные опросов говорили: большинство смотревших дебаты сочли слова Кеннеди искренними и верными, поверили, что он хочет того, о чем говорит. И может добиться. Американцы увидели того, кого почти не знали вчера и кому решили доверить свое завтра.

7

«Лучшее, что дали дебаты избирателям великой демократии, — писал Теодор Уайт, — это политика, исчезнувшая сотни лет назад. Они показали двух мужчин в экстремальной ситуации и побудили решить, следуя инстинкту: за кем вы хотите идти во время кризиса? Это племенное чувство наследует эпохе Римского Сената… Следующие поколения лишь мечтали ощутить: а как это — выбирать вождя. В сильно урезанном виде это было доступно лишь капитанам Таммани-холла[118] и коммунистам в Кремле. Дебаты вернули миллионам древнее чувство личной оценки»[119].

Возможно Уайт прав, судя о том, что дебаты дали избирателям. Но что они дали Кеннеди?

Прежде всего — доказательство: он абсолютно адекватен поставленной себе задаче — возглавить Америку. Упреки в неопытности — вздор. Дуэль окончена: Кеннеди «убил» Никсона.

— Не будь дебатов, — считает Соренсен, — Кеннеди не стал бы президентом. Но значение дуэли между обаятельным сенатором-ирландцем и вице-президентом не только в этом. Она в корне поменяла структуру избирательных компаний, индустрию телевидения и историю Америки.

— Это редкий случай, о которых говорят: этот вечер все изменил, — считает Алан Шредер.

После поединка Никсона и Кеннеди дебаты между претендентами на выборные посты стали нормой в Германии, Швеции, Финляндии, Италии и в других странах. Соренсен

убежден, что битва в эфире, открывшая Джеку путь в Белый дом, не только изменила, но и спасла мир. «Хотя бы потому, что спустя два года после избрания президент отверг рекомендации Объединенного комитета начальников штабов ответить силой на размещение советских ракет на Кубе. Будь президентом Никсон, он бы ударил… Тогда все — атомная война. И жизни конец, — уверен Соренсен. — Скажите спасибо, что те дебаты выиграл Кеннеди».

Что ж, возможно, в этом старый мастер политических баталий прав.

* * *

Но, несмотря на победу в дебатах и на то, что 6 % избирателей приняли решение, исходя из впечатлений от дуэли Никсон — Кеннеди, она, конечно, не решила всего. Близился финал.

Глава седьмая. Мы сделали это!

1

Матерые «оракулы» предрекали победу Никсону.

Однако бывает, что доверие к прогнозам самых опытных знатоков вдруг возьмет да и пошатнет всего одна какая-нибудь фраза. Так и вышло. На пресс-конференции президента Эйзенхауэра — ближайшего союзника и патрона Дика.

Его спросили: а правда, Никсон играл в правительстве такую большую роль, как он говорит? И что конкретно такого важного он сделал?

Вау! Лихой репортер журнала Time Чарльз Моор, что ты наделал!

Генерал поднял брови и бросил: «Надо недельку подумать. Может, что и вспомню».

Шок. Мог ли Айк сказать что-либо менее приятное о вице? Ну, может только, что он многоженец.

После он и Дик будут твердить, что генерал пошутил. Но это не помогало. СМИ все равно без устали цитировали эту его фразу в том смысле, что Айк де и не помнит, что Никсон делал в администрации. А демократы потешались над ним в телеролике, куда вставили эти слова.

В середине сентября Никсон вошел в полосу неудач. Дик обещал конвенту лично выступить во всех штатах. Но план оказался под угрозой срыва. В конце августа кандидат ушиб колено. В рану попала инфекция, и две недели ему кололи антибиотики. Тут не до поездок.

Выйдя из больницы, Никсон подтвердил свое намерение. Никто его за язык не тянул. Тем самым он помог Кеннеди — потратил кучу времени на места, где шансов на победу не имел вовсе или число голосов выборщиков не влияло на успех. И пока он два дня выступал на Аляске с ее тремя голосами, Кеннеди проехал ключевые Нью-Джерси, Огайо, Мичиган и Пенсильванию.

Не ошибся он, и пригласив Джонсона как кандидата в вице-президенты. Тот блестяще вел кампанию, развеивая недоверие к Джеку техасцев и вообще южан. В общем, был полезен.

Чего не скажешь о Лодже. Ну, зачем было заявлять, что после избрания Никсон пригласит в администрацию негра? Да, черный избиратель был важен, но он не поверил.

А консерваторов такие слова, да еще из уст республиканца, привели в ярость. Что было на руку Кеннеди.

В своем подходе Джек во многом исходил из того, что, адресуясь к эмоциям избирателей, следует помнить: люди умнее, чем о них думают советники и консультанты. Общение с ними — дело тонкое. Им не нужны посулы, рассчитанные на простаков. Надо прямо говорить о проблемах, которые касаются непосредственно их. Если это высокие налоги — о возможности (или невозможности) их снижения. Если безработица — о новых рабочих местах. Если расовый конфликт — о конфликте. Но так, чтоб люди видели: это не пустая предвыборная болтовня.

В Джорджии задержали Мартина Лютера Кинга. Никсон и Лодж как бы и не заметили этого. А Джек обзвонил видных политиков штата с просьбой добиться его освобождения. Позвонил он и жене и отцу Кинга, выразив им свое сожаление в связи с действиями полиции. Вот это было дело. Это произвело впечатление. И на выборах в округах с высоким процентом черных он сильно обошел Никсона в Нью-Джерси, Иллинойсе, Южной Каролине и Миссури.

* * *

И черные, и белые хорошо помнили 50-е. Рост благосостояния, потребительских возможностей и ожиданий. Это очень поднимало рейтинг Эйзенхауэра (даже в день выборов 1960 года он составил 60–65 %). Никсон мог отлично сыграть на этом, «склеив» свой образ с образом Айка, но не сумел. Бренд «Дик» оказался куда слабее бренда «Айк».

Кеннеди же не столько критиковал просчеты генерала, сколько указывал на вызовы будущего и на готовность к адекватному ответу. Он говорил: у «слонов» его нет. А у меня есть!

Впервые итоги опросов, предвещавшие победу, он увидел за две недели до финала. Пить шампанское было рано, но уже можно было класть его на лед. Ребята устроили утечку в сторону элит. И — вот дела! — «похоже, Кеннеди — фаворит», — изрекли «оракулы».

Но Никсон не сдавался. В его резерве был супер-танк. За десять дней до выборов в турне отправился сам Эйзенхауэр. И не без успеха! Соотношение стало крайне зыбким: серьезные социологи, обозреватели и политики ушли в тень и ждали. Кампания достигла пика в финале, когда избиратель пришел на участки. Ведь известно: там он принимает решение. Не всегда, но часто.

Их оставалось только двое — неуверенных избирателей — из двенадцати жителей селения Харте Локейшн, что стоит на самом краю Нью-Гемпшира и голосует первым в Америке.

Пятеро — за Никсона, пятеро — за Кеннеди. А эта парочка неопределившихся… Накануне люди Джека вновь обошли все дома. Вручили всем фото с подписью. Особую чуткость проявили к неуверенным. Ведь итоги выборов в Харте Локейшн — это первое, о чем, раскрыв утром газету, узнают тысячи избирателей. И надо, чтоб цифры были в пользу Кеннеди.

Меж тем, начиная с самого утра, час за часом, голосуют все новые и новые миллионы. Впереди Никсон. Но Кеннеди не волнуется. Республиканцы в день выборов утром лидируют всегда. Но кончается трудовой день. Рабочий идет домой. И голосует. По пути или после ужина. И в корне меняет картину. Такова мощь трудовой Америки.

Ну а Кеннеди пока что едет в Бостонскую публичную библиотеку. Голосовать.

Рядом с ним Джеки. Без пятнадцати девять они расписываются в регистрационной книге. Он бережно ведет беременную жену под руку, оберегая от толчков, — вокруг толпятся репортеры. Джон скрывается в кабинке для голосования. За кого он голосовал? Это секрет[120]. После краткой съемки снова — все по машинам. В первой — фотографы, во второй — сам, в третьей — охрана, следом — автобусы с прессой. Он не спеша идет по трапу. Синее пальто внакидку, серый костюм. Ветер треплет волосы. У входа оборачивается. Все ждут его обычного приветственного жеста — взмаха высоко поднятой руки. Но его нет. Тысячи рукопожатий на время превратили руку в плеть.

Через 25 минут он в Хианнис-Порте.

Следом спешат сотрудники и корреспонденты. Для них готовили пресс-центр в местном арсенале национальной гвардии — вынесли зенитную установку, установили 100 телефонов и 50 телетайпов, внесли телевизоры и скамьи. В это время корреспонденты из пула Никсона, посматривая на экраны, нежились в мягких креслах обширных холлов отеля «Амбассадор». Многие репортеры следовали за Джеком все 44 000 миль[121] кампании. Но теперь полиция тактично отделила их от машины кандидата.

В поместье его сопровождал эскорт местных политиков. За окном неслась в багрец и золото одетая Новая Англия. Джек глядел на могучие вязы, дубы и клены.

— Если я проиграю, померкнет ли этот осенний свет? Угаснет ли пламя листвы? Нет.

Мир останется как прежде прекрасным. Изменимся только мы…

«Впрочем, если я выиграю, — думал он, — мы тоже изменимся. И куда больше».

Он нервничал и тревожился. Последний, решающий день кампании вымотал его. Но на людях — перед прессой, коллегами и даже близкими он должен быть как всегда — собранным и спокойным. И, если можно, — исполненным шутливого дружелюбия.

О нем не должны написать, что он на миг утратил самоконтроль. Он владеет собой. Всегда.

Завтракали у Джо. С минуты на минуту ждали Пат, Юнис, Джин и Стива. А так все были здесь — Джон и Джеки, Джо и Роуз, Бобби с Этель, Эдвард и Джоан, зять Питер Лоуфорд. Разговор не клеился. План Джо никогда еще не был так близок к успеху. До плана Джека было еще далеко.

Он хотел побыть один. Поцеловал мать и ушел к себе. Присел на ступеньку своего крыльца, подставив лицо солнцу. Снижался самолет газетчиков — снимать. Подумалось: вот изберут — и ни одного летуна не подпустят и на тысячу футов. А то все снимают-снимают, летают-летают…

Стоп! Он забыл в самолете мешок с подарками для дочки! Бред какой. Надо послать за ним. Там есть такой смешной медведь! Такие чудные игрушки.

«А интересно: если меня изберут — она поймет что случилось? Точнее — что я сделал… Ведь Кеннеди — не из тех, с кем что-то случается…» Во всяком случае, так он думал тогда…

3

В полдень нагрянули фотографы. Засверкали блицами. Превратили лужайку в бедлам. Потом доставили забытые подарки Кэролайн. Господи, как она рада, детка-конфетка, как возится с пушистым слоном… А он-то, слон-то — больше нее, красавицы. Джон вывел дочку на крыльцо. И тут явились братья с футбольным мячом. Такие ребята — им все нипочем. Пас. Рывок. Тачдаун[122]!

Быстро пообедал с Джеки. Вышел в толстом свитере, ворот рубахи наружу, спортивные туфли (правый сияет, левый — в пыли). Отправился на «командный пункт» — в доме Бобби поставили 30 телефонов и 4 телетайпа[123], соединили с

Национальными комитетами партий и штабом Никсона, разместили операторов для обработки итогов. А с ними был сумбур — цифры сменяли друг друга в таком темпе, что о выводах пока и речи не шло.

Позвонил Джону Бейли в Коннектикут. Никакой ясности. Но скорее, хорошо, чем плохо. Набрал Джонсона, тот бросил: «Похоже, ты продул в Огайо!.. Но мы берем Пенсильванию!..»

Вечерело. Пришли цифры из Новой Англии и со Среднего Запада. И вдруг: компьютеры национального пресс-центра предсказали успех Никсона. Джек досадливо бросил: технологии… Сразу стали названивать журналисты, раздобывшие номера «командного пункта». No comments! Тем более что, похоже, плохи наши дела в Калифорнии. В Огайо хаос. В Висконсине тоже.

Джек сел перед «ящиком». На всех каналах — вести с участков. И все — не такие, как у него.

Но — поздно метаться. Надо молиться. В остальном он сделал все, что мог. Теперь все зависело от американцев — от их решения. Ну и, быть может, от хитроумия иных деятелей вроде чикагского мэра Дэйли, боссов мафии Сэма Джанканы и Джонни Роселли, а также их партнеров в профсоюзах… Так, во всяком случае, писали иные биографы. Однако если они и могли повлиять на ситуацию в отдельных городах, то решающее слово все равно оставалось за народом.

В четыре закроют участки в Теннесси. Потом — в Алабаме, Кентукки и Мэне. Придет черед Миссисипи, Оклахомы, обеих Каролин и пресловутого Огайо. Теперь мегаполисы — Филадельфия, Чикаго, Нью-Йорк. И промышленные зоны — Мичиган, Иллинойс, Пенсильвания.

Картина маслом: кандидат лицом к лицу с демократией.

А лицо ее переменчиво. Бывало и так, что общее число голосов, полученных победителем на выборах, было меньше, чем у соперника, но количество полученных им голосов в Коллегии выборщиков перевешивало. И он въезжал в Белый дом.

Но это — лишь возможность. Надо ждать. Просто ждать. Но, Боже, как же это не просто!

«Спокойно, — думал Джек, — спокойно. Я дома, с близкими, владею собой. Но кто в это время владеет мной? Вопрос-то вроде пустой. Он же всегда с тобой… И все же… Разве цель — в тысячах голосов и хвалебных слов? Они — задача.

Цель же сияет над радиомачтами и цехами заводов. Над ракетными шахтами и трассами нефтепроводов. Над коттеджей рядами, небоскребов столпами, мостами, крестами и полицейскими постами. Над алчностью и тщеславием. Над

кострами Линча и грохотом револьверов. Цель там, где смыслы и озарения, идеалы и вера. Цель там, где самое сокровенное и драгоценное — за что ты жизнь отдашь».

4

В Кэмпбелл-каунти, штат Кентукки, всегда голосовали за победителей. То есть издавна подмечено: за кого Кэмпбеллы, тот и президент. И вот — итог (пусть и промежуточный): там за Кеннеди — 56 % (5300 голоса), за Никсона — 44 % (4100). В 56-м Айк взял там 64 %…[124]

Меж тем в штабе волновались. Экзит-поллы[125] показывали: Никсон с отрывом в 40–60 % лидирует в Канзасе. А этот штат — индикатор электоральных предпочтений аграрных штатов.

Тут позвонил Бейли: в Коннектикуте Джек впереди на 60 000 голосов. Позвонил снова: уже на 100 000. И еще раз: все ж таки на 90 000.

Застучал телетайп. На проводе Пенн-стейт[126]: разница между Кеннеди и Никсоном в Филадельфии — 300 000. Кандидат закурил «Гавану Роял». А возбужденный Питер Лоуфорд доставлял обработчикам все новые и новые цифры. Они сидели на втором этаже. В детской спальне. Там мудрил Лу Харрис. И его хмурое лицо постепенно светлело. Певец Мортон Дауни раздавал сандвичи и «колу». Сестры щебетали — будто решалась не судьба старшего брата и дело жизни отца, а итоги теннисной партии, а на трибунах все уже болтают в ожидании партии. Джек сунул окурок в пепельницу и велел смешать дайкири. Выпил и вышел к ужину.

Все были в приподнятом, чуть нервозном настроении. Но беседа не клеилась. Он отчего-то вспомнил Льюистоун, штат Мэн. Они туда прилетели в два ночи и катили по темным улицам, безжизненным в свете фар. Въехали в парк, а там… Там его ждали 15 000 человек. Его 15 000.

Раз заехали в глубинку. И на перекрестке увидели тех — в черном. Всю семью. Джек решил: они приветствуют его, и велел тормозить, но муж отвернулся, а миссис показала язык…

Что-то покажет ему сегодня судьба?

У телевизора сели Джек, Джеки, Бобби, Сэлинджер и Соренсен. Кеннеди следил за их лицами. Если он победит, завтра каждый из них станет другим. Большим человеком. А если проиграет? Неизвестно. Не предскажешь, как поведут себя даже близкие. Тот же Лоуфорд. Но он знал: рядом останутся те, на кого он может положиться. Семья. Клан. Кеннеди.

Поступали данные из центров индустрии. Дела шли все лучше. Рабочий класс не подвел. А когда из Чикаго сообщили какие-то уж и вовсе сокрушительно победные цифры — Жаклин обняла его: «Ты — президент!», а он: «Тише, тише… рано, рано…».

К полуночи у него был 241 голос выборщиков из нужных 269. Но он уже взял почти все, что мог: Северо-Запад и Юг. Где же они? Где — эти проклятые 30 голосов?!

Вбегает Лоуфорд. Телеграмма! Телеграмма!

— Что такое? От кого?

— От Эйзенхауэра. Поздравляет с победой!

— Они что там — рехнулись? Пьер, набери старика.

Ответил пресс-атташе Джеймс Хаггерти: «Пардон, ребята, мои орлы заготовили два текста: один — на случай поражения, другой — победы. И один шибко нервный взял да и послал поздравление. Все на взводе. Сами понимаете».

— Молоко! Есть в доме молоко? — почти крикнул Джек. Молчание. Все у ТВ. На экране Дик и Пэт. Не тянет она на первую леди. Никсон поднимает руки — знаменитый жест Эйзенхауэра.

В зале шум: «Мы хотим Никсона! Никсона давай!»

Тот благодарит. Но кампания еще не окончена. Осталось несколько часов. Хорошо держится, сукин сын. А вот у Пэт улыбка кривая. Похоже, она едва стоит на ногах. Облизывает губы. Лицо подергивается. А это что? Слеза? Да. Непрошеная слеза оставляет след на ее гриме. Крупный план. Но Пэт уже справилась с чувствами. Из последних сил.

— Если победит Кеннеди, — говорит Никсон, — я поддержу его. А вам большое спасибо!

— Ишь — трепыхается, — усмехнулся Бобби.

— А почему он должен сдаваться? — говорит Кеннеди. — Я бы не стал.

— Джек, молока нет. — Соренсен проверил холодильник. — Только пиво.

В телевизоре Дик обнимает жену за талию и ведет к выходу. На экране плакаты «Хотим Никсона».

5

Финал сыграли в диком темпе. Кандидаты до капли выжали себя и своих людей. Кончалось все: и борьба, и силы (правая рука Дика вспухла от рукопожатий, у Джека висела плетью), и деньги (Никсон получил их куда больше, чем Кеннеди[127]. Но спонсоры не забывали и Джона (ведь это важно — иметь возможность при

любом раскладе сказать: это я ему помог).

Никсон подчеркивал свой опыт службы в Белом доме, указывая, что Кеннеди его не хватает — слишком молод. «Америка, — говорил Дик, — не может использовать Белый дом как тренировочную площадку, где кто-то набирается опыта за счет Соединенных Штатов…».

Кеннеди отвечал: «Белому дому нужны молодая сила, здоровье и энергия. Со дня моего рождения сменилось семь президентов, и четверо из них были больны, что, по крайней мере, частично мешало им работать. А избиратель имеет право на уверенность в том, что сила и энергия не оставят президента все четыре, а то и восемь лет его пребывания на посту».

Его критика нередко звучала и острее, и резче.

7 ноября он «сделал» Никсона, что называется, по полной программе.

Накануне выборов, выступая в переполненном дворце спорта «Бостон гарден», Кеннеди заявил: «Мой соперник напоминает символ его партии — циркового слона. Они бегут по арене, ухватив хоботом хвост того, что впереди… В 1952 и 1956 годах мистер Никсон крепко ухватился за мистера Эйзенхауэра. Но сейчас перед народом не Эйзенхауэр, а Никсон. И вопрос в том, хочет ли народ идти за ним и его партией, которая никогда не выступала за развитие?

Когда я сказал, что не помню, что они за сто лет сделали для страны… их газета написала: президент Тафт запретил детский труд. В начале века. Да. Но чем они занимались с тех пор?»

В последний вечер перед голосованием он обрушился на Никсона: «Сила коммунистов — не в Хрущеве. А в готовности к борьбе. Меж тем вице-президент твердит о визитах доброй воли… Но только мало знающий человек может надеяться примирить две могучих силы дебатами. Сейчас в Америке состязаются те, кто привык к покою — с теми, кто думает о будущем. Те, кто верит в кривую, что вывезет, и в течение, что вынесет, — с теми, кто ведет страну в шестидесятые!

Вице-президент говорит, что, выиграв выборы, полетит в Восточную Европу…

Я полечу в Вашингтон. Ибо там — рабочее место президента».

Именно так — себя и демократов видел Кеннеди вождями новой эпохи.

И его лидерство влекло партию вперед. Не случайно ему помогало столько добровольцев. И работали они отлично. Но он хотел воодушевить не только сторонников, но всю Америку.

В этом была вторая по важности задача: разбудить инициативу, одолеть пассивность и страх, побудить людей жить интересами страны. Ради этого было все: перелеты, речи, дебаты, критика, внешняя политика, социальная и другие программы.

Но силы были на исходе. Джека валила с ног усталость и страшные боли в спине.

Но ему помогли — отыскали целителя. Макса Якобсона по прозвищу Доктор-Здоровье. Нет, он не был колдуном и экстрасенсом, имел диплом, лицензию врача и официальную практику. Но как бы это сказать? Не боялся экспериментов. И в ходе своих опытов нашел волшебное снадобье — панацею, эликсир, живую воду. Точнее — смесь. Точный состав ее не описан. Но известно: туда входил амфетамин. А экзотические вытяжки и овечья плацента служили гарниром. Лекарство работало. Помогало забыть о боли и одолеть усталость. Его употребляли и друзья Джона Чак Сполдинг и Стас Радзивилл — муж сестры Джеки, польский князь, сделавший деньги на недвижимости и работавший в ходе кампании с лидерами польской диаспоры. Говорят, это они познакомили Джека с Максом в канун дебатов и тогда же он сделал первые инъекции.

Амфетамин считали не наркотиком, а волшебным снадобьем: бодрящим и расслабляющим.

А это было нужно во время кампании. Вот и сейчас около четырех пополуночи, едва показали цифры: Никсон — 49 %, Кеннеди — 51 %, Джек ушел спать.

На лужайке уже стояли теле- и кинокамеры, операторы и комментаторы.

Ждали Кеннеди. А вышел Сэлинджер.

— Он выступит в десять утра. До того никаких заявлений.

— Что делает Кеннеди?

— Спит, полагаю.

— Как вы считаете — он выиграл выборы?

— Никаких стейтментов до десяти утра.

— И все же?..

— Сенатор ушел спать с надеждой.

4.15 утра. Он знает: 265 голосов выборщиков в кармане у Джека. Ему с трудом удается сдержать так и рвущееся наружу торжество.

7

В Америке есть место, где никогда не спят — Секретная служба — система охраны президентов и их близких. Не спали и

в эту ночь. Шеф Урбанус Е. Бауман смотрел телевизор. Ждал итогов. Ведь его ребята должны приступить к обязанностям строго в тот момент, когда официально объявят имя нового главы государства.

Агенты — две группы по шестнадцать человек в каждой — были готовы занять позиции.

Мистер Бауман включил телевизор в 7.30 по Вашингтонскому времени.

На экране были цифры:

Никсон — 50 %.

Кеннеди — 50 %.

На часах: 8.55. На экране: Никсон — 47 %; Кеннеди — 53 %.

О! В телевизоре Никсон. Голосует. С ним Пэт. Они устали и осунулись. А вот Кеннеди.

Выглядит не лучше. Заходит в кабинку. Потом берет под руку беременную Жаклин и исчезает.

А это кто — в кольце репортеров на фоне «Уолдорф-Астории»? А-а-а, президент Гувер!

— Никсон будет в Белом доме?

— Я не гадалка…

Бауман — седеющий, спокойный, усталый с интересом наблюдал политическое шоу. Любопытно же, кого охраняем.

9 вечера: Никсон впереди в 22-х штатах, Кеннеди в 19-ти.

А вот и старейший избиратель страны — мистер Шоулендер из Северной Дакоты. С бюллетенем в дрожащей руке желает будущему президенту дожить до его возраста — 105

11.00 — час, когда, по словам знатоков, вдали уже брезжат контуры будущего шефа.

Никсон — 46 %.

Кеннеди — 54 %.

В полночь у Джека перевес в 2 000 000 голосов.

1.15 — по процентам у Дика — 47, у Джека — 53.

На экране какой-то ухарь объявляет, что победа Кеннеди стала бы славным подарком сестре его жены. Ее зовут Ли. Она красавица. И замужем за успешным дельцом из рода Радзивиллов — это, леди и джентльмены, такие польские князья. Так вот, господа! Ли беременна! Как и ее сестра, что родит буквально в ближайшие часы.

— Мадам, что вы думаете по этому поводу?

Какая-то грымза поправляет фиолетовые кудри: это потрясающе!

— А знаете ли вы, — продолжает болтун, — что в штате Нью-Йорк есть город Кеннеди? И большинство его жителей голосовали за Никсона! А в Нью-Джерси есть город Никсон! И — вот умора —

там большинство за Кеннеди. Но внимание, внимание! Последние новости! Подсчитано 62 % голосов. И что там у нас? Кеннеди лидирует в 25 штатах. Никсон — в таком же количестве. В половине третьего у него — 48 %, у Джека — 52.

Кажется, леди и джентльмены, они у финишной черты!

На экране Лодж: «Хочу поздравить господина Кеннеди. Он уже избран. Это очевидно. Мы все должны поддержать его. Ничто так не обрадует коммунистов, как разделенная Америка».

— Вот это в точку, — думает Бауман. — С чего бы нам радовать красных?

5.35 — подсчитаны голоса в Мичигане. Кеннеди!

Урбанус Е. Бауман снимает трубку. Набирает номер отеля «Холидей Хит Инн» в Хианнис-Порте. Отвечает инспектор Беррелл Петерсен. Он уже знал, кого охраняет. И ждал приказа.

А вот и он…

Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy, Kennedy for me!

Часть IV. Далее — везде…

Глава первая. Посвящение

1

Первый лимузин кортежа медленно отъехал от Капитолия. Следом двинулись остальные. Вдруг президент встал и обнажил голову.

Немногие это заметили — думали, это часть церемониала. Однако — нет. Джек сделал это перед человеком, на которого в этот день публика не слишком обращала внимание. Перед тем, кто, увидев его, с легким поклоном приподнял цилиндр. Перед отцом. Впервые в жизни Джо так приветствовал кого-то из детей. Но Джек заслужил.

Под радостные крики вашингтонцев и гостей столицы по улицам в праздничном убранстве кавалькада роскошных машин двинулась к Белому дому.

* * *

— Я, Джон Фицджеральд Кеннеди, торжественно клянусь, что буду честно выполнять обязанности Президента Соединенных Штатов и делать все, что в моих силах, чтобы поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединенных Штатов.

Эту клятву, впервые данную Джорджем Вашингтоном и никогда не менявшуюся, Джон Кеннеди произнес с непокрытой головой, стоя в двадцатиградусный мороз на ледяном ветру на трибуне в восточном портике здания Конгресса. Большой день демократии — Democracy's Big Day, как называют в США день вступления в должность президента, — настал.

Джек положил руку на святую книгу своей семьи — фамильную Библию — и произнес:

«И да поможет мне Бог».

В жизни он прошел через много оваций. Но эти рукоплескания были самыми ценными, самыми дорогими — ему аплодировал Вашингтон. Ему аплодировали Соединенные Штаты. Ему аплодировал клан. И главное — ему хлопал отец. Мечта исполнилась. План был воплощен в жизнь.

Кеннеди встали у государственного руля Америки, к чему стремились столько лет.

* * *

Инаугурация — введение[128] в должность президента США — важнейшая ритуальная процедура. Впервые эта церемония прошла 30 апреля 1789 года в Нью-Йорке (Вашингтон еще не был построен). Объявление итогов первых президентских выборов (на них победил Джордж Вашингтон) и инаугурацию главы государства сперва назначили на март[129]. Но из-за непогоды и распутицы ряд членов Конгресса не успели прибыть в Нью-Йорк, где подсчитывали голоса выборщиков. И церемонию перенесли на апрель. И вскоре страна узнала, что «Достопочтенный Джордж Вашингтон единогласно избран президентом, а Джон Адамс — вице-президентом Соединенных Штатов Америки». Новость дошла до Вашингтона лишь через несколько дней.

Но как, размышляли конгрессмены, обращаться к первому президенту? Джон Адамс предлагал «Его Всемилостивейшее Величество», но народные представители выбрали более демократичную версию — «Президент Соединенных Штатов».

И вот, под звон колоколов и залпы батарей Вашингтон проследовал в здание, где заседал Конгресс, и, держа левую руку на Библии, произнес слова, записанные в Конституции, — в точности те же, что и Кеннеди[130]. Приняв присягу, президент сказал слова, которых в конституции не было, но которые с тех пор говорили все президенты: «И да поможет мне Бог».

После этого президент обретает полномочия главы государства.

Через год, в 1790-м, была основана особая административная единица, где задумали возвести новую столицу страны — Федеральный округ Колумбия. Американцы считали, что не следует размещать столицу в городе, расположенном на территории одного из штатов, чтоб не ущемить права прочих членов федерации. За тем и основали специальную территорию с особым статусом, на земле, что предоставили штаты Мэриленд и Вирджиния. А в ней — город Вашингтон.

Кстати: конгрессмены, жалуясь на бездорожье, переезжать в него не спешили. Но дороги исправили и с тех пор постоянно улучшали, а законодатели переместились в новую столицу и в специально для них построенный Капитолий — гордость нации.

Первым в новой столице принес присягу Томас Джефферсон. Это было в 1801 году. Тогда же в газете впервые напечатали инаугурационную речь. Он выигрывал выборы дважды, дважды проходил обряд и дважды вносил в него нечто от себя — в первый раз пешком прошел от дома[131] до Холма, а через четыре года проехал тот же маршрут верхом. Но уже из Белого дома.

Возвращался он под оркестр и мерный шаг отряда моряков. С тех пор инаугурации завершаются парадом и концертом.

Дату церемонии не меняли до 1937 года, когда Рузвельт вторично вступал в должность. Все изменило принятие 20-й Поправки к Конституции. Она гласила, что президент получает власть 20 января. Так сократили промежуток между днем выборов и введением президента в должность.

Перед церемонией он пошел в епископальную церковь Иоанна Крестителя. Туда же отправился Трумэн. С тех пор всякий раз новые президенты посещали разные храмы согласно своей принадлежности к той или иной конгрегации. Так с Рузвельта пошла и традиция стоять перед инаугурацией утреннюю службу. Кеннеди пошел в храм Пресвятой Троицы в Джорджтауне.

2

В церковь он отбыл после завтрака в библиотеке с Жаклин. За окном — мороз и солнце, день чудесный. Перед ним апельсиновый сок, стопка бекона, яйца-пашот, тост, джем, кофе. У Джеки — то же плюс молоко без жира и мед.

Церемония требовала особой одежды. Так, вступающему в должность были обязательны визитка и цилиндр. Об этом накануне ему напомнил один из старейших сенаторов Карл Гэйден: «Хочу, чтоб он выглядел как настоящий президент». А уж Гэйден за свои восемьдесят четыре года видел президентов немало. У супруги президента выбор одежды был свободней.

Сначала по обычаю чета отправилась в Белый дом. В 11.03 Кеннеди были там, чтобы дальше проследовать с уходящим главой государства и его женой. Незадолго до того самый молодой президент Кеннеди и самый пожилой — Эйзенхауэр завтракали вместе. И опытный Айк понял: в Белый дом пришел не мальчишка, а зрелый политик, причем не похожий на прежних. А Кеннеди увидел, что перед ним не старикан-с-клюшкой-для-гольфа — а проницательный и мудрый государственный муж. Время которого вышло.

— Это важно — уметь уходить. — подумал он. — Уходить красиво. С честью.

Так уходил Эйзенхауэр. А Кеннеди заехали за ним и его супругой Мэйми. Этот день — единственный, когда в стране, по крайней мере, формально, сразу два президента.

Генерал радушно приветствовал Джона и Жаклин, пригласил на кофе. Мэйми и Джеки чинно поздоровались. Холода в атмосферу добавила и жена Никсона Пат, которая тоже была за

столом, но как бы и не заметила севшую рядом Джеки.

Но — пора по машинам. В первый лимузин сели президенты — уходящий и новый. В следующей — жены. С ними — сенатор Стайлс Бриджес глава Инаугурационного комитета. Тертый калач, он сделал вид, что не расслышал обращенный к нему веселый шепоток Мэйми: «Он выглядит типичным ирландцем в цилиндре». И Джеки пропустила шпильку мимо ушей, хотя отлично слышала. Ей было все равно. Старая генеральша может язвить сколько угодно. Она уходит. А Джеки — пришла. Первая леди.

* * *

Счастлива она была безмерно. Но, взяв себя в руки, выбрала отличный туалет: простое, но удивительно элегантное пальто с воротником-стойкой из собольего меха, светло-бежевое, с большими пуговицами. И — в тон пальто — шляпку без полей. Меховая муфта и темные туфли на шпильке (после — сапожки) подчеркивали белоснежность одежды. Все чудно гармонировало с морозной и снежной, но все же, порой, ясной погодой; с солнечной прической и улыбкой мужа.

* * *

Тогда же из дома, арендованного на дни торжеств, отбывают Джо-старший и члены клана. Но снег валит не переставая, всюду сугробы, улица во льду, и не привыкшие к этому шоферы никак не могут тронуться. Моторы ревут, скаты скользят, машины дымят, но толку нет!

То, что в Бостоне — просто снег, в Вашингтоне — разгул стихии. Так что, как говорится, ни тпру — ни ну. И вот Джо в щегольских туфлях, пальто и цилиндре, по колено в снегу, командует: руль правее! Не газуй — трогайся спокойно! Сдай назад! А теперь, не спеша, чуть-чуть газку… О! Тронулся… Нет. Ну, и водила…

Стали толкать! Брат Тэдди не успел прийти на помощь — напор отца сдвинул машину с места. Так же отправили и другие. И все шестнадцать членов клана прибыли во время.

* * *

Не опоздали и главные лица. Джек в машине — справа, Айк — слева. В темных пальто и высоких шляпах, они отнюдь не были похожи. Капитолий. Лестница. Трибуна для самых-самых. По обе стороны Айка — Джеки и Джон. Сейчас начнется.

Вот присягает Линдон. Он чуть путается, произнося присягу.

Затем председатель Верховного суда Эрл Уоррен в мантии и с непокрытой головой приводит к присяге Джека под взглядами конгрессменов, сенаторов и других важных гостей.

— Я, Джон Фицджеральд Кеннеди, торжественно клянусь…

«Смотрят, — подумал Кеннеди, — ждут, что будет. А ведь половина из них еще позавчера готова была меня сжевать вместе с башмаками. Но ничего. Ничего. Вот оно передо мной — сияющее будущее. Вот он — невыносимо прекрасный и яростный мир».

— …поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединенных Штатов.

Поздравляют. Жмут руку. Эйзенхауэр, Никсон, Трумэн. Рузвельт не дожил. Что бы сказал?

Ну, а теперь, дамы и господа…

3

Речь!

Позади напряжение кампании и подготовка к инаугурации. Впереди — обманчивый лед и крутой поворот. Причем — не один. Демократия — это вам не лобстера кушать. Это крупнейшая и мощнейшая страна Запада. Его цитадель. Ее гарнизон — народ США. А он — Джон Кеннеди — ее новый хранитель и полководец. И народ ждет его слова.

Шум затих. Он вышел на трибуну. Округлую, размещенную за балюстрадой, на которой сиял герб — белоголовый орлан с лавровой ветвью и стрелами в лапах. Джек встал у микрофона и выдержал паузу…

— Вице-президент Джонсон, господин спикер, господин председатель Верховного суда, президент Эйзенхауэр, вице-президент Никсон, президент Трумэн, преподобные отцы, сограждане! — голос прокатился над площадью, и десятки радиотрасляторов понесли его по миру. — Сегодня мы являемся свидетелями не победы партии, а торжества свободы, символизирующего конец, равно как и начало, знаменательных новшеств и перемен. Ныне я принес перед вами и всемогущим Богом ту же самую торжественную присягу, которую нам завещали отцы-основатели сто семьдесят пять лет назад.

Мир сейчас стал совсем иным. Человек держит в своих бренных руках силу, способную уничтожить все виды человеческой бедности и все виды человеческой жизни. Однако на всем земном шаре по-прежнему актуальна та революционная вера, за которую сражались наши отцы, — вера в то, что права даруются человеку не щедротами государства, но Божьей дланью.

Сегодня нам нельзя забывать, что мы — наследники той первой революции. Пусть с этого места в это мгновение до друга и до врага долетит весть о том, что факел был передан новому поколению американцев, рожденных в этом столетии, закаленных войной, дисциплинированных трудным и горьким миром, гордящихся своим древним наследием и не желающих видеть или допускать постепенного уничтожения прав человека, которым всегда был предан наш народ и которым мы ныне преданы у себя в отечестве и во всем мире.

Пусть каждая страна, желает ли она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, пройдем через любое испытание, поддержим любого друга, воспрепятствуем любому врагу, утверждая жизнь и достижение свободы.

Мы торжественно обещаем это и не только это.

Старым союзникам, с которыми у нас общие культурные и духовные начала, мы обещаем верность истинных друзей. Объединившись, мы сможем свершить почти любое из множества совместных дел. Разъединенные, мы почти ничего не сумеем, ибо не осмелимся принять могучий вызов, оставаясь порознь.

Тем новым государствам, которые мы приветствуем в рядах свободных, мы даем слово, что одна форма господства — колониальная — отброшена не для того, чтобы смениться еще худшей — железной тиранией. Мы не станем ждать от этих государств постоянной поддержки нашей точки зрения. Но мы всегда будем надеяться, что они твердо поддерживают собственную свободу и помнят, как в прошлом глупцы, старавшиеся показать силу, проехавшись верхом на тигре, в конце концов, оказывались у него в желудке.

Тем народам, которые по всей Земле, в хижинах и деревнях, борются, разрывая оковы массовой нищеты, мы обещаем всеми силами помогать обеспечивать себя самим, сколько бы времени на это ни понадобилось, и будем делать так не потому, что это могут сделать коммунисты, и не потому, что ищем их благосклонности, а ради справедливости. Если свободное общество не способно помочь множеству бедняков, оно не убережет и немногих богатых.

Братским республикам к югу от наших границ мы… обещаем

претворить добрые слова в добрые дела, объединиться в новый союз во имя прогресса, чтобы помочь свободным людям и свободной власти сбросить оковы бедности. Но эта обнадеживающая мирная революция не должна стать добычей враждебных сил. Пусть все наши соседи знают, что мы присоединимся к ним для отпора агрессии и подрывной деятельности в любом месте обеих Америк. И пусть любая другая держава знает, что наше полушарие намерено оставаться хозяином в собственном доме.

Всемирной ассамблее суверенных государств, Организации Объединенных Наций, последней надежде на лучшее в наш век, когда орудия войны значительно совершеннее орудий мира, мы вновь обещаем поддержку, чтобы эта организация не превратилась в форум для инвектив, чтобы она укрепила свой щит, ограждая молодые и слабые государства, чтобы она расширила сферу действия своих предписаний. Наконец, к тем странам, которые пожелают стать нашим противником, мы обращаемся не с обещанием, а с предложением: обеим сторонам следует заново начать поиски мира, прежде чем темные разрушительные силы, высвобожденные наукой, поглотят человечество в предумышленном или случайном самоуничтожении.

Мы не рискнем искушать их слабостью. Ведь только располагая безусловно достаточным вооружением, мы можем быть безусловно уверены, что оно никогда не будет использовано.

Но две великие и могучие группы стран не могут быть также удовлетворены и нынешним курсом, когда обе стороны чрезмерно обременены расходами на современные вооружения, обе справедливо обеспокоены неуклонным распространением смертоносного атома и тем не менее обе спешат изменить это страшное неустойчивое равновесие, задерживающее наступление часа последней войны человечества.

Так начнем же заново, притом, что обе стороны будут помнить, что вежливость никогда не является признаком слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Давайте не будем договариваться из страха. Но давайте не будем страшиться переговоров.

Пусть обе стороны выяснят, какие проблемы нас объединяют, вместо того чтобы твердить о разъединяющих нас проблемах.

Пусть обе стороны впервые сформулируют серьезные и конкретные предложения по инспектированию и контролю над вооружениями, чтобы абсолютную власть, направленную на уничтожение других стран, поставить под абсолютный контроль всех государств.

Пусть обе стороны творят чудеса, а не ужасы науки. Будем вместе изучать звезды, покорять пустыни, искоренять болезни, измерять глубины океана, поощрять искусства и торговлю.

Пусть обе стороны объединятся, чтобы донести во все уголки Земли завет Исаии: «Развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу».

И если передовой отряд взаимодействия сумеет пробиться сквозь дебри подозрительности, пусть обе стороны объединятся в попытке создания не нового баланса сил, а нового мира, где царит закон, где сильный справедлив, а слабый в безопасности, где сохраняется мир.

Всего этого не завершить за первые сто дней. Не завершить этого ни за первую тысячу дней, ни за жизнь этой администрации, а может быть, даже ни за нашу жизнь на планете. Но давайте начнем.

В конечном счете, успех или провал нашего курса будет не столько в моих руках, сколько в ваших, мои сограждане. С момента основания нашей страны от каждого поколения американцев требовалось засвидетельствовать национальную верность. Могилы молодых американцев, откликнувшихся на призыв к службе, раскинулись по всему земному шару.

Ныне труба вновь зовет нас. Она не требует браться за оружие, хотя оружие нам необходимо, не требует идти в бой, хотя мы строимся в боевые порядки, а призывает год за годом нести тяготы долгой мрачной борьбы, «радуясь надежде, терпя горести», борьбы против общих врагов человека: тирании, бедности, болезней и самой войны.

Сможем ли мы противопоставить этим врагам великий всемирный союз Севера и Юга, Востока и Запада, способный обеспечить всему человечеству более плодотворную жизнь?

Примете ли вы участие в этой исторической попытке?

В долгой мировой истории лишь немногим поколениям в час величайшей опасности была дарована роль защитников свободы. Я не уклоняюсь от такой ответственности — я ее приветствую.

Я не верю, что кто-то из нас согласился бы поменяться местами с любым другим народом, с любым другим поколением. Энергия, вера, преданность, с которыми мы беремся за эту попытку, озарят нашу страну, всех, кто служит ей; отблеск этого пламени поистине может озарить весь мир.

Поэтому, дорогие американцы, спрашивайте не о том, что страна может сделать для вас, — спрашивайте: что вы можете сделать для своей страны.

Дорогие сограждане мира, спрашивайте не о том, что Америка сделает для вас, — спросите, что все мы вместе можем

сделать для свободы человека.

Наконец, кто бы вы ни были — граждане Америки или других стран, — требуйте от нас столь же высоких образцов силы и жертвенности, каких мы требуем от вас. С чистой совестью, нашим единственным несомненным вознаграждением после окончательного суда истории над нашими поступками, пойдем вперед, направляя любимую страну, прося Его благословения и Его помощи, но зная, что здесь, на Земле, дело Божие поистине должно быть нашим делом.

Он не слышал аплодисментов. Оглядел площадь. Где он? И где был в эти минуты? Перед лицом мира? Или перед другим лицом? Надел пальто (сбросил, чтоб не стесняло жесты). Понял, как замерз. Волосы трепал ледяной ветер бескрайних пространств истории и вечности…

Не много есть на свете речей, которые считают образцовыми. Эта — в их числе.

Макс Фридман написал в The Guardian: «Кеннеди говорил не только как лидер американцев, но как главный страж надежд свободных наций». Ему вторили «молитвы… мужчин и женщин всех стран, где факел свободы никогда не будет потушен тиранией».

4

Джек говорил 13 минут 59 секунд. И, как видим, успел наметить направления своей стратегии: служение стране и человечеству, вскоре воплощенная в Корпусе мира; сотрудничество с Южной Америкой, реализованное в «Союзе ради прогресса», штурм космоса вплоть до полета на Луну, который начали готовить ближе к концу его президентского срока.

Его наградили шквалом восторга. От него и его речи веяло юной, бодрой, свежей энергией, и теплом, желанным в этот морозный день. Страсть связала его со слушателями повсюду в Америке и мире, с их надеждами, проблемами, мечтами, верой в свои силы и в мощь государства. Но и с их обыденностью, ежедневными заботами и трудами.

И не последним в их череде были мир, свобода и потребость «поставить абсолютную власть, направленную на уничтожение других стран, под абсолютный контроль всех государств».

«…Спрашивайте не о том, что страна может сделать для вас, — спрашивайте, что вы можете сделать для страны». Сказал он. Обычно этот фрагмент переводят иначе: «…не спрашивайте, что…» и так далее. Здесь переводческий изыск, потворство стилю.

Но если следовать словам Джека и переводить именно их, то услышим не вразумление: не делайте, мол, того-то… А повеление: ask not what your country can do for you — ask what you can do for your country. О как. Повеление: спрашивайте, спрашивайте, спрашивайте себя: что вы можете сделать для страны!

И вы, уважаемые граждане мира. Спрашивайте не что Америка может сделать для вас, но что мы все можем сделать ради свободы. Спрашивайте себя. Часто. Спрашивайте… И находите ответ. В этом — путь гражданина.

Джек говорил хорошо. В английской версии выступления наряду с ритмом порой уловима и рифма! Ask not рифмуется с ask what…

Кеннеди чувствовал: сочетание ритма и внутренняя рифмовка, казалось бы, прозаических текстов, напечатанных или произносимых вслух, кодирует аудиторию. Особенно массовую. А тогда на площади у Капитолия собралось более 20 000 человек… Он знал: сейчас он совершает эпохальный акт. Верил: эта речь войдет в историю, как и он сам. Ее будут слушать годы спустя. Не зря, готовясь выступать, он поручил Соренсену изучить лучшие речи своих предшественников, плюс Геттисбергское обращение Линкольна. Тот изучил. А после они месте чеканили каждый жест и каждое слово. Как Линкольн для Геттисберга, они сводили короткие слова в краткие фразы.

— Не хочу, — сказал Джек, — чтоб люди сочли меня пустозвоном.

— Инаугурацию хотят перенести из-за снегопада, — сообщил Тэд.

— Нет. Я буду говорить завтра. Продолжим.

Утром текст был готов.

Джек не учил его наизусть. Не читал по бумажке (хоть и держал в кармане черновик).

Он знал, какие слова должен сказать людям и времени.

На глазах миллионов Америка обретала нового лидера. Нового не по счету, а по содержанию. Лидера, готового быть героем. И в то же время — служителем идеалов, которые он только что возвестил. Это сквозило в его речи. И он звал их с собой. Что ж, к битве «против тирании, бедности, болезней и самой войны» были готовы многие.

Его тонкие метафоры требуют глубокого понимания. «Пламя веры в свободу, озаряющее мир», «цепи нищеты», «чудеса и ужасы науки», «передовой отряд взаимодействия, пробивающийся сквозь дебри подозрительности» — он превращал поэзию в технологию, завораживая равнодушных и превращая в воодушевленных. Этой

же задаче служат ритм и мелодия, обращая речь в почти стихи или песню.

Американцы музыкальны. И торжественность гимнов столь же близка им, как энергия буги-вуги или тоска блюза. В старину викинги, по ряду сведений первыми открывшие Америку, верили, что стоит опытному скальду спеть молодому конунгу хвалебную песню драпу, описав в ней его грядущие подвиги, как он становился способен их совершить. Здесь скальд и конунг были в одном лице и пели хвалебную песнь себе, народу и их общей стране.

И песню Джека услышали.

Потому-то ее финал, славящий общее дело Божие, и вознес ее на пик восторга.

5

Но не обошлось и без настоящих певцов и подлинных скальдов.

А кем же еще предстал в тот день перед публикой знаменитейший, заслуженнейший патриарх литературы восьмидесятисемилетний поэт Роберт Фрост — единственный четырежды лауреат Пулитцеровской премии. Он написал для случая поэму «Посвящение», но не прочел — свет слепил глаза и Фрост не мог читать. И потому наизусть продекламировал «Вечный дар»:

…Землей мы обладали,
не принадлежа земле,
чуть больше сотни лет,
пока не отдали себя ей.
Вирджиния и Массачусетс были наши,
но сами мы — британцы, колонисты —
владели тем, чему мы не подвластны,
и состояли в подданстве чужом.
Владенье пестовало нашу слабость,
Пока не знали — кто мы, где мы, чьи мы,
И не могли отчизну обрести
в стране, где мы хозяйничали смело.
Отдавшись ей, мы обрели спасенье,
(Купив его немалым счетом жертв).
Бескрайние пространства, путь на Запад,
Целинный, невоспетый, безыскусный,
Каким ты был, таким ты и остался…

Один из духовных гуру американских либералов, веря в приход новой эры, сравнимой с эпохой Августа, объявил Вашингтон «великим Римом новейшего времени».

Гости наградили славного старца рукоплесканиями. Он оказался более чем к месту. Как и его непрочитанный стих, который, тем не менее, обрел национальную известность. Вот он.

Посвящение

Итак, сегодня мы приглашены
На главное событие страны.
Художники, искатели, творцы!
Призвали вас отечества отцы.
И я несу им сокровенный дар,
Тот, что хоть старомоден, но не стар —
Мой стих…
.
Да, новый строй годов, времен, эпох
Нам даровал миров создатель — Бог.
Отец наш всемогущий, Тот, в Кого
Мы веруем доныне одного.
О чем Ему зарок суровый дан
На той купюре, что всегда в карман
Подальше укрываем от греха.
В Него мы верим. Это — на века.
И это хорошо! — кивнул Творец.
У вас что ни герой — то молодец.
И Вашингтон, и славный Адамс Джон,
И Мэдисон, и Томас Джефферсон.
Они провозвестили всем краям
Свободы, что сегодня славлю я.
И вот теперь для множества людей
Основой стала ценность сих идей.
Свобода, право, суверенитет
Дороже их богатства в мире нет.
.
Отвага бодро веющих ветров
Нам ближе тупиков ненужных слов:
Всех этих «ну…», и «если…», да «кабы»…
Мы трусости презренной не рабы!
И славим дерзновенье тех, кто смог

Преодолеть лояльности порог,
Чтоб нам отваги профили явить[132]
Подобно барельефам. И открыть
Эпоху новую. И тут же утвердить
Здоровый образ жизни: спорт и труд
Отныне пусть к победам вас ведут.
.
Да! Днесь всем нам знамение дано,
Которым навсегда озарено
Начало славных дел — великий Рим
Мы здесь, друзья, бесстрашно возродим!
Настала эра Августа! Пусть в ней
Сольется власть с поэзией скорей![133]

Драпа. Ничего не скажешь.

Кроме, разве что, того, что прав был Норман Мейлер, назвав Кеннеди лучшим шоуменом американской политики. Он стал первым президентом, пригласившим на инаугурацию поэта.

Ну, а сменила его у микрофона чудная певица Мариан Андерсон.

6

NBC передала инаугурацию в цвете. Был выпущен посвященный ей киножурнал. Белый дом. А в Белом доме — самый молодой президент Америки. Кортеж в сопровождении мотоциклистов. Капитолий. Гости. А над ними, как бы защищая, — купол, осеняющий законотворцев страны. Присяга Джонсона. Присяга Кеннеди. Речь. Овация. Все встают.

Торжество в Зале скульптур, организованное Инаугурационным комитетом. Нарядные столы. Сияющая Жаклин. Счастливый Джек. Их проезд к Белому дому. Президент и первая леди — в открытой машине. Парад возглавляет оркестр в форме времен войны за независимость. Следом — части в форме разных эпох. Во главе солдат в синей и серой форме армий, сражавшихся в Гражданской войне, два флага: государственный — звездно-полосатый и красный со звездным Андреевским крестом — знамя Конфедерации. Несут знамена частей. Проходят представители родов войск. На особой платформе катер PT-109 — точь в точь такой, каким командовал Джон.

И вот президент в белой бабочке и Жаклин в белой накидке и

атласном платье от Олега Кассини и бриллиантовом колье (что с того, что взято на прокат у «Тиффани» — пускай потешится немножко) на ступенях Белого дома. Они открывают бал (один из шести устроенных в этот день). Роскошный концерт. На конферансе сам Фрэнк Синатра! А кто это рядом? Первая леди — Джеки прекрасная! А вот и юный конунг — лидер Америки. Джон Фицджеральд Кеннеди.

7

Теперь это был его дом. Белый.

Джеки на миг остановилась в колоннаде и, как ребенка, взяла его за подбородок. На фото видно, как он смущен и как изумлен идущий мимо джентльмен.

Папа Джо устроил праздник в отеле «Мэйфлауэр». Хозяйками были мама Роуз и Джанет Очинклосс — мама Жаклин. Они вместе встречали гостей, но Кеннеди сидели в одном конце зала, а Бювье и Очинклоссы — в другом. То же — на приеме в пять пополудни.

Джек сиял. Джеки лежала в постели.

Едва вступив в Белый дом, она, с трудом держась на ногах, ушла в спальню, легла на кровать Авраама Линкольна и поняла, что не может встать. Наряды и драгоценности были здесь — готовые служить ей, но силы покинули ее. Чуть больше месяца прошло с кесарева сечения — рождения Джона-младшего. Она была полностью вымотана. Позвали врача. Осмотр показал крайнее утомление. Первой леди дали пилюлю декседрина[134] и велели лежать. Обед ей подали в спальню.

А что же герой и триумфатор? Он обедал торжественно, чествуя «ирландскую мафию» и других ближайших сотрудников, что были рядом с ним в борьбе за цилиндр президента.

А потом отправился к жене с бутылкой шампанского.

— Ты сегодня как никогда прекрасна! — сказал он ей тем особым голосом, в котором звучала и скрытая страсть и величавая дерзость. — А платье? — он кивнул на шитый серебром и бриллиантами наряд, брошенный на оттоманку. — Милая, оно великолепно!

Какая же сила скрыта порой в словах президентов! Джеки потянулась и встала с постели.

Ее враз облачили в роскошный наряд и умчали на бал.

* * *

Президент Джеймс Мэдисон дал первый подобный бал в 1809 году. Билеты на него были очень дороги — 4 доллара. Тогда на серебряный доллар целую неделю можно было иметь крышу над головой, стол и табак. А еще стричься, мыться, бриться и (при желании) учиться.

С тех пор лишь в немногих случаях инаугурация обходилась без бала. Его не устраивал Франклин Пирс, носивший траур. Отменили Вильсон и Гардинг. Балы Кулиджа, Гувера и Рузвельта были благотворительными. Но Трумэн возродил обычные, светские торжества высшего общества. И в день этой инаугурации оно веселилось на пяти балах в честь Джона Кеннеди.

Они с Жаклин вступили в залу — он во фраке и белом галстуке-бабочке, она — в светлом платье с таким же ридикюлем в руках. Наряд Джеки придумала сама, приятно удивив дизайнеров дома моды Бергдорф Гудман, сшивших ей прекрасные платье и мантию.

Она села, как велел протокол, с Клод Джонсон, известной как Леди Птица. Стройная, как струна, и очаровательная, как мечта. Гости взирали на первую леди: и откуда он здесь — этот гений чистой красоты? Зале оцепенел в изумлении. Но вскоре все вновь пошло своим чередом — от шампанского к танцам, от танцев к закускам, снова к танцам, хохоту и гип-гип ура!

Джон заскочил на пирушку, устроенную Синатрой, но ненадолго — пора было везти жену на новый бал. Однако вскоре, усталая, она вернулась домой. Это был его день. Он принадлежал ему. В бальных залах собрались everybody who's somebody — весь Вашингтон, вся Америка!

Он много болтал с кинозвездами Энджи Дикинсон и Ким Новак на пятом балу, но следил, чтоб их не снимали. А чтоб фотографировали с Рыжим — старым другом Полом Феем. Уходя, он позвал Фея в свою машину, чтобы ехать к общему приятелю Джону Олсопу. Пол предложил взять Энджи и Ким. И тут с грустной усмешкой Джон сказал: «Так и вижу завтрашние газетные заголовки «Новоиспеченный президент рассекает по городу в компании Новак, Дикинсон и армейского кореша»…» И грустно добавил: «Знаешь, Рыжий, я на миг забыл, что теперь я президент Штатов. В этом есть плюсы, но есть и сложности… Доброй ночи…»

И ночь вышла доброй. Джон хотел есть, а у Олсопа подавали черепаший суп и шампанское.

И народу у него было море — все ждали: а вдруг приедет Кеннеди! И вот звонок. Хозяин открывает и… Застывает с открытым ртом. Улица полна лимузинов и машин Секретной службы.

Окна всех домов открыты, везде свет, люди в халатах и пижамах рукоплещут.

А на пороге стоит Джек.

Глава вторая. Лучшие и блистательнейшие

1

Ко дню вступления в должность президента Джону надлежало сформировать кабинет — новую администрацию. Это было непросто. Ибо состав нового правительства должен был устроить не только президента, но и могучие группы интересов, немедля вступившие в бой за посты. Уж очень им хотелось влиять на политику Белого дома.

И ему — Джону Кеннеди — требовалось, создав слаженную и продуктивную систему управления, разместить в ее ключевых узлах своих людей — привести во власть новое поколение. Людей, владеющих новыми видами деятельностей. Способных оседлать волну глобальных перемен. Имеющих стратегическое видение. Умеющих выдвигать и воплощать идеи в жизнь.

Узнав, что нужно утвердить более 1200 чиновников, Джек воскликнул: «Люди, люди, люди! Я не знаю людей. Знаю только избирателей! Как и кем я заполню эти 1200 мест?..»

Формирование администрации — это бой двух групп, претендующих на контроль за принятием решений. Первая — партия. Ее кадры. Вторая — спецы. Компетентные эксперты. Но при этом умеющие окружить себя сторонниками, интриговать и договариваться. И при этом все должны быть управляемы: зачем президенту люди, мешающие проведению нужных ему решений?

Джек знал: боссы демократов, показавшие себя его сторонниками в ходе кампании, — не лучшие претенденты на посты в правительстве. Но и они знали, что президент обязан им победой. И что пришла пора платить по счетам. И отказать он не сможет. А то подорвет доверие к себе. А кто знает — может впереди у Кеннеди еще одни выборы. И даже — скорее всего.

Но это и затрудняло управление. Ведь при серьезных расхождениях они могли напомнить Джеку, чем он, между прочим, им обязан. И как ему следует вести себя.

Поэтому ему нужно было так разместить фигуры, чтоб с одной стороны — обезопасить себя строем сильных и компетентных профессионалов, а с другой — ублажить партию и своих в ней сторонников.

2

Боссы, конечно, получили места, но не всегда те которых ждали. Стивенсон так и не стал госсекретарем. Он считал, что задача № 1 — выживание, а не развитие; что пора признать, что Китай останется «красным» и, видимо, станет ядерным. Такой подход не устраивал ни Кеннеди — романтика глобальной роли США, ни новое поколение.[135]

Нет, Стивенсону и Боулсу, которых упрекали в том, что им ближе рыхлая ООН, чем мускулистые США, гуманные благоглупости, чем национальные интересы, а «банальный морализм» берет в них верх над чувством «здоровой агрессии», — Кеннеди не мог доверить Госдеп. Его бы не поняли.

Ранг представителя в ООН — вот должность для Стивенсона, решил Джек. Почетная, но не ключевая. И Саймингтон зря рассчитывает возглавить Пентагон. Включим его в Исполком Национального совета безопасности.

Джек был рад работать с творческими и инициативными профи. Часто это было непросто, но без них его администрация мало чего добилась бы. Однако в обществе и, главное, в элите, требовалось создать впечатление, что он формирует кабинет без «нормальных ребят»: Рокфеллеры, Дюпоны, Морганы и другие семьи, определявшие отношение к президенту в высших финансовых и промышленных сферах, должны быть спокойны. Тут помог Сэлинджер. Еще до формирования кабинета он добился от газет, чтоб они писали об «администрации, хранящей опыт государственной бюрократии», где при этом можно встретить лучших из лучших парней из Вест-Пойнта[136], Принстона, Йеля, Беркли и, конечно же, Гарварда[137].

Это устроило высшее общество, поддержки которого искал Джек. С ним были готовы решать вопросы те самые солидные люди, которые в 1956-м заметили его на конвенте демократов.

3

Вот несколько имен, на которые мог опереться Кеннеди, строя новые отношения с элитами.

Роберт Эберкромби Ловетт — зам госсекретаря и министр обороны в кабинете Трумэна. Во время войны работал с Саймингтоном — тогда министром ВВС, поскольку сам с 1940 года служил специальным помощником по авиации военного министра Генри Стимсона[138]. Закончил Йель и Гарвард. Имея опыт успешного бизнеса, делал деньги как инвестиционный банкир. Большая шишка в банке «Браун Брозерс Гарриман», попутно входил в правление «Фонда Рокфеллера».

Формируя кабинет, Джон, по рекомендации отца, предложил Ловетту на выбор Пентагон, Госдеп и министерство финансов. Тот отказался, сославшись на возраст и нездоровье. Но остался негласным советником Кеннеди, служа одним из звеньев, связующих клан и кабинет с элитами.

Джон Макклой. До 1940 года служил в крупных корпорациях, как юрист курируя иностранные контракты. В годы войны в кабинете Рузвельта был помощником министра обороны. В 1947-м стал директором Международного банка реконструкции и развития. А в 1949-м — верховным комиссаром США в Германии, а затем возглавил Совет директоров главной финансовой структуры семьи Рокфеллеров — знаменитого «Чейз Манхэттен банка».

Макклой предложил Кеннеди министра финансов — Дугласа Диллона. При Эйзенхауэре — заместителя госсекретаря, «человека, которому доверяли банкиры», — как сказал о нем Артур Шлезинджер. Этого было достаточно, чтобы президент-демократ предложил место в кабинете бывшему члену республиканской администрации. Диллон согласился и готовился к большому делу — прекращению утечки золотого запаса, который беспокоил деловые круги.

Дин Раск. Полезность его назначения госсекретарем разъяснял Кеннеди опять же Макклой. После того как отпали Боулс, Стивенсон, сенатор Фулбрайт и видный дипломат Дэвид Брюс, кандидатура Раска стала первоочередной. Выпускник Оксфорда, бывший разведчик и помощник госсекретаря при Трумэне, он был президентом «Фонда Рокфеллера».

В журнале Foreign Affairs вышло его эссе «Президент», наделавшее шуму. Он излагал взгляды, близкие Кеннеди: только государство определяет внутренний и внешний курс, а министры его реализуют, но при этом дипломатию надо доверять дипломатам, а войну — военным.

Но некоторое совпадение мнений не отменяло и расхождений — встреча в ходе обсуждений состава кабинета показалась обоим безрезультатной. И все же Кеннеди предложил Раску пост госсекретаря, а тот согласился. О весе этой должности говорит не только курс, обозначенный Кеннеди в ходе предвыборной кампании, но и технические данные: в начале 50-х годов в Госдепе служило чуть больше 150 чиновников, а когда Джек пришел в Белый дом — тысячи.

Джон и Дин решили: это чересчур. Штат сократили, а процесс принятия решений доверили четырем ведомствам: Белому дому (советнику по национальной безопасности Макджорджу Банди — выпускнику Йеля и будущему самому молодому декану

Гарварда); Госдепу, где утвердился Раск; Объединенному комитету начальников штабов под началом генерала Максвуэла Тэйлора и Пентагону, где трудился Боб Макнамара.

Именно ему — главе «Форд мотор компани» и первому президенту компании, не связанному родственными узами с семьей Фордов, достался Пентагон.

Роберт Стрэйндж Макнамара принял пост министра обороны, потеряв три миллиона долларов дохода в год. Когда-то этот человек в очках окончил Беркли, а после вошел в команду «вундеркиндов» — группу из десяти отставных военных, что спасли «Форд» от банкротства и вернули в число лидеров автомобилестроения, внедрив современные системы планирования и управления. Боба тоже посоветовал Ловетт, и, возможно, его совет сыграл немалую роль в том, что президент гарантировал министру свободу рук при комплектации ведомства.

Ключевой пост достался и Бобби. Отец прочил третьего по возрасту сына в министры юстиции? Им-то он стал — генеральным прокурором. Куратором силовых ведомств и ФБР.

4

Госсекретарь, министр обороны и министр финансов — эти посты получили люди, рекомендованные высшей деловой элитой — Раск, Макнамара и Диллон. Люди, окончившие лучшие университеты мира и имеющие немалый опыт государственной службы и бизнеса.

«Лучшими и блистательнейшими» назвал Джек членов своей команды. И это касалось не только тройки Раск — Макнамара — Диллон, но и многих других.

Министром внутренних дел стал конгрессмен от Аризоны Стюарт Юдалл. Министром торговли — губернатор Северной Каролины Лютер Ходжес. Здравоохранение, образование и социальное обеспечение доверили Рибикоффу. Артур Шлезинджер — выпускник Г арварда, в прошлом спичрайтер Рузвельта и аналитик Бюро стратегических служб, «либеральный солдат холодной войны», как звала его пресса, стал специальным помощником президента.

Уолт Ростоу — экономист, профессор Оксфорда и Колумбийского университета, Кавалер Ордена Британской Империи, теоретик постиндустриального общества, стал замом советника по национальной безопасности и автором стратегии экономической и образовательной помощи странам «третьего

мира» и их втягивания в поле влияния США.

В большинстве стратеги нового лидерства Америки вышли из «фабрик мысли» Северо-Востока, из корпораций, университетов и фондов. Они ощущали превосходство над мракобесами эры Маккарти, чинушами Эйзенхауэра и аппаратчиками эпохи Рузвельта.

Они верили в себя. Их вели энергия, воля и видение Кеннеди.

Он дал Штатам колоссальное обещание: «…мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, перенесем любые трудности, поддержим любого друга, выступим против любого врага ради торжества свободы». Это означало, что он намерен вернуть веру в величие страны.

А какая еще страна готова заплатить любую цену? Кто на свете способен понести любое бремя? И ради чего? Ради главнейшей ценности — свободы.

Причем не свободы Америки и свободы в Америке. Но повсюду в мире! Разве ради ее торжества нельзя перенести любые трудности? Разве это — не великая миссия?

Да, решили избиратели, парень, сказавший такое, достоин быть президентом. А их дети — школьники и студенты — принялись писать сочинения по этой речи. И пишут до сих пор.

5

Понятно, что решиться сказать такое может человек либо совершенно безответственный, либо чувствующий крепкий тыл и спокойный за свои позиции в центре и на флангах.

Так оно и было. Вот ряд красноречивых характеристик его соратников, подобранных американским журналистом-исследователем Дэвидом Хэлберстамом.

Роберт Кеннеди — жесткий до очарования, он был в сложных отношениях с обрюзгшей и расслабленной Америкой; Бобби ценил в людях жесткость.

Дин Раск — скромный человек, скромности которого никто не видел; всегда стремившийся быть в тени, но более чем заметный. Он ненавидел любительщину и суету, интеллектуалов, играющих во власть, тестируя свои теории на человечестве.

Роберт Макнамара порой казался невинным идеалистом. Никогда не говорил о власти и, казалось, не хотел ее. Но на самом деле страстно ее любил.

Макджордж Банди знал, что справится не только с работой, но и… со всем миром.

Максвелл Тейлор — генерал, будто придуманный для

Кеннеди и его эпохи: приятный, корректный, симпатичный атлет… В самый раз для этой администрации.

Уолт Ростоу всегда верил в правильность своих идей; ни минуты в них не сомневался.

Быть может, для наших дней — не лучшие отзывы. Но, для той эпохи и ситуации — самые подходящие. Забегая вперед, отметим: большая часть членов тогдашней команды Кеннеди продолжала службу в администрации и после его гибели. И некоторые — подолгу.

* * *

Спустя семь лет Никсон умело обыграет знаменитейший фрагмент инаугурационной речи в удачном ролике — скажет: «Я прошу не о том, чтобы вы что-нибудь дали вашей стране, но о том, чтобы вы что-нибудь сделали с вашей страной. Мне нужны не ваши дары, но ваши руки».

Никсон был талантлив. Он стал президентом. Научившись этому у Кеннеди.

Но своих «лучших и блистательнейших» у него не было. Их не было больше ни у кого.

Глава третья. Париж и Вена

1

— Какой молодой… — покачал Хрущев головой.

Он был доволен встречей с американскими сенаторами из Комитета по международным делам. Не дал им себя прижать. Говорил с ними, с одной стороны, прямо и дерзко, а с другой — миролюбиво и как бы даже слегка снисходительно. Ну хотите жить при капитализме да и живите себе с Богом… А вот этот — Кеннеди — отмолчался. Ну, ничего. Вряд ли он, конечно, станет президентом. А коли станет — тогда и поговорим.

Кеннеди президентом стал. И прямо с ходу объявил: «Не будем договариваться из страха. Но и не будем страшиться переговоров».

Это неспроста. Понятно: порой красивые слова не совпадают с делами. Ну а если он всерьез? И действительно хочет строить такую политику?

Ну что ж. Советский Союз не боится переговоров. Значит — поговорим.

С учетом ситуации в мире слова Джека означали, что он намерен отчасти пересмотреть подходы к работе с союзниками и соперниками. Трумэн, а затем Эйзенхауэр нередко уклонялись от переговоров с Москвой из страха: СССР с его атомной бомбой, «единственно верным учением» и контролем над Восточной Европой; нерешительность союзников по НАТО; красный Китай…

Но когда предельная свобода слова и печати доводила массы почти до паники (как с «угрозой атомной войны»), государственным мужам подобало смело встречаться лицом к лицу и либо объявлять об ответных мерах, либо делать встречные шаги.

Таким шагом стал памятный визит в США Н.С.Хрущева в 1959 году и его встречи с американским президентом, политиками и простыми людьми. Теперь глава имел дело с новым президентом, тем самым — таким молодым. Свежим игроком на международном поле.

С первых минут после крушения Германии эта игра была непростой. Союзники превращались в соперников. Гонка вооружений; экспансия Советов в мире; «железный занавес»; победа красных в Китае; война в Корее; конфликты в Индокитае, на Ближнем Востоке и в Африке; брожение в Южной Америке. Куба. И, конечно, Берлин — яблоко раздора Востока и Запада.

Эти Восток и Запад были понятиями не географическими, а политическими. И после войны их содержание изменилось. Прежде Востоком звали отсталую и колониальную, хоть порой и бунтующую Азию. Теперь он стал иным.

Словом Восток стали именовать группу стран, границы коих прошли по побережью Ледовитого и Тихого океанов, южным (и западным) рубежам КНР и СССР, а в Европе — вдоль границ Греции, Италии, Австрии, Финляндии, Норвегии и ФРГ.

Отныне Востоком именовались социалистические страны — союзники СССР.

Он-то и был лидером этой организованной, связанной обязательствами[139], обладавшей огромным людским, сырьевым, интеллектуальным, экономическим и военным потенциалом системы — «первое в мире государство рабочих и крестьян, сбросивших цепи капитала». Его лидеры добивались, чтобы в хозяйственной и общественной жизни, да и в быту, народы следовали философскому и экономическому учению Маркса и Энгельса, плюс — социально-политической доктрине Ленина и Сталина, отвергали частную собственность, изживали чуждые классы и принятые в ряде других стран формы демократии, утверждая коммунизм.

Этот союз, звавший себя «оплотом мира и социализма», противостоял Западу.

Запад же оставался буржуазным. Там более или менее успешно работали процедуры и жили ценности демократии. В сравнении с довоенным периодом он стал более единым и управляемым, чему помогло создание НАТО[140]. Противоречия, конечно, не исчезли, но Запад сплотился перед лицом Востока, нацеленного на завершение глобального эксперимента по утверждению труда (в противовес капиталу) в роли владыки мира. При этом на Западе, в отличие от Востока, открыто действовали союзники последнего — левые партии, что отвечало принципам демократии.

Лидером Запада в Европе была Федеративная Республика Германия. При этом посреди соседнего государства — Германской Демократической Республики, считавшейся редутом Востока, имелся цветущий анклав Запада — Западный Берлин — часть бывшей столицы рейха, которую, согласно Ялтинским и Потсдамским соглашениям, а также Лондонскому протоколу[141], контролировали страны НАТО — Британия, США и Франция. Востоку мешал этот очаг «чуждого образа жизни». Запад же отстаивал его как бастион «свободного мира», коим считал себя.

Но ряд стран остались вне границ Востока и Запада. Бедные и отсталые, они обладали немалыми ресурсами и, нередко,

стратегически важным положением. Строя отношения с Востоком или Западом, их вожди искали выгод. Соперники же боролись за влияние на них, что неизбежно рождало конфликты в мире, одной из черт которого был спор систем.

В такой ситуации Джон Кеннеди, как говорят в Америке, обнаружил себя в кресле президента мощнейшей страны и лидера Запада. Который ждал его стратегии мировой политики. Надо было самоопределяться по отношению к Востоку и его лидеру — СССР.

2

Это вряд ли возможно, считал Кеннеди, без личного знакомства и выяснения отношений с первым лицом системы-соперницы — Н.С. Хрущевым. Он не боялся переговоров.

У него была концепция мировой политики и национальных интересов. Она состояла в том, что следует для начала задействовать достижения прежней администрации и, безжалостно отбросив обременения, повести страну к мировому лидерству.

У США при Эйзенхауэре стало больше союзников — 45. Кроме членов НАТО это были страны, связанные с ними договорами. И хотя, порой, друзья снабжались всем — от котелка до танка, а взамен только жаловались, случалось, что разрешали строить военные базы…

Пожилые дипломаты Эйзенхауэра опасались за будущее страны. Генерал писал:

«Если… придут люди с меньшим опытом, меньшим престижем и без уз дружбы со многими лидерами мира в разных его частях, то — вопрос: что будет дальше?»

Кеннеди пришлось отвечать. «…Миновала эра иллюзии. Иллюзии, что личная добрая воля… добрые устремления и принципы могут быть основой сильного, творческого лидерства», — сказал он по поводу скандала, когда делегация СССР во главе с Хрущевым покинула конференцию в Париже, где, как ожидалось, пройдут переговоры ядерных держав о разоружении.

Накануне Никита Сергеевич изложил условия: США извиняются за нарушение самолетом-разведчиком U-2 границ СССР; заверяют, что накажут виновных и такие случаи не повторятся.

В ответ он услышал, что полеты американцы прекратят, но извиняться и карать никого не станут. В ответ после открытия

форума делегация Союза его покинула. Вскоре скандал получил продолжение: СССР отменил визит Эйзенхауэра в Москву, запланированный на 1960 год.

По этому поводу Кеннеди заявил: «Стремление снять напряженность в мире и покончить с «холодной войной» путем встреч в верхах было обречено на провал куда раньше, чем U-2 упал на советскую землю…Так как за последние восемь лет мы не смогли занять позиции достаточно сильные для ведения успешных переговоров…Так как не имели новых подходов».

И если генерал волновался, что будет, то сенатор разъяснял: будет подготовка новых позиций и разработка новых планов. Причем без «пустых призывов к единству, без фальшивого плача по умиротворению и ложных девизов вроде «Встанем против Хрущева!». Ибо проблема не в том, кто «встанет против Хрущева» или лучше умеет угрожать и оскорблять. Проблема в том, кто может мобилизовать безбрежные ресурсы Америки на защиту свободы от самого опасного врага, с которым она когда-либо сталкивалась». И дальше: «переговоры и дискуссии — не заменители мощи; это инструменты, превращающие мощь в способ обеспечить выживание и мир».

Он предложил повестку дня (она так и осталась основой его внешней политики):

«Задача — создать стратегию, основанную… на всеобъемлющем наборе долгосрочных подходов, нацеленных на рост мощи некоммунистического мира. Час поздний[142], а список длинный».

Приведем несколько пунктов:

— Мы должны сделать ответный атомный удар абсолютно неизбежным…

— Мы должны вернуть способность быстро и эффективно вступать в любую ограниченную войну в любой точке мира…

— Мы должны превратить НАТО в силу, готовую отразить любую атаку…

— Мы должны исправить отношения с демократиями Южной Америки…

— Мы должны найти… более гибкие и реальные методы работы в Восточной Европе…

— Мы должны создать новые, рабочие программы контроля за вооружениями…

— Мы должны найти многовариантное решение берлинской проблемы…

— И последнее: мы должны строить более сильную Америку. От этого зависит наша способность защитить себя и свободный мир… нашу науку, систему образования, хозяйство, равные

возможности и экономическую справедливость…

Эти (и другие) пункты, озвученные Кеннеди-сенатором, стали программой Кеннеди-президента. И показали отличие его подхода от подхода Эйзенхауэра. Его озвучил Никсон: «Сегодня Америка — сильнейшая страна в военном и экономическом отношении, у нас лучшие в мире ученые и система образования».

А стоило ли напрасно сотрясать воздух? Джек называл это «разменом долгосрочных интересов страны на частные успехи». Сам же он закладывал основы новой внешней политики.

«…Надо решить… — требовал он, — достигла ли страна пределов возможностей, осталось ли наше величие в прошлом и нам некуда больше идти; или же, как сказал Томас Вульф: «Впереди — новое открытие Америки. Исполнение предназначения нашей могучей и бессмертной земли»».

Так формировалась стратегия новых рубежей.

3

Эта тенденция возникла в середине 50-х.

В США на пике их могущества в элитах была сформирована группа, члены которой считали, что потенциал страны используется непростительно слабо и пора менять ситуацию.

Соперник Эйзенхауэра на выборах 1956 года Эдлай Стивенсон винил президента в чрезмерной пассивности, которая привела к утрате Западом половины Индокитая, а НАТО — единства и боеспособности. И хотя тогда — в пору крайнего накала правых настроений в США — демократы проиграли, в 1960-м Кеннеди атаковал с тех же позиций. И победил.

Он считал, что высокая эффективность внешней политики не лозунг, а задача. Под эффективностью он понимал обеспечение безопасности страны на дальних подступах, рост влияния на развитой мир и «новые страны», «продвижение» «бренда «Америка»» на глобальном рынке образов. Тут был и образ страны, и образ жизни, и образ самого американца — смелого, умного, деловитого, красивого, всегда (и в лохмотьях!) отлично одетого, неизбежно успешного.

Кино несло народам весть: американское — самое лучшее, удобное, качественное и надежное, современное, вкусное и полезное, большое и быстрое. СМИ Востока высмеивали американское в быту. Тщетно. Эстетика и дизайн, манеры, приметы и бытовые приборы; кола и джин, джинсы и блузки, блюз и рок, рокот мотоциклов и шины «Форда», «Кент» и «Мальборо», мрачные усмешки и широкие улыбки, убытки и

доходы, взгляды из-под ковбойских шляп Джона Уэйна и Юла Бриннера, взоры и смех Джуди Гарланд и Одри Хэпберн пленяли сердца, паря над «железным занавесом» в сотнях фильмов, журналов, буклетов, плакатов, передач и пластинок.

Америка искрилась легендами — миф, пример поведения и объект вожделения. И то были не сказки о богатстве и фортуне, а люди и вещи. С «надетыми» на них идеями. Точнее — идеей. Идеей самой сильной, богатой, свободной, доброй, веселой, успешной, деловой страны… Что испытывали люди в Азии, Африке, Южной Америке или Восточной Европе, листая журнал, прилетевший оттуда: интерес? ревность? досаду? Ну отчего мы живем не там?

А в 1961-м, узнав, что США предложили учредить «Союз ради прогресса» — десятилетний план, дающий Южной Америке 20 млрд и помощь в борьбе с неграмотностью, экономическом развитии и выводе системы управления на современный уровень?

Америка была везде. В мире, где уже существовали радио, телевидение, кино, пластинки, и магнитофоны, ее нельзя было запретить. Она старалась стать нужной миру. Без принуждения и обмана, просто рекламируя свой товар.

И — молодого президента, соединявшего два образа: свой и Америки.

4

Действительно, часть мира довольно быстро стала «склеивать» Кеннеди и Штаты.

Вице-президент Джонсон, сенаторы Джексон и Саймингтон тоже участвовали в процессе, восполняя области, на которые не хватало Джека. Линдон делал акцент на освоении космоса. Джексон — на подводных лодках. Саймингтон — на бомбардировщиках B-52. Могущество стало не только проектом, но и частью «фирменного стиля Кеннеди».

Америка менялась на глазах. Только что жила в пределах двух берегов и двух границ. А теперь куда ни глянь — новые рубежи.

Рубеж — фронтир, великая легенда, часть национального мифа! В былые годы — грань, отделившая удобный атлантический восток от сурового, но желанного, «золотого» тихоокеанского запада. Отличный образ. Но теперь путь лежал не на запад. А ввысь.

У любой черты есть свойство: перешагни ее, поймешь — что было до, и что стало — за. И хоть слово «фронтир» и значит

«рубеж» — у него был дополнительный (и важный) смысл: за рубежом. Новый мир. Желанный и доступный.

Джек предложил не только мечту о выходе за пределы привычного и потому обычного американского мира. Он указал сам выход.

И все бы хорошо, если б не Восток! Мощный, зловещий, горящий и палящий красным огнем Восток, с одной стороны — невероятно мешал своей агрессивностью и чуждостью, а с другой — подстегивал, заставлял стараться, соревновался. Короче — принуждал к развитию.

Джек не боялся Востока. Но боялись миллионы на Западе. Это позволяло работать с их фобиями. Выделять и подправлять их. И управлять носителями.

Нельзя отменить Восток. Его можно победить. Но вот нужно ли? Ведь не будь его, исчез бы стимул к борьбе, к развитию. И потому его надо опередить. И, если выйдет, — изменить.

Но прежде важно объяснить. Увидеть, узнать, уловить.

И тайные агенты, самолеты и спутники-разведчики тут не годятся.

Эйзенхауэр ошибался во многом, но в одном он был точно прав: любил саммиты. Считал, что лучший способ разобраться в стране — встретиться с ее лидером лично. Найти свое видение. А пока он сидит там, за своим ржавым занавесом, ты мало что поймешь. Тени. Контуры. Штрихи…

«…Коммунисты, — говорил Кеннеди, — изображают себя авангардной силой, указавшей путь к лучшему, более яркому и смелому образу жизни, а мы, американцы, ушли в оборону, загнали себя в позицию защитников статус-кво. Довольно! Трубите сбор! Пора в путь-дорогу.

Ведь наш путь к фронтиру, без сомнения, скоро упрется в стены Востока».

5

А Восток — помог. Сам пришел.

Когда Джек победил на выборах, в ноябре 1960 года Кремль известил посла в Москве, что Хрущев хочет встретиться с новым президентом США.

СССР отпустил пилотов, с которыми не было связи с прошлого лета. Джек это оценил: «снята большая преграда для улучшения отношений». Он велел прекратить полеты U-2 и созвал серию совещаний по отношениям с Москвой. В них участвовали Дин Раск, эксперт по России Чарльз Болен, матерые дипломаты

Джордж Кеннан, Аверелл Гарриман и Льюллин Томпсон[143].

— Надо, надо встретиться с Хрущевым, — говорили консультанты, — Вы сразу поймете с кем имеете дело. И с чем имеет дело Америка.

Кеннеди считал, что одна из самых больших опасностей — это «опасные просчеты», которые в течение его жизни трижды привели к войнам. Возможность таких просчетов важно в максимальной степени снять, и вывести взаимопонимание на уровень, делающий ядерную войну невозможной. И как же это сделать? «Как можно шире открыть каналы коммуникации».

Встречу решили провести в жанре дискуссии по общим вопросам, без обсуждения конкретных проблем. Джеку подготовили серию докладов об СССР и Хрущеве, и он настойчиво их штудировал. Попутно оживляя свои знания о марксизме и темах, которые, как ожидалось, могли возникнуть. Однако, как выяснилось позднее, главное ушло за рамки.

Кеннеди послал письмо Хрущеву 22 февраля 1961 года. В нем было и согласие на встречу, и приглашение на свидание. 27 февраля посол Томпсон доставил его в Москву.

Но вручить не смог — Хрущев ездил по стране и получил письмо 9 марта — в Новосибирске. Томпсон предложил встречу в начале мая: в Вене или Стокгольме. Хрущев выбрал Вену.

В Кремле и Белом доме готовили саммит. А в Лэнгли, Майами и Гватемале[144] — высадку на Кубе. Эту драму мы обсудим позже, а здесь отметим, что она побудила стороны прервать подготовку к встрече. Впрочем, к концу месяца дело пошло, и министр иностранных дел СССР Андрей Громыко подтвердил: саммит состоится. А 16 мая Хрущев известил Кеннеди о согласии.

Саммит назначили на июнь. Джонсон и Раск опасались, что после Кубы советский вождь будет говорить «с позиции силы», а может, устроит скандал, как в Париже? Но Джек, пишет Соренсен, считал, что пора «разъяснить господину Хрущеву политику нашей страны, дав ему возможность обсуждать и прояснять ее…» и «получить из первых рук знания, на основании которых» можно «принимать решения, какие ни один советник… не может принять за него».

До отъезда Джек заехал к родителям. С ним была Джеки, брат Тэдди и Макджордж Банди.

Когда отец и сыновья собирались дома, Джо смешивал дайкири[145]. Собирались к семи вечера. В пятницу получали по два дайкири, в субботу — один, а воскресенье — ничего: завтра на работу. Ожидая коктейль, Банди решал по телефону вопросы, связанные с поездкой Джека, а тот резался в шашки. Их он любил

с детства. Родные считали, что в его игре есть какая-то тайна. А он просто все время шутил, отвлекая соперника. Вот и сейчас Тэд продул большую часть партий.

Около семи по пояс в тумане братья пересекли лужайку, разделявшую два дома. Малышка Кэролайн увидала их в окно и, выбежав, повисла на руках отца. И тут из двери показался Банди:

— Господин президент, к телефону.

Отдав дочь брату, Джек поспешил к нему. А Тэд и Кэролайн вошли в дом. Джо следил за ними из окна. Уже полчаса он молча сидел в столовой. Вошел Джон и сел рядом.

Появились Роуз и Джеки. Молчание. Банди тактично задержался в гостиной, понимая, что это нечто особенное.

Наконец отец, окинув взглядом близких, остановил его на Джоне.

— Я знаю, — молвил он, — ты волнуешься из-за Хрущева. Но сейчас главное — какой ты вырастишь дочь, каким человеком ее сделаешь. Это — самое важное. Не забывай.

— Ты прав, папа. — Джек просил улыбкой.

Все выдохнули. Вошел Банди, шутливо развел руками, мол, как, я не опоздал?

— У меня, — сказал Джон, — есть отличная модель корабля. Так вот, если напишут, что я подарил ее Хрущеву, значит на переговорах все хорошо. А если нет — плохо. Честно говоря, я хочу оставить ее себе. Уж больно хороша.

6

Джек считал, что хотя Эйзенхауэр, как мог, показал Хрущеву Америку, да тот и сам кое-что понял, все равно, надо объяснить ему те меняющиеся США, президентом которых является он — Кеннеди. Донести, что изменение страны повлечет перемены в ее внешней политике. Сегодня Штаты не те, какими, господин Первый секретарь, вы их видели в 1959 году.

Иные исследователи полагают, что весной 1961 года в буквальном смысле своей внешней политики Кеннеди не имел. Возможно. Но он был готов предъявить динамизм и стержень новой администрации, не похожей на «самодовольных бюрократов» недавнего прошлого.

В Москве тоже готовились. Там в центре внимания были Берлин, Лаос и атомная бомба.

Особое внимание уделялось информированию о встрече советских трудящихся. Аппарат постоянно готовил Хрущеву переводы ведущих американских аналитиков. Он с интересом

читал Уолтера Липпмана и Джеймса Рестона. Некоторые их статьи вышли в СССР.

Так, «Правда» перепечатала две статьи Рестона из New York Times с оговоркой, что «редакция не может согласиться с рядом высказываний…». Он писал: «Кеннеди похож на юного боксера, который изящно играл с противником, раз за разом нанося удары и принимая хлопки зрителей, а затем вдруг получил удар в челюсть. Очарование двух первых месяцев прошло. Короче говоря, он виновник не просто поражения, но некрасивого поражения[146] … Президент не может просто стоять в стороне… после Кубы… Кеннеди не только умный выпускник Гарварда с аналитическим складом ума, но и задиристый ирландец и политик. И его друзья в Конгрессе, а также люди, присылающие ему письма со всей страны, требуют, чтобы он действовал…

Инициатива у Хрущева… Запад выглядит чуть сентиментально и немного глупо. Понятно, Хрущев хотел бы использовать преимущество. Беда только, что и Гитлер тоже так думал. Рейн, Австрия, Данциг, Чехословакия — все шло хорошо, пока не погасли огни. Хрущев, быть может, не будет пытать счастье таким образом, но кто знает? Здесь-то и кроется опасность».

Рестон понимал: его читают в Москве, и предупреждал: осторожно. А Хрущев считал, что зря. Он верил, что обретенный при Сталине опыт позволит ему «сделать» Джека и выиграть раунд.

Глава помнил их встречу в Вашингтоне. Смешно. Тогда оптимисты увидели в его поведении намек на готовность к мирному сосуществованию и отказу от экспансии в мире.

Он знал, что вон тот молодой пойдет в президенты. И нарочно, пожимая руку, сказал:

— Какой молодой.

— Это не всегда мне помогает, — ответил рыжий. Похоже, намекая, что многие не хотят видеть его президентом: он, де, слишком молод. Так пишут авторы книги «Лицом к лицу с Америкой». Кроме него рукопожатия удостоился лишь ведущий Фулбрайт и авторы вопросов[147].

Джеку же в этом томе уделен целый абзац: «Высокий моложавый сенатор Джон Кеннеди из штата Массачусетс… Сын богатейшего бостонского финансиста, биржевого дельца Джозефа Кеннеди, который в 1940 году был американским послом в Англии и затем активно выступал против вступления Америки в войну против гитлеровской Германии. На нынешнем этапе борьбы за выдвижение кандидатур на пост президента США Джон Кеннеди… считается одним из кандидатов от демократической

партии. В течение беседы… Кеннеди не проронил ни слова. Может быть, это говорит в его пользу: ведь сенаторы, которые своими вопросами надеялись поставить Н.С. Хрущева в неловкое положение, сами оказались в проигрыше после его ответов».

Теперь Джон был уже не молодым сенатором, а молодым президентом. И хотел задать несколько вопросов пожилому главе советского правительства.

7

27 мая Хрущев покинул Москву, два дня провел на Украине, посетил могилу Шевченко. Затем в ЧССР встретился с Антонином Новотным[148]. А 2 июня прибыл в Вену.

Кеннеди провел в Париже переговоры с де Голлем, а в Лондоне с Гарольдом Макмилланом.

По пути в Вену он до самой посадки готовился к беседам с Хрущевым. И вот они начались.

Он встретил Никиту в 12.45 на пороге посольства, куда, как говорят, просто «выскочил».

Сообщают очевидцы и о том, что, беседуя, оба проявили «учтивую твердость» и «любезную решительность». А Джеки и жена Хрущева Нина Петровна катались по Вене в кабриолете. Разница в возрасте не была помехой. Жаклин нашла подход к Нине. Ее не смущало, что рядом с ней, облаченной в роскошные наряды, сидит жена вождя большевиков с простой прической и без макияжа, одетая в цветастый костюмчик, похожий на домашний халатик. Пусть она, как годы спустя написала одна ехидная блогерша, выглядела, «как тетя-Мотя», или, по словам Леонида Парфенова, «как женщина, приехавшая из деревни», Джеки она была интересна.

Было видно: так Нина одета не зря. А согласно плану. В соответствии с которым и глава одет, как слесарь на Первомай. А ведь в 1959-м на Нине были туалеты в стиле Елизаветы II. И она, несмотря на годы, классно смотрелась рядом с Мейми в шляпках и вечерних платьях. Стало быть, решила Джеки, замысел в том, чтоб показать семье Кеннеди:

Эйзенхауэры были серьезные люди, а вы, воробушки, рядом с нами — нарядные малыши.

И вам еще придется доказать ваше право на наше серьезное отношение. А пока оно вот такое.

Жаклин мигом нашлась — стала говорить с Ниной с внимательной снисходительностью, как с тетушкой с фермы, прибывшей проведать удачливую племянницу.

* * *

Верный тон нужно было найти и Кеннеди. И с первых же минут он задал ход беседы: предлагал темы, держал канву спора и побуждал Хрущева отвечать. Президент говорил точнее и проще. Глава — цветисто и ярко. 3 и 4 июня они общались несколько раз. С глазу на глаз. Говорили о капитализме и социализме, об истории и философии. И, считает Тэд, в итоге, между ними, возможно, возникло то, что психологи называют «раппорт» — неявное расположение, интерес.

Вспомнили встречу в 1959-м. И тут Джек предположил, что США и СССР могут жить в мире. Только надо создать условия. Хозяин Белого дома внушал владыке Кремля: это возможно.

Тот удивился. Напомнил, что еще недавно Джон Фостер Даллес хотел уничтожить социализм и как систему, и как учение. Джек ответил, что проблема — в желании Кремля навязать свое учение другим. Хрущев парировал: коммунисты и СССР ничего не навязывают. Но на смену феодализму пришел капитализм, а его сменит коммунизм. Разве не логично?

Джек ответил в том смысле, что даже если попытки меньшинства присвоить власть вопреки воле народов называть «освободительными войнами», они от этого не становятся исторической неизбежностью. В прошлом уход таких систем как феодализм и монархия сопровождался насилием, и сегодня есть угроза мировой ядерной войны. Спор систем не должен угрожать их жизненным интересам и вести к непоправимым просчетам.

«Хрущев ощетинился», — пишет Соренсен. Слова о «просчетах» и непоправимости ему не понравились. Он хотел сломить статус-кво. Хотел поддерживать левые силы. Наверное, США хотят, чтобы СССР как школьник сидел, сложа руки на парте? — спросил глава. Но в мире нет прививки от идей. Он даже не знаком с лидерами коммунистов в ряде стран — дома много дел. Но даже если бы он лично отверг коммунизм, учение бы развивалось, хотя СССР его не навязывает… Может, стоит винить Германию как родину Маркса и Энгельса…

Джек процитировал Мао Цзэдуна: «Винтовка рождает власть».

Никита заметил: Мао марксист. А марксисты против войны. Он не мог так сказать.

— Просчеты ведут к ложным оценкам… — ответил Кеннеди. — Это касается всех. Я неверно оценил Кубу. Вы неверно оцениваете Запад. Как создать условия для верных оценок?

Нельзя винить Москву во всех восстаниях или иных проявлениях левого тренда, утверждал Хрущев. Насер, Неру,

Нкрума или Сукарно говорят, что хотят строить социализм. Но какой в Египте социализм? Ведь Насер сажает коммунистов. И Неру их не поддерживает. А СССР им помогает. Разве это не подтверждение, что наша политика — политика невмешательства?

А Штаты поддерживали Батисту на Кубе. Но кубинцы не хотят нового Батисту, и с этим связан провал в заливе Свиней. Кастро не коммунист. Но США могут сделать его коммунистом. Сам Хрущев не родился коммунистом. Его капиталисты сделали таким. И если США считают, что им угрожает Куба, то что, господин президент, должен чувствовать СССР в отношении Турции[149]?

Угроза исходит не от Кубы самой по себе, пояснил Джек. А от Кастро. Он хочет дестабилизировать Западное полушарие. Если бы его избрали на свободных выборах, США могли бы его поддержать. Что бы сказал Хрущев, если бы в Польше создали прозападное правительство? А ведь это возможно, будь там свободные выборы.

Хрущев счел эти слова обидными для Польши. Ведь там выборы свободней американских.

— У нас в США есть выбор, — пояснил президент.

А Хрущев считал, что партии в Америке — это надувательство. И разницы между ними нет. К тому же Штаты поддерживают реакционные диктатуры — Тайвань, Пакистан, Иран, Испанию… А было время, когда Америка была лидером в борьбе за свободу. Потому-то русские цари и не признавали ее больше четверти века. А вот теперь Вашингтон не желает признать Китай.

Джек согласился: мир меняется. Изменятся и эти страны. Кеннеди — за. И на выборы шел, призывая к переменам. А как сенатор выступал против колониализма. И сейчас уважает ненасильственные освободительные движения. А вот милые сердцу Хрущева «освободительные войны» не всегда отражают волю народов и могут вести к конфликтам держав.

— А что — богатство и мощь Штатов дают им особые права и позволяют не признавать такие же права других? СССР будет «совать нос» туда, где нарушаются права народов, и помогать им.

Журналисты «Правды» Евгений Литошко и Май Подключников писали: «Нельзя закрывать глаза на трудности и сложности происходящей сейчас в Вене беседы. Ее участники — люди разного склада ума, убеждений, воспитания… С одной стороны, сын рабочего и сам рабочий, закаленный в боях революционер, убежденный коммунист, неутомимый борец за мир и дружбу между народами, руководитель могучей

социалистической державы. С другой — сын миллионера, миллионер, набожный католик, человек, выражающий интересы своего класса, защищающий политику самой большой страны капиталистического мира».

Толкуя о философских материях и «народах, сбросивших иго колониализма», они на самом деле обсуждали отношения СССР и США. А говоря о «воле народов», обсуждали Европу. И, прежде всего, Германию, которая, как считал Хрущев, не хотела международной оккупации и желала подписать мирный договор. А по мнению Кеннеди, стремилась к объединению с Западом.

8

Джек знал: разговор о Берлине будет сложным. И, видимо, был готов к тому, что амбиции собеседника сделают реальной угрозу войны.

А Хрущев хотел решить берлинский вопрос. Он настаивал на заключении мирного договора. Заявлял, что если не найдет партнеров, готовых его подписать, сделает это с ГДР.

Это означало бы прекращение действия Ялтинских и Потсдамских соглашений, уход союзников из Западного Берлина и объявление города столицей ГДР.

Нацеливаясь на Берлин, Хрущев бил по узлу связности сил Запада в Европе и мире. Он видел: на него замкнуты не только политические и военные интересы, но и информационные ресурсы НАТО, а также надежды тех на Востоке (прежде всего в ГДР), кто не принял социализм. Западный Берлин бесил его, как богатая буржуазная витрина среди социалистической скромности. И больше того — как знак несокрушимости Запада. Нет, пора с ним кончать!

Уступки в этом вопросе вели к утрате этого плацдарма Запада в тылу Востока. Это Кеннеди знал. И дело было не только в его военном значении. Речь шла о спуске флага. О символической капитуляции одной из важнейших твердынь свободного мира. Знал он и то, что уступить Берлин — значит подорвать единство НАТО, вызвать разочарование и критику американских и мировых элит. И подрыв или крах его репутации государственного деятеля и политика. Конец.

Джек не хотел ни пяди советской земли. Но не был готов отдать Никите и вершка земли в Берлине. И прямо дал понять, что авантюры в Берлине могут вызвать войну. Беседа достигла пика.

Хрущев ответил, что войны не начнет, но «если вы развяжете

войну из-за Берлина, то уж лучше пусть сейчас будет война, чем потом, когда появятся еще более страшные виды оружия».

Как сообщает Георгий Корниенко[150] в книге «Холодная война. Свидетельство ее участника», эта концовка тирады Хрущева была столь залихватской, что, готовя официальный вариант текста… помощники опустили ее, заменив словами: «… тем самым вы возьмете на себя всю ответственность», но копия текста с подлинными словами Хрущева сохранилась.

Что касается американской записи беседы, то и в ней, сохранив смысл сказанного главой, его слова заменили на «…то пусть будет так». В этом, видимо, отразилась установка Кеннеди: не драматизировать их диалог, «чтобы его последующие шаги не расценили как результат того, что он был запуган Хрущевым». Возможно, по этой же причине американцы не предали огласке озвученный Хрущевым ультимативный срок решения берлинского вопроса — декабрь 61-го.

Оба получили возможность проявить жесткость.

Узнав о договоре с ГДР, Кеннеди спросил, значит ли это, что доступ в Берлин будет закрыт. Хрущев ответил утвердительно, пояснив, что ГДР готова допустить в Западный Берлин все страны, но обсуждать это нужно с ней. Кеннеди заявил, что США не уйдут, ибо тогда их обязательства перед другими странами «станут пустым клочком бумаги», они утратят доверие, «а я не затем стал президентом, чтобы допустить изоляцию моей страны».

Желая, видимо, намекнуть на возможность изменения своей позиции, Кеннеди сказал, что Эйзенхауэр, возможно, был прав, называя ситуацию с Берлином ненормальной, и если бы напряжение в мире спало, то им, быть может, удалось бы договориться, но не сейчас.

Последний разговор прошел наедине. Джек сказал, что надеется, со временем можно обеспечить более удовлетворительную ситуацию вокруг Берлина. А Хрущев объявил, что хочет подписать мирный договор с ГДР не позднее декабря 1961 года.

— Мы войны не хотим, — сказал он, — но если вы ее навяжете, то она будет.

— Похоже, в этом году нас ждет холодная зима, — ответил Кеннеди.

9

А за окном был теплый летний венский июнь.

Киндеры кушали мороженое. Фрау — пирожные. А бюргеры

пили пиво.

Никто из них не знал, что два могущественнейших человека мира обсуждают в их городе возможность полного их истребления.

Сложности не разрушили раппорт в отношениях собеседников. Помогли трапезы.

Первым гостей принимал Кеннеди. За обедом. В посольстве США. На следующий день Хрущевы встречали их в советском. А уж потом австрийцы устроили ужин во дворце Шенбрунн. Толпа под окнами кричала: Дже-ки! Дже-ки!! А внутри Хрущев расхваливал ее расшитое розовыми бусами белое платье, обсуждал лошадей и украинские танцы — гопак, казачок и коломыйку. Ужин завершался. Их ждал балет. В ложе гостей разместили по протоколу. Но она была не слишком просторной, а Хрущевы людьми крупными. И Джек оказался фактически на коленях у Нины Петровны. Никиту же притиснуло к Жаклин, и он смешил ее байками про собак-космонавтов, обещая прислать щенков знаменитой Стрелки. Что и сделал.

На обедах и за ужином царило оживление. Как-то Кеннеди обронил сигарный пепел у стула Хрущева. Тот вопросил: «Хотите меня поджечь»? Джек заверил, что и в мыслях не имел, а тот: «А… так вы капиталист, а не поджигатель». Кеннеди отметил, что за него не голосовал ни один крупный капиталист. «Они умные», — сказал Хрущев. Джек же, узнав, что Никита имеет медаль Ленинской премии «За укрепление мира между народами», попросил: так носите, носите ее!

Но шутки — шутками, а пока лидеры обедают, системы соперничают.

Тэд Соренсен пишет, как, поднимая бокал, Хрущев сказал: «Будь мне столько лет, сколько вам, я бы отдавал еще больше сил нашему делу. Но и сейчас, когда мне шестьдесят семь, я не уклоняюсь от соревнования». Другой тост он выпил за решение проблем: «Вы верующий человек и сказали бы, что Богу следует помочь нам в этом. Я же хочу, чтоб нам помог здравый смысл».

Ну, а Кеннеди в тостах говорил о надеждах на мир и взаимопонимание, признавая ответственность, лежащую на них обоих: «Надеюсь, — заявил он во второй день, — когда мы покинем Вену… ничто не будет угрожать жизненным интересам наших стран».

Они много говорили об интересах и проблемах. Хрущев — о нехватке в СССР удобрений и кукурузы, о преимуществах подводных лодок над обычными кораблями, о послании президента Конгрессу. Он был в курсе последних речей Кеннеди. Они, сообщил премьер, вынуждают его наращивать свои силы, к

тому же военные и ученые обеих стран просят возобновить ядерные испытания. «Мы дождемся, когда начнете вы. А уж после сами», — пояснил кремлевский хитрец.

Никита все время отмечал пользу встреч на высшем уровне. Если не могут договориться первые лица, то чиновники и подавно, считал он: «Послы… могут быть очень знающими людьми, но лучше говорить лично: общение через экспертов — это как любовь через переводчика». Возможно, в этом его убедили встречи с Эйзенхауэром. Он говорил, что уважает его и допускал, что он мог не знать о полете Пауэрса, который организовали враги потепления между Москвой и Вашингтоном. Жаль, пришлось отменить его визит в СССР. Но он надеется, что приедет Кеннеди. «Когда ситуация созреет… Добро пожаловать». И обещал показать кого и что угодно: нам — советским — стесняться нечего.

И зря Никсон считал, что обратит нас в капиталистическую веру, показывая кухню, каких и в Америке-то нет! «Прошу прощения, что говорю так о гражданине Соединенных Штатов, но только Никсону могла прийти в голову такая чепуха»[151].

Советским людям, заметил Никита Сергеевич, нравятся американцы. Они уважают их технические достижения. И тут же помянул инженеров из Штатов, что участвовали в индустриализации первых лет советской власти: «Тут один из них приезжал недавно. Сказал, что работает на стройках в Турции. На каких же это? Наверное, строит ваши базы. Впрочем, это дело его совести».

Освоение космоса и полет Гагарина стали особой темой. Хрущев беспокоился, как влияет космическое путешествие на психику космонавта? Юрий-то здоров, ну а если на Луну?

— Быть может, слетаем вместе? — спросил Кеннеди. Застал Хрущева врасплох.

— Нет, — быстро ответил Хрущев. Возможно, раньше, чем успел обдумать вопрос. Но сразу поправился: — А ладно — почему нет?

10

Однако несмотря на такое благодушие, венский саммит стал демонстрацией жесткости. СССР предупредил США о недружественных планах насчет Берлина. США сообщили СССР, что примут их к сведению и Берлин не сдадут. Кеннеди получил советские памятные записки по вопросам испытаний ядерного оружия и по проблеме Западного Берлина.

Отдельно встала тема Лаоса. Там как раз шла одна из тех «освободительных войн», о вредоносности которых говорил Кеннеди. Левые партизаны из фронта «Патет Лао» («Лаосское государство») вели ее против правительства, лояльного США. Джек предложил договориться о прекращении огня и создании коалиционного правительства. 7 октября 1960 года оно приступило к работе. А летом 1962-го был сформирован кабинет, куда вошли все главные политические силы.

Но международная напряженность в целом не только не была исчерпана, но обострилась. Не зря говорят: Москва бьет с мыска — Хрущев сыграл в открытую. Кеннеди был предупрежден, а значит — вооружен. И немедленно приступил к разработке стратегии в отношении Берлина.

Вернувшись в США он подвел итоги: «Я отправился в Вену для встречи с руководителем Советского Союза господином Хрущевым. Мы… имели весьма широкий и откровенный обмен мнениями по важнейшим проблемам… Ни одна сторона не проявляла невежливости, никто не выступал с угрозами и ультиматумами. Никаких преимуществ не было сделано или получено. Никаких решений не было принято и не планировалось, не было достигнуто никакого значительного прогресса, да мы и не претендовали на это».

Таким образом, публично Кеннеди был предельно сдержан. Но при этом полон решимости защищать Западный Берлин и доступ к нему. Если потребуется — силой оружия.

Это требовало разработки новых военных и дипломатических планов. Заявления Хрущева произвели на президента такое впечатление, что он временно пересмотрел подход к внешней политике и встал на позицию бывшего госсекретаря Дина Ачесона. Тот считал, что в ответ на жесткую позицию Советов Штаты должны стоять на своем, пока Москва не уступит.

При этом любой сигнал о готовности к переговорам мог быть расценен Кремлем как слабость. Поэтому, хотя Штаты, конечно же, предпочли бы мирное решение, подавать виду было нельзя — это могло вызвать новые попытки давления. Такой стиль американцы считали характерным для советской внешней политики и дипломатии. Недаром министр иностранных дел СССР Андрей Громыко получил от их журналистов прозвище «Мистер Нет». В этом «нет» американские эксперты видели символ разрушительной сути коммунистического мировоззрения.

Поэтому, считали они, Кеннеди напрасно увлекся спором о марксизме и «освободительных войнах». Методами политической демагогии Хрущев владел мастерски. Джек знал марксизм, но, воспитанный в западной академической традиции, он привык к

американскому стилю полемики. Большевистский политический язык и логика были ему глубоко чужды. Поэтому он нередко чувствовал себя сбитым с толку рассуждениями красного вождя.

— Вы хотите разрушить влияние моей страны там, где оно традиционно существует. Вы хотите ликвидировать свободные системы там, где они есть, — говорил он Хрущеву.

— Идеи коммунизма не остановить. Но это вопрос решительного выбора самих народов, — отвечал Хрущев, упрекая Штаты в колониализме.

В его речах Кеннеди представал реакционером, а он сам — освободителем.

Джек был поражен. Он увидел — и это, пожалуй, стало его главным открытием на этой встрече, — что «советские люди и мы наделяем совершенно разным смыслом одни и те же слова: война, мир, демократия, воля народа… У нас разные представления о благе и зле, о внутренних делах и агрессии, и главное — о том, как устроен мир и куда он идет».

Так оно и было.

11

Хрущев и Кеннеди расстались навсегда. Но сохранили интерес друг к другу. Они обменивались письмами (нередко — минуя официальные каналы) делясь философскими идеями, политическими соображениями и даже личными вопросами.

21 сентября 1961 года премьер первым написал президенту. Хотел связаться раньше, но в июле Кеннеди говорил о Берлине так, что его речи вызвали военные приготовления, и писать было неудобно. А вообще, считал Хрущев, это полезно — писать друг другу неформальные послания. Но если Кеннеди считает это лишним, то может считать, что не получал этого письма.

Но Джек нашел затею интересной и полезной. Так он рассчитывал лучше узнать «партнера», а также предпочитал на всякий случай иметь с ним неофициальный канал связи. И потому ответил быстро. Он рассказал об отпуске, детях и отдыхе от столичной суеты. Но не согласился, что военные приготовления были вызваны его речами. А на переписку согласился.

Порой они общались через близких людей — родственников и сотрудников. 27 июня 1961 года Джек встретился в Вашингтоне с зятем Хрущева, главным редактором «Известий» Алексеем Аджубеем. И попросил передать, что не хочет «ввязываться в войну из-за Западного Берлина, но воевать мы будем, если вы

односторонним образом измените обстановку… Если я сейчас уступлю или откажусь от занимаемой позиции, конгресс, сенаторы привлекут меня к ответственности и посадят в тюрьму». Судя по многим признакам, Аджубей эту весточку передал.

Ну, а Хрущев обедал у себя на даче с Сэлинджером…

Важным эпизодом их диалога стало интервью Кеннеди «Известиям» 26 ноября 1961 года — первая в советской прессе публикация беседы с президентом США. Сделал ее Аджубей.

Сенсация! Подписчики «Известий» считались везунчиками. Прочие толпились у стендов. Кое-кто снимал с них газеты. Кеннеди говорил вещи, которых советские люди не ожидали.

«Я считаю, что Советский Союз и Соединенные Штаты должны жить друг с другом в мире. Наши страны — большие страны, с энергичными народами, и мы в обеих наших странах неуклонно обеспечиваем повышение жизненного уровня населения (удивительный по стилистике пассаж для президента США, но следом идет фрагмент, удивительный по содержанию, особенно — для советского человека, привыкшего, что от США не может исходить ничего, кроме агрессии и угроз). Если мы сумеем сохранить мир в течение 20 лет, жизнь народа Советского Союза и жизнь народа Соединенных Штатов будет значительно богаче и значительно счастливее…»

«…Трудности проистекают в результате усилий Советского Союза коммунизировать весь мир. Если бы Советский Союз только стремился защищать свою… безопасность и позволил бы другим странам жить так, как они пожелают… исчезли бы проблемы, которые теперь вызывают столь много напряженности. Мы хотим, чтобы народ Советского Союза жил в мире, мы хотим того же самого для своего народа. Именно усилия распространить коммунистическую систему на одну страну за другой представляют… угрозу для дела мира. Если бы Советский Союз стремился только к обеспечению лучшей жизни для своего народа… не было бы ничего, что могло бы омрачать отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами».

«Я знаю, что Советский Союз пострадал от Второй мировой войны больше, чем какая-либо другая страна. Каждая семья понесла потери… Соединенные Штаты тоже пострадали, хотя… и не столь тяжело… Мой брат погиб в Европе. Муж моей сестры погиб в Европе».

«Мы хотим предотвратить новую войну, которая могла бы возникнуть в Германии.

…Следует попытаться… выработать путем переговоров решение, которое сделает возможным сохранение мира… И это является целью нашего правительства».

«Никто никогда не вторгнется вновь в Советский Союз. Нет военной силы, которая могла бы это сделать. Короче говоря, если бы я был офицером Советского Военно-Морского флота (а не американского, ветераном которого являюсь), я считал бы, что… самое важное — это достичь договоренности с Соединенным Штатами…».

Комментарии излишни.

Побывал Аджубей и в Белом доме. В январе 1962 года. Когда посетил Штаты с дочкой Хрущева Радой. Джек попросил его передать тестю, что удовлетворен его решением отложить подписание договора с ГДР. Но еще раз заявил, что Западный Берлин не оставит.

Диалог между лидерами зашел так далеко, что обсуждался даже проект совместной телепередачи, где Хрущев и Кеннеди рассказали бы, «В каком мире я хотел бы жить?» Запись наметили на 8 марта 1962 года, анонс — на 15-е, а шоу — на 25-е. И 7 марта Соренсен сел уже писать текст для шефа. Вынося за скобки штампы «холодной войны», он делал акцент на точке зрения Белого дома на разоружение и «освободительные войны». Плюс — на добрых чувствах американцев к советским людям, стремлении к миру и общих интересах.

Но вечером пришло письмо от Хрущева. Он писал, что огорчен возобновлением Штатами ядерных испытаний. В итоге передачу отменили.

Отношения двух этих незаурядных людей никогда не были ровными. Как и отношения между нашими странами. После встречи Джек показал своей команде, как раздосадован жесткостью Хрущева. Корниенко пишет, что помощник президента Кеннет О'Доннел рассказывал, как по пути из Вены в Лондон тот говорил: «Бог свидетель… кажется чрезвычайной глупостью рисковать жизнью миллионов американцев из-за спора о правах доступа в Берлин по автобану… или из-за того, что немцы хотят объединения Германии. Должны быть гораздо более крупные и важные причины, чем эти, если мне придется грозить России ядерной войной. Ставкой должна быть свобода всей Западной Европы, прежде чем я припру Хрущева к стенке и подвергну его окончательному испытанию».

12

Следуя в Лондон, он не думал, что уже скоро Хрущев сам подвергнет его испытанию.

Визит в Британию оформили как поездку на крестины

племянницы — дочки сестры Джеки и Стаса Радзивилла. Джон не хотел возбуждать ревность в других европейских партнерах и, прежде всего, в де Голле, не любившем англичан.

Торжеству сопутствовал ряд встреч. Неофициальных, но важных. Беседа и завтрак с премьер-министром Гарольдом Макмилланом и ужин с королевой.

Кеннеди рассказал Макмиллану о беседах с Хрущевым.

Он все яснее видел, что эта встреча стала свиданием не только противоборствующих систем, враждебных мировоззрений и разных поколений, а двух невероятно далеких друг от друга миров: с одной стороны — железобетонно-агрессивного, с другой — титаново-динамичного. В нем стало расти ощущение размеров бремени, которое он взял на себя как лидер этого мира.

Макмиллан докладывал Елизавете II: «Президент до глубины души потрясен грубостью и жестокостью советского лидера. Это мне напомнило попытку лорда Галифакса вести переговоры с Гитлером. Впервые Кеннеди встретил человека, на которого не подействовало его обаяние».

В тот же день Джек говорил об этом с Джоном Олсопом. «На вечеринке в честь крестин… — вспоминает тот, — президент зажал меня в угол и минут пятнадцать говорил о том, что ему пришлось пережить… кажется, именно тогда он стал президентом в полном смысле слова».

Бобби также считал, что этот опыт стал ключевым в карьере брата. Он получил урок: в мире есть люди, глухие к доводам разума. Точнее — того, что на Западе считают разумом.

Впрочем, теперь Джек снова был среди тех, с кем его взгляды на разум совпадали.

Ужин с королевой стал «очень приятным вечером» в Букингемском дворце. Джеки рассказала Елизавете II, как ей трудно вечно быть на виду, та «посмотрела заговорщически и шепнула «Ну, приемам самосохранения быстро учишься»» и увлекла ее за собой в галерею, полную картин. У работы ван Дейка[152] она задержалась: «Какая великолепная лошадь». Ее величество знала, что первая леди обожает лошадей…

Джеки ненадолго осталась в Лондоне, а затем перебралась на виллу греческого миллионера Маркоса Номикоса, чтобы провести несколько дней, наслаждаясь праздностью и вниманием журналистов.

13

Она стала звездой европейской прессы и любимицей Старого

света.

Не зря для начала турне выбрали Париж, а не Вену. Визит во Францию стал для Джона и Джеки роскошным гламурно-политическим шоу (чего нельзя сказать о переговорах с де Голлем).

Фото четы не сходили со страниц газет. Первая леди была в новостях двадцать четыре часа в сутки. Ежедневник «Что носят женщины»[153] можно было переименовать в «Что носит Джеки».

Ну что ж, где же как не в Париже становиться иконами стиля и образцами элегантости?

Летели на новом президентском самолете. В отличие от пышных названий воздушных экипажей его предшественников — Рузвельт летал на «Священной корове», Трумэн — на «Независимости», Эйзенхауэр — на «Коломбине» — его назвали просто: «ВВС-1»[154].

Зато он был спроектирован по особому заказу Джеки «отцом промышленного дизайна» Раймондом Лоуи, вмещал салон для совещаний, места для сотрудников, гостей и журналистов, президентские покои, санитарные, медицинские и кухонные помещения. Шампанское подавали в хрустальных бокалах, украшенных эмблемами. Те же эмблемы были на пепельницах, посуде, приборах и другой утвари. На корпусе с обеих сторон была изображена личная печать президента.

Он-то и унес 31 мая 1961 года в Европу Джона и Джеки.

Следом вылетел доктор Джекобсон, не включенный в делегацию. Боли в спине продолжали беспокоить Джона. А тут еще незадолго до вылета он, посещая Оттаву, «потянул» спину. Усилием воли он удержал серебряную лопату, а после передал ее Джону Дифенбейкеру, премьер-министру Канады. В Вашингтоне боль вернулась. Тут-то и пришел на помощь доктор Джекобсон, известный в «высшем свете» лекарь, «чинивший» людей физическими упражнениями и загадочными (но законными) снадобьями. Именно эти инъекции и поставили Джона на ноги перед визитом.

И вот аэропорт «Орли». У трапа — де Голль и члены его кабинета.

После обхода почетного караула и речи генерала, Джон заявил, что прибыл из Америки — дочери Европы — во Францию, страну, чье влияние, философия и культура вели Запад задолго до рождения США: «Первый американский посол в Париже Бенджамин Франклин говорил: у каждого человека есть две страны — его родина и Франция». Джек напомнил, что «ряд лидеров новых независимых стран, с которыми он общался, говорили «на французском — языке свободы». Де Голля он

величал «защитником Запада», в чьем «лидерстве он нуждается как никогда прежде».

Они въехали в Париж под грохот 101 орудия. 50 мотоциклистов и эскорт республиканской гвардии не помешали парижанам разглядеть, что к ним прибыла красивая пара. Ликующие толпы провожали их до резиденции на набережной д'Орсэ, где, бывало, ночевал Людовик XVI. Повсюду — на тротуарах, балконах и крышах — реяли большие и не очень флаги Франции и США.

Джек принял ванну. Боль в спине отступила, и он выслушал доклад Соренсена, готовившего визит. Первая беседа с де Голлем была назначена на предобеденное время в салоне Доре Елисейского дворца. Затем планировалась серия мероприятий разной степени парадности.

Президентам было что обсудить: ситуация в Европе, Берлин и НАТО, положение на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, где обе страны традиционно имели стратегические интересы. Тогда-то генерал, похоже, и подсказал Джеку идею коалиционного правительства в Лаосе. Выйдя к прессе, де Голль и Кеннеди подчеркнули «полное совпадение мнений».

Последовал прием Кеннеди, данный в резиденции. Потом кортеж прибыл на площадь Звезды, где де Голль в форме и Кеннеди возложили венок к могиле Неизвестного солдата.

Парижан тронули французские корни Жаклин, знание языка, шарм, учеба в Сорбонне, известность в свете и присутствие на устроенном де Голлем балу ее прежнего поклонника Поля де Ганне. Оценили и то, что она танцевала в туалете работы французского кутюрье.

Джеки подобрала гардероб так, чтобы поразить хозяев: попросила Живанши создать шедевр и хранить в тайне. Лишь за час до бала Париж узнал, кто шил ее пальто, розовое платье и изумительный бальный наряд. В Елисейском дворце она блистала в туалете от Кассини, которое знатоки сочли схожим с моделями Кардена. Не прошло и дня, как ее звали «первой леди моды».

Де Голль, увидев Жаклин в Версале, с генеральской учтивостью произнес: «Вы словно сошли с картин Ватто, мадам». И это была не просто галантность. «Миссис Кеннеди покорила генерала умом и пониманием мировой политики… — писал британский наблюдатель. — Генерал очень критически относится к людям, так что это — немалое достижение».

Ну, а для Джеки де Голль был героем.

Встреча с ним стала особой и для Джона — тоже героя войны, но лишь лейтенанта.

— Вы пятьдесят лет готовились стать главой государства.

Удалось ли вам найти нечто, что должен был бы знать и я? — спросил он, прощаясь.

— Расскажу в следующий раз, — обещал де Голль.

Больше они не виделись.

При «полном совпадении точек зрения» парижские переговоры не дали крупных решений. Но немало дали в личном плане: доверительные отношения, — это тоже достижение. Это заметили СМИ. И им это понравилось. Это заметили дипломаты. И сообщили в свои столицы. Сэр Пьер Дикстон писал в Форин офис: «Визит президента Кеннеди в Париж начался удачно. Большинство французов… пали жертвой очарования молодого президента и его супруги».

Прощаясь, Джек объявил: «Я мужчина, сопровождавший Жаклин Кеннеди в Париж». Она сияла.

14

Посетив Европу, Кеннеди еще раз убедился: курс, намеченный им в международной политике, в целом верен, но чрезмерно мягок. В мире, где есть такие друзья, как де Голль, и противники, как Хрущев, мягкость — роскошь. Мало заявлять, что цель № 1 — превращение Америки в страну, способную в любое время, в любых условиях, в любой точке мира решить любую проблему. Надо это показать. И своим, и всем остальным.

Мораль, свобода, гуманизм? Хорошо! Но что нужно сделать, чтобы мир уважал их?

Таким вопросом задался Кеннеди. И ответил: Америка должна быть сильной. Сильнейшей.

Спустили на воду три ударных авианосца, построив их за три с половиной года? Отлично.

Плюс — первый в мире атомный ракетный крейсер «Лонг Бич»? Супер.

А чтоб не было им скучно в океане — четыре атомных подлодки «Спиджек» и три ракетных — «Этан Аллен». Заложили и десять новейших «Лафайетов». Класс!

Вместе с мощью развивается и глобальный бренд «Америка». И это требует максимально допустимой концентрации власти. Джек лишил министров ряда полномочий. Бюрократы могут сгубить даже такую идею, как «американская империя», — считали он и его команда.

Эти новые стратеги американской глобальной вовлеченности, энергичные и уверенные в своей компетентности и превосходстве над «отсталыми консерваторами», создали «квадрат силы» —

центр связности главных точек влияния: Белого дома (прежде всего — аппарата советника по национальной безопасности Банди), Пентагона, Объединенного комитета начальников штабов и Госдепа. Именно там шли главные дискуссии и принимались важнейшие решения.

Это они начали решать главную задачу внешней политики: создание ситуации, когда «ни одна держава и никакой союз не могли бы угрожать Соединенным Штатам… Сохранение такого положения, когда никакой блок не может овладеть достаточной силой, чтобы… превзойти нас».

Кроме военной и технической области, к решению этой задачи привлекли все средства и осуществляли на всех направлениях: в области развития космических, образовательных, информационных и других технологий, связанных с управлением волей и сознанием.

Кеннеди не боялся тратить деньги. Эйзенхауэр, бывало, даже военный бюджет не повышал, опасаясь «подорвать экономику и стабильность доллара». Джек же сразу после избрания поручил советнику Полу Самуэльсону[155] оценить возможность крупных расходов с точки зрения ущерба хозяйству. Анализ, проведенный будущим нобелевским лауреатом, показал, что «расширение государственных программ может только помочь, а не помешать здоровью экономики». А глава Группы экономических советников Уолтер Хеллер[156] утверждал, что «ресурсов хватит, чтобы создать великое общество в стране и осуществить великие проекты за ее пределами».

В марте 1961 года Кеннеди заявил Конгрессу: «Наш арсенал должен быть таким, чтобы обеспечить выполнение обязательств и нашу безопасность». В первую очередь, он имел в виду арсенал военный. Но — не только. И продолжал: «Не будучи скованы спорными бюджетными потолками, мы не должны избегать дополнительных расходов там, где они необходимы».

А как еще перейти в наступление сразу в четырех пространствах: военном, деловом, культурном и знаковом? Причем через «развивающийся мир». Под властью Востока он угрожал бы США. Нужно было втянуть его в зону своего контроля, фланги которой прикрывала НАТО.

Кеннеди считал, что битва Востока и Запада решится в «третьем мире». Но без опоры на атлантический оплот с его военным, научным, техническим и культурным ресурсом думать об этом было сложно. Кроме того, выполнение обязательств в Европе стоило денег. И немалых.

И вот Джон и его команда создают внешнеполитическую стратегию. Ее принципы: (1) быстрое наращивание мощи и

обретение превосходства во всех областях; (2) мобилизация дипломатии и культурной (знаковой) экспансии в диалоге с соперниками; (3) усиление союзников; (4) предельное расширение влияния в «третьем мире» и развитие наступления.

Да. Новые рубежи были везде. Их просто надо было видеть.

Но главный пролег в Берлине. Там, где Восток и Запад стояли лицом к лицу.

Глава четвертая. Первый блин

1

Встреча с глазу на глаз с Хрущевым была своего рода моделью встречи систем.

Президент лично прикоснулся к иному миру, о котором знал лишь из специальных сводок, сообщений СМИ, со слов советников и из книг. Теперь он столкнулся с его мировоззрением, ценностями, языком. Узнал о планах страны, возглавлявшей конкурирующую систему, активно расширявшую свое влияние в Азии, Африке и у берегов Америки — на Кубе.

Здесь уместен шаг назад: из июня — в апрель 1961-го, из Восточного полушария — в Западное, и из ситуации мирной дискуссии — в зону вооруженного конфликта.

Весна 61-го стала одним из самых суровых моментов жизни Кеннеди. Тогда он впервые в полной мере ощутил ответственность президента за принятые решения.

В заливе Свиней 17–19 апреля кубинская армия разгромила десант контрреволюционеров, атаковавших остров с ведома и при поддержке США. Так режим Кастро одержал победу не только над оппозицией, но и над США. Это был жесткий вызов, с которым Кеннеди пришлось столкнуться в самом начале своего президентского срока. Это был тест. Проверка на прочность.

Но почему он стал возможен? И кому был нужен?

* * *

Волшебный остров!

Джек посещал его дважды — в 1957 и 58 годах. С Джо Смазерсом — сенатором от Флориды.

Он навестил посла США Эрла Смита, которого знал не только как дипломата и соседа по Палм Бич, но и как мужа своей любовницы Флоренс Притчет. Об их романе светская львица Бетти Сполдинг писала, что он «был примером самых нежных отношений Джона с женщиной».

Как славно, что они остались друзьями!

Бывало, Флоренс устраивала для него неформальные ужины. Звала немногих, но интересных гостей. Наезжая к ней, Джон скрывался от прессы, а то и от Секретной службы, расслабляясь в славной компании. Но это когда уже был президентом. А в 57-м

сенатор выступил в посольстве, оглядел с террасы бухту Гаваны, катался на яхте, играл в гольф. Заскочил и в кабаре «Парижьен» и «Тропикана», где свиделся с певицей и актрисой Дениз Дарсель, сыгравшей с Бертом Ланкастером и Гари Купером в модном вестерне Роберта Олдрича «Веракрус»…

Куба. Ее тепло. Ее легкость и галантность. Ее ром, пальмы, сигары… Джон полюбил их. Здесь ли думать о повстанцах против полицейской диктатуры Фульхенсио Батисты? Здесь ли помнить о нем самом?

А перед выборами Кеннеди о Батисте вспомнил. Назвал его режим «одной из самых кровавых и репрессивных диктатур». И тут же высказался в пользу «демократических сил… с которыми связаны надежды на свержение Кастро».

Он уже знал, пусть и в общем, о разработанных при Эйзенхауэре планах вторжения на Кубу. От Аллена Даллеса. Тот прибыл в Хианнис-Порт сразу после выдвижения Кеннеди в президенты.

А над Гаваной уже реял черно-красный флаг «Движения 26 июля»[157].

2

Есть масса биографий Фиделя Кастро и его соратников. Кубинская революция описана красочно и многими — от Че Гевары («Эпизоды революционной войны») до Евтушенко («Я — Куба» и стихи). Не станем пересказывать эту полную приключений историю, а рассмотрим отношения США и новой Кубы. Плюс — отношение американцев к Кастро и его политике.

Сперва Фиделю симпатизировали. Еще бы! Умница, юрист-заговорщик из хорошей семьи, повстанец, политзаключенный, борец, романтик и красавец… Он нравился американцам.

Знаменитым его сделал журналист New York Times Роберт Метьюз. Он нашел Кастро в горах и взял у него интервью для влиятельнейшей газеты США. Первая часть вышла 24 февраля 1957 года. Продолжение — еще в двух номерах. Шапка: «В убежище кубинского повстанца: Кастро жив и сражается в горах»[158]. Первый абзац: «Фидель Кастро, мятежный вожак молодых кубинцев, жив. Он успешно сражается с диктатурой в своей почти недоступной цитадели средь пиков Сьерра Маэстры… окруженный элитными частями Фульхенсио Батисты. Но они не могут одолеть врага, опасней которого у генерала не было за всю его авантюрную карьеру…». О, как!

В Штатах аплодировали. Там любили Кубу — остров казино,

кабаре, пряных коктейлей и пьяных постелей. Вот только правил там душегуб. Американский средний класс таких не любит.

А Кастро! Он схож с маки[159]. Он вождь борцов с тираном!

Конечно, восторгались не все. Журнал National Review напечатал картинку: Фидель с завидущими глазами и загребущими руками навис над островом. На острове надпись: «Кубинское полицейское государство» и подпись: «New York Times устроила меня на эту работу».

Но в целом пресса сочувствовала повстанцам, не угадывая в них будущих врагов. Беглец из Венгрии, отпетый антикоммунист Эндрю Сент-Джордж, писал о них в журнале Look скорее благосклонно… А ведь Look публиковал страшные снимки расстрела Будапешта советскими танками. Консервативный Readers Digest послал на Кубу фотокора Дика Чапелла: сними, мол, Кастро и барбудос. Пусть их знает Америка! А Time — тоже правый журнал — за два года напечатал о них 32 статьи. «Адвокат Кастро, смельчак из преуспевающей семьи», — писали там о Фиделе.

Легенда продавалась как приключенческий боевик. Через три месяца после выхода интервью в New York Times, CBS сделала фильм «Повстанцы Сьерра-Маэстры: история кубинских борцов в джунглях».

Во время съемок Кастро спросил телерепортера и автора Times Эрика Дуршмида:

— Вы кто?

— Никто.

— Да уж, всем нам надо как-то начинать.

Нетвердый английский слегка сглаживал его самоуверенность. Но форма и кепи придавали лихости. А улыбкой пленял он не хуже, чем «вставший под знамя свободы аргентинский врач Че Гевара» — томным взором. В своих военных рубахах, толкующие в горном лагере с репортером Робертом Тейбером, они нравились штатникам куда больше, чем Батиста в шикарном мундире.

С ним рядом бились трое сыновей американских моряков с базы Гуантанамо. А всего, писали СМИ и пресс-релизы партизан, за них сражались двадцать пять граждан США.

Не зря, как пишет пулитцеровский лауреат Марк Курлански[160], президент Эйзенхауэр убеждал Батисту передать власть коалиционному правительству с участием Кастро.

3

Но тот не слушал генерала. Сам был генерал. И оценил его совет, лишь улетая в изгнание. А американцы и телевизионный мир наблюдали, как барбудос входят в Гавану. Овеянные славой и такие киногеничные, они триумфально въезжали в столицу.

Новая власть оказалась суровой. И не только с жандармами Батисты, но и с другими политическими силами. Так что скоро восторги стихли. Один штрих: когда Американская Ассоциация редакторов газет пригласила Фиделя в США, в магазины поступили сто тысяч игрушечных кепи с надписью «El Libertador», каждая — с черной бородой на ремешке. Это было в апреле 1959 года. А в мае их уже не покупали.

На Кубе шла аграрная реформа. Дело, в целом, хорошее. Вот только 40 % земель отошло к государству. В том числе и угодья компании «Юнайтэд Фрут». Началась национализация банков и других предприятий. Первыми стали «Кубинская телефонная компания» (дочернее предприятие американской «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ITT)), нефтяные и сахарные заводы. В итоге потери 979 американских компаний составили около 1 млрд долларов, до 2 млн гектаров земель, ключевые производства, другие торгово-промышленные объекты и недвижимость.

Пять американских фирм, владевших 2 миллионами акров плантаций тростника, понесли ущерб. Им обещали компенсацию в виде бон, погашаемых в течение 20 лет из расчета 4,5 %. Это был грабеж. Что творится на Кубе? — вопрошала возмущенная общественность. Метьюз отвечал: «социальная революция, наследница Французской революции 1789 года».

Не этого ждали читатели New York Times от «героя среднего класса из хорошей семьи».

В Гаване пахло коммунизмом. Зачем в феврале 1960-го туда прилетел Микоян — доверенное лицо Хрущева? Зачем сам Хрущев навестил Кастро в ходе Генеральной Ассамблеи ООН? Зачем Гавана подписала с Москвой договор о поставках сахара, получив кредит в 100 млн долларов?

Союз с СССР — вот о чем шла речь. Гавана просила Москву: продайте оружие. И та продала. Гавана просила: научите им пользоваться. И кубинские пилоты сели на советские МИГи.

«Красный» остров у берегов Америки — вот с чем столкнулся Вашингтон. И, конечно, не мог игнорировать его появление. Как и равнодушно взирать на беды американского бизнеса. И Айк решился: для помощи врагам Кастро ЦРУ создало «Группу 4». Задача: свергнуть «красных». О восстановлении тирании Батисты речь, конечно, не шла. Штаты предпочитали демократию американского типа. Но знали: победа не будет легкой — 60–

70 % кубинцев выступают за Кастро.

Директор ЦРУ Аллен Даллес получил от президента секретный меморандум. В нем Эйзенхауэр одобрял подготовку высадки на Кубе противников Кастро.

4

Американским экспертам казалось, что в США и Южной Америке хватит врагов новой власти, чтобы сформировать из них, вооружить и подготовить части, способные ее свергнуть.

Операцию назвали «Плутон». Ей руководил лично Даллес.

«Группу 4» разместили в Майами. В нее включили людей, хорошо знавших Кубу.

Вскоре увеличили их число с десяти до сорока человек.

Добровольцев, желавших сражаться с Кастро, тренировали в лагерях в зоне Панамского канала и в районе гватемальского города Реталулеу на западном побережье страны. Плюс было устроено еще шесть лагерей в полубезлюдных горных районах на Тихом океане. Кубинцы-эмигранты пользовались также и гватемальскими аэродромами.

Противников Кастро поддержали президенты Гватемалы и Никарагуа Идигорас Фуэнтес и Луис Сомоса. Первый — из благодарности США за то, что те помогли ему свергнуть президента-популиста Хакобо Арбенса, как и Кастро изъявшего земли «Юнайтэд фрут», второй — желая упрочить отношения с Вашингтоном. Сомоса предоставил им взлетно-посадочную полосу и порт Пуэрто-Кабесас. Каудильос Центральной и Южной Америки считали Фиделя врагом.

Ненавидели его и эмигранты. Американские советники убедили многих из них войти в «Демократический революционный фронт» («Frente») во главе с Мануэлем де Вароной[161], в прошлом — сторонником президента Кубы Карлоса Прио[162].

Вторжение готовили в обстановке строгой секретности. Но сохранить ее не удалось. СМИ сообщили об учениях эмигрантов под патронажем ЦРУ. Министр иностранных дел Кубы Рауль Кастро сообщил, что знает о планах противника. О том же вскоре заявил Фидель.

— Нападение встретит отпор всего народа Кубы! — крикнул он с трибуны под рев толпы.

Так развивались события в последние месяцы правления Эйзенхауэра. Генерал считал, что реальная политика — это, прежде всего, сила, оружие, ресурсы, убытки и прибыли. А уж

потом — мир, свобода, независимость, развитие и тому подобные дорогостоящие деликатесы пропаганды.

Джек думал иначе. Но став президентом, хотел он или нет, унаследовал план Айка.

5

США заморозили отношения с Кубой 3 января 1961 года. А 20-го Кеннеди вновь ознакомился с планом вторжения. 27-го он получил от Объединенного комитета начальников штабов меморандум о том, что СССР поставил Кубе современное оружие и десант надо усилить. Число солдат увеличили до почти полутора тысяч, дали больше оружия и техники.

Но нужна ли эта операция ему — Джону Кеннеди? Вот в чем вопрос. Он считал, что этот унаследованный конфликт — скорее, бремя, чем капитал. Чувствовал, что стал объектом интриги консерваторов, втягивающих его в обреченный проект. С другой стороны, он не мог игнорировать ЦРУ и военных. И Джек соглашается на продолжение учений, но решение о высадке откладывает.

Пентагон и ЦРУ настаивают. Они назначают начало операции на 5 марта. Но президент снова ее откладывает. Он требует более детальной подготовки. Дело в том, что он получил меморандум, составленный Артуром Шлезинджером. А там сказано: «скрыть участие США… будет невозможно», и при неудаче это «мгновенно разрушит позитивное отношение к новой администрации, которое с таким трудом удалось создать в мире».

Между тем операцию готовят. Эмигранты формируют правительство в изгнании — Революционный совет. Госдепартамент издает «Белую книгу», разъясняя, что за Кастро стоит мировой коммунизм. Это попытка дискредитировать Кубу и идейно обосновать атаку эмигрантов.

Напомним: руководство США и большинство американцев считали коммунизм злом. «Холодная война» почти стерла память об общей с СССР победе во Второй мировой. А политические репрессии и враждебность к США разрушили былые симпатии к Гаване.

Но Джеку была нужна и поддержка Латинской Америки. Он хотел побудить их одобрить вторжение или, на худой конец, отнестись к нему с пониманием… В августе 1960 года министры иностранных дел ОАГ[163] приняли «Декларацию Сан Хосе», где отвергли «попытки советско-китайских сил… угрожать миру и безопасности в Западном полушарии»[164].

В ответ в Гаване приняли «Гаванскую декларацию», осуждавшую «вмешательство США в дела Латинской Америки» и власти, «предающие интересы… своих стран в угоду империализму». В ней сообщалось, что Куба приняла помощь СССР в отражении вероятной агрессии.

Меж тем, не желая выглядеть «шайкой бунтарей», эмигранты сформировали регулярную воинскую часть — бригаду 2506. У нее были все черты боевого подразделения: личный состав, командование, техника, эмблема и знамя — атакующий боец с винтовкой на перевес на оранжевом фоне, номер части и вымпел с надписью brigada asalto — «ударная бригада». Эмблемой стал щит с номером, белым крестом и кубинским флагом на зеленоголубом поле. Часть возглавил капитан Хосе Альфредо Сан Роман. Она состояла из четырех пехотных батальонов, моторизованного батальона; имела в своем составе парашютно-десантную, танковую и артиллерийскую части. Имелась и авиация: самолетам B-26 надлежало поддержать высадку с воздуха.

Все готово, твердили цээрушники и генералы. А Джек не спешил. Он так и не решил: зачем ему атака на Кубу? Это был не его проект.

6

Кеннеди стремился строить отношения с миром на основе мягкой силы, а не открытого давления и вооруженной агрессии. Но мог ли он остановить авантюру, навязанную военными и Даллесом? Уверенного ответа на этот вопрос нет.

Но о его желании сделать это косвенно говорит тот факт, что с декабря 1960 по апрель 1961 года он созвал не менее 12 совещаний по Кубе. Но так и не дал вторжению «зеленый свет».

А ведь на него давили влиятельные силы: Пентагон, ЦРУ, правые СМИ, бизнес, наконец. Консерваторы в его собственной партии и республиканцы открыто заявляли о его «неопытности и нерешительности». Говорили: о'кей, если он способен быть жестким, неплохо бы это доказать.

Внушали: это единственный и последний шанс вернуть Кубу в свободный мир.

Эмигранты грызли удила — рвались в бой. Держать их в лагерях было все труднее: о них все чаще писали СМИ, а соперничающие группировки в рядах части было сложно контролировать.

Сторонники силового решения настаивали: пора отправлять

их на Кубу. Быстро и тайно.

Пока туда не прибыли советские реактивные самолеты, способные легко сбивать старые B-26.

Джека раздражало давление. Но отмахнуться от него он не мог. И уступил.

Тем более, что эксперты из разведки и Пентагона обещали ему, что немедленно после вторжения на острове начнется народное восстание. Они не понимали (или делали вид?), что это — опасная иллюзия. С первых минут новые кубинские власти хорошо поработали, чтобы парализовать волю своего народа к протесту.

Они решили проблему тремя средствами:

1) казнили или посадили самых энергичных противников, убрав вождей и запугав слабых;

2) изгнали или разрешили уехать тем, кто не хотел строить социализм, лишив оппозицию потенциального актива. В стране остались, в основном, сторонники власти и простые аполитичные люди, которыми, как известно, так легко манипулировать;

3) постоянно обрабатывали народ тотальной агитацией. Речи вождей, портреты, митинги, пение революционных песен и скандирование проклятий янки, девизы: «Родина или смерть!», «Учеба! Работа! Винтовка!» — все это, плюс радио, кино и газеты, сплачивало народ вокруг власти.

Что, ЦРУ не знало об этом? Или не умело анализировать ситуацию?

7

В книге «1036 дней президента Кеннеди» Анатолий Громыко цитирует Даллеса. Он сказал Кеннеди: «…я стоял здесь перед Эйзенхауэром и заявил, что уверен, что операция в Гватемале[165] закончится успешно…Перспективы этого плана еще лучше…». Цитирует Громыко и Биссела: «положение на Кубе созрело для восстания». А если план потерпит неудачу, десант уйдет в горы и начнет партизанскую войну, которую поддержит население. Никто не возражал.

Гражданские молчали, а «силовики» давили. Они играли свою игру.

Даллес, Биссел, председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Лемнитцер[166] и другие «ястребы» имели огромный военный, управленческий и политический опыт. И хорошо понимали, что участие США в операции против Кубы в любом случае вызовет мощный международный резонанс: в

случае успеха образ Кеннеди как умеренного будет размыт, что заставит отвернуться от него ряд лидеров «третьего мира» и американских либералов. И это «сдвинет» президента в сторону консерваторов. Ну а если десант разгромят — случится то же самое. Но репутация Джона получит такой удар, что он будет просто вынужден искать поддержки. У либералов он ее не найдет. А значит, ему придется опереться на правых. Что и требуется.

Очевидно, этого хотели те, кого беспокоила сама возможность изменения курса, с которой связывали приход Кеннеди? И план «Плутон» вполне мог быть частью интриги, имевшей целью сохранить прежние подходы, как минимум — во внешней политике.

Понимал это и Джек. Но рискнул. Надеясь спасти остров от тирании. То есть стать победителем. А их не судят.

8

План был утвержден 4 апреля. Высадку назначили на 17 апреля. В заливе Свиней.

Сначала B-26 нанесут удары по базам ВВС, портам, складам и электростанциям. Подполье устроит диверсии. Эмигранты высадятся и возьмут Гавану. Так выглядел сценарий.

9 апреля бригада двинулась на базу «Трамплин» в Пуэрто-Кабесас. 12 апреля Джек отрицал возможность участия в боях граждан США. Подпольщики подожгли крупнейший универмаг острова El Encanto. Власти усилили охрану важных объектов и приготовились к бою.

У Кубы было 24 боевых самолета. Пятнадцать B-26; шесть Хоукеров «Си Фьюри» (когда-то самых быстрых в британском флоте) и три реактивных Локхида Т-33 «Шутинг Стар» с ракетным вооружением. Ряд самолетов замаскировали, заменив муляжами.

15 апреля американские СМИ сообщили, что кубинские пилоты восстали, разбомбили свои базы и ушли в США. В Ки-Уэст и Майями приземлились два B-26 с эмблемами Кубы. Их пилоты сообщили, что ВВС у Кастро больше нет. Новость немедля растиражировала пресса. Поверили ей и руководители операции. Теперь они считали, что десант будет неуязвим с воздуха.

На самом деле информация оказалась ложной. Во-первых, удар нанесла авиация сил вторжения, а во-вторых, ВВС Кастро уничтожены не были. Они потеряли только три самолета.

Фидель немедленно призвал к отпору, а революцию на Кубе назвал социалистической.

Между тем противник приближался. 16 апреля в «точке Зулу» в 65 километрах от Кубы их принял эскорт американских кораблей. Неподалеку крейсировали авианосцы «Эссекс» и «Боксер».

В ту же ночь к кубинскому берегу подошел корабль «Плайя» с задачей завязать бой и отвлечь на себя внимание врага. Но берег хорошо охранялся, и «Плайя» задание не выполнила.

Около полуночи десантные суда «Блэгар» и «Барбара Джей», грузовые «Хьюстон», «Рио Эскондидо», «Карибе», «Атлантико» «Лейк Чарльз» с десантом, боезапасом и техникой подошли к острову. Началась высадка.

Но сторонники Кастро не спали. И вскоре десант засек патруль сил самообороны.

Справились с ним быстро, как и с подошедшим отрядом «милисианос»[167]. Но те все же сообщили координаты десанта. Власти немедленно ввели военное положение и призвали в армию 20 000 человек. Из Санта-Клары к месту высадки двинулись пехотный полк, орудия и танки.

А на рассвете в бой вступила кубинская авиация. Та самая — якобы уничтоженная. Это стало для повстанцев, ЦРУ, военных и Кеннеди крайне неприятным сюрпризом. Ударам подверглись позиции бригады и караван судов. Транспорты с частью людей, амуницией и оружием пошли на дно. Уцелевшие отступили. В этот момент парашютный отряд контрреволюционеров занял город Соплильяр, и бригада двинулась вперед.

Но вскоре ее остановила пехота, танки и шквальный артобстрел. К исходу дня силы Кастро выпустили по позициям противника около 2 тысяч 122-милимметровых снарядов (больше, чем в бригаде людей). И хотя десант не слишком страдал от обстрела, психологический эффект был велик: суда с боеприпасами затонули, и повстанцам просто нечем было отвечать на огонь.

Их блокировали на болотистом побережье. Парашютисты оставили Соплильяр. На помощь вылетели B-26 с грузом боеприпасов, но кубинские Т-33 и зенитки помешали их доставить.

В тот же день представитель СССР в ООН Валериан Зорин зачитал письмо Хрущева. Он требовал «прекратить агрессию США», грозя принять «меры для оказания помощи республике Куба». Эдлай Стивенсон зачитал ответ Кеннеди, где отрицалось участие во вторжении США, но утверждалось их право защищать Западное полушарие от опасности извне.

Хрущев заявил, что мера участия Штатов известна и СССР «окажет кубинскому народу и правительству всю необходимую помощь…».

Повстанцам помощи ждать было неоткуда. Обороной острова командовал Фидель. Его режим переживал ключевой момент. Он, Рауль, Че знали: проиграем — пощады не жди. Девиз «Победа или смерть!» обрел новый смысл. Смерть! Вот что значило поражение. Бились за жизнь, за власть, за себя, за свои идеи и планы.

Тем временем бригада гибла. Восстания не произошло. Кольцо сжималось.

И тогда Даллес предложил ввести в бой авиацию и морскую пехоту США.

10

В отличие от кубинских лидеров, жизни Кеннеди ничто не угрожало.

Но он был в сложном положении. Становилось ясно: операция близка к провалу. Между тем Даллес требовал вмешательства: «Положение критическое! Пора бить с моря и с воздуха». Может, с военной точки зрения это и было верное решение. Но не с политической. Кеннеди бить не мог. Он связал себя обещанием: американцы в боях участвовать не будут. Позволил лишь прикрыть B-26, летящие поддержать десант, не зная, что в их экипажах есть граждане США.

Но случилось непредвиденное. B-26 и прикрытие разминулись — прибыли в точку встречи с разницей в час. Никого не обнаружив, бомбовозы полетели к Кубе. Где два из пяти ждала гибель.

Помощи десант так и не получил и сражался в окружении. Артиллерия прижала его к земле. Реактивные T-33 сбивали B-26. Таков был итог отказа от второго удара по аэродромам, назначенного, но отмененного Джеком.

Но погубило бригаду не это. На гибель, как считают ряд участников событий, включая Тэда Соренсена, ее обрекли иллюзии «силовиков» и их желание «сдвинуть» Кеннеди вправо.

— О, будь я мудрей… — твердил он Соренсену, — то отменил бы высадку… Как я мог так далеко оторваться от базы? Всю жизнь я сперва доверял себе, и потом — экспертам. Как можно было позволить им рулить?

18 апреля он узнал: разрыв между планом и исполнением невероятно велик. Неверны были и видение картины в целом, и конкретные расчеты. Огрехи и нестыковки вели к катастрофе.

Больше того — его обманули. И не раз. Восстания не произошло. Провести высадку скрытно не удалось (да разве могло удастся в открытом обществе, где о таких операциях СМИ часто сообщают задолго до их начала?). 19 апреля десант сдался.

Бригада потеряла 114 человек убитыми и 1202 пленными. По кубинским данным, правительственные войска потеряли 176 солдат и офицеров, по другим — от 500 до 4000 убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Но они победили. Гавана ликовала. Вашингтон искал выход. И не находил.

Соренсен пишет, что когда генерал Тейлор проанализировал ситуацию, он доложил Кеннеди, что для успеха подобной операции нужно было от 10 до 20 тысяч человек, а не полторы тысячи; что поддержка ВВС была непростительно слабой, а командиров среднего звена, способных эффективно управлять ходом боя, оказалось слишком мало. Не было и резервов.

Каков же итог? Выживших снимали со скал американские суда.

11

Это было поражение.

Поражение бригады, поражение ЦРУ, поражение «ястребов».

Но главное — поражение Кеннеди. Опасный удар по его репутации.

Удар по бренду «Кеннеди».

Пришла пора платить по счетам. За то, что доверился безответственным чиновникам. Позволил втянуть себя в авантюру на старте президентского срока. Пошел на поводу у эмоций — антипатии к коммунизму и Кастро. Переоценив бригаду 2506 и специалистов из ЦРУ, недооценил поддержку Фиделя кубинцами.

Он не прислушался ни к сомнениям сподвижников, ни к своей интуиции. «Отключил» инстинкт политика. А когда «включил» снова, осталось лишь спасать престиж.

Он послал Адольфа Берла и Шлезинджера во Флориду к лидерам эмигрантов. Там знали о поражении, но не были в курсе подробностей. А услышав о них, пришли в ужас. Их пригласили в Белый дом, где Джек заверил их в своей скорби по погибшим. «Я потерял на войне брата и зятя, — сказал он, — Я знаю, что вы чувствуете». Также он подтвердил свою готовность освободить пленных и поддержать их семьи.

Теперь нужно было, по возможности, успокоить американское общественное мнение, союзников США, «третий мир» и Москву

(предстояли переговоры по ядерным испытаниям).

Рейтинг Джека в мире и США падал. СМИ и политики корили его за то же самое, за что он ругал себя. Что ж, он сам дал критикам «палку, которой они будут бить его всегда».

Это видел Кеннеди-политик. Кеннеди-католик понимал другое.

Например, что надо благодарить Бога за это поражение. Поражение — это урок. Наказание. А для христианина наказание не кара, но наставление. И — в случаях с политиками его масштаба — указание: своевременно корректировать методы управления, кадровую политику и систему общественных связей. И перемены должны отвечать не «требованиям момента» и «настроениям в обществе», а его личной стратегии — новой политике, прорастающей из ценностей и целей. Но ее нужно продумать и проверить. Нужна пауза. Широкое обсуждение его действий — не беда.

Пусть атакуют правительство и его лично. В открытом обществе критика власти — норма. Важно своевременно и содержательно ответить. Нанести сокрушительный ответный удар.

Сделать несколько точных синхронных ходов сразу в трех сферах: в элитах; в кругу соратников; в СМИ.

Он приглашает к себе видных демократов — спикера Палаты представителей Рэйберна, председателя комиссии по международным делам Фулбрайта, Хэмфри и других. Он разъясняет ситуацию республиканцам: Эйзенхауэру и Никсону, реакционеру Голдуотеру и либералу Рокфеллеру. Генералам из Пентагона и генералам большого бизнеса.

До поры он сохраняет Даллеса на его посту, понимая, что, пока он на своем месте, стоящие за ним силы воздержатся от жестких ходов против правительства, членом которого является их человек. В то же время и либералы понимают: у них нет другого президента. Только Джек.

Он совещается с доверенными лицами и соратниками. «Впереди — говорит он лучшим и блистательнейшим, — битва за новые рубежи. И вы играете в ней главную роль». А главная роль — это больше влияния, больше возможностей, больше денег.

Он работает с прессой. Признает ошибки и роль в операции: «старая поговорка гласит: у победы сотня отцов, а поражение — сирота… Так вот, как глава правительства, ответственность за него несу я». Говорит об угрозах: «нам противостоит монолитный и беспощадный заговор». Намекает на новые подходы: «мы будем энергичны в борьбе, куда более сложной, чем война».

На правом фланге в этих словах увидели обещание добиться

глобального торжества демократии не привычными силовыми средствами, а иными, странными. Консерваторов отличает не только стремление охранять «традиционные основы общества» но и верность старым способам мышления. Понятно, они тут же накинулись на Джека за «неготовность применить силу…».

После речи о сиротстве поражения Джеком овладела депрессия. Бобби предложил: «Позвони отцу. Он в таких случаях всегда находит что-нибудь положительное». Так и вышло.

— Молодец. — сказал Джо-старший. — Молодец. Взял ответственность на себя. Люди это любят. Уж ты мне верь. Люди любят лидеров, которые не боятся ответственности. Попомни мое слово: на поверку окажется, что твоя линия — самая верная.

Он не ошибся: признание оплошностей, готовность ответить за них, скорбь о жертвах и стремление продолжать борьбу понравились публике. Уже в мае рейтинг начал расти.

На глазах стало меняться и отношение мира. Москва вернулась к обсуждению ядерных испытаний и встречи в Вене. Буйные критики из «третьего мира» умерили пыл.

Настала пора контрудара. Того самого — по нескольким целям сразу.

12

5 мая собрался Совет национальной безопасности. Обсудить было что: во Вьетнаме партизаны заявили, что до конца года свергнут проамериканское правительство Нго Дин Дьема. В Конго, Анголе и Лаосе шли бои. И главное: 12 апреля СССР первым запустил космический корабль с человеком на борту и вырвался вперед в космической гонке.

И вот теперь на мысе Канаверал НАСА готовит к пуску пилотируемый корабль. Алан Шепард готов к старту. До старта пять минут. Все идут к телевизору. На экране — корабль «Фридом-7»[168]. Отсчет. Пламя, дым, рев двигателей. Yes!

Лицо Кеннеди, напряженно молчавшего эти пять минут, проясняется.

Но мало отправить ракету в космос. Нужно обеспечить посадку.

Минуты ожидания текут, как капли в восточном фонтане. Но вот — сообщение: «Астронавта подобрал вертолет. Самочувствие в норме». Свершилось. Они сделали это! Америка взмыла в небеса. Советской космической монополии больше нет. Соревнование продолжается. Нет, не во всем прав был отец: даже будучи вторым, можно праздновать победу!

Шепард летал 15 минут против 108 у Гагарина. Поднялся на 186 с половиной километров. В отличие от Гагарина, летевшего на автомате, управлял кораблем и приводнился на Атлантическом ракетном полигоне в 486 километрах от старта. Полет и стал тем контрударом, который готовил Джек. И вскоре счастливый Алан Шепард с женой Луизой ехал через Вашингтон получать поздравления. Его приветствовали тысячи ликующих американцев.

Кеннеди встретил его в колоннаде Капитолия. В лице Шепарда он приветствовал всех астронавтов — «выдающихся и самых здоровых наших сотрудников». Не обошлось и без легкого конфуза: вручая герою медаль НАСА «За выдающуюся службу», президент уронил награду и, быстро подняв, сказал: «Позвольте вручить вам… эту медаль, летящую с земли ввысь — вот сюда!» и приколол на лацкан. Смехом и аплодисментами встретили гости этот веселый гимн победе.

Хохоча, все передавали слова, вроде бы сказанные астронавтом перед стартом: «Боже, пожалуйста, не дай мне облажаться». Скоро эта «молитва Шепарда» стала популярной у пилотов. Хотя, говорят, сказал он проще: don't fuck up, Shepard… — «не облажайся, Шепард».

Он справился, и страна обрела нового героя. Аристократ, потомок Ричарда Уоррена, прибывшего на знаменитом «Мэйфлауэре», семьянин, добрый ветеран войны и безупречный офицер морской авиации, Алан Шепард отлично справился со своей главной миссией — стать символом отваги и американской устремленности в космос и к новым победам.

13

Этот успех помог Джеку преодолеть депрессию. Но он переживал за погибших, пленных и их семьи. И делал все, чтобы вернуть узников в США. 27 декабря Джон и Джеки приняли командиров бригады в Палм Бич. А через два дня Жаклин воздаст им почести на стадионе Ориндж Боул в Майами перед тысячами эмигрантов и американцев. Под гром оваций она на испанском обратится к семьям, друзьям и соратникам пленных. Принимая знамя, Джек заявит: «Верю: вы сохраните дух своей бригады, и придет день, когда ее флаг будет реять над свободной Гаваной».

Здесь он ошибся. Авантюра Даллеса отсрочила возвращение демократии на Кубу на неопределенный срок. Впрочем, с сентября 1961 года он уже не руководил ЦРУ. Джек уволил его, а пост директора предложил Бобби. Но тот отказался. Управление

возглавил Джон Маккоун[169].

А в канун Рождества освободили пленных. Обменяли на лекарства, медицинское оборудование, детское питание и другие разрешенные для поставок Кубе товары[170]. (Запрет на экспортно-импортные операции между США и Кубой уже действовал).

* * *

В сентябре клан праздновал пополнение — рождение Эдварда-Мура-младшего, сына Тэдди.

Джо-старший сердечно поздравил сына, который, похоже, начал остепеняться. Но вскоре клан собрался уже по другому, трагическому, поводу. Прямо с поля для гольфа отца доставили домой, а оттуда в больницу. Диагноз: инсульт и паралич правой части тела.

Слетелись дочери, Джек и Бобби. Тэдди привез лучшего специалиста по инсультам. Но у отца началась пневмония. Священник соборовал его. Однако вскоре доктора обнадежили: будет жить, хотя вряд ли встанет и заговорит. Но Джо заговорил. Хотя и стал пассажиром инвалидной коляски. Его недуг стал вызовом сплоченности, верности и любви всех Кеннеди.

Эту верность и любовь к отцу они сохранят до конца своих дней. Сохранит и Джек, несмотря на страшный груз дел и ответственности.

* * *

Впрочем, за государственными заботами он не забывал о простых, но важных житейских делах. Недавно увидел свет любопытный рассказ пресс-секретаря Пьера Сэлинджера, на которого в ходе кризиса в заливе Свиней легло немало задач по организации общения с прессой. И вот: «Погожим зимним утром президент пригласил меня в свой кабинет. Он был очень серьезен.

— Помогите мне, Пьер.

— С радостью сделаю все, что могу, господин президент, — ответил я.

— Мне нужно много сигар.

— Сколько, господин президент?

— Тысяча. Сорта Petit Upmann.

Я вздрогнул. Но быстро овладел собой.

— Когда, господин президент?

— Завтра утром.

Что было делать? Хорошо, что я имел опыт в курении сигар и знал много магазинов — шопинг затянулся допоздна. Но в офис я вошел в 8 утра. Зазвонила «вертушка»: «Жду вас!».

— Как? — спросил он, едва я вошел.

— Легко!

Я купил тысячу двести сигар.

Он выдвинул ящик стола. Извлек бумагу. Подписал. Указ о запрете импорта с Кубы».

В том числе и любимых сигар. 7 февраля 1962 года.

* * *

Санкции проблемы не решат. Джон столкнется с ней еще не раз.

Здесь и покушения ЦРУ на Кастро (неудачные). И попытки привлечь к его устранению боссов мафии, которые многое потеряли на Кубе…

Остров напомнит ему о себе уже скоро. И тогда опыт поражения и недоверие к «ястребам» станут спасительными для него. И для его команды. А, возможно, — и для мира.

Глава пятая. «Берлинский пончик»

1

Кремль, машина, самолет. Конев Иван Степанович летит в ГДР. Командующий Группой войск в Германии спешно следует по месту службы! Съезд партии подождет. Шахтеры, монтеры, актеры, режиссеры, знатные комбайнеры справятся сами. Маршала ждет боевой пост.

Так же, как и он, — спешно и незаметно — зал заседаний XXII съезда КПСС покинули министр обороны маршал Родион Малиновский и начальник Генштаба маршал Матвей Захаров — бывший командующий контингентом в Восточной Германии, — чтобы занять место в сверхсекретном глубоком бункере в глубине Ленинских гор[171].

Группы советских войск в Восточной Европе, в западных военных округах СССР, Балтийский флот, РВСН и ПВО подняты по тревоге.

* * *

26 октября 1961 года маршалы Малиновский, Захаров и Конев отправились исполнять интернациональный долг перед восточно-германскими товарищами, а также защищать стратегические интересы СССР. Трудная сложилась ситуация. А ведь какую устроили по Берлину дипломатию! 12 сентября в Пхеньяне секретарь ЦК КПСС и, по мнению многих, — второй человек в стране Фрол Козлов[172] заявил о продлении срока подписания мирного договора с ГДР[173] — того самого, коим Хрущев пугал Кеннеди в Вене. А 17 октября и глава заявил, что срок этот не так уж и важен, если Запад покажет «реальную готовность решить берлинский вопрос».

И — вот те нате! Американцы лезут стенку ломать!

Ну да! Танки М-48 и бульдозеры вышли к знаменитому чек-пойнту «Чарли» в Берлинской стене, явно собираясь снести заграждения, разделившие Восточный и Западный Берлин.

А навстречу им — 7-я рота 68-го гвардейского танкового полка — десять танков Т-54. Люки и номера закрыты, амбразуры — открыты, орудия и пулеметы расчехлены, баки сняты — боевая готовность. Так — сверкая блеском стали, по Белинской мостовой наступала грозная броня. А в переулках — еще 94 танка, 12

бронетранспортеров и батальон пехоты. Но по тревоге была поднята вся группа войск — полмиллиона человек: 1 ударная, 2 гвардейских танковых, 2 гвардейских общевойсковых и 1 воздушная армия: 7600 танков, 2500 самолетов, 8100 БТР.

К тому времени численность американских войск за стеной составляла 5800 солдат, инженерные службы, несколько орудийных батарей, 30 танков; всего в Западной Германии — 40 000 солдат США, а во всей Европе, по разным данным — до миллиона натовцев.

Вряд ли Советы смели бы их как пыль. Но снова брать Берлин были готовы. Зря что ли читали на политзанятиях — великий Ленин учил: «Кто владеет Берлином — владеет Германией. Кто владеет Германией — владеет Европой».

И вот М-48 и Т-54 — застыли по разные стороны шлагбаума. Дистанция — 100 ярдов.

Два мира, две системы смотрят в прорези прицелов.

2

Берлин. Славный символ победы союзников над гитлеровской тиранией.

И он же — главный символ разделения Европы и планеты на миры.

Вторая мировая война шла к концу. Лидеры Британии, СССР, США знали: скоро общая борьба завершится победой и мудро — заранее — определяли судьбу Европы и Германии.

В Лондоне и Ялте заключены соглашения о ее будущем. Подтвердить и уточнить их предстояло после победы — в Потсдаме: каждый член коалиции получал свою зону оккупации.

И вот уже бойцы 1-го Украинского фронта маршала Ивана Конева и 1-й армии США генерала Омара Бредли обнимаются на Эльбе.

Это — 25 апреля 1945. А 7 мая в 2 часа 41 минуту в городе Реймсе, в штабе командующего американскими войсками генерала Эйзенхауэра, представитель вермахта генерал-полковник Альфред Йодль подписывает Акт о капитуляции Германии. Ее приняли: от англо-американцев — генерал-лейтенант армии США, начальник Главного штаба Союзных экспедиционных сил Уолтер Беделл Смит, от СССР — представитель Ставки Верховного Главнокомандования при командовании союзников генерал-майор Иван Суслопаров. И — как свидетель — замначальника Штаба национальной обороны Франции бригадный генерал Франсуа Севез.

Советская сторона подписала Акт без указаний Ставки — телеграмма Верховного опоздала. Суслопаров пошел на колоссальный риск — в своей депеше Сталин категорически запрещал подписывать капитуляцию. Но генерал был человек опытный и поставил подпись с оговоркой, что это не исключает возможность подписания другого акта по требованию одной из стран-союзниц.

Капитуляция вступила в силу в 23 часа 01 минуту 8 мая 1945 года.

Сталина возмутила спешка с оформлением окончания войны и непонимание союзниками его высокого символизма. Он же, в отличие от них, его видел. И потребовал нового подписания во взятом Красной армией Берлине, прося союзников не объявлять о ней до вступления в силу 9 мая: «Договор… в Реймсе нельзя отменить, но нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия, — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции». И это было правильно. С точки зрения ритуальной роли этой победы в дальнейшей жизни народов мира. Акт капитуляции Германии именно в Берлине представлял собой гуманитарно-технологический инструмент колоссальной силы — способ управлять эмоциями, сознанием и поведением людей на годы вперед.

Осознав промах, лидеры США и Британии согласились провести церемонию в Берлине. Йодля известили, что германским командующим видами вооруженных сил следует явиться для совершения окончательной процедуры в место и время, указанное союзным командованием.

Акт о капитуляции Германии был подписан вновь. В Берлине. В 22 часа 43 минуты. 8 мая 1945 года.

3

Берлин, лежащий в руинах в центре советской зоны, разделили на четыре сектора. Для координации действий войск Британии, СССР, США и Франции в их зонах оккупации создали Контрольный совет. Авиация союзников получила право свободного облета советской зоны по коридорам, связавшим их сектора в Берлине с Западной Германией.

Народы спасенные от нацизма, получили право свободно выбрать политический строй своих стран. Но СССР стремился

утвердить на территориях, занятых Красной армией (включая Восточную Германию), свое влияние. Привести к власти своих людей. Устроить жизнь согласно «самому передовому учению». Ситуация сложилась удачная: левые настроения в тамошних обществах были довольно сильны. В Восточной Европе под надзором тысяч советских солдат началось строительство социализма — ее превращение в тот самый Восток — зону влияния СССР.

Хватило полугода, чтобы судьба Восточной Европы прояснилась.

Черчилль сказал об этом прямо. 5 марта. Его речь в Вестминстерском колледже американского городка Фултона сделала его знаменитым. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, — заявил бывший британский премьер, — … опустился «железный занавес»». Метафора была столь точна, что слова «железный занавес» еще много лет повторяли во всем мире, а на Западе нередко — без кавычек.

Но речь включала другие важные места, помогающие понять причины разделения Востока и Запада на оплоты «холодной войны» и значение Берлина как ее передовой линии.

Черчилль: «По ту сторону «занавеса» остались все столицы… Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София… Коммунистические партии… достигли исключительной силы… и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Это явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая… предпосылками для создания прочного мира».

А кто же ими обладает? Черчилль отвечает: «Соединенные Штаты стоят… на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе с превосходством в силе она приняла на себя и неимоверную ответственность перед будущим… Наша главная задача и обязанность — оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны…».

Откуда же исходит угроза ужасов и несчастий?

От тирании — отвечает Черчилль. «Свобод, которыми пользуются граждане… нет во многих странах; иные из них весьма могущественны…Неограниченную власть, которую навязывают… вездесущие полицейские правительства… осуществляют диктаторы… правящие с помощью привилегированной партии и тайной полиции…Мы не обязаны вмешиваться во внутренние дела стран, с которыми не воюем. Но мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека…

…Народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий, путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет; господствовать должны свобода слова и печати; суды, независимые от исполнительной власти и не подверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, одобренные значительным большинством… Это основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме».

С точки зрения Черчилля и Запада всё это знали в Восточной Европе. Но потеряли. И теперь мог потерять мир. И время, чтобы перекрыть красный поток, возможно, упущено… И значит, Запад стоит перед историческим вызовом.

«…Я не верю, — заявил в Фултоне Черчилль, — что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это… безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но из того, что я наблюдал во время войны в поведении наших русских друзей и союзников, я вынес убеждение, что они ничто не уважают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к… слабости».

И значит, Запад должен быть сильным. И защищать себя на всех подступах и направлениях.

А Черчилль продолжал: «Если советское правительство попытается своевольно построить на подвластных ему территориях прокоммунистическую Германию, это вызовет новые большие сложности в американской и британской зонах и сделает побежденную Германию предметом торга между Советами и демократиями Запада».

Сэр Уинстон видел то, что только предстояло понять Джеку. И что хорошо знал Сталин.

4

А Сталин знал: чем большую территорию ты контролируешь, тем шире твое влияние.

Вокруг СССР надо построить тоталитарный коммунистический мир. А мир капиталистический и демократический поставить перед выбором: либо — сдаваться, либо — сражаться. Но ведь нет на свете крепостей, которые бы не взяли большевики! А значит итог известен. Особенно если взять под контроль Азию и Африку, которые уже скоро лишатся колониальной опеки. Вот и выйдет мировая революция. Во главе с Кремлем. И водрузим над землею красное знамя!..

Об этом писал в своей «Длинной телеграмме»[174] в США Джордж Кеннан — посол в СССР.

Он считал, что в Москве убеждены: «долго жить в мире с «капиталистическим окружением» невозможно» (о чем Сталин еще в 1927 году сообщил делегации американских рабочих). Но источником агрессивности Советов Кеннан считал не чувство превосходства, а страх: «В основе невротического видения Кремлем международных отношений, лежит… инстинктивный ужас. Когда-то крестьяне опасались кочевников. А теперь боятся Запада — более развитого, компетентного, сильного и организованного».

Этот ужас, пишет Кеннан, рождает презрение к свободе, правам и интересам людей, цинизм, коварство и жестокость. Текст стоит прочесть полностью, я же приведу первый и последний абзацы его последнего раздела: «…Мы имеем дело с силой, фанатично уверенной, что… внутреннюю гармонию нашего общества нужно нарушить, наш традиционный образ жизни разрушить, международный авторитет государства — сокрушить. Ради советской власти.

Вывод: нам должно хватить мужества и веры в себя, чтобы и впредь следовать в наших методах принципам человеческого сообщества…Имея дело с советским коммунизмом, мы подвергаемся величайшей опасности: уподобиться тем, с кем мы имеем дело».

В ответ советский посол в США Николай Новиков направил в Союз свою телеграмму[175]. В ней он обличал Америку, заявлял, что она хочет покорить мир (в том числе с помощью плана Маршалла), чтобы контролировать экономики других стран. Рост военного бюджета и постройка баз говорит об амбициях Штатов. Но они всегда встретят оппонента в лице Советского Союза.

Стили, языки и логику «холодной войны» — вот что породили эти тексты.

Эти документы были своего рода учебниками. Они объясняли, где враг; указывали, что надо делать; предлагали лексикон публичного описания конфликта систем.

Советы устанавливают контроль над занятыми странами. В Восточной Германии они ставят коммунистов на все ключевые посты. Национализируют до 40 % промышленности; отдают землю кооперативам, а тех, кто протестует преследуют. О свободе слова и речи нет. Населению всерьез не хватает предметов первой необходимости.

Меж тем в своей зоне союзники снабжают немцев продуктами. Запускают производство. Начинают реализацию плана Маршалла. На Востоке от него отказываются. А Запад

получает около 4 миллиардов долларов. Но делу мешают таможенные ограничения между зонами западных союзников.

Эти ограничения они снимают 1 января 1947 года и создают BiZonia — «Двузонию». А потом и «Тризонию». Готовят создание правительства Западной Германии и валютную реформу.

Через три месяца в западных зонах вводят новую марку. Через три дня то же делают на востоке. Теперь в двух зонах разные валюты и экономики. Это (и прежде всего разница в покупательной способности денег) ведет к тому, что СССР отказывается от участия в четырехстороннем управлении страной, но оставляет за собой восточную зону. А затем закрывает границы, блокируя Западный Берлин. Начинается первый Берлинский кризис.

Чтобы помешать доставке туда новых денег, с 12 по 24 июня советские власти закрывают автомобильное, водное и железнодорожное сообщение. Остается единственное средство снабжения — авиация.

Самолеты доставляют в город питание и горючее по воздушному мосту. Блокада длится год. Весь год в небе гудят моторы. С конца июля ежедневно даставляют 2000 тонн грузов, а в конце блокады более 12 000 тонн в сутки. А всего — 2 326 406 тонн за 278 228 вылетов.

Километраж «моста» равен двумстам полетам на Луну и обратно.

Особое внимание уделялось детям. Об этом любопытно писал в «Новых известиях» Александр Меламед: «…Продовольственные коробки содержали сладости и, в первую очередь, те, которые не портились (консервы или сухофрукты), и народная молва… окрестила такие самолеты «Rosinenbomber» — «Изюмный бомбардировщик». Мерседес… помнит, как вместе со сверстниками выискивала в палисадниках парашютики с грузом шоколада. К ним были приложены письма от детей Америки. Те сообщали, что купили все это… на свои (конечно же, родительские, но выданные в качестве карманных) деньги».

Особенно запомнилось Рождество 1948 года. В аэропорту «Темпельхоф» встречать самолеты под названием «Летающие шоколадки» собрались около тысячи малышей. Они получили 53 тысячи рождественских посылок — «подарков небес».

Отличное логистическое и техническое обеспечение моста не гарантировало от потерь. При авариях в операции погибли 31 американский, 39 британских летчиков и 13 немцев.

Сталин понял: блокадой Западный Берлин не задушить. И снял блокаду. Итог событий — резкое падение престижа СССР в Европе и США, ускорение подготовки к основанию Федеративной

Республики Германия, превращение Западного Берлина в самоуправляемый город.

В октябре 1949 года в советской зоне основана Германская Демократическая Республика.

Ее-то проблемой и стал второй Берлинский кризис 1953 года.

5

«Красный» лидер ГДР Вальтер Ульбрихт форсировал строительство социализма.

Индустрия развивалась, но многие вещи выдавали по карточкам. В мае 1953 власти повысили нормы выработки и цены на мармелад. Это вызвало взрыв — мармелад был основой завтрака немецкого рабочего. Обстановка накалялась, и 27 мая Молотов вынес вопрос на Президиум Совета Министров СССР. И тут Берия вдруг предложил исключить из решения слова «форсированное строительство социализма». «Нам нужна только мирная Германия, — пояснил он, — а будет там социализм или не будет, нам все равно». А ситуация становилась опасной.

9 июня Политбюро ЦК СЕПГ приняло постановление об исправлении положения в области снабжения, финансов, сельского хозяйства и управления; снижались темпы развития тяжелой промышленности, отменялись другие непопулярные шаги. Но повышение норм выработки осталось без изменений. Это стало последней каплей.

Первыми двинулись в центр строители. К ним примкнули тысячи людей. Перед «Домом министерств» они потребовали отмены повышенных норм, отставки правительства и свободных выборов. На 17 июня назначили всеобщую забастовку. Власть исполнила требования, но было поздно. Забастовка началась. 100 000 рабочих требовали выборов, допуска к ним западных партий, объединения страны. Но к людям не вышел ни один член правительства.

Это вызвало ярость. Рабочие врывались в офисы партии, жгли флаги СССР и ГДР.

В столицу вошли советские танки. Пехота блокировала границу Западного Берлина.

Ввели военное положение. Т-34 и «народная милиция» рассеяли демонстрантов огнем.

Молотов вспоминал: «Берия был в Берлине… — он молодец в таких случаях. У нас было решение применить танки. Решили… подавить беспощаднейшим образом. Допустим, чтобы немцы восстали против нас?! Все бы закачалось… это был бы провал

полнейший».

Забастовки прошли в 304 населенных пунктах. Демонстрации — в 72 городах: Берлине, Лейпциге, Магдебурге, Бранденбурге. По официальным данным погибло 19 демонстрантов и 4 силовика. Ранены 1236 демонстрантов, 61 прохожий и 191 сотрудник сил безопасности. По неофициальным — убито более 267 восставших и 116 служащих сил безопасности и чиновников.

Свидетельство оставил и Бертольд Брехт. В его архиве нашли стихотворение «Решение»:

> После восстания 17 июня
> секретарь Союза писателей
> приказал раздавать на Сталиналее листовки,
> в которых можно было прочесть,
> что народ утратил доверие власти
> и возвратить его сможет лишь упорным трудом.
> Разве не проще бы было правительству
> распустить народ и выбрать новый?

Власти ГДР обвинили в подготовке волнений Запад: «Мероприятия… по улучшению положения народа были отмечены фашистскими и другими реакционными вылазками в Западном Берлине, провокациями и тяжелыми нарушениями порядка в демократическом (советском) секторе Берлина». Пропаганда и так представляла Западный Берлин как гнездо подрывных элементов, а после восстания стала использовать этот штамп еще активнее.

Есть сведения, что накануне событий численность американских и британских войск в ФРГ выросла на 12 000 человек. А с их началом к границам ГДР двинулись танки.

Другие свидетельства говорят, что восстание застигло Запад врасплох. Сперва там решили, что это провокация с целью овладеть всем Берлином. И стали готовиться. Когда же характер волнений стал очевиден, для выяснения обстановки прибыл директор ЦРУ Аллен Даллес. Жители западной зоны сочувствовали восставшим. Но не имели сильных лидеров: бургомистр был в Вене, глава СДПГ в Италии, а глава ХДС — в Бонне. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр прибыл только 19 июня — почтить память погибших. Пресса ФРГ резко критиковала его пассивность.

Эти события стали важной вехой в истории «берлинского вопроса». Разница в уровне жизни в пользу Западного Берлина и ФРГ крайне привлекала граждан ГДР. Начиная с 1953 года число беглецов на Запад неуклонно росло.

Условная граница между ФРГ и ГДР повторяла «секторальную линию» 1945 года. Там не было колючей проволоки и распаханных полос. Чтобы пройти через КПП из одной страны в другую, из Западной части Берлина на Восток, особых разрешений не требовалось. Город имел общую транспортную и коммунальную систему. Немцы с Востока работали на Западе, и наоборот.

Это стало проблемой для ГДР. Уровень жизни там был ниже. Но ниже были и цены на товары вполне приличного качества. И жители ФРГ и Западного Берлина покупали их дешевле, чем такие же дома. А страна несла убытки. Считалось, что до 15 млрд марок в год.

Отток населения стал второй по остроте темой. Жизнь в ФРГ была дороже, но и уровень ее выше. А кроме того, никто не требовал лояльности к власти и СССР, не было собраний актива и слежки спецслужб, политических и культурных запретов. Короче, жить было лучше и веселее.

Отъезд бывших бизнесменов и несогласных не огорчал власти ГДР. Но они все чаще теряли рабочих и выпускников вузов. Порой в год — до трети получивших диплом. И как бы ни призывали их остаться, как бы ни пугали «ужасами мира чистогана», сколько бы ни винили Запад в «покупке людей» — люди ехали туда, где хотели жить.

По данным советской и восточно-германской пропаганды, со дня основания ГДР по 1961 год через Западный Берлин страну покинули 1,6 миллиона человек. Эти данные не обязательно занижены. Впрочем, Тэд Соренсен приводит другие цифры — от 3,5 миллиона.

Что было лучшим примером, чем отъезд коллег и родных? Что вызывало большее раздражение властей, чем «язва в сердце ГДР»? Что ярче говорило о том, кто лидирует в споре систем?

В Западном Берлине царил «чуждый образ жизни», действовали те же законы и партии, что в ФРГ. Бундестаг там не избирали, но экономически и культурно Западный Берлин был частью Запада, и там живо обсуждали вопрос о вхождении в Федеративную Республику.

Это нравилось западным союзникам, но, следуя Потсдамским соглашениям, они на эту тему не высказывались. Зато, зная стратегическую роль Берлина, были готовы отстаивать его при попытках включения в зону влияния СССР. И тон здесь, понятно, задавали США.

Летом Джек поручил экономистам и военным подготовить

предложения на случай, если ситуация вокруг Берлина осложнится. Макджордж Банди направил в Госдеп и ЦРУ меморандум, где представил соображения по работе в ГДР и Восточной Европе.

3 июля 1961 года американские войска в Берлине получили приказ о готовности к чрезвычайной ситуации. «Выполнить любую задачу» был готов и Бундесвер[176].

Белый дом тревожило желание Кремля заключить мирный договор с ГДР. Ознакомившись с полученной в Вене запиской по Берлину, обсудив ее со странами НАТО, Джон решил ответить твердо. Он знал: речь идет о его личном престиже и о проблеме мирового уровня. Поэтому и ответ, переданный СССР, и выступление президента 19 июля были выдержаны в жестких тонах.

Джон заявил, что СССР, «толкуя о мире, грозит его нарушить» и, будучи одним из «союзников по Второй Мировой войне, хочет… нарушить права трех других». Что Москва «желает… порабощения западных берлинцев режимом, который не признает самоопределения».

Но если мир, установленный в Европе, Германии и Берлине «будет в одностороннем порядке нарушен Советским Союзом, тяжелая ответственность перед… историей ляжет на его вождей».

Советы напрасно озабочены свободой берлинцев. Они свободны. Выбирают свои государственные органы и лидеров и наслаждаются правами человека, внесенными в Хартию ООН. И эти права гарантируют им Британия, Франция, США, поддержка большинства граждан и документы, подписанные в том числе и Москвой. Защита Западного Берлина есть не только юридическое право Запада, но и его моральный долг. И никакой «т. н. мирный договор» ничего не изменит, будучи подписан лишь режимом, «не представляющим ни страны в целом, ни ее части, ни 17 миллионов восточных немцев. О чем говорит поток беженцев, идущих с Востока на Запад».

— Чтобы город или народ был свободен, — настаивал Кеннеди, — нужно, чтобы он обладал возможностью свободно… делать свой выбор и жить своей жизнью. В Западном Берлине народ имеет такую возможность. И цель нашей политики — обеспечить эту свободу.

Так же и мир. Его не принесет договор, о котором говорит СССР. «Соединенные Штаты, — разъяснил Джон, — с 1946 года… стремились к миру в интересах всех немцев. Перемены нужны… в направлении расширения, а не сужения свободы выбора народа Германии и Берлина.

Но Советский Союз заблокировал любое продвижение к

заключению справедливого договора, основанного на самоопределении народа Германии, а вместо того постоянно повышает градус напряженности вокруг этого вопроса».

Речь завершалась призывом к СССР вернуться на путь конструктивного сотрудничества с союзниками по Второй мировой войне и вместе с ними трудиться ради честного решения проблем, оставшихся в наследство от этого конфликта.

Эту позицию Кеннеди назвал «бесспорно законной и моральной».

Эта позиция разъярила Хрущева.

7

Потом, в частном письме президенту, Хрущев написал, что эта речь и телевыступление 25 июля отбили у него желание переписываться. А что, собственно, случилось?

Первое, о чем сказал Кеннеди: он готов защищать право союзников находиться в Берлине и «два миллиона свободных жителей города». Второе: «эти меры потребуют от многих наших граждан жертв… храбрости и непреклонности. Но если мы и союзники будем действовать, опираясь на нашу силу и общность интересов — спокойно, целеустремленно и с твердыми нервами, — контролируя слова так же, как оружие, — мы, надеюсь, сумеем сохранить мир».

Эта фраза важна. На Кеннеди, как и на Хрущева постоянно давили. На Никиту Сергеевича — военные и сталинисты, на Джона — крайне консервативные круги.

Их опыт и привычка мешали видеть другие — не силовые — решения. И обоим требовалась немалая выдержка и здравый смысл, чтобы до последней возможности сохранять курс на мирное решение конфликта.

Кеннеди обратился и к ним — сторонникам предельной жесткости. Он сказал: мы пополним войска, призовем резервистов и продлим срок службы, значительно увеличим оборонный бюджет. «Пока коммунисты хотят лишить нас права быть в Берлине и наших обязательств перед его жителями, мы должны быть готовы защитить эти права и обязательства». Мы держим порох сухим. Но действовать станем осторожно. И в Европе, и в мире слов. Ибо в политике слово есть действие.

Он дает понять и «ястребам», и «голубям»: капитуляции не будет, но я — за мир: «Мы готовы к переговорам, если переговоры могут помочь».

Обращается он и к Хрущеву и его советникам, как желавшим

«окончательной схватки с врагом», так и сторонникам мира: «Говорят, оборона Берлина военными невозможна.

То же говорили про Сталинград. Любое место на земле можно защитить. Если люди — смелые люди, — сделают это». И далее: «Мы признаем, что… у Советского Союза есть исторические основания опасаться за свою безопасность…», но «мир не обмануть попытками выставить Берлин местом, откуда исходит угроза войны. В Берлине мир. Источник глобальной тревоги и напряженности — в Москве… И если придет война — то из Москвы, а не из Берлина».

В конце речи звучат очень личные ноты.

— Когда я боролся за пост президента… я знал, что стране брошен серьезный вызов, но как и любой человек, на чьих плечах не лежит такое бремя, не догадывался, каким тяжким оно будет.

Джон напоминает: на его веку в Европе трижды шли страшные войны, порожденные просчетами всех сторон в оценках стремлений других. Он утверждает: в атомный век такой просчет… «может за несколько часов привести к разрушениям, каких не причинили человечеству все войны, известные истории». Но верит: «с вашей помощью и с помощью всех свободных людей, этот кризис может быть преодолен. Свобода может победить — а мир возобладать».

Все-таки отличным он был оратором — Джон Фицджеральд Кеннеди.

Вот он — пафосный финал симфонии. Вот она — мощная кода: «Я, как президент и главнокомандующий, и все мы, как американцы, вступаем в трудные дни… Но я уверен, что мы… совершим все от нас зависящее ради нашей страны и нашего дела. Ибо все мы хотим видеть наших детей растущими в мирной стране и на планете, где торжествует свобода…

В ближайшие месяцы я, исполняя обязанности президента, нуждаюсь в вашей доброй воле и вашей поддержке. И главное — в ваших молитвах».

Эти слова Джона ярко характеризуют его как личность. Здесь каждое слово адресовано и каждому отдельному человеку, и огромной группе людей, и всему обществу. И даже человечеству.

Он знал, что за бремя несет на плечах. И был готов нести его до конца.

Эту речь помогал готовить Соренсен. О Сталинграде вспомнил генерал Тейлор. Банди посоветовал фрагмент о «невероятных потерях… отважного советского народа во Второй мировой войне». Раск предложил обратиться к союзникам: «Если мы не выполним обязательств в Западном Берлине, то что в нем оборонять завтра?»

Но все же ее, как и другие стратегические выступления, Джек готовил сам. Вкладывая в них и свою искренность, и навык дипломата, и талант политика.

Оба выступления слушали товарищи в Кремле. И серчали. Молодой президент оказался не робкого десятка. Это мешало жить тем, кто и в СССР, и в США, и много где еще хотел видеть его слабым, не готовым к своей миссии. Но правда была другой. Как Хрущев не был клоуном, Кеннеди не был трусом. Впрочем, может, слова его — блеф? Болтовня? Сотрясение воздуха?

Это мнение в кремлевском руководстве крепили и те, кто был обязан избавлять его от иллюзий. Например — советский посол в США Михаил Меньшиков.

Как пишет все тот же Григорий Корниенко, посол, желая «потрафить Хрущеву, фактически дезинформировал Москву, утверждая, что президент и его брат Роберт, которых он… называл «мальчишками в коротких штанишках», лишь храбрятся, а потом дрогнут и отступят…В одной из телеграмм в начале июля 1961 года Меньшиков, подделываясь под стиль Хрущева, высказал мнение, что «новые американские вожди петушатся», а когда дело подойдет к решительному моменту (т. е. к подписанию мирного договора СССР с ГДР), «они первые накладут в штаны».

…Меньшиков… выражал уверенность, что, «американцы не станут воевать из-за Берлина». Не все в посольстве были согласны с такой линией… Кое-кто из нас стремился… поправить дело… Именно с этой целью я встретился 5 июля с Артуром Шлезинджером…

…Я прямо спросил: действительно ли все упирается в недоверие со стороны США, когда мы говорим, что их прежние позиции в Западном Берлине сохранятся и… в случае подписания мирного договора СССР с ГДР? Мой собеседник столь же прямо ответил, что да… США не могут полагаться на наши гарантии… Мой следующий вопрос: если США не считают гарантии достаточными, почему бы им не предложить со своей стороны какие-либо другие гарантии?

Шлезинджер… в моих высказываниях усмотрел признаки того, что Москва, возможно, хочет сойти с пути, ведущего к столкновению. В ту пору считалось аксиомой, что советский дипломат говорил иностранцу только то, что предписано начальством.

Он подготовил меморандум для Кеннеди… напомнил, что кубинское фиаско… проистекало из излишней концентрации на военных и оперативных вопросах при недостаточном учете политических соображений…Высказал опасение, что то же повторится и с Берлином».

Но если ряд дипломатов и стратегов были против конфронтации, то среди других влиятельных деятелей преобладал подход советского посла в Париже.

Де Голль поддержал США. Но генерал знал: в случае повторения сценария 1948 года и блокады Штаты решили применить ядерное оружие. И, как пишет Константин Мельник, в то время координатор французских спецслужб, — чтобы донести опасность до Кремля, Де Голль сообщил о ней советскому послу во Франции[177]. «Тогда умрем вместе», — меланхолично ответил посол.

8

Политиков судят по словам и делам.

Слова политикам нередко вредят. Их дела бывают крайне опасны. Но чего они просто не могут себе позволить — это молча бездействовать, когда надо говорить и принимать меры.

Речь Кеннеди стала важным ходом. Он объявил шах Хрущеву. Тот должен был ответить.

ЦК КПСС, главы стран Варшавского договора, лидеры почти всех коммунистических и рабочих партий ждали, что скажет и сделает Кремль. И он сделал.

Потребовал: «В течение этого года… должен быть решен вопрос о заключении германского мирного договора и об урегулировании на его основе положения в Западном Берлине».

3-5 августа лидеры компартий стран — членов Варшавского договора призвали ГДР установить на границах «порядок, предотвращающий подрывную деятельность против стран социалистического лагеря».

7 августа Хрущев выступил по телевидению. Объявил, что Запад хочет «силой прорываться» в Берлин. Официальных угроз не было, но СССР, живший в информационном вакууме, верил. А Глава объявил о возможном увеличении армии и призыве части резервистов. Генералы, обиженные недавними сокращениями, радовались[178]. НАТО повысило боеготовность.

11 августа Народная палата[179] приняла решение об изоляции Западного Берлина. Не о блокаде — сообщение сохранялось, вход и выход разрешались, но больше не были свободными.

В тот же день центр приема беженцев Мариенфельде принял последние 2290 человек.

12-го переход закрыли.

А утром 13-го берлинцы по обе стороны границы увидели

начало одной из самых драматических строек века. Началась она в час ночи. Ее прикрывали 25 000 особо доверенных членов военизированных «боевых групп» с предприятий ГДР и воинские части. Ревели сотни грузовиков, тракторов, бульдозеров и кранов, командовали полицейские, распоряжались начальники. Только рабочие молчали. Они понимали: строят стену вокруг себя: эти мили кладки и бетона отделят их от свободного мира. 28 лет стену будут звать Берлинской.

* * *

Президент начал консультации. С лидерами конгресса, экспертами по Восточному блоку, военными, союзниками. В Европу послали парашютистов. В Бундесвер призвали резервистов. Кто знал, что Хрущев так уж неистов? А вон как «завел» своих коммунистов!

В США призвали тысячи национальных гвардейцев.

Гарнизон Берлина усилили на полторы тысячи солдат. Жители пытались ломать стену. Зря. Слава богу, тогда не дошло до стрельбы. 24 августа Кеннеди выступил в Вашингтоне.

«…Вмешательство советского правительства или подконтрольного ему восточно-германского режима в процесс свободного доступа в Западный Берлин было бы актом агрессии, за последствия которого советское правительство несло бы полную ответственность».

9

Вскоре — сперва в Восточном, потом в Западном Берлине и ФРГ, потом в странах Востока и в СССР, а там уж по всей Европе смеялись над анекдотом:

Два мальчика переговариваются через Берлинскую стену.

— У меня апельсин! — хвастает западный.

— А у нас социализм! — парирует восточный.

— Подумаешь! Мы, если захотим, тоже сделаем социализм!

— Ха! Тогда у тебя не будет апельсина!

* * *

Джек не хотел воевать. Обратили внимание на последнюю фразу речи о стене? Не будет актом, а «…было бы…». Не понесет,

а «…несло бы…». Сослагательное наклонение.

И дело даже не в Берлине. Похоже, его мало интересовало — будет на Востоке диктатура или нет. Позволяют себя угнетать? Что ж тут сделаешь? Но приходилось бороться с «красной» экспансией в мире. А это было чревато смертями. А то и глобальным конфликтом.

О его отношении к войне говорят частные беседы. Когда Хью Сайди из Time спросил: «а какой он, вообще, этот Хрущев?», Джек сказал: «Я таких еще не встречал. Я рассказал, как атомные удары за 10 минут уничтожит семьдесят миллионов человек, а он посматривал, будто говоря: и чего?»

Позже Бобби рассказал, как однажды «Джек сказал: «Знаешь, если будет атомная война, все равно, что станет с нами. Мы жили хорошо, мы взрослые. И сами будем виноваты. Но дети… Лишь представлю, как они гибнут… не могу вынести» и слезы текли по его щекам».

* * *

И вот 26 октября 1961 года американские и советские танки уперлись друг в друга стволами. Случайность, «просчет», выстрел — и война. Почти точно — ядерная.

В Кремле это знали. 21 октября замминистра обороны Росуэлл Гилпатрик обнародовал данные о превосходстве США в области стратегических ракет: «мощь ядерных сил ответного удара так велика, что действия противника, которые заставят их использовать, станут для него самоубийством… Поэтому мы уверены, что Советы не спровоцируют ядерный конфликт…». Гилпатрик положил конец страхам американцев по поводу их отставания. А Кремль был в курсе.

В Москве решили: это — ответ на речь Хрущева от 17 октября о том, что срок подписания мирного договора с ГДР не важен, если Запад покажет «готовность решить берлинский вопрос». Кремль воспринял его слова как контратаку. Тем более, что имел данные (как рассказал Валентин Фалин, в то время — заведующий Третьим европейским отделом МИД СССР и спичрайтер Хрущева), что по приказу генерала Клея, главы администрации американской зоны, шли учения по сносу стены.

А 22 октября дипломат Аллан Лайтнер с супругой отправились в оперу. В Восточный Берлин. Их остановила полиция ГДР. Велела паспорт предъявить. Те отказались. Их не пустили. Они вернулись с эскортом и проехали. Теперь американцы пересекали КПП под охраной солдат.

А потом на Фридрихштрассе вышли танки с белыми звездами.

На Востоке решили: учения по демонтажу переходят в работы по сносу. И вывели свои.

Генерал Клей связался Кеннеди и попросил указаний на случай обострения. Как пишет его биограф Джин Смит, тот сказал, что не надо, мол, дрейфить. Клей возразил: «Мы-то не сдрейфим; а ребята в Вашингтоне?» Джек ответил, что кое-то нервничает, но не он.

Не уверен. Думаю, что нервничали и в Белом доме, и в Кремле, и в Берлине, Бонне, штаб-квартире НАТО в Брюсселе и везде — все, кто был в курсе событий и обладал воображением.

Ночь прошла в тревоге. Но 27 октября советские машины ушли. А следом — американцы.

Эксперты считают, что первыми они отступить не могли. Это был бы проигрыш. А нужна была ничья. Но лишь немногие говорят, почему противостояние завершилось именно так. Ясно: в верхах шли переговоры и торг. Но какие? Между кем? И о чем? Почему ушли танки?

10

«Президент Кеннеди попросил Хрущева отвести советские танки… первым, — пишет Реймонд Гартхофф в статье «Берлинский кризис — 1961. Исправленная хроника» в журнале Foreign Policy. — Кеннеди обещал, что в ответ отведет американские».

Никита Сергеевич в мемуарах не вдается в подробности, сообщая, что приказал отвести технику. Но пишет, что был уверен, американцы ищут выход, и решил им его указать — отвести танки, чтоб те последовали примеру. Лязгая гусеницами, угроза войны отступила.

И все же… Как были приняты эти решения? Ведь штатники ушли сразу после советских. Значит, Клей заранее получил указание. Кто мог его дать, кроме Кеннеди? А тот бы этого не сделал, не имей гарантий Хрущева. Значит, они были. А значит — и контакт глав государств! Но где сведения о звонках, телеграммах, нотах и других посланиях? Кто «замкнул» Белый дом и Кремль?

Любопытный ответ дает Сеймур Херш в «Темной стороне Камелота»: «В интервью «Библиотеке Кеннеди» Роберт Кеннеди заявил: «Я связался с Большаковым и сказал, что президент хотел бы, чтобы они отвели танки в 24 часа. Тот ответил, что поговорит

с Хрущевым».

Ничего себе?! Министр юстиции, брат президента, по сути, второй человек в стране, связывается с неким Большаковым, а тот — в свою очередь — с Хрущевым. Хорошо. Но кто он — могущественный Большаков? Важное лицо в посольстве? В миссии при ООН? Нет. Он редактор журнала Soviet Life[180]. Георгий Никитович Большаков. И он обещает «поговорить с Хрущевым»?

Вот как представляет его Херш: «офицер советской разведки, через которого с одобрения президента министр юстиции закулисно общался с советским премьером Никитой Хрущевым», «секретный посредник», «разведчик ГРУ… которому владение английским языком открыло в 1955 году дорогу к аккредитации в Вашингтоне… В 1959 его снова направили в Вашингтон».

Там, пишет Херш, он познакомился с Френком Хоулменом, репортером New York Daily News — из тех, что не боялись обедать с советскими дипломатами. Хоулмен дружил с Эдвином Гатманом — пресс-секретарем Бобби Кеннеди. Именно Гатман предложил шефу знакомство с Большаковым, и тот «в следующие восемнадцать месяцев стал для президента и его брата… посредником в самых острых международных конфликтах…».

Еще фрагмент того же интервью Бобби: ««Не знаю, почему они (советские) хотели вести дела таким образом, но они не желали действовать через посла»… Посол «занимался бюрократией, а он — Большаков — вел другие дела… Я встречался с ним почти по всем вопросам»».

Американским чиновникам, пишет Херш, также не очень-то объясняли, «что президент и его брат обсуждали с Кремлем». Бобби потом жалел, что не вел записей, а на словах передавал все брату, а тот «когда ставил Госдеп в известность, а когда и нет».

Даже Шлезинджер, много работавший с Бобби, не знал об окольных связях с советским руководством. А Большаков описывал так: «шутник и ерник», чьи «кивки, смешки и цирковой английский», возможно, и привлекли Бобби, «любившего беззлобных шутов».

Подтверждают это и историк Александр Фурсенко (американские ученые считают его одним «из самых компетентных советских специалистов по истории США»)[181], и историк Юрий Караш[182], что в книге «Тайны лунной гонки» также упомянул Большакова.

В статье академика Фурсенко «Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди» о нем сказано то, о чем молчит Херш. А именно: «Министр юстиции, в ведении которого находилось ФБР, знал, кем является его собеседник, и действовал

не вслепую. По сведениям ГРУ, за Большаковым… велась плотная слежка. По свидетельству Хоулмена, Роберт Кеннеди однажды в разговоре с ним назвал Большакова майором советской военной разведки[183].

Он ошибся… в воинском звании Большакова. Чин майора ему был присвоен еще в 1950 г., а ко времени второй поездки в США он уже получил звание полковника (1959 г.)».

Как пишет Херш, «Хоулмен впервые встретился с Большаковым на одном из приемов в посольстве СССР в 1955 г. В 1959 г…Большаков приехал в США уже в качестве редактора… советского журнала на английском языке. Они встретились снова и, по данным ГРУ, с того времени стали видеться регулярно. Хоулмен рассказывает, что… ему приходилось иметь дело с советскими репортерами, но ни один из них не был «as personable as[184] Джорджи»[185]. С задачей «связного» между лидерами супердержав… Большаков справлялся вполне успешно. Судя по записям в настольном календаре Роберта Кеннеди, за период с мая 1961 г. по декабрь 1962 г. они встречались либо разговаривали… по телефону 31 раз, и, вероятно, это далеко не полный перечень их контактов (Архив Роберта Кеннеди. JFKL, Cambridge). Роберт Кеннеди вспоминал позднее, что встречался с Большаковым регулярно в среднем один раз в две недели. Иногда… по инициативе министра юстиции, иногда по просьбе Большакова».

То есть в том, что Георгий действительно был советским разведчиком и имел контакты с братом президента сомневаться, вроде, не приходится. Что косвенно подтверждает версию Херша (со ссылкой на Бобби) о том, что Большаков спешно и успешно «поговорил с Хрущевым», передал просьбу президента, и тот решил вопрос положительно. Мир был спасен.

Так ли это? Эксперты считают: да. А нам остается доверять им. Пока разведки молчат.

Итак, танки ушли. Штаты ликовали. Успех отнесли за счет твердости президента. Потом Шлезинджер напишет, что «решимость Кеннеди восстановить мощь Запада показала Хрущеву, что он не может решать свои задачи блефом». Да, и в Берлине, и после этот прием не сработал. Но вопрос: была ли тому причиной только твердость Джека? — остается вопросом.

11

Как смотрели на это в Москве?

В том, что президент США смирился с постройкой стены и

закрытием границы между Германиями (не это ли его брат обещал взамен отвода танков? — Д.П.), там увидели опаску и нерешительность. И решили проверять Кеннеди на прочность вновь и вновь.

Примерно так можно изложить выводы Фредерика Кэмпа[186] в книге «Берлин — 1961. Кеннеди, Хрущев и самое опасное место на земле»: лидеры вновь не поняли друг друга.

Президент рассчитывал, что Глава осознает его стремление к миру. Поймет, что он не случайно был круче в речах, чем в делах. И это, считает Фредерик, его ошибка.

И Джек ее видел. Когда на исходе 1961 года его спросили, «можно ли написать книгу о его первых 12 месяцах на посту президента, ответил: о какой книге вы говорите, если весь первый год был полон провалов? По оценке Кеннеди, он выполнял свои обязанности плохо…»

Что ж, плохо или хорошо, а Западный Берлин остался Западным. Быть может, в те дни и был заложен «исторический фугас», что рванул в 1990 году, положив конец разделению Европы.

Десятилетия спустя.

12

А в январе 1963 года Хрущев выступил на VI съезде СЕПГ в Восточном Берлине. Журнал «Огонек» так описывает его визит: «В город пришел небывалый мороз. Но в белом зале на Аллее Ленина все было проникнуто теплом объединяющих идей. Вот один из моментов съезда.

Н. С. Хрущев говорит об успехах трудящихся ГДР… Он подчеркивает, что эти успехи нашего рабоче-крестьянского государства послужат примером для всего немецкого народа. Вдруг неожиданно он прерывает речь и спрашивает:

— Запад слева или справа?

Делегаты весело отвечают:

— Справа от вас, товарищ Хрущев!

Хрущев наклоняется с трибуны, протягивает руку вперед, туда, где… сидят делегаты:

— А Германия здесь! Будущее Германии… в этом зале! Пути немецкого народа закладываются здесь…».

* * *

Через полгода в Западный Берлин триумфально въехал Кеннеди.

Шел последний день его визита в ФРГ.

Президент уже провел переговоры с канцлером Конрадом Аденауэром, посетил Бонн, Франкфурт, другие города и 26 июня прибыл в Берлин.

Он пробыл в городе 8 часов. Кортеж из 34 машин (включая грузовик с 15 операторами) и эскортом мотоциклистов проехал по городу 50 километров через все три сектора. Кеннеди, Аденауэр и обер-бургомистр Вилли Брандт посетили стену у Бранденбургских ворот, КПП «Чарли», где танки грозили миру ужасом, и площадь у ратуши.

Ворота остались в восточном секторе. И сейчас их украсили флагом ГДР и красными знаменами так, чтобы они закрывали вид на город. На площадку по ту сторону стены въехал грузовик с транспарантом на английском языке, требующим «разоружить ФРГ».

В 11.35 Кеннеди и британский генерал Дэвид Пиил-Йетс взошли на трибуну. Президент глядит на восток так, будто флагов и транспаранта там нет, а в воротах сквозит грядущая Европа.

Его снимают и с Запада, и с Востока.

Потом в киножурнале кампании Universal так и скажут: «Лидер крупнейшей в мире демократии осматривает символ тоталитарного правления. Визит Кеннеди в Берлин вызвал восторг по обе стороны стены». Не совсем так. В ролике студии DEFA кортеж катит к трибуне под мрачную музыку. А с нее, «вместо обещанного тайными службами приветственного шоу, политик увидел… напоминание об обязательстве разоружить Германию. США не выполнили этих обязательств. Президент… вынужден взглянуть в глаза своему обману».

Стоя на трибуне, он спросил генерала: а где отель «Адлон»? Я там жил в 1939-м… Оказалось — разрушен огнем. Понятно. Едем к «Чарли».

И здесь за стеной — плакат: «Мы хотим заключения Германского мирного договора и превращения Западного Берлина в нейтральный вольный город». Покажет ли Кеннеди, что раздражен пропагандой? Его снимают крупным планом. Нет. Он спокоен. За стеной — пустые улицы. Их перекрыло оцепление. Теперь — к площади Рудольфа Вильде к Шенебергской ратуше.

На улицах — восторг. Готовя визит, спецслужбы отметили на карте сто опасных точек, но не учли энтузиазм горожан и, порой, перехватывали их у самой машины, едущей в пене конфетти.

И вот Кеннеди, Адэнауэр, Брандт на трибуне, украшенной

флагом США и символом Берлина — черным медведем на бело-красном полотнище. Президент входит в здание. Зачем? Уточнить, как звучат по-немецки несколько важных для него слов.

Перед ним 400 000 человек. Над ними — флаги стран-союзниц. Балконы полны зрителей.

Джек у микрофонов.

Этот день — один из самых ярких в его жизни. Он начинает Берлинскую речь.

«Я горд быть гостем вашего выдающегося мэра… Горд, что посетил Федеративную республику и канцлера, который много лет проводит… политику демократии и свободы.

Горд, что прибыл сюда с генералом Клеем, который был здесь в дни тревог и, если нужно — вернется. Гордой фразе Я — гражданин Рима две тысячи лет. Сейчас она звучит так: Я — берлинец!».

Вот эти слова, которые он записал в ратуше: Ich bin ein Berliner!

Кеннеди произносит их по-немецки. Площадь ликует. Люди машут тысячами платков. Не флажков! Платков. Флажки недавно вздымали толпы фанатиков, салютуя Гитлеру. Это первый случай со дня их разгрома, когда в Берлине разом собралось столько людей. И они не хотят, чтоб их митинг напоминал сборища нацистов. Кеннеди продолжает:

— В мире много людей, что не понимают или говорят, что не понимают, в чем разница между миром свободы и коммунистическим миром. Пусть они приедут в Берлин!

Есть и те, кто говорит: коммунизм — идея будущего. Пусть и они приедут в Берлин!

Есть и такие… кто говорит: с коммунистами можно работать. Пусть едут в Берлин!

Иные заявляют: коммунизм — порочен, но полезен для бизнеса. Пусть едут в Берлин!».

Овация.

А он: «Свобода таит немало трудностей, и демократия не идеальна. Но мы никогда не построили бы стену, чтобы не дать народу уйти нас. От имени моих соотечественников, живущих… на другом берегу Атлантики, говорю: они гордятся вами. Я не знаю другого города, который, находясь в осаде 18 лет, продолжал бы жить так энергично и мощно…».

Рукоплескания.

Кеннеди: «…Вы живете на хорошо защищенном острове свободы, но ваша жизнь — часть общей жизни. Поэтому… позвольте попросить вас увидеть за тревогами нынешнего дня надежды дня завтрашнего, за свободой Берлина и Германии —

свободу везде, за этой стеной — день, когда настанет справедливый мир, за нами и за собой — все человечество».

Гром аплодисментов.

«Свобода неделима. Если один человек порабощен, никто не свободен. Когда все будут свободны, мы увидим, как к этому городу примкнет и эта страна, и вся Европа… Тогда… жителям Западного Берлина будет чем гордиться: почти два десятилетия вы жили на фронте.

Все свободные люди, где бы они не жили, — граждане Западного Берлина. Поэтому, как свободный человек, я гордо заявляю: Я — берлинец!»

Это не только одна из ярчайших его речей, но и одна из сильнейших в истории. Джек покорил Берлин. Восхищенный Брандт предложил ему расписаться в «Золотой книге» города прямо на трибуне. Площадь рокочет. Люди не сдерживают слез. Звонит колокол — копия Колокола свободы из Филадельфии, подаренная США берлинцам в 1950 году.

BBC-1 еще не взлетел, а фраза «Ich bin ein Berliner!» уже облетела мир. И никого, включая немцев, не смущало, что понять ее можно по-разному. Все всё поняли правильно[187].

* * *

Но все это еще впереди. В 1963 году.

А сейчас — на пороге года 1962 — второго года Кеннеди в Белом доме, его хозяин празднует успех, еще не зная о будущих испытаниях. А что же Хрущев? Забыл о Берлине?

Нет. Он готовит штурм. Но не в Европе. А на другом конце земли.

Глава шестая. Ракеты Карибского моря

1

Кастро радостно теребил бороду: на Кубе есть ядерное оружие! Понятно — советское…

И не страшны ему гордые гринго. Герой «Огненного континента» держит под прицелом Вашингтон.

Хрущев довольно потирал лысину: операция «Анадырь» — тайная переброска ракет средней дальности, ядерных зарядов и войск на территорию «форпоста социализма в Западном полушарии» — идет успешно. Теперь под боком у мальчишки Кеннеди — наши Р-12 и Р-14. Плюс — бомбовозы Ил-28А. Плюс — истребители МиГ-21и Ф-13, в целом, способные вести бой с F-4. Вертолеты Ми-4, радары, танки, другая техника. Везем на остров 54 тысячи солдат и офицеров.

Есть на что разменять Западный Берлин и американские базы.

Рассказывая в мае 1962 года Анастасу Микояну[188] об этом плане и слушая возражения, он знал, знал: все пройдет успешно! И потом, обсуждая идею в кругу ближайших соратников, — знал, знал: они не станут спорить. А военные вообще поддержат. Так и вышло.

* * *

Тогда же — в мае 1962-го — Хрущев принял на даче пресс-секретаря Сэлинджера.

Они говорили за обедом и гуляя в парке. Хрущев был доволен, что после Берлинского противостояния напряженность пошла на спад. Но сетовал на американского журналиста Стюарта Олсопа, который привел в статье слова Кеннеди: «Хрущев не должен быть уверен, что, защищая свои интересы, Соединенные Штаты никогда не нанесут первый удар». Он возмущался: «Этот поджигатель войны Олсоп — он что, ваш государственный секретарь? Даже Эйзенхауэр и Даллес не делали таких заявлений… Он вынуждает нас пересмотреть политику». В ответ Сэлинджер заверил, что подход США «остается неизменным. Мы не применим ядерное оружие, если мы и наши союзники не станем целью массированного коммунистического нападения».

Хрущев подчеркнул, что СССР не смирится с войсками

союзников в Западном Берлине. (Сэлинджер вспоминал: «Берлин стал для Хрущева идеей фикс…») Он говорил: «Неразумно грозить нам войной, неразумно пытаться помешать нам подписать мирный договор с ГДР… Вы что, начнете войну из-за Западного Берлина с его населением в два с половиной миллиона? Сам Аденауэр заявил, что нет дураков, готовых сражаться за Западный Берлин. Если так говорят немцы, то США, конечно, не будут воевать за Берлин, который им нужен как собаке пятая нога».

И продолжил: «Не знаю, как будут развиваться наши отношения с США при президенте Кеннеди. Это зависит от него. Для нас важное испытание — Западный Берлин. Для нас это — Рубикон. Если мы пересечем его без войны, все пойдет хорошо. Если нет — плохо. Ключ — в руках Кеннеди. Он собирается стрелять первым. Ведь он заявил, что… США первыми нанесут атомный удар… Мы готовы встретить этот удар. Но… мы не будем медлить в нанесении ответного удара».

* * *

И он мог так говорить!

Решение о размещении ракет на Кубе было принято.

Хрущев был доволен. 4 и 6 сентября, когда Штаты (за месяц до того обнаружившие на Кубе зенитные комплексы и решившие, что там готовят позиции для ракет) сообщили ему через посла Добрынина, что размещения не потерпят, правильно он — правильно! — велел ТАСС заявить, что, мол, не намерен размещать на Кубе наступательное оружие. А теплоход-то «Омск» уже пришел в порт Касильда! Привез заветный груз. Прибыли и 42 ракеты Р-12. Сработал план «Анадырь»!

Утвержден и план «Кама». Вот развернем в Карибском море 5-й Флот вице-адмирала Георгия Абашвили — крейсера «Михаил Кутузов» и «Свердлов»; эсминцы «Гневный», «Бойкий», «Светлый» и «Справедливый» да бригаду торпедных катеров «Комар» с кораблями поддержки — утрется тогда адмирал Андерсон[189]! А с ним — вся агрессивная военщина! То-то почует этот самонадеянный Кеннеди, чем она пахнет — наша кузькина мать…

* * *

Кеннеди смотрел на облака. Он летел в Вашингтон из Чикаго. 19 октября, прервав турне по Среднему Западу под предлогом

сильной простуды. Но все было куда хуже. Речь шла о жизни и смерти. Миллионов советских и американцев. А то и всего человечества.

Три дня назад помощник по национальной безопасности Макджордж Банди вошел в спальню президента и положил перед ним снимки, сделанные при облете Кубы. Сомнений нет: на острове есть ракеты, способные поразить цели в США. И монтаж установок завершат очень скоро.

Банди узнал об этом накануне от заместителя директора ЦРУ Рэя Клайна, но доложил, лишь когда шеф отдела аэрофотосъемки бригадный генерал Артур Лундал все ему подробно объяснил.

Кеннеди распорядился созвать Исполнительный Комитет Совета по Национальной Безопасности — чрезвычайный орган, название коего по-русски звучит кратко «Исполком».

Вечером на банкете в честь отъезда в Париж посла Чарльза Болена президент был мрачен. Он увел Болена — знатока СССР — в сад и долго с ним беседовал. А вернувшись, погрузился в думы. Залив Свиней научил его не доверять экспертам. Но решить проблему с ракетами на Кубе можно было только коллективно. Затем и понадобился Исполком.

* * *

Впрочем, Исполком звучит слишком по-советски. Так что назовем этот орган Экском.

В него вошли те самые лучшие и блистательнейшие, с кем он одолел Никсона и кто теперь вместе с ним вел корабль «Америка» к новым рубежам. Кто-то видел его торговым судном. Кто-то — авианосцем. Сам же президент предпочитал образ роскошного круизного судна, сияющего человечеству волшебными огнями великой мечты. Но плывущего не по привычному маршруту из порта А в порт Б, а к неведомым берегам, полным богатств и открытий.

Пока Джек был в отъезде, Экском работал. «Ястребы» — генерал Максуэлл Тейлор и его бойцы из Объединенного комитета начальников штабов — как им и положено, предлагали удар. И Бобби пришлось смирять их пыл, вдыхая энтузиазм в «голубей», коих возглавил сам. Джек же как всегда разруливал ситуацию в высших сферах. Два часа говорил с министром иностранных дел СССР Громыко, его замом Семеновым и послом Добрыниным. Его заверили: наступательного оружия на Кубе нет и СССР не намерен его иметь. Но разве ракеты средней дальности не наступательное оружие? — спрашивал Джек. Нет, отвечали

ему: их назначение — защита наших союзников, а не атаки на Штаты. И никто — подумать только! — не заметил предложения гарантировать ненападение на Кубу в обмен на вывод ракет. Даже в Москву не сообщили!

А в Москве тем временем увлеченно резвились с кузькиной матерью.

Играли по-крупному в соревнование систем.

2

За этим состязанием Джек следил с юности. А теперь в нем участвовал. Шло оно не только в политике и военном искусстве, но и во всех прочих сферах. Пятидесятые годы стали временем нового расцвета модернизма в живописи, ваянии, поэзии. Возникал новый роман. Строились другие системы отношений полов, поколений, классов. На Западе социологи считали: динамичное развитие искусства говорит о таком же развитии общества.

Эта гипотеза во многом опиралась на советский опыт 20-х годов XX века, когда Советская Россия была примером поисков в искусстве и архитектуре, одновременно являя заинтересованному миру увлекательный эксперимент в социальной и политической жизни.

Похожие процессы шли и в Штатах, и в Германии, и во Франции. Русский конструктивизм, германский баухаус, озарения Корбюзье увлеченно перекликались через океаны и границы. Меж тем, в Италии футуристические порывы быстро покрывала квазиримско-имперская размазня. А после 1935-го пора колонн и мраморномордых монументов настала и в СССР, и в Германии. После 45-го сложно было ждать великих творческих прорывов в обескровленной Европе, но Штаты — наряду с технологическими чудесами в бытовой повседневности — принялись являть и живейшее творческое бурление в управлении, рекламе, дизайне, кино, живописи, скульптуре, архитектуре, литературе. Западная Европа примеряла американское видение, попутно растя и вынашивая свои удивительные плоды в тех же самых областях.

В итоге, к рубежу 50-60-х годов культуры по обе стороны Атлантики пришли в состоянии бурления, обретшего еще и внятные организационные и финансовые очертания.

Нечто сходное — причем самобытное, но настроенное на диалог с Западом — наблюдалось и в СССР, и в Восточной Европе. И хрущевская «оттепель» рубежа десятилетий дала поискам мощный импульс. Но литературные, скульптурные, театральные

открытия Аксенова, Ахмадулиной, Вознесенского, Высоцкого, Гладилина, Евтушенко, Ефремова, Неизвестного, Рождественского, Тарковского и ряда их коллег натыкались на такие надолбы мракобесия, что в итоге одни ушли на кладбище, другие — на Запад, а третьи поиски почти оставили.

Общественная жизнь и политика отражали ситуацию в культуре: полет и разбой Пикассо, Уорхолла, Дали, Феллини, Висконти, Кремера и сотен художников, режиссеров, музыкантов и всех-всех-всех служили как бы зеркалом перемен в образе жизни и баталий во власти…

И тут важно понять Твардовского: «толпа» по западную сторону железного занавеса не противостояла «колонне» по восточную. Она, сменяя пророков и вожаков, шла своим — часто сложным и путаным — путем. А колонна упорно и успешно топталась на месте. А над ней все сильнее бронзовели лики членов различных политбюро.

И так было во всем. В науке и образовании; в архитектуре и скульптуре; в выставочных залах, на сцене и экране. Плюс в универмагах, гастрономах, спальнях и кухнях Востока и Запада.

3

В споре аргументом было все: спутник и бомба, одежда и кухонная утварь. Бывало, спорили на кухне и лидеры. Скажем, Хрущев и Никсон — 24 июля 1959 года в Москве, куда Дик прибыл на Американскую выставку в Сокольниках. Джон читал об их дебатах, смотрел кино…

В парке устроили кафе-стекляшки на манер штатовских: «Сирень», «Пирожковая», «Шашлычная»… Поставили потрясающие автоматы с газировкой. Иностранцы дивились: что за антисептик льют русские в баки для ополаскивания стаканов? Не иначе — продукт oboronk'и. Наивные, не знали: стаканы моют технической водой. Впрочем, москвичи пьют ее из-под крана. И стаканы в автоматах не воруют. Интересный народ! Взять хотя бы их вождя Никиту.

На выставке он, как и все гости (около миллиона), пил «пепси» не из граненого, а из бумажного стакана с эмблемой компании. Глядел, как разбирают подарки — значки-баттонз и яркие пакеты. Как глазеют на супер-«кадиллаки» и мини-тостеры. Как, разинув рот, взирают на американский дом в натуральную величину и на его невероятную бытовую «начинку».

«Именно устройство быта рядовой американской семьи поражало посетителей… рассказывал переводчик Хрущева Виктор

Суходрев, — им показали холодильники, посудомоечную и стиральную машины, массу бытовой техники, о которой советские граждане и не подозревали».

Граждане дивились. А вождь серчал. Это Никсон подвел Хрущева к дому. А тому разинутый рот строителей коммунизма не понравился. Тут-то и пошли «кухонные дебаты».

Никита Сергеевич заявил, что такой быт чужд советскому человеку. Зачем строить дом для одной семьи, если в многоквартирных зданиях можно дать жилье сотням?

Никсон просек подкоп под фортецию индивидуализма, и едва Хрущев сказал: «Ваши внуки, господин вице-президент, будут жить при коммунизме!», парировал: «Нет, это ваши — при капитализме»[190]. В ответ Хрущев заявил: «В нашем распоряжении имеются средства, которые будут иметь для вас тяжкие последствия. Мы вам еще покажем кузькину мать!» Переводчик донес смысл: We shall show you what is what: «Мы покажем вам, что есть что (что почем)».

Вождь повторил выражение в 1959 году… Он долго смотрел на окружающую сытую жизнь, а потом вдруг снова вспомнил про Кузьку с матерью. Но пришел переводчику на выручку: «Я лишь хочу сказать, что мы покажем Америке то, чего она никогда не видела!».

«Кузькина мать» родила легенды. Скажем, о том, что на «кухонных дебатах» выражение перевели дословно: «Мы вам покажем мать Кузьмы!» — и удивили мир. Этот слух восходит к 12 октября 1960 года, когда Хрущев снова использовал эту идиому на Ассамблее ООН. И ее перевели: «Kuzma's mother». Мир вздрогнул: это что еще за новый советский куншту́к?

И вспомнил другую фразу: «Мы вас закопаем!». На приеме 18 ноября 1956 года, указывая на обреченность Запада, Хрущев пытался привести тезис Маркса о пролетариате — могильщике капитала. Но изложил его на своем языке: «Мы вас закопаем!». Суходрев перевел точно. We'll bury you. И многие решили: рано или поздно он перейдет от слов к делу.

4

Они не ошиблись. Но чтобы действовать, нужны силы.

Слова о «славе труду», «единстве народа и партии», «деле Ленина, что живет и побеждает», и об «учении Маркса, непобедимом, потому что верном», надо было подкреплять делами.

Ну, а что до мощи хозяйств, то ее тогда считали тоннами —

стали, чугуна, золота, мяса, зерновых, угля и нефти. По этим показателям Хрущев и мечтал догнать и перегнать Америку.

Но не по уровню жизни. В Штатах личная машина была нормой, в СССР — роскошью. Средний американский дом (что стоял на выставке) имел площадь 1100 квадратных футов[191], а в СССР отдельная квартира была редкостью. Не хватало множества вещей, покупатели искали заграничный товар, а поэт Михалков клеймил семейки, где «наше хают и бранят» и «с умилением глядят на заграничные наклейки, а сало русское едят»[192].

Впрочем, гордиться Востоку было чем: Sputnik, боеготовность и наличие войск (СССР, Польша, Венгрия, ГДР, Куба), число орудий, самолетов и танков. Но недавно возникли новые ключевые показатели: число ядерных зарядов и средств доставки. И здесь Союз отставал. Зря, бренча во дворах гитарами, призывники напевали:

> Ракета межконтинентальная,
> Лети в Америку, лети…
> Ты баллистическая, дальняя,
> Их мать ети!
> Пора прикрыть поток полемики
> И в небеса ее поднять.
> И курсом — прямо на Америку!
> Ядрена мать…

СССР говорил о ракетном паритете. Но к 1962 году Штаты в области баллистических были впереди. Вождь требовал: догнать! Ему не перечили — пахали. Конкуренция конструкторских бюро Сергея Королева и Михаила Янгеля порой порождала ошибки, а то и трагедии.

* * *

Пламя рвет из сопла второй ступени. Первая неподвижна на стартовом столе.

Гибнут люди, готовящие ракету к старту. По одним данным 78 человек, по другим — 126.

Михаил Янгель бросается вон из бункера. Спасать. Обгорает и возвращается. Его замы Лев Берлин и Василий Концевой превратились в прах. Главком Ракетных войск стратегического назначения маршал Митрофан Неделин — в пар. Нашли только оплавленную Звезду Героя.

Янгель звонит Хрущеву. Тот хрипит в трубку: что ж ты сам не

сгорел?

Испытания ракеты Р-16 завершились. При проверке электроцепей сработал двигатель второй ступени, огонь прожег баки первой. Итог: катастрофа. Этот и другие факты, связанные с разработкой ядерной бомбы и ракет в СССР, описал Виктор Суворов в книге «Кузькина мать».

За два года до Карибского кризиса рухнули расчеты на пополнение советских РВСН новой межконтинентальной ракетой. А задачи перед войсками стояли серьезные. В Европе — уничтожить базы авиации, флотов стран НАТО и атомных подлодок, командные пункты и узлы связи. В США… А там целей не было.

Потому что поражать их было нечем. Главком РВСН маршал Кирилл Москаленко, сменивший Неделина, узнал, что в состав вверенного ему рода войск входят две армии, отдельный корпус, полигоны, НИИ и учебные заведения, командные пункты и Главный штаб. РВСН имеют ракеты средней дальности Р-5 и Р-12, неспособные достичь США (это их, в том числе, потом разместили на Кубе). А межконтинентальных ракет нет. Есть Р-7А. Космическая. Едва ли годная для войны. А, кроме того, как пишут эксперты, всего одна.

А у Штатов сорок баллистических. И 8 октября 1960 года испытали новую — «Атлас».

Кремль отставал.

5

Спор систем — это спор идей. Отношение к ним — показатель отношения граждан к стране. Современные российские ученые Ирина Савельева и Андрей Полетаев, готовя книгу «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю», спросили их: «Если… Америка преуспела в истории, то благодаря чему?», и большинство ответило: благодаря свободе и равенству возможностей.

Вот результат внедрения клише в массовое сознание — скажет кто-то. Что ж, хорошо, «свобода» — клише. Но не в большей мере, чем в советском языке: «Братский союз и свобода — вот наш девиз боевой…» И его философская многозначность не мешает видеть суть. И не только американцам. Ведь «свобода неделима; когда один порабощен, все несвободны…».

Граница между Западным и Восточным Берлином, «тоталитарным Востоком» и «агрессивным Западом» пролегала в мире не только инфраструктур, но и ультраструктур — не только

по земле и картам, но и в сфере целей и идей. Шла по людям. По жизни. И смерти.

«Вы живете на… острове свободы, — говорил Кеннеди, обращаясь к западным берлинцам. — Но ваша жизнь — часть общей жизни. Поэтому… позвольте попросить вас обратить взгляды… за пределы свободы Берлина или Германии к свободе везде…».

О том же он говорил народу Кубы: «Цена свободы высока, но американцы всегда платили ее». И ждал того же от кубинцев: «Народ Кубы часто восставал против тиранов. И я не сомневаюсь, что и сегодня большинство кубинцев с нетерпением ждут, когда они обретут подлинную свободу — свободу от иностранной зависимости, свободу выбирать лидеров и подходящую систему… свободу говорить, писать и молиться, ничего не опасаясь», — скажет Кеннеди 22 октября в одной из самых трудных своих речей.

И не потому, что говорил он об угрозе войны. А потому, что говорил с миром, включая и возможных завтрашних врагов. А полем их битвы могла стать вся планета.

* * *

Но Джек скажет эту речь через три дня. А сейчас он летит в Вашингтон. Слушать лучших и блистательнейших: Соренсена, О'Доннелла, Банди, Макнамару, Тейлора, директора ЦРУ Маккоуна, прибывшего из Европы, откуда он уже предупреждал о возможном размещении ракет.

В Экском входил и госсекретарь Дин Раск с замами и экспертами по России, министр финансов Диллон, доверенные лица президента Ачесон и Стивенсон, вице-президент Джонсон.

Экском собрался 16 октября 1962 г. за круглым столом в кабинете Джека. Но начать вовремя не удалось. Вбежала малютка Кэролайн, и все ждали, когда Джек попрощается с Быть может, «вторжение» крохи, а то и настрой президента создали непринужденную атмосферу: замы министров и эксперты спорили с начальством, гражданские — с военными, каждый говорил что думал. А Кеннеди выходил, чтобы сделать дискуссию еще свободней. Там, где работают the best and the brightest[193], должен царить дух открытости, считал он.

6

Его фабрика мысли стремительно, но не спеша двигалась к стратегическим узлам сложнейшей проблемы национальной безопасности, которой стало размещение на Кубе советских ядерных ракет. Не зря термин think-tank — дословно «танк мысли» — пришел из американского английского. Понятно, что tank здесь уместней перевести как «резервуар», но таков язык: подчас слова в нем сочетают веер смыслов, хоть и не слишком близких, но сопряженных… Члены Экскома трудились в закрытой среде, своего рода резервуаре, где в крайнем напряжении, как экипаж танка, могли либо погибнуть, либо победить. Причем — в обстановке строгой секретности.

Не будь Экском тайным, вряд ли удалось бы отыскать нужный набор решений в обстановке паники прессы, общественности и республиканцев, готовых использовать любую сложность Джона для ослабления позиций соперников. Отсюда и закрытость.

И потом: Кремль, хоть на первых порах, не должен был узнать, что его план раскрыт.

Главным образом Экском обсуждал две вещи[194]: чего хотят русские и что делать? Что касается мотивов, то предложили ряд версий:

(1) В Кремле считают, что Кеннеди, столкнувшись с угрозой Америке, выступит лишь с дипломатическим протестом. Ряд партнеров США расценят это как слабость и примкнут к СССР, чего и ждет Хрущев. Если «проба сил» пройдет успешно, Москва сделает ход в Европе. Скорее всего — в Берлине. Эту версию назвали политикой «холодной войны».

(2) Кремль ждет, что США применят силу, в ООН начнется буря, в НАТО суета. Меж тем они молниеносно займут Берлин. Вариант назвали «Отвлекающая ловушка».

(3) Куба важна для СССР. И он готов на все ради Кастро. Впрочем, суждение об «Обороне Кубы», как о главном мотиве, быстро сочли неубедительным.

(4) Советы хотят сделать ракеты предметом торга при решении «берлинской проблемы». Или — проблемы американских баз в мире. Назвали «Выигрыш позиций для торга».

(5) («Соотношение ракетных сил»), Хрущев понимает: дальше блефовать нельзя. Скоро мир узнает, что паритета нет, и США в 17 раз превосходят СССР в сфере ракетно-ядерных стратегических вооружений[195]. Что у Союза против них есть пять баллистических ракет Р-7А — в Тюра-Таме и Плесецке. А также девятнадцать Р-16, уже выпущенных, но не принятых на вооружение. А у США -253 межконтинентальные ракеты, включая новейшие «Минитмен». Плюс — 105 установок средней дальности в Турции и Европе. Хрущев знает, что здесь ему Штаты быстро не

догнать. Поэтому он решил ликвидировать отставание, разместив у их границ ракеты среднего и промежуточного радиуса. И спешит показать: да, у нас мало баллистических, но паритет есть.

Кеннеди, пишет Тэд Соренсен, принял версии три и пять, как возможные. Но склонялся к первой. Он был напряжен. Несколько раз повторил: «Не понимаю, почему Кремль так рискует».

7

Но таков был Кремль. Там все решал Президиум ЦК. А точнее Хрущев. Споры времен «коллективного руководства» (1953–1957) ушли в прошлое. Внутрипартийная борьба заставила вернуть принцип: вождь всегда прав. Спорил лишь Микоян. А при обсуждении ракетного кризиса вообще никто. Военные, дипломаты, спецы из ЦК и КГБ молчали перед партийным начальством. Записи заведующего общим отделом ЦК КПСС Владимира Малина и сына Микояна Серго, говорят о том, что на заседания допускали немногих представителей МИДа, КГБ и Минобороны, «чтобы дали справку, если попросят».

Дебатов не было. Между тем, пишет Микоян, «обстановка свободной дискуссии была необходима», но «никто не мог подвергнуть сомнению… штампы пропаганды» и, тем более, мнение Хрущева.

А Хрущев, отправляя ракеты на Кубу, был готов рисковать. Он считал, что Джек и его люди, обнаружив их, испугаются. И был прав.

Атмосфера в Белом доме сложилась не только непринужденная, но и нервозная. Лучшие и блистательнейшие впервые столкнулись с угрозой не просто атаки на свою страну, которую только что считали неуязвимой, но атаки смертельной. Атаки на себя. На свои семьи.

В клане проблема вызвала не совсем обычную реакцию. Внезапно в Кремль доставили письмо от некоей Роуз Фицджеральд Кеннеди. Как сообщила в 2006 году New York Times, мать президента просила лидера СССР подписать и выслать ей снимки, где он запечатлен с ее сыном. И, говорят, изумленный Хрущев выполнил просьбу.

Джек отреагировал на поступок матери подобающим образом: «Мне бы хотелось, чтобы впредь ты всегда извещала меня о своих контактах с главами государств, — написал он на Белого дома 3 ноября 1962 года, когда пик кризиса был позади. — Просьбы такого рода становятся поводом для интерпретаций, поэтому я бы хотел знакомиться с ними до

отправки».

Роуз невозмутимо ответила: «Дорогой Джек, я рада твоему предупреждению насчет контактов с главами государств. А то я уже было собралась писать Кастро»[196].

Записки нашли в ее архиве — в 250 коробках писем, фото и заметок.

Эдвард Кеннеди описывает эту историю иначе. «В разгар противостояния… в кабинет к Хрущеву ворвался глава КГБ с письмом… Госпожа Кеннеди просила премьера подписать и прислать… несколько экземпляров его книги.

Трансатлантические кабели мировых телеграфных агентств загудели пересудами о новом повороте событий. Узнав новость, Джек позвонил матери и раздраженно спросил:

— Что ты творишь?!

Роуз с достоинством ответила:

— Можно подумать, ты не знаешь!

Каждый год на Рождество мама дарила детям книги, подписанные главами иностранных государств. В том году настала очередь Хрущева, и наша мать стала действовать по плану.

— Но русским-то и в голову не придет, что все столь невинно! — сказал Джек, заикаясь.

— Они это истолкуют по-своему! А цэрэушникам теперь придется гадать, как они это истолкуют! Положительные моменты! Отрицательные моменты! Наши действия!

Самое смешное, что… Хрущев прислал маме надписанные экземпляры своих книг»[197].

Как видим, версии не совпадают. Но как все было? О чем просила Роуз? О снимках? О книгах? О том и другом сразу? Чего хотела? Не знаю, но… Она бесконечно любила детей, дорожила ими. И видела: сын вступил в опасную борьбу с соперником. Может, интуиция матери велела ей попытаться смягчить конфликт двух мужчин, обладавших неслыханной властью?

Может, она ждала, что ее письмо, без единого слова о политике, но — о снимках, книгах и детях, напомнит одержимому жаждой мирового господства коммунисту, каким она, похоже, видела Хрущева, о его жене и детях? О миллионах женщин и детей. О том, что нет в мире идеи, ради которой надо губить их с дорогими им книгами и фото…

Как бы то ни было, письмо Роуз Хрущеву — факт. Такой же, как и тягостная тревога, пережитая в те дни американцами. Об этом пишет Тэд в мемуарах. В Экскоме с самого начала понимали: даже если «красные» не собираются ударить по Штатам, само размещение ракет на Кубе, скрыть которое не

удастся, вызовет в стране ужас и нестабильность.

И пусть Макнамара говорит, что превосходство США по боеголовкам — семнадцать к одному, а первый удар с Кубы невероятен. Пусть ясно: ракеты — это средство давления. Пусть ответный удар по СССР неизбежен и страшен. Но… ядерная война начнется. И тотальная смерть, что вчера была лишь угрозой, завтра может стать реальностью. Это знание было почти невыносимо. А любая операция против Кубы повышала вероятность атаки на США.

За столом Кеннеди сидели холодные игроки. Умеющие мыслить, считать, угадывать ходы соперника. Но Хрущев не ошибся. Им было страшно.

Но все же кое-чего вождь не учел. Например, разницы между способом принятия решений в Белом доме и Кремле. «Модель политики правительства, — пишет Грэм Аллисон в книге «Эссенция решения»[198], - предполагает не одно-единственное действующее лицо, но множество актеров… Ряд участников обязателен; другие могут быть приглашены или включаются сами. Борьба… помогает оформить обстановку принятия решений игроками, способными влиять на выбор правительства и действия в связи с вопросом, стоящим на повестке дня».

Экском работал так. И это снимало напряжение, гасило страх, открывало путь к решениям.

8

В Белом доме разработали три версии поведения. Их приводит в мемуарах Тэд Соренсен.

Первая: воздержаться от действий. Ее предлагал Макнамара, опиравшийся на военные и технические доводы. Но она не устроила Джека. Он видел проблему не военной или технической, а политической. Ни один президент, как скажет после Микоян, лично работавший над урегулированием, не потерпел бы ничего подобного. Ведь впереди были выборы в Конгресс! И дай Кеннеди слабину в вопросе о ракетах, демократы проиграли бы их. Нужно было действовать.

Вторая: давить на Москву. Этого требовал Госдеп. Только в давлении видел решение недавний посол в СССР Льюллин Томпсон. Пусть Кеннеди шлет Хрущеву тайный ультиматум. Потребует убрать ракеты. Иначе — война. Схожий вариант, но мягче, предлагал посол США в ООН Эдлай Стивенсон: подготовить от имени Организации американских государств (ОАГ) или ООН предложение об инспекции Кубы, с дальнейшим

саммитом. Где были бы возможны взаимные уступки. Скажем — ликвидация базы в Гуантанамо или вывод из Турции ракет «Юпитер» (все равно их пора убирать) взамен вывода с Кубы советских ракет.

Джек отверг эти варианты. Они ставили Штаты в положение оправдывающейся стороны. И потом, он, всегда сверявший политические события с соразмерными историческими примерами, увидел в саммите по Кубе сходство с Мюнхеном. И принять его не мог.

И впрямь, такая дипломатия позволяла Хрущеву обсуждать и Берлин, и базы вне Турции, получая все больше уступок в обмен на отказ от своей авантюры.

Версия третья (автор Дин Раск): тайное обращение к Кастро. США грозят ему вторжением в расчете на то, что тот порвет с Москвой, столкнувшись с реальностью атаки. Кеннеди не принял этого варианта. Ведь ракеты разместил не Кастро! И вывести он их не мог. Вряд ли мог и присвоить… Значит, говорить надо не с ним.

Оставалось…

9

…воевать?

Глава Объединенного комитета начальников штабов генерал Тейлор доложил, что планы атаки на Кубу разработаны, учения проведены, а масштабы операции сильно превосходят попытку десанта в заливе Свиней. В ней примут участие четверть миллиона солдат. Впрочем, может хватить и 90 000… Бить надо внезапно. Либо — сперва ввести блокаду. А потом сразу — бить.

Участвуют все рода войск. Авангард — десант и морская пехота. Прикрывают флот и ВВС. Из фортов Беннинг и Худ подходят танки, и пехота из Джорджии, Оклахомы и Кентукки[199].

Тейлора поддержал генерал Кертис Лимэй (ВВС): «У нас нет другого выбора, кроме прямой военной акции». Кеннеди спросил: а не ответят ли нам Советы в Берлине? Генерал утверждал: нет. Но вот блокада Кубы без удара как раз приведет к войне в Европе.

Но Джек не принял план штурма. Он напомнил, что воевать предстоит не с Кубой, а речь идет о «глобальной борьбе с советскими коммунистами, в частности — за Берлин». И о том, что уже через год Москве хватит дальних ракет, чтобы угрожать 80 — 100 американским городам. Тейлор ответил: «И мы никогда не сможем совершить вторжение, потому что их пистолет будет

приставлен к нашему затылку». «Что ж, — молвил Кеннеди, — нам и не нужно вторгаться на Кубу. После всех заявлений они просто не смогут позволить нам уничтожить их ракеты, убив множество русских, и ничего не сделать в ответ». И был прав.

22 октября Хрущев сказал: «…Они могут напасть, мы ответим. Может вылиться в большую войну». А 28-го: «Если будет… нападение, у нас отдан приказ — нанести ответный удар»[200].

Джек не слышал этих слов. Но читал советские заявления. Знал Хрущева: на удар он ответит ударом. И принял решение: переговоры. Но — не прямые. А в письмах.

Он и Хрущев. Лично. Один на один.

Но сначала он шлет телеграмму семьям военных на базе Гуантанамо с призывом вернуться в США: «.. Кто-то из вас оставляет мужа, кто-то — отца, а гражданские служащие оставляют работу… Я искренне надеюсь, что обстоятельства позволят вам вернуться. Шлю самые теплые приветствия и наилучшие пожелания вам и тем, кого вы покидаете. Джон Кеннеди».

Пока гражданский персонал базы и семьи военных грузились на корабль, оказалось, что более чем двумстам детям на борту памперсов может хватить не более чем на три дня. Запас сразу пополнили. За счет флота.

22 октября он сообщил лидерам Конгресса о ситуации и стремлении избежать вторжения на Кубу, объяснив его нежеланием довести конфликт до столкновения в Берлине, чреватый войной.

Гувер, Трумэн и Эйзенхауэр одобрили его подход.

В шесть вечера госсекретарь Раск вручил послу Добрынину текст обращения Кеннеди к народу, которое он произнесет через час. Посол США в Москве Колер переслал его в Кремль. Незадолго до выступления там началось заседание Президиума ЦК, где впервые за долгий срок возникла полемика между сторонником жесткого курса маршалом Малиновским и прагматиком Микояном. Когда Кеннеди выступил, объявили перерыв: Президиум ЦК знакомился с речью.

Опытные функционеры легко увидели в ней главное — карантин на доставку Кубе вооружений. И отвергли подход Малиновского. В Кремле тоже заседали матерые политики. Хрущев знал: если Штаты атакуют Кубу и уничтожат ракеты до ядерного залпа, то, как пишет Серго Микоян, «был бы нанесен, возможно, непоправимый урон всем антиимпериалистическим силам, могло произойти ключевое изменение соотношения сил между двумя системами». Уже вскоре Анастас Микоян сказал об

этом Кастро. Также и Кеннеди, беседуя с президентом Алжира Ахмедом бен Беллой, пояснил: «Вопрос Кубы… уже не является вопросом кубинско-американским, а перерос в международную проблему…».

Каждый знал: идти ва-банк можно. Но страшно.

Хрущев был готов рисковать и блефовать до введения карантина. Но не теперь. Не хотел рисковать и Кеннеди. Он уже сделал свой предельно смелый ход. Все поставил на карту, заявив Америке и миру: «…Для защиты нашей безопасности и безопасности Западного полушария, властью, данной мне конституцией… ввожу строгий карантин на все поставки наступательного военного оборудования на Кубу. Все суда любого вида, направляющиеся на Кубу… перевозящие оружие массового поражения, будут возвращены в порт отправки….».

Джек окружил Кубу кораблями. И он имел на это право. Его дала ему ОАГ.

С 10 утра 23 октября пошел отсчет самого опасного кризиса времен «холодной войны».

В тот день возобновилась его переписка с Хрущевым.

10

В конце октября в Вашингтоне краса. В багрец одеты парки и леса. Тяжкая влажная жара позади. Эй, промозглая зима, погоди! У нас сейчас индейское лето. Суббота. 27 октября. И все еще крутится эта планета. И, наверно, не зря.

В колоннаде Белого дома двое мужчин. Молчат. Кончен еще один раунд совещания, идущего почти неделю. Ни президент Кеннеди, ни министр обороны Макнамара не знают, доживут ли до утра. Как и миллионы людей на Кубе, в США и СССР.

СССР и США могут вмиг и без счета уничтожить Soviets — советских и Americans — американцев. В том числе президента и министра. Сделать это или нет — чему быть: последней войне или трудному миру, — решает дюжина парней в Вашингтоне и десяток в Москве. И там, и там есть сторонники разных версий. Москве трудно отказаться от размена: вывод ракет с Кубы — за уход США из Берлина. А Вашингтон не может пойти на это. Логика такая:

— Не хотите под боком ракеты — пустите нас на Курфюрстендам.

— Не хотим. Но не пустим.

25 октября на экстренном заседании Совета безопасности ООН американская сторона представила снимки советских ракет

на Кубе. Эдлай Стивенсон дал пояснения. В ООН прилетел Микоян. Из Гаваны. Дипломаты, шпионы, братец Бобби начали трудные консультации. Кеннеди и Хрущев слали письма друг другу.

Меж тем над Кубой сбит американский U-2. Что это значит? Советы выбрали силовой вариант? А в это время какой-то пилот-идиот с Аляски залетел на Чукотку. Thanks God, чудом ушел до начала боя. К линии карантина идет красный флот. Танкер «Грозный» ближе всех к 500-мильной черте. Близ берегов США — «красные» подлодки. Их пугают учебными бомбами. Использовать настоящие запретил президент. Напряженность растет. Советы давят. Штаты держатся. Грузят на суда Пятую бригаду морской пехоты. Еще не вечер! Но что он готовит? Что завтра?

А Джон-младший лежит с температурой под сорок. Но главнокомандующий не знает об этом. Он вершит мировую политику.

И вот — 28 октября. Москва. 17.00. Радио. Хрущев обращается к Кеннеди.

«Уважаемый господин президент! Отдано новое распоряжение о демонтаже вооружения, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении в Советский Союз. Мы убеждены, что народы всех стран, как и Вы, господин президент, правильно меня поймете. С уважением к Вам, Н. Хрущев»

Письмо вручено посольству США в 17.10 по Москве.

«Уважаемый г-н Председатель! Я приветствую Ваше послание… Джон Ф. Кеннеди». Ответил немедленно.

11

«Грозный» пошел домой.

Но это — еще через дни. Или — часы. В них напряг спаял цепочку суток.

А сейчас Джон летит в Вашингтон. С чашкой томатного супа в руках. Кто сказал, что спасители мира не любят супа? Ведь и партнер в этом деле, Хрущев, предпочитает кулеш яствам в блестящих судках… И очень даже не глуп он.

Воевать не решился, ракеты увез, но не признал, что они были наступательными. Так и писал: «средство, которое Вы называете наступательным» или «так называемое наступательное оружие». Причем писал не без сарказма: «Мы, коммунисты, вообще против всяких войн между государствами и отстаиваем дело мира с тех пор, как появились на свет» или «Я вижу, г-н

Президент, что Вы не лишены чувства беспокойства за судьбы мира… Что вам война даст?»[201]

Кеннеди, как и Хрущев, знал, к чему ведет война. И умело торговался, не веря, что партнер по «адской игре» готов к крайним мерам. Эта тактика себя оправдала: удавалось избежать силового сценария, удержать в узде генералов. А главное — добиться вывода ракет до 6 ноября — выборов в Конгресс, и теперь у демократов были хорошие шансы.

Но и после заявления Москвы кризис не был разрешен. Предстояли переговоры военных, политиков и спецпосланников — достаточно мудрых, прозорливых и влиятельных, чтобы согласовать компромисс и довести дело до конца. Москву представляли Анастас Микоян и замминистра иностранных дел Василий Кузнецов, Вашингтон — Эдлай Стивенсон и Джон Макклой — личный представитель Джека. После включились Бобби, Дин Раск и министр внутренних дел Стюарт Юдолл. А в финале появится он — Джон Кеннеди, президент США.

* * *

Участвовала в торге и Куба. Кастро, раздраженный решением о выводе ракет, принятом без консультаций с ним, бился за то, чтоб ему оставили ядерные заряды и самолеты Ил-28, и — против международной инспекции на своей территории.

Прибывший договариваться с ним Генеральный секретарь ООН У Тан отбыл ни с чем. Все сделал Микоян. Объяснил: в СССР есть закон, запрещающий передавать или оставлять ядерные заряды другой стране, даже дружественной. Юрист Кастро знал: закон есть закон. И смирился. Разобрался Микоян и с Илами, обещав, что взамен убедит США прекратить полеты разведчиков.

А вот в инспекции Кубы и судов в ее портах пламенный команданте отказал наотрез. Но и тут справился Анастас Иванович — договорился с американцами об инспекции с их кораблей.

Пока Микоян толкует с барбудос, в США проходят выборы. Побеждают демократы — теперь у них две трети мест в Сенате и большинство — 258 голосов — в Палате представителей. Демократы торжествуют на Холме, Кеннеди — в Белом доме.

20 ноября он отменяет повышенную боевую готовность. 21-го снимает карантин.

26-го в Нью-Йорке на обеде у У Тана Стивенсон и Макклой сообщают Микояну, что если бы Куба не угрожала странам Южной Америки, то Штаты помогли бы ей в развитии экономики.

Через три дня Микоян прибыл в Белый дом. Кеннеди встретил его в дверях. И сразу задал тон беседе. А о чем спорить? Кризис ликвидирован за счет уступок Хрущева. Джек гарантировал безопасность Кубы, сохранил и укрепил авторитет США, обеспечил успех своей партии на выборах и знал, что его популярность в стране и мире растет.

Он вел беседу ровно, но не без пикировок. В частности — о наступательном характере ракет. Дал понять, что да — кризис исчерпан, но он не доверяет Москве и Гаване, помня ложные заявления советских дипломатов и ТАСС, что ракет на острове нет и не будет.

— Что мы имеем сейчас? — спросил он. —.. Противостояние из-за Кубы. Кто может сказать, что это не повторится… через полгода? Или такое же оружие не доставят китайцы?

Он знал: Микоян не снимет его опасений. Он не может сказать «Да, мы вас обманули, поступили плохо», а лишь спросить: «Придерживаются ли США… формулировок, закрепленных в обмене мнениями[202], или нет?» Он хочет подтверждения гарантий безопасности Кубы.

— США не нападут на Кубу, — отвечает Кеннеди. — И не позволят сделать это другим.

Впрочем, ближе к концу встречи он заявил, что «пока СССР считает революции в других странах своим делом, договоры не помогут», и шутливо спросил: а «вы бы спали спокойно, если бы, скажем, в Финляндии вдруг обнаружилось сто ракет, нацеленных на Советский Союз». А услышав, что в СССР спят спокойно, зная, что в Турции есть ракеты США, пояснил, что вопрос об их выводе изучается. Прозвучали главные слова. Прощаясь, Микоян сделал комплимент переводчице Натали Лэттер — в прошлом советской гражданке Наташе Кушнир: мол, видите, какие у нас красивые и способные женщины. Джек рассмеялся.

Кстати, сама Лэттер сообщает, что все три часа пятнадцать минут собеседники говорили без дипломатических ухищрений, внимательно слушали друг друга, ясно отвечали на вопросы.

Спустя 30 лет, когда рассекретили послания лидеров друг другу, New York Times так озаглавила статью об этом: «Кубинский ракетный кризис: Кеннеди оставил лазейку…».

Кому? Хрущеву? А, может быть, — детям? В том числе — своим…

Через 40 лет в библиотеке его имени впервые встретились Кэролайн и Сергей — дочь президента и сын премьера. Когда они обменялись воспоминаниями и документами, Кэролайн сказала: «Эмоционально это очень сильный момент, когда понимаешь, что наши отцы перевели стрелки с опасности войны на мирный

процесс, они сделали это для нас и всех детей…».

С тех пор многое изменилось. Сергей Никитич стал американцем. Если бы об этом мог знать его отец (ну, хотя бы, когда спорил с Никсоном), он, вероятно, изменил бы свою жизнь. И, возможно, сократил бы бред холодной войны. Ведь приятней жить в мире, где войны, жертвы и лишения не мешают строить полезные отношения.

Глава седьмая. Белый дом. Some like it hot [203]

1

Ну-с, кто не любит развлечения?

Рабочие и доктора, пилоты и профессора, фермеры и студенты, прогрессисты и декаденты, либералы идейные и мошенники первостатейные, заслуженные военные и консерваторы степенные, акционеры и пенсионеры, шоферы, шахтеры, полотеры и голливудские режиссеры — все, все, без сомнения, обожают развлечения. И президенты — не исключение.

А кто не любит разоблачения? Те, у кого серьезные увлечения.

Вот, скажем, Кеннеди очень любил кино. И особенно — про приключения. При этом имя режиссера не имело большого значения. Его увлекала феерия событий, острота ситуаций, отвага героев и красота актрис. А если в фильме они сплетались в живой сюжет — лучше и не придумаешь. Не зря среди его любимых лент был «Спартак» Стенли Кубрика.

Киномеханик Пол Фишер, ветеран труда, служивший в Белом доме с 1953 по 1986 год, поведал, что когда «Спартак» вышел на экраны, Джек захотел его посмотреть. Но вышла заминка — фильм выпустили на 65-миллиметровой пленке, а в резиденции стоял 35-миллиметровый проектор. Президент не стал ждать замены и приказал секретной службе проводить его в кино.

Фильм привел его в восторг. Выходя из зала, он, якобы, сказал директору кинотеатра: «Это лучший фильм из всех, что я видел. Он даже лучше, чем «Бен Гур»».

* * *

Вообще, жизнь в Белом доме при Кеннеди скучной не назовешь.

Представьте себе, что вы въехали в особняк в центре столицы. В нем шестнадцать комнат и три этажа. Впрочем, на два из них вы едва ли заходите до вечера — там бродят экскурсии, стоит дикий гвалт, тинэйджеры сорят фантиками от чупа-чупсов, старыми билетами на бейсбол и норовят приклеить жеваную мятную резинку на древнюю вазу. А их «предки» все озираются — ждут:

вдруг появитесь вы… И они кинутся фотографироваться рядом.

Но вы не появляетесь. Может, вас вообще нет дома — вы в детской больнице на Аляске или с визитом в Париже. Или Берлине. А может, — на совещании в Экскоме по поводу очередного международного хулиганства или на брифинге с экспертами по экономике. А то — на встрече с лидерами палат Конгресса, защитниками прав черных или лидерами союза пекарей, что пришли напомнить, какой вы молодец, как они за вас голосовали и как вы им, между прочим, кое-что обещали…

Чтобы все успеть, вы встаете в 7:30, просматриваете газеты, отмечаете ключевые темы, сразу связываетесь с сотрудниками и партнерами, которых они могут касаться, советуетесь, советуете, отдаете распоряжения.

Потом — ванна. С книгой и бритвой (экономим время). Завтрак — в 8:45. То с семьей, то в постели с газетами, один-два раза в неделю — с лидерами Конгресса, советниками и важными людьми. В 9:00-9:30 — вы в офисе. Почта и сводка ЦРУ (3000 слов). После — совещания. На пятнадцать минут, на час, на несколько. Вы цените личное общение, неслужебные контакты и каналы информации. Внимательны к суждениям и идеям. Ваш помощник по национальной безопасности получает копии всех сводок из Госдепа, Пентагона и Лэнгли. Еженедельно все отделы отчитываются (вдобавок к меморандумам и проектам, что шлют ежедневно). Вы просите журналистов и чиновников, вернувшихся из-за рубежа, рассказывать о вояжах. Жену тоже. Если надо — собираете людей в Овальном кабинете вокруг знатного стола, подаренного президенту Ратерфорду Хейзу королевой Викторией. Ваша супруга случайно нашла его на первом этаже и превратила в своего рода имперский символ, весомо оттенивший ваш либерализм. Порой Банди, О'Доннелл, О'Брайен, Сэлинджер, Соренсен садятся за него несколько раз на дню.

За высокими французскими окнами — чудный сад цветов. Внутри — деловой комфорт. Вот только камин не горит. Вы как-то пытались его разжечь и задымили все восточное крыло…

Инстинкт политика говорит: ты обязан обсуждать проблемы с людьми, полагаться на себя одного — значит повысить вероятность ошибки. Но последнее слово всегда за вами.

На работу ездить не надо. До нее пятьдесят ярдов. Капитолий, впрочем, дальше, но ваш путь расчищает полиция. Для дальних визитов есть вертолет. И все равно ваш помощник О'Доннелл не может добиться, чтоб вы придерживались распорядка дня и никуда не опаздывали: к вечеру выбиваетесь из расписания где-то на час. В целом, вы в офисе от сорока пяти до пятидесяти пяти часов в неделю. Уходите в 8–8:30, ужинаете

поздно, и порой до полуночи трудитесь дома. В субботу рабочий день короче. В воскресенья вы в офисе от случая к случаю.

Обычно вы находите час, чтоб днем вздремнуть и поплавать в бассейне в обед и вечером. Под легкую музыку вы плещетесь в теплой воде с Дэйвом Пауэрсом[204]. Ряд будущих биографов, ссылаясь на агентов Секретной службы, прошепчут, что к вам заплывают русалки или другие таинственные гостьи, а при приближении Джеки, по сигналу агентов, мгновенно исчезают.

Вы это любите — развеяться. Порой устраиваете служащим праздники. Скажем — дни рождения. Даже придумываете их сценарии. Вы так в себе уверены, что с подчиненными просты и сердечны. Им с вами легко. Но сколько бы ни работал с вами человек и что бы вас ни связывало, он обращается к вам только господин президент и говорит о вас президент.

Скажем: «Господин президент, у вас встреча с госпожой Монро».

Или: президенту нравится фильм Some Like It Hot…

2

А почему нет? Ведь он не только работает. Захочет — идет в кино. А то и просто обязан развлекаться. Хозяин Белого дома устраивает в год десять вечеринок на 2000 гостей. И множество — на 150. Не говоря уже о парадных обедах.

Впрочем, теперь их дают только для глав государств и самых важных гостей. Огромный стол в форме буквы «Е» заменили круглыми столиками с букетами в серебряных корзинках и серебряными приборами.

Первый прием устроили 29 января. Приглашенным разрешили брать с собой жен и детей. А самим быть не во фраках, а в смокингах, можно сказать, — на босу ногу. Оно и хорошо. Кроме того, у Эйзенхауэров не давали ни закурить, ни выпить, а здесь — пожалуйста. Вот бар, а вот — пепельницы. В каминах огонь, повсюду цветы: в Голубом зале — гвоздики и тюльпаны белые и желтые, в Красном — алые, все — в серебряных ведерках. Утром газеты сообщили миру: «Теперь Белый дом — это дом». Хотя кто-то и пожурил: в Белом доме! в воскресенье!! бар!!!

Зачем? Только зря смутил Джека, что всегда так пекся о своей репутации. Впрочем, Америка отнеслась к нему благосклонно.

Чета обожала приемы, гламур, комфорт и стиль. Им нравилось, чтоб гостям казалось, что они на балу. А для этого нужно было превратить Белый дом во дворец. Но после двух сроков Айка это было сложно. Для него хороший дом означил

порядок. Красоту он оставлял плац-параду. При нем, пишет Джон Олсоп, резиденция походила на «апартамент-люкс в провинциальном отеле».

Итак, менять в Америке надо было многое. Включая и убранство Белого дома.

Этим занялась Джеки. Она была на тридцать лет моложе трех своих предшественниц и видела американский дом иначе. Первая леди прошла резиденцию вдоль и поперек, заказала в Библиотеке Конгресса десятки эскизов интерьеров и изучила их. Потом пригласила дизайнеров и художников. А потом увидела Белый дом таким, в каком хотела бы жить.

Немедленно прибыли рабочие и принялись за ремонт. Со стен исчез «кошмарно розовый» цвет. Появились ковры, картины, изящная мебель. Оборудовали новую столовую. Кухню спроектировали при участии шеф-повара Рене Вердона. Комнаты для гостей, прежде походившие на больничные палаты, переделали в изящные детские. У Кэролайн — обои в цветочек, белая кроватка с балдахином и лошадки-качалки. У Джона-младшего — бело-голубая гамма.

Перестроили и спальни. Айк с женой спали в одной комнате, самой большой на этаже — классической американской masters' bedroom[205]. Ее заняла Джеки. Поставила огромную кровать, а художник, француз Пьер Мари Рулель, расписал двери гардероба эпизодами ее жизни: вот она скачет верхом (фото из журнала Look), вот — поздравляет отца, победившего в скачках…

Не обошлось и без портрета столь любимой Жаклин супруги Наполеона Жозефины — жены гения, повелителя не только стран, но и красивейших женщин мира.

Джону досталась т. н. Комната Линкольна и т. н. кровать Линкольна. На которую положили особый ортопедический матрас, максимально удобный для травмированной спины Джека.

Ремонт стоил Конгрессу 50 000. Их хватило на две недели работ.

Когда главный церемониймейстер Белого дома Джеймс Бернард Уэст сообщил об этом первой леди, та ответила: «Мистер Уэст, я знаю: денег нет. Но я наполню Белый дом роскошью!»

Но нужно было знать меру: не задеть простых американцев кричащим блеском и не дать противникам повода для упреков в излишествах. Чтобы избежать этого, для сбора средств создали комитет из 12 дизайнеров и антикваров с именем и престижем во главе с Генри Дюпоном — виднейшим знатоком роскоши с высочайшим авторитетом в кругу финансовой аристократии. А главными экспертами стали миллионерши с отменным вкусом — Банни Мелон и Джейн Райтсман. Коллекции миссис Райтсман

знали эксперты всего мира. Словом, комитету хватало влияния, чтобы найти меценатов, чьи взносы позволят больше не просить денег у Конгресса. Дюпон заявил: «Мы сделаем Белый дом знаком культурного и политического лидерства».

Джеки высоко оценила эту формулу. А после в интервью журналу Life подчеркнула ее суть: «Это не вопрос дизайна, а тема ученых изысканий. Дому нужно вернуть величие».

Комитет немало потрудился, чтобы Конгресс принял закон о превращении Белого дома в музей. Его первым хранителем стал все тот же Дюпон. Была основана «Историческая ассоциация Белого дома». Для сбора средств издали специальный путеводитель и продали 8 000 000 экземпляров. Продюсер CBS Пэрри Вульф снял телетур по резиденции. Гидом в нем была Джеки.

— Понимание прошлого, — отмечал Дюпон, — ключ к пониманию настоящего… Пусть же, благодаря мастерству художников, Белый дом отразит историю культуры Соединенных Штатов.

3

Пришло в Белый дом и актуальное искусство[206].

Оно хорошо сочеталось с вечеринками. На обеде в честь губернатора Пуэрто-Рико Хосе Луиса Альберто Нуньоса Марина выступал один из величайших виолончелистов-виртуозов XX века дирижер и композитор Пабло Казальс, не игравший в Штатах с 1928 года. Был там и Леонард Бернстайн, композитор, дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра, отметивший, что при Эйзенхауэрах на приемах кормили просто, а поили плохо, теперь же — подали отменную еду и вина. А потом к гостям вышла блестящая пара — Джек и Жаклин — и окружила вниманием всех и каждого в отдельности. Вечер прошел потрясающе!

Навещали Кеннеди и писатели. Андре Мальро, Артур Миллер, Уильям Стайрон и другие видные мастера. Жаль, престали звать Гора Видала. А зачем он поругался с братом Бобби? Были среди гостей и видные актеры — Фредерик Марч читал Хемингуэя. И композиторы — скажем, Алан Лернер, автор мюзикла «Камелот». О шоуменах, вроде Фрэнка Синатры и Дина Мартина, и речи нет — это были друзья. Видные бизнесмены, политики, дипломаты — постоянные гости. Светская жизнь обходится не дешево. Да, часть расходов Джека покрывают его наниматели — граждане США. Но чтобы в гостях нравилось серьезным людям, он и сам тратит немало.

Скучать не приходится. Гуляет президент по двору (за ворота его пускают только в кольце внимательных людей), а на решетке ограды висят зеваки. Играет с детьми — а из-за ограды целятся объективами дяди из Канзаса и тети из Южной Дакоты. Вот выходит жена с детьми в аптеку съесть мороженого — внимательные следуют рядом. А какой-нибудь Гекльберри Финн — тычет пальцем. И Кэролайн машет ему ручкой. Это важно — нравиться ему и его папаше. А также его корешу Тому Сойеру и тетушке Полли. Ведь это они платят за жилье семьи президента. А переезжать Джеки не хочется.

Впрочем, она и дома не скучает. Кеннеди вместе ужинают, ездят за город. Джек ходит с дочкой в бассейн. Нередко заходит в класс, оборудованный на третьем этаже. А если вдруг слышит детский визг с лужайки, то зовет малышей в кабинет и угощает конфетами (их всегда полно у него в столе). И всегда есть время для детей. Кстати, слуги не отворяют перед ними двери — мама считает, что это не полезно.

Короче, жизнь детей и взрослых удалась. Свой бассейн. Кинотеатр. Телефоны, чтоб звонить куда, когда и кому угодно (сеть связи по указанию Кеннеди оборудована доступной ему одному системой прослушивания и записи (как и ряд помещений дома). Звонят и ему. Ищут знакомств и встреч. Ученые, люди искусства, звезды Голливуда…

Типа: раз вы приятель Фрэнка Синатры, то и на них обратите внимание.

Так оно порой и бывает.

4

Нередко знакомства и встречи организует сам Фрэнк. А бывает — муж Пат Кеннеди актер Питер Лоуфорд. Это они познакомили Джека со многими красавицами. Включая Мэрилин Монро. Когда-то давно, в те еще времена, когда Джо-старший и Джек мерялись, кто больше склеит барышень, отец был близок с секс-символом Америки — великой Глорией Свенсон. Сын его обогнал: среди его поклонниц — великая Мэрилин, мечта и секс-символ всех времен и народов.

Их отношения — не легенда. Как не сказка и многочисленные романы Джека. Нет, пуританство и сексуальная скованность действительно присущи американцам. Но далеко не всем. Многое зависит от того, кто вы, когда и в какой компании оказались.

Если это начало 60-х, штат Айова и вечеринка в пригороде, а вы — учитель или юрист, то вам остается только робкое дыханье,

в крайнем случае — нежный шепот, о поцелуях, не говоря уж о походе наверх, и речи быть не может. А если вы в калифорнийской Санта-Монике в гостях на вилле звезды шоу-бизнеса? О, тут все иначе! Пальмы, юг, океан, раскованность… Голливудский шик-блеск-красота… Легкость нравов и настоянный на хвое с шампанским аромат вечного праздника создают атмосферу, в коей человеку, утомленному тревогами о мире, так легко отдохнуть в компании прекрасных дам.

Если, конечно, он богат, умен, чувства юмора не лишен, обаятелен и в любви искушен. Как Кеннеди Джон.

Кого только не бывало на вечеринках у Лоуфорда и Синатры. А в 1961-м и Мэрилин все чаще заезжала. Ее ранил развод с Артуром Миллером. Она искала тепла и понимания.

Вторая жена Лоуфорда пишет, что Мэрилин у них «буквально обосновалась». Они и сами часто гостили у Синатры. И даже держали там часть вещей, ну, чтоб не таскать туда-сюда.

У Лоуфорда и встретились Мэрилин и Джон.

График Кеннеди был плотным: избиратели, политики, дельцы, люди искусства. 19 ноября такую встречу устроили у Питера. Была и Мэрилин. Джон, в джинсах и рубашке поло, беззаботно нежился. А дальше — как в старом танго:

> В этот вечер посредине бала
> я руки твоей коснулся вдруг.
> И внезапно искра пробежала
> в пальцах наших встретившихся рук…

Все вышло просто и быстро. Они не устояли друг перед другом.

«Там была изящная ванная, отделанная ониксом, — смеется Пат, — Джон любил набрать воду, и чтоб Мэрилин запрыгнула на него, и они занимались сексом в воде. А Пит фотографировал их игры. Когда Джон погиб, почти все фото уничтожили…».

О, это вечное почти в судьбе Джона Кеннеди. Почти здоров, почти великий, почти все известно, почти все уничтожено… А как быть со снимками, что Секретная служба возила в «Галерею Микелсона» — лучшую в столице, — чтобы оправить в рамки? Ведь это, как пишет Сеймур Херш, были фото Джека с любовницами.

Сидней Микелсон, чья галерея располагалась в десяти кварталах от Белого дома, участвовал в его оформлении. Херш пишет: в 1996 году он рассказал: «Я обрамлял снимки, сделанные в Комнате Линкольна. На них были красивые люди. Обнаженные. В постели». Порой, поведал Микелсон, «на фото был президент с

двумя дамами в масках». Но откуда он знал, что это — президент? Ведь в масках! «Агент сказал: это он, — пояснил Сид, — и я поверил».

Утром агент доставлял снимки. Сид делал замеры, и фото увозили. Агент возвращался после закрытия галереи и в той же комнате, где Микелсон обрамлял фото, ждал, когда он закончит. «Я хотел их скопировать, — признается Сид, — но агент никогда не оставлял меня одного».

Как видим, заказчик рамок, кто бы он ни был, даже в случаях, когда речь шла о более чем нескромных (и опасных!) изображениях, держался большого стиля и высокого уровня — обращался в лучшую галерею. Но где он вешал обрамленные снимки? Неведомо.

Сида смущали эти заказы. Ведь он работал и с Жаклин, уважал ее, но… «Тогда я выполнял все просьбы из Белого дома, — говорит Микелсон. — А потом таких заказов не было. Никогда».

5

Вот такие царили нравы в «первом доме Америки». Сэра Бредфорд — биограф Джеки — пишет: «Джон хотел, чтобы сотрудники… заводили романы, независимо от семейного положения. Первая жена Шлезинджера[207]… вспоминала: «В Белом доме чуть ли не все со всеми спали. Когда один друг Джеки привел на ужин жену одного из помощников Джона, она ахнула, увидев рядом с президентом любовницу своего мужа, а с другой стороны — его самого». Друг спросил: как это возможно? А она ответила: «Скорее всего, он их и свел». Сэлинджер рассказывал: «Пока я был пресс-секретарем, меня интересовали политические вопросы, в личную жизнь президента я не вмешивался. Но догадывался, что у него кто-то есть. Ведь он и меня склонял завести связь. Но я не знаю, с кем у него были романы»».

Пьер строго хранил «государственную тайну», которая была секретом Полишинеля в Белом доме, где, как пишет Бредфорд, отвели апартаменты мисс Монро. Так не могло продолжаться вечно. И, наконец, случилось неизбежное.

Как-то раз, сильно выпив, где-то в Белом доме Мэрилин встретила Джеки. И впрямую заявила, что хочет замуж за Джона. Первая леди обдала актрису холодом… Но Монро было все равно. Она верила, что Джон бросит Жаклин и женится на ней.

В этом ее страшная драма. Да, Джек увлекся. Но звезда интересовала его как секс-партнер, а точнее — как достижение,

но не спутница жизни. Судите сами: он — блистательнейший президент величайшей страны мира, а в его постели — секс-символ этого мира.

А еще есть Джеки, которую СМИ и PR-индустрия провозглашают элегантнейшей женой на свете. Какие разводы? Во-первых, Римская церковь не согласилась бы расторгнуть его церковный брак. Во-вторых, Джон любил Джеки. В-третьих, не желал скандала в обществе, место в котором клан занял с трудом. И в-четвертых: он не мог себе этого позволить как президент: моральный облик лидера безмерно важен для американцев, а меж тем, близилась избирательная кампания. О каких разводах речь? Мэм, да вы никак с ума сошли?

Мэрилин не разбиралась в политике. Да, похоже, и в жизни. Ее голову туманили слава, деньги и виски. Психоактивные зелья стали значить для нее еще больше, когда женился ее бывший муж Артур Миллер. Монро боролась с тоской дурманом. Премию «Золотой глобус» получала пьяной, что называется, «в хлам». Ее язык заплетался, а зал зашептался о крахе ее карьеры.

Меж тем Джеки летела в Индию, Пакистан и Лондон, а Джек — в Калифорнию. Синатра верил: пришло время превратить его особняк в Санта-Монике в Белый дом на Тихом океане. Он даже построил вертолетную площадку. А Лоуфорд привез Мэрилин.

Но Джон остановился не у Фрэнка, а у его конкурента по шоу-бизнесу — Бинга Кросби. Вечеринки у него были не хуже. Шампанское рекой и секс в бассейне и на берегу, о чем спустя годы поведали Хершу агенты Секретной службы[208]. Тогда об этом ходили только слухи. Но они дошли до Синатры. Говорят, он пришел в такую ярость, что стал кувалдой крушить бетон вертолетной площадки и поругался с Лоуфордом, который «не смог затащить к нему Джека».

Напрасно. Джек изменил планы не потому, что Кросби ему нравился больше. А по государственным соображениям. За полчаса до весны директор ФБР Эдгар Гувер письмом известил министра юстиции Роберта Кеннеди, что по его данным, некая Джудит Экснер в последнюю неделю февраля дважды звонила секретарше Джона Эвелин Линкольн. И «цель звонков мисс Экснер, как и характер их отношений с миссис Линкольн, остались невыясненными».

Но о самой мисс Экснер знали: общается с друзьями Синатры — боссами мафии Сэмом Джанканой и Джоном Розелли, которые, кстати, замешаны в чьих-то попытках «убрать» Фиделя Кастро. Об этом в записке не говорилось, но было известно Кеннеди. А еще лучше — об отношениях Линкольн и Эксенр. Джуди звонила Эвелин, если не могла связаться с ним. Но что же связывало эту

гламурную калифорнийку и президента США?

6

О том, что он об этом знает, директор ФБР вскоре дал понять Джеку — за ланчем в Белом доме. Тот принял намеки за шантаж и разозлился.

Кеннеди понимал: Гувер следит за каждым его шагом. И знал: тот обладает огромными материалами о клане. И кое-что иначе как компроматом не назовешь. До сих пор Эдгар избегал говорить об этом, но теперь напомнил о своих возможностях.

Сильное раздражение порой делало Джона безрассудным. Он мог «плюнуть» на все да и полететь к Синатре. Но хладнокровный Бобби остановил его:

— Это будет значить, что «ты, возможно, спишь на той же кровати, что и Джанкана». И потом, Секретная служба считает, что дом Синатры не отвечает стандартам безопасности. Это сойдет для отговорки.

— А Мэрилин?

— Мэрилин — дело десятое. Репутация важнее.

— Звони Фрэнку.

— Позвонит Лоуфорд. А потом ты сам. Извинись шутливо. И все такое…

Конечно, Синатра посмеялся шуткам Кеннеди. Но с Лоуфордом шутить не стал. Их дружба дала трещину, которая, как пишут биографы, стоила Питеру карьеры в Голливуде.

* * *

Фабрика грез — чудо, мечта, парадиз. Там, кстати, делала карьеру и Джудит Экснер.

Кто же она — девушка, о которой говорили за обедом директор ФБР и президент США?

Джуди с ранних лет общалась с актерами и режиссерами. С ними дружили ее родители — Кэтрин и Фредерик Иммур, состоятельные католики и интеллектуалы, хозяева четырехэтажной виллы с видом на океан в Пасифик Палисейдз — фешенебельном районе Лос-Анджелеса.

Там в 1934 году у них родилась дочь — одна из четырех детей. Девочка росла нежной и ранимой. Была очень близка с мамой и очень страдала, когда та покалечилась в автокатастрофе. Отец — видный архитектор — не был строг с дочкой, но все же

отдал ее в католическую школу. Впрочем, скоро забрал, ибо мог позволить себе дать ей домашнее образование.

Но вот ей шестнадцать лет, учеба позади, и Джуди идет подрабатывать в офисе киноагента ее сестры Жаклин, телеактрисы, известной под именем Сюзан Морроу. Милая девушка, стучавшая на машинке и отвечавшая на звонки, привлекала внимание посетителей бюро. Там ее и приметил актер Билл Кэмпбелл. А через два года, несмотря на сомнения родителей, они поженились. Билл не был звездой, но стабильно снимался на «Метро Голдвин Мэйер», «Юниверсал» и «Уорнер Бразерс». Как и положено, он старался вечно быть на виду — на каждой премьере, вручении премии, крутой вечеринке. А рядом сияла Джуди, которую уже тогда многие называли самой эффектной женщиной, какую встречали в жизни.

Красавице нравилась голливудская жизнь. Всякий день она тратила четыре часа на ванну, макияж и подбор платья на вечер. Ничего себе жизнь, а? Но брак с Биллом распался. Что было делать даме, привыкшей к праздности? Конечно, искать мужа.

«Свидания — это кайф! Я чувствовала себя с мужчинами как старшеклассница, — пишет Экснер в книге «Моя история». — Жизнь была прекрасна! Я вставала в десять. Завтракала. Пару часов рисовала, обедала с подругой и шла по магазинам. Никогда не ужинала одна.

И так привыкла к мужской компании, что если еду в поезде без спутника, то не выхожу из купе, а если одна в отеле — живу на рум-сервисе». Через год она встретила Синатру. И хотя он был самым известным из знакомых ей актеров, выбор не был идеальным. «Когда Фрэнк позвал в постель вторую женщину, — пишет Джуди, — я зажалась, заледенела — не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Это было не мое. Но иметь такого друга было очень полезно».

Синатра потерял к ней интерес как к любовнице, но их взаимная симпатия не исчезла. И когда он позвал Джуди в Лас-Вегас на шоу своего квартета «Рэт Пэк»[209], она согласилась. Концерт прошел 7 февраля 1960 года в отеле «Сэндз». Там-то Фрэнк и познакомил Джуди с Джоном. И с Бобби[210]. Им Синатра поставлял (хоть и знал, что опасно!) дам и барышень. Джек шел в президенты и прилетел в Вегас по пути в Орегон. А Джуди ни о чем таком и не слыхивала. Как и о том, что он сенатор. И женатый. Она просто влюбилась.

Под утро Бобби повел ее в номер. Но Джуди уверяет, что отшила его. А утром позвонил Джек. И пригласил на ланч. Когда она вышла, то увидела, как он дает пресс-конференцию. Завидев ее, Джон сказал: Джуди, я скоро. Репортеры обернулись, а он

спокойно продолжал.

«Я и не думала, что он идет в президенты. Ничего не знала о политике. Не имела понятия, что такое сенатор от Массачусетса. Не скажу, чтоб этот ранг поднимал Джека в моих глазах».

Потом она скажет, что эта встреча сломала ей жизнь. Но она готова ошибиться вновь.

Ланч был долгий. «Мы говорили обо всем… Как всегда с теми, кто влечет нас. Его занимало, что я католичка из большой семьи. Он был славный! Дарил чувство, что кроме тебя для него не существует никого во всем свете». Вечером они снова пошли на «Рэт Пэк».

Потом Джон улетел. Но звонил почти каждый день. «Спрашивал, не приеду ли я, — вспоминает Джуди. — Кто-то сказал, что он женат. Я знала: от таких нужно держаться подальше. Но сердцу не прикажешь…»

7

Она уже не была себе хозяйкой — эта красавица Джудит Экснер. Он позвал, и она мигом метнулась в Нью-Йорк, где они впервые занялись сексом. Джек соблазнил ее в отеле «Плаза». В целом — неплохо для первого раза.

Это было в канун его победы в Нью-Гемпшире. Потом он улетел в Висконсин, а она — в Майями на шоу Синатры. Там Фрэнк познакомил ее с Сэмом Флудом. Так назвал себя Сэм Джанкана — босс мафии. Но об этом Джуди не знала, она не нашла в нем ничего особенного. Была под сильным впечатлением от Джона. У Джанканы ничего не вышло, кроме пикировки:

— Такой даме, как вы, нужны бриллианты, — смеялся он.

— Такая дама, как я, часто их носит, — огрызнулась Джуди.

Вечером позвонил Джек, и она рассказала, как какой-то мужик пытался ее клеить.

— Его зовут Сэм Флуд, — сказала Джуди.

— Знаю, — сказал Джек, — это Джанкана.

Это имя не сказало Джуди ровным счетом ничего. Тогда о Джанкане не знал почти никто, кроме бандитов и сыщиков. Ну, и клана Кеннеди. «Джо, — пишет Херш, — условился, что Сэм поможет Джеку на выборах». Правда ли это? Кто знает. А кто знает, правда ли, что через день после победы над Хэмфри в Висконсине Джон спал с Джуди дома в Вашингтоне? Беременная Джеки убыла в Майями. «В доме был еще один мужчина[211], - пишет Экснер. — Они с Джеком говорили о политике. Мол, хорошо бы выгнать Гувера. И Эвелин Линкольн…» А Джуди к

тому времени уже сдружилась с Эвелин. Та всегда передавала Кеннеди ее мессиджи. И она попросила: не выгоняй ее…

А Джек спросил, может ли она сделать для него важное дело?

— Конечно! — ответила Джуди. Она была рада помочь.

— Встреться с Сэмом. Это нужно для кампании.

Она согласилась.

Тогда Джек дал ей саквояж. Открыл. Там были деньги. Тысяч двести пятьдесят.

— Можешь ехать, — сказал он.

Она мотнула головой. Джек впускал ее в свою жизнь. Это было важно. Но страшно.

— Это не опасно? — спросила Джуди.

— Нет. За тобой присмотрят.

— О'кей, — кивнула она.

Ее смущало другое: она ложилась в постель с мужчиной в доме его жены. Какой там саквояж.

Утром Джон дал ей конверт — две тысячи долларов и записка: купи себе что-нибудь особенное…

Джуди отвезла деньги. Была уверена, что Джанкана просто нужный человек. «Когда живешь в их мире, то меряешь важность человека по тому, как говорят с ним другие». С Сэмом говорили так, что было ясно: он очень-очень нужный.

Накануне съезда в Лос-Анджелесе Джуди вновь отвезла саквояж. Для кампании. После, когда братья пришли в Белый дом, она передавала их письма Джанкане и другому боссу — Джонни Роселли. И не ощущала вины. «Я делала это для любимого. Если бы мой муж просил передать кому-то какие-то бумаги, я бы не отказалась. И потом… это был президент. А кто была я, чтоб судить о чем-то лучше него?» А вскоре они уже любили друг друга в Белом доме. А после ужинали. Заходил Бобби, спрашивал ее: все о'кей? Расхочешь помогать — скажи.

Она не знала, что, как считают многие, братья обсуждали с мафией планы убийства Кастро. А когда к ней пришли из ФБР — молчала. Потом набрала Джека, а он ответил: «Не волнуйся из-за них». Фэбээровцы знали о ее связи с Джоном. Ее телефон прослушивали. Ее пасли…

Джек любил играть в шашки. Вот и она стала шашкой в его игре.

Меж тем, Джон не был человеком долгих романов. Его страсть угасала. Вскоре после разговора с Гувером он ее бросил. Братья нашли Джуди замену и как связной, и как любовнице. Она не обиделась. Но Джек разбил ей сердце. И она сошлась с Джанканой.

Что вело ее? Ревность? Уязвленное самолюбие? Желание

почувствовать себя как за каменной стеной? «Эти отношения были спокойней, чем с Джеком, — пишет Джуди. — Сэм трудный человек, но играл по общим правилам. А Джек — по своим. Все Кеннеди всегда играли по своим правилам».

Но она верила, что Джек любил ее. Как умел. «Многие думают, что я морочу себя. Но он доверял мне. Я его знала. Он всему отводил особое, свое место. И отдавал этому — будь то работа или отношения — ровно столько себя, сколько считал нужным».

После разрыва с Джеком ФБР продолжало слежку за Джуди. Она боялась за свою жизнь — спала с пистолетом под подушкой. Но обошлось. Возможно, из-за внимания прессы — и через много лет о ней будут писать и Paris Match, и Spiegel, и «Огонек».

Такова история Джудит Экснер, что любила, да не вышла замуж. И стала участницей разрушения безупречного образа Кеннеди.

8

Тут, впрочем, немало постарался и сам Джек.

Дамы были для его утехой и бедой. «Огонь в чреслах» вечно втягивал его в истории.

Девятая годовщина свадьбы Джона и Джеки — 12 сентября 1962 года. Торжество. А СМИ треплют имя президента. Он, якобы, уже был женат.

На ком же? Да на некой Дьюри Малколм — красотке из Чикаго. С ней раньше встречался его старший брат. А Джек, типа, решил его заменить. И в 1947-м женился на ней. В Палм-Бич.

Слухи об этом ходили давно, но сведения — то есть публикация — появились десять лет спустя. В «Генеалогическом справочнике» Луи Блаве[212]. Газетчики легко раскопали и колонку Чарли Вентуры в New-York World-Telegram от 20 января 1947 года: «Джон Кеннеди, герой войны и орденоносец, снова заслужил награду… жители Палм-Бич готовы дать ему Оскара за достижения в любви… Он и Дьюри Малколм неразлучны. Они посещают все увеселительные и спортивные события и катаются верхом, держась за руки. Впрочем, возможно, обязанности сенатора потребуют присутствия Джона в Вашингтоне. Что ж, тогда Оскара получит Дьюри…».

Кто, кому и в каком состоянии предложил руку и сердце? Неизвестно. Молодые люди оттягивались настолько бесшабашно, что это могла быть просто шутка, причуда, прикол. Друг семьи Кеннеди Чарльз Сполдинг, считает, что для них это был прикол

вроде Хэллоуина: вошли-расписались-пошли… Он тогда сказал Джеку: ты что, рехнулся, метишь в президенты, а взялся женихаться ни с того ни с сего и незнамо с кем». Ведь Дьюри, хоть и была красотка, но не входила в их круг, а свадьба не входила в планы Джо-старшего.

«Когда Джо-старший узнал об этом, то рвал и метал, — вспоминает Сполдинг. — Потом сказал: займись этим. Я поехал в Палм-Бич и забрал бумаги».

И впрямь, никто так и не нашел записей или иных следов, говорящих о браке или разводе. Но толки были. Как и тексты. В Daily Mail вышло фото Малколм в белом платье и вопрос: «Не она ли — тайная невеста ДФК?». Дьюри отрицала слухи. «Я не вышла бы замуж за Джека даже за весь чай Китая, — ответила она на вопрос Sunday Times в 1996-м. — Знаете почему? Мне не нравились эти миксы[213]. Джо-старший был кошмарный мэн». А в 1962-ом на вопрос адвоката Кларка Клиффорда[214] об этой истории сказала: «Боже, я — замужем за президентом? Смех, да и только!»

А Джек не смеялся. Толки делали ситуацию опасной — рождали сомнение в законности брака Джона и Джеки и статуса их детей. А главное, опускали президента в глазах обывателей, для коих семья — святыня. И когда еженедельник Parade напечатал письмо читателя с вопросами о давней женитьбе, Джек решил: пора с этим кончать. 24 сентября вышло опровержение. На вопросы о Дьюри и их встречах в 1947-м он отвечал: «Она была девушкой моего брата Джо. Я пригласил ее дважды: мы поужинали и сходили на футбол. У тех, кто навязает мне какую-то девушку, нет доказательств».

И впрямь — нет. Но биографы до сих пор это обсуждают, порой находя свидетелей какой-то свадьбы. Так или иначе, а поводы для подобных проблем давал сам Джон.

9

Но как ни «копала» под Кеннеди пресса, простые американцы считали жизнь Джона и Джеки пристойной, достойной, спокойной. Как и многие друзья и соратники.

Они подробно ее описали, понимая, что, переступив порог Белого дома, Джон перестал быть прежним. Уже не мог часами бродить с ними у монумента Вашингтона или просто завалиться в гости, как к Олсопу в день инаугурации. Да, он звонил. Порой — глубокой ночью. И мог говорить часами. И всегда помогал, если было нужно и если мог. Но был другим. Семья часто уезжала из

Вашингтона. В теплый сезон — в Хианнис-Порт или в дом Джеки в Ньюпорте. Осенью и в холода — в Майами или в президентскую резиденцию Кэмп-Дэвид. В дни отдыха Джек как бы забывал о бурлящем вокруг мире, посвящая их жене и детям.

Порой он брал с собой Сэлинджера или Соренсена, но дел с ними не обсуждал. А если и обсуждал, то попивая дайкири, куря сигару или правя яхтой.

Он любил море с детства. Отец вспоминал, что когда они с братом Джо впервые пошли под парусом, то разглядеть их с берега было невозможно — такие были маленькие. Лодка казалась пустой. Теперь он ловко управлялся с судном, а если вел кто-то другой, то читал, болтал с друзьями, махал проплывающим мимо. А следом шел катер Секретной службы. И Джеку нравилось, что он там — за кормой. И чем дальше, тем лучше становилось настроение президента.

Соренсен пишет, что был поражен, до чего высоко Джек ценил дни, когда встречалась семья: «Какой бы ни грянул кризис, какая бы ни гремела гроза, он всегда находил время для жены и детей… У него был дар общения с ними. Казалось, он знает, как невелико место взрослого в мире детства». Макнамара рассказывал, как в самые жесткие часы Карибского кризиса Кэролайн вдруг вбежала в Овальный кабинет, и Джек, как бы забыв о ракетах, Хрущеве и угрозе войны, спросил: ты уже съела конфету? Молчание. Джек спросил снова. В ответ — тишина. Что ж, отцу ничего не оставалось, как голосом верховного главнокомандующего потребовать: Кэролайн, отвечай, ты съела конфету? Да, нет, или — возможно?

Малышка обожала отца. Он был для нее вроде Бога. Им с Джоном-младшим, с которым отец с радостью играл, позволялось очень многое: как угорелые носились они по Белому дому. Как-то дочка голенькой выскочила к гостям. За ней в ужасе спешила гувернантка Мод Шоу.

Кэролайн быстро стала знаменитой. Однажды в Палм-Бич она вышла к журналистам, собравшимся на брифинг, в маминых туфлях, вручила розу премьер-министру Неру и звонко сообщила: «Папа сидит наверху без носков и ботинок и бездельничает».

Однако Джон не бездельничал никогда. День и ночь он был на связи с Белым домом и рядом с кейсом, где скрыты коды команд о ядерном ударе. В любом конце света он получал сводки ЦРУ. С первых дней в Конгрессе он не расставался со своим крокодиловым портфелем, где носил самые важные бумаги. Но это не мешало ему живо участвовать в превращении Белого дома в музей. Как-то, выступая перед сподвижниками Джеки на Южной лужайке, он завершил речь стихотворными строчками, недавно

прочитанными Кэролайн:

Из уродского дома на крепкой скале,
где сидишь ты в тоске,
Приди в мой сияющий радостный замок,
построенный на песке!

10

Все видят в Белом доме могучую твердыню. А он? Не казался ли ему Белый дом замком на песке? Где все зыбко и шатко. Опасно. Где все не так, как кажется с улицы. Где президент — по определению образец приверженности семейным ценностям и высокой морали — резвится в бассейне с непонятными девицами. И, как выяснится через несколько лет, кувыркается в отеле «Карлайл» с кинозвездой, которую его родственник[215] провел туда под видом секретарши, — в парике, темных очках и с блокнотом в руках[216]. То предлагает девице с подругой сыграть с ним в алькове в пациента и двух медсестер. То идет в нью-йоркский клуб с дамой, о которой известно, что поведения она легкого. И даже — более чем.

Простые американцы об этом не ведали. Но узнать могли.

Секс-игры в «Карлайле», в бассейнах и прочие похождения отслеживало ФБР. Стоило хоть части этих сведений попасть в печать, заговори хоть одна из их участниц, как в Америке взорвалась бы информационная бомба небывалой силы.

А ведь она почти взорвалась на сорок пятом дне рождения Джека, куда он позвал Монро. А вот Джеки не пришла — уехала с дочкой на выставку лошадей в Глен-Ора. Ну а секс-символ мира пела всей Америке свое знаменитое «Happy birthday, Mister President! Happy birthday to you!»[217]

Платье облегало ее фигуру, и, казалось, под ним нет белья. Звезду снимали с разных точек, и посмотрев запись, легко понять, почему, аплодируя, Джек сказал: «После такого поздравления можно и в отставку». Не слишком тонкая игра слов… Те, кто их слышал и был в курсе дела, поняли, что отставка, о которой он говорит, — не его.

Источаемый каждым движением Мэрилин сексуальный зов, ее взгляд, улыбка, голос, жесты заставили журналистов написать: «Монро занималась любовью с президентом на глазах сорока миллионов американцев». А президент не любил, когда его жизнь выставляют напоказ. Он предпочитал тайну. И потом, актриса уже

сыграла свою роль в его споре с отцом: тот когда-то «склеил» секс-символ Америки — знаменитую Глорию Свенсон, а Джек сейчас — секс-символ мира, великолепную Мэрилин. Но теперь роману конец.

С этого дня он никогда не виделся с Мэрилин. И ни разу не ответил ни на один ее телефонный звонок. Но она не верила, что покинута. Она кинулась к Бобби, с которым, как говорят, также была близка, но натолкнулась на холодный ответ: «Это — жизнь. Отношения кончаются…» Она попыталась привлечь его внимание, позируя для Vogue в образе Джеки. Но Джон не среагировал. Он исчез из ее мира. И вычеркнул ее из своего.

Все. Точка. Сокрушительный жизненный крах. Фул краш, мисс Монро.

Последним с Мэрилин говорил Лоуфорд. Он хотел развеять ее депрессию и 4 августа 1963-го позвал на ужин. А когда она не пришла — позвонил. Голос звезды звучал сонно. Пит решил, что она пьяна. В ответ на уговоры Мэрилин сказала: «Передай мое «до свидания» Пат[218]. И Джону».

Около трех пополуночи служанка обнаружила хозяйку. Обнаженная Монро лежала в постели, сжимая телефонную трубку.

Еще одной дозы снотворного хватило на вечный сон.

* * *

Не для всех в Белом доме понятие «государственная тайна» относится к частным делам. По каким каналам дотекли до прессы сведения о романе Мэрилин и Джека? Секрет. Но дотекли. И сразу после смерти Мэрилин, когда газеты и теленовости были полны ее именем, Роберт Кеннеди занялся тем, чтоб не допустить их публикации. И не допустил.

Ну, а Джон… Джон, как пишет Сэра Брэдфорд, «уже через сорок восемь часов… нашел утешение в объятиях другой женщины». Они с Мэри Мейер встречались с января 1962-го. Джек чередовал их — белокурую актрису и художницу, чьи «темные волосы и брови, пронзительно-зеленые глаза, красиво очерченное породистое лицо» завораживали мужчин. Мейер была дружна с Джеки, но обожала авантюры — рискованные любовные приключения и не только. Говорят, она совещалась с «гуру ЛСД» Тимоти Лири о том, как с помощью его снадобья влиять на мужчин. Или хотя бы на одного. Имея в виду, конечно же, «одного очень важного друга».

Через издателя Washington Post и Newsweek Фила

Грэхема[219] информация об их романе стала доступна. Но — не СМИ. На что пришлось потратить немало сил. Впереди были выборы, и Джек хотел свести к минимуму любые риски. Он хотел снова стать президентом.

11

А Джеки — первой леди. Но она была на пределе.

«Нежной и любящей половинкой своего блестящего мужа» выглядела она на людях. В ближнем кругу Кеннеди ее прозвали «непробиваемой». И очень мало кто знал, как она страдала.

Переживания измучили ее. Нужен был перерыв, отдых. Как когда-то, устав от похождений Джо-старшего, ее свекровь сбегала в Париж, сбежала и Джеки.

В Европу. Недолго погостив на вилле XII века, что сняли ее сестра Ли и Радзивилл на трехсотметровом утесе над Средиземным морем, она отплыла на Капри. В ту пору — шикарный приют богемы и прожигателей жизни..

Дочка училась кататься на водных лыжах, мама загорала в стильных купальниках, а вокруг сновали папарацци. Это не смущало ее, а снимки и заголовки веселили. Ну, скажем — в New York Times: «Джеки отлично проводит время в пиратском логове»[220]. Ну а что, дамы и господа? Ведь так оно и было!

Она сдружилась со знаменитой дамой-модельером, изобретательницей великолепных брючных костюмов для светских дам — Ирен Голицыной[221] и ее мужем Сильвио Медичи.

Красавицы были заочно знакомы — Джеки покупала костюмы Ирен, отправляясь в Индию и Пакистан, — а теперь увиделись лично. С дороги Джеки направилась в изящную ванную, спросила рюмку русской водки, и через час вышла в зеленом шелковом костюме от Голицыной.

После изысканной трапезы компания отправилась в городок. Лавочники, завидев богатых клиентов, спешно открывали магазины, полиция теснила корреспондентов… Джеки, Ирен и их спутники прогулялись по берегу а после «зажгли» в ночном клубе под ча-ча-ча. На ночлег первая леди направилась на яхту своего итальянского друга — миллионера Джанни Анджелли.

Настроение было что надо. Ее не смущали депеши Джека типа «Поменьше Анджелли, побольше Кэролайн». Она наслаждалась. Морской и небесной лазурью, покоем, почти свободной жизнью в Европе. А он — пусть себе проводит холостяцкое лето в Штатах.

Но пришла пора и, отужинав с Ирен и ее мужем, Жаклин и Кэролайн отбыли домой, увозя с собой сувениры — два браслета Джеки и дюжину шелковых галстуков — Джону.

И вот уже Джон, Джеки, Джо-старший в кресле-коляске и 300 гостей смотрят регату с палубы эсминца «Джозеф Кеннеди-младший». Впервые в истории флота на борту боевого судна подают крепкие напитки. «Джон, — вспоминает очевидец, — был на седьмом небе от счастья…»

Это было здорово: легко и весело закончить трудный год, омраченный Карибским кризисом. И встретить новый — как всегда в Майами.

12

А весной этого года Штаты ликовали. Американцы и впрямь в чем-то относились к чете Кеннеди, как к королевской. И беременность первой леди, о которой официально объявили 18 апреля 1963, вызывала радость граждан, что была сродни восторгу подданных иной монархии, узнавших, что царствующий дом ждет наследника.

Впрочем, торжество омрачали социальные неурядицы. Вой полицейских сирен.

Пожары. Драки. Убийства. Уличные беспорядки. Ширилась борьба черных за гражданские права. В честь их лидеров Кеннеди устроил прием в день рождения Линкольна. Следуя своим либеральным взглядам, он строил с ними ровные отношения. И в преддверии выборов хотел укрепить их, учитывая большое влияние этих людей на избирателей-негров. Тут как нельзя более к месту пришлось стремление Джеки превратить Белый дом в символ расового мира.

Потом отмечали день рождения самого Джека. На президентской яхте гуляли вовсю. Один видный деятель напился и ненароком растоптал подарок — редкую гравюру с эпизодами войны 1812 года. Ее выбрала Джеки и дорожила ею. Но и бровью не повела, увидев гибель работы. Налетел шторм, мокрые и пьяные гости разбредались по салонам и каютам. Вроде обошлось без драки и без большого ущерба. Вот только братец Тэдди потерял штанину. И как умудрился?

Хмурое получилось утро. Глядя на изничтоженную гравюру, Джек угрюмо спросил: «Все настолько плохо, Джеки?» Джеки подвела его к зеркалу…

Лето вышло боевым: тушили то расовый конфликт, то опасные скандалы.

Жаклин увезли в больницу 7 августа. Преждевременные роды. Малыш по имени Патрик Бювье-Кеннеди появился на свет за пять с половиной недель до срока. Кесарево сечение.

Джек узнал о рождении сына во время переговоров о запрете ядерных испытаний. Счастливый, он еле дождался их окончания. Но оказалось, что мальчик болен. Синдром респираторного дистресса был тогда неизлечим. Малыша отправили в больницу. Туда же примчался Кеннеди. Джеки ничего не сказали ни о болезни, ни о смерти ребенка 9 августа. По пути в Вашингтон Джек плакал. Его едва оторвали от белого гробика во время похорон. Назавтра он с детьми поехал к Джеки. Они вышли из больницы держась за руки. Горе сблизило их.

Впрочем, по многим свидетельствам, Джеки уже скоро «думала о скором юбилее — через месяц они с Джоном праздновали десятилетие совместной жизни». Она заказала у модного ювелира золотой зажим для денег в виде медали святого Христофора, эскиз которого сама нарисовала. Странная идея — Кеннеди старался не носить наличных[222]…

На празднике подавали шампанское и икру. Супруги обменялись подарками: Джон зачитал список ювелирных чудес, выставленных в антикварном магазине Клеймана. Джеки выбрала браслет в виде змейки. А сама подарила зажим для купюр, а вдобавок — альбом-календарь с изображениями Розового сада Белого дома, цитатами из прессы и личным расписанием Джека на год. Он нежно ее поцеловал. Джеки была на седьмом небе. Выиграла битву за мужа.

13

Но была ли победа полной? И была ли это победа Джеки?

Или все же ее пришлось делить с Эдгаром Гувером?

ФБР сообщило министру юстиции Роберту Кеннеди, что новые данные об опасных связях президента поступают постоянно. Вот, скажем, что их связывает с некой Эллен Рометч — столичной вертихвосткой? И к тому же немкой по рождению. Да еще и восточной. В том смысле, что родилась она в той части Германии, что стала ГДР. И лишь потом ушла на Запад. А в Штаты прибыла как жена военного прикомандированного к посольству ФРГ. Причем расследование сенаторов-республиканцев показало, что в детстве Эллен была «пионеркой-тельмановкой»[223] и членом тамошней версии комсомола. А нынче стала одной из «звезд» клуба «Кворум», где политические функционеры и дельцы вроде отбирали барышень для утех

усталым политикам.

Однажды железнодорожный лоббист Билл Томпсон спросил у секретаря демократической фракции Сената Боба Бейкера:

— А нет ли у тебя, Бобби, на примете какой-никакой классной девчонки?

— Девчонка есть, Билли. Причем классная. Все, кто ее знает, говорят, что просто супер.

— И чем она так знаменита?

— Она из Европы и многое умеет. В том числе — молчать. У нее хорошие манеры и вкус. И формы Элизабет Тейлор. Словом — красавица.

Биллу этого хватило. И спросил у Бобби Билл:

— А если пригласить ее к президенту? Пойдет?

— Она у меня вот где, — хохотнув, Бобби сжал кулак, — и сделает все, что скажу.

Так Эллен Рометч попала в постель президента. Во всяком случае — по словам Херша, который ссылается на беседу с самим Бобом Бейкером. Как-то вечером Томпсон отвез ее в Белый дом. А после их свидания с Кеннеди делился: «Президент сказал, что она лучшая из всех, кто у него был». Джек доверял Биллу и Бобу. Бейкер вспоминал, как однажды он жаловался: «Знаешь, у меня мигрень, если я каждый день не имею новой попки»[224]. Так его цитирует Херш.

Похоже, боссы всех уровней «оттягивались» по полной, не слишком заботясь о репутации. Но тут с Британских островов прозвучал сигнал тревоги.

Там секс-скандал с участием военного министра Джона Профьюмо стал причиной правительственного кризиса. Кабинет Гарольда Макмиллана трещал по швам. Дело в том, что журналисты прознали про связь министра с юной проституткой Кристин Килер. А та, как оказалось, оказывала услуги и советскому военно-морскому атташе Евгению Иванову, который, как считала Ми-5[225], работал на советскую разведку. Министр под присягой отрицал свое знакомство с Кристин. Но пресса его доказала. Покайся Профьюмо — ушел бы в отставку, да и дело с концом. Но ложь ему не простили. Под сомнением оказалось умение Макмиллана подбирать членов правительства. Власти тори пришел конец[226].

Таков был сигнал с Альбиона: амурные дела чреваты скандалом. Тем более, что журналисты дознались: Килер резвилась с министром не одна, а вместе с китаянкой Сьюзи Чанг и чешкой Марией Новотны. Китай же и Чехословакия были в то время «красными». А ФБР вдобавок добыло сведения, что обе девицы бывали в Штатах, где ублажали до того видных деятелей,

что их имена вслух названы быть не могут без ущерба основам государства.

Кеннеди — вот кого видели с Чанг в клубе «21» (правда, он тогда еще не был президентом). А Новотны сообщила, что они, как профи высшего класса, «работали с ним и до, и после 1960 года».

Спецслужбы славно потрудились. Гувер приказал своему человеку в Лондоне Чарльзу Бейтсу узнать, кто из американцев причастен к секс-скандалу. Такое же указание дал директор ЦРУ Маккоун. И с помощью Ми-5 они раскопали все о Чанг, Новотны и Кеннеди.

Гувер сообщил Бобби, что все это может попасть в прессу. И что правые сенаторы — не чуждые тайных утех и спешившие с упреждающим ударом — решили расследовать похождения местных политиков. А в New-York Journal-American любители расследований Джеймс Хоран и Дом Фраска рассказали о связи некоего «высокого выборного лица в администрации» с путаной-китаянкой из британского скандала. Имени не назвали. Но обещали: продолжение следует.

Бобби пришлось лично, долго и жестко беседовать со «щелкоперами». Они сняли продолжение, но ничего не забыли. Об этом годы спустя рассказали их дети.

Сотрудники ФБР писали отчеты о своих встречах. «Закон о свободе информации»[227] сделал их доступными. Есть среди них и рапорты офицера Кертни Эванса. Это через него бюро сообщило Бобу Кеннеди, что от информатора, имевшего связь с Рометч, получены данные о ее отношениях с видным членом правительства. Эванс пояснил: речь идет о президенте. Поблагодарив за соблюдение тайны, Боб заметил, что «великих людей всегда обвиняют в разврате или «голубизне»», но узнав, что Рометч подозревают в «работе на Ульбрихта», всерьез обеспокоился.

Эллен немедленно выслали в ФРГ[228]. Там она получила развод и несколько крупных чеков.

Поздно: сенатский Комитет по регламенту уже наметил слушания по делу Рометч. О чем и сообщил в Des Moines Register журналист Кларк Молленхофф. «Слушания, — писал он, — коснутся сотрудников и членов Сената, а также представителей исполнительной власти — друзей и друзей друзей этой модели и тусовщицы».

Бобби написал Гуверу, что «опрометчивые действия в Сенате» могут подорвать доверие к институту президентства и нанести урон США. Он сообщил, что президент встревожен. А Гувер добавил тревоги: есть сведения, что Рометч говорила: «Я послана

в эту страну для сбора сведений».

Тогда Бобби, от имени брата, попросил об одолжении: встретиться до слушаний с лидерами фракций Майком Менсфилдом и Эвереттом Дирксеном и попросить предотвратить их проведение[229]. Когда спустя четверть века 94-летнего Менсфилда спросили об этом, он сказал, что да, встречу помнит, она прошла в его доме и была единственной, когда лидеры сената встречались с шефом ФБР. Но вот о чем говорили, хоть убей, забыл.

Кеннеди пригласил Гувера в Белый дом. На ланч. Первый с тех пор, как они обсуждали Экснер и Джанкану. Отчета о нем нет. Но есть свидетельство Бена Брэдли — друга Джека. В книге «Беседы с Кеннеди», он пишет, как тот рассказывал ему об этой встрече. Гувер советовал держать Рометч подальше, не давать ей визу, хотя та и хотела приехать и выйти замуж за некоего мужчину, имеющего влияние в Сенате, и который, по словам Кеннеди, «бесплатно получал от Элли то, за что она брала с других сотни долларов». Гувер показал Джеку ее фото. Тот оценил: «Она и впрямь красива». «Знаешь сколько у Гувера грязи на сенаторов? Ты не поверишь!» — воскликнул он.

«Представьте, — пишет Брэдли, — президент и директор ФБР в Белом доме рассматривают фото продажной женщины. Непостижимо!»

14

По пути из Европы в мир вашингтонских интриг Джек готовился, пишут биографы, к двум свиданиям: в Ватикане — с папой Павлом VI, а на вилле Фонда Рокфеллера на озере Комо — с Мареллой, женой Джанни Анджелли, того, что катал Джеки по морю.

А Джеки хотела навестить сестру Ли. Та гостила на яхте миллионера Аристотеля Онассиса, с которым, как говорят, имела роман. И Джон отпустил ее. Но в компании министра торговли Франклина Рузвельта-младшего, его жены Сьюзен и Ирен Голициной.

Но, считают некоторые, это не помешало Джеки стать любовницей богатого грека. Однако Сью Рузвельт настаивает: «Нет. Онассис был гостеприимен, но не ухаживал за ней». И потом, она любила мужа: «Мне кажется, что мне повезло, что я могу скучать по тебе, — писала она Джеку, — Я никогда не представляла, какую ношу ты тащишь, причем постоянно. Отсюда, увы, я не могу тебе помочь, так что сделаю единственное,

что мне по силам, — буду думать о тебе и скучать».

Онассис, прощаясь, поднес гостьям дары. Сьюзен — изящную вечернюю сумочку, Ли — бриллиантовый браслет, Джеки — колье с рубинами.

Она вернулась на самолете Кеннеди. Ее встречали дети и Джек. Как же нежно он ее обнял.

До Далласа оставался месяц.

Глава восьмая. Большая игра

1

Действия Кеннеди, его администрации и других сил в США и мире не ограничивались соревнованием систем и «холодной войной». Перед президентом стояло немало других задач, порожденных, с одной стороны, — конфигурацией международных интересов, а с другой — интересов, доминирующих в политическом и экономическом пространстве Америки.

Они были взаимозависимы: меры в социальной сфере отзывались в хозяйстве и политике — отношения между Белым домом и бизнесом обострялись, как и борьба партий.

Представление о демократах — «левых» и республиканцах — «правых» условны. Скажем, губернатор штата Нью-Йорк республиканец Нельсон Рокфеллер был куда большим либералом, чем южный демократ, будущий губернатор Алабамы Джордж Уоллес. Когда-то он был умеренным. Но, потерпев ряд поражений, сместился вправо — к «диксикратам»[230]. А вот сенатор Хэмфри был разным: с забастовщиками консерватором, с черными — либералом. Тогда отношение к расовой проблеме во многом определяло место человека в политике.

Что касается Кеннеди, то он хотел построить «общество, где никто не ущемлен по расовому признаку… Мы должны дать каждому американцу равный доступ во все области публичной жизни — в кабинки для голосования, в классы, к рабочим местам, жилью — ко всем местам общественного пользования». Он утверждал: «Ни одному гражданину нельзя отказать в самом ценном и важном праве — голосовать на свободных выборах — из-за расы или цвета кожи. Все, желающие голосовать, должны иметь эту возможность»[231]. Через полгода он призовет принять Закон о гражданских правах и «освободить от пут несправедливости тех, кого президент Линкольн освободил от цепей рабства».

Мартин Лютер Кинг назовет слова Кеннеди «самыми вдохновляющими и мощными, когда-либо сказанными президентом США».

Это выступление, как и внесение в Конгресс законопроекта о гражданских правах[232], было рискованным. С одной стороны, оно убеждало черных, что президент — за них. И мобилизовало либералов. С другой — толкало правых на крайние шаги. Они

увидели: Белый дом принял сторону. И стояли перед выбором: ответить мирно — например, демонстрациями, или выбрать насилие. Случилось худшее: на следующий день после речи член «Совета белых граждан» Байрон де ла Беквит убил в Миссисипи черного политика Медгара Эверса[233].

Ситуация обострилась. Речь Джека вошла в золотую книгу риторики, но вызвала конфликт. Диксикраты в Капитолии повернулись лицом к республиканцам, грозя создать коалицию, способную блокировать все инициативы администрации. Демократам в Конгрессе грозил раскол. Ку-Клукс-Клан запугивал сторонников равноправия, а те готовили Марш на Вашингтон. 28 августа он собрал до 300 000 участников, и доктор Киш сказал миру о своей мечте[234], как бы ответив на призыв Кеннеди. Общность их идей разъярила «правых».

2

У Джека с ними всегда были сложности. И политика в отношении меньшинств не была их единственным источником. Пространством борьбы была и экономика.

Следуя советам экспертов либерального толка (разницу между разными либерализмами — европейским и американским — мы уже обсуждали), Кеннеди с первых месяцев в Белом доме описывал свою хозяйственную политику, как серию чрезвычайных антикризисных мер.

Ведь Штаты еще не вышли из кризиса 1960 — 61 годов. «Мы, — говорил президент в послании о положении страны 30 января 1961 года, — пришли к руководству… после семи месяцев кризиса, трех с половиной лет застоя, семи лет вялого экономического роста…» — и просил денег. Затем в серии посланий Конгрессу он изложил направления своего экономического курса. Главная роль отводилась стимулированию потребительского спроса. Для этого были приняты законы о помощи детям в семьях безработных, о жилищных льготах и продлении сроков выплат пособий нетрудоустроенным. Кеннеди запросил на 1961-ый финансовый год 5 млрд долларов на социальные программы. И получил их, благодаря демократическому большинству в Конгрессе.

Но социальное наступление не было легким. Республиканцы на Капитолийском холме пытались восполнить нехватку голосов речами. Они создали в Конгрессе объединенное руководство в составе лидеров фракций — Эверетта Дирксена (Сенат) и Чарльза Холлека (Палата представителей). С первых дней они превратили

свои пресс-конференции в сеансы яростной критики правительства. Весельчаки-журналисты прозвали их «Шоу Эва и Чарли».

«Они (демократы), — настаивал Дирксен, — следуют линии на обеспечение роста путем повышения расходов… вмешиваются в дела штатов… и внедряют своего рода коллективизм…».

В этом заявлении — ужас правых перед атакой на их фундаментальные принципы: широкие права и суверенитет местных властей; ограниченность федеральной власти, прежде всего — исполнительной; минимум федеральных расходов на социальные нужды; индивидуализм.

В ответ Барри Голдуотер, выступавший с предельно консервативных позиций, заявлял:

«Те, кто сейчас контролируют администрацию и Конгресс, самонадеянно полагают, что людей… можно исправить с помощью законов, субсидий, контроля и внешнего стимулирования. Для них люди — это представители групп и классов, составляющих организованный, управляемый производственно-индустриальный комплекс.

Мы же видим в человеке уникальную личность… С ним нельзя обращаться лишь как с членом класса или группы. Он — создание Божие. Но (в то же время) его несовершенство виновно в бедах современного мира. И никакое финансирование бюджетного дефицита, никакая помощь государства не излечат больного»[235]. Такова философия консерваторов.

3

А Белый дом продвигал философию либералов. Причем в русле доктрины социального рыночного хозяйства и создания общества благосостояния для всех. Ее разработал германский экономист и политик Людвиг Эрхард[236] — либерал по убеждению, христианский демократ по партийной принадлежности, прагматик по образу действия и любитель сигар. Эрхард утверждал, что в пору развития технологий, включения масс в интеллектуальное производство и растущих потребительских ожиданий не обойтись без мер социальной защиты.

При этом основой хозяйства оставался рынок. Эрхард считал: бизнесу надо не бороться с государством, а использовать его с выгодой. Не зря на первое место в социальном рыночном хозяйстве он поставил рынок. В работе «Благосостояние для всех» Эрхард писал: «политику, когда хозяйственный прогресс, рост

производительности и продуктивности идут на пользу потребителю, можно назвать социальной»; «средством достижения этой цели в рамках свободного общественного строя была и остается конкуренция», но «соревнование не означает эгоизм», и бедным надо позволить «во все большей мере приобщаться к росту благосостояния».

В Штатах консерваторы так не считали. Эйзенхауэр называл попытки внедрения таких подходов «эксцессами «общества благосостояния»» и заявлял: «Я горжусь, что выступаю против того, что вредно для Америки». Он не хотел видеть, что в своих поисках Кеннеди опирался на тезис своей инаугурационной речи: «Если свободное общество не способно помочь множеству бедняков, оно не убережет и немногих богатых».

В 1961 году Кеннеди проводит через Конгресс программу помощи депрессивным зонам и закон о строительстве жилья. Государство выделяет более 6 млрд на улучшение условий в отсталых городских районах, помощь в приобретении жилья семьям со средним и низким доходом и стимулирование строительного бизнеса. После острых дебатов и торга оплату труда для 1,3 млн рабочих удается повысить с 1 доллара, до 1,25 в час.

Правительство пытается продвинуть реформу медицинской отрасли и всеобщее социальное страхование пожилых. В рамках борьбы с безработицей, составившей 6,1 %, Белый дом «пробивает» закон о выделении 1,1 млрд на организацию общественных работ.

Тема общественного (public) обостряет дебаты между главными идеологиями Америки.

Никто не отрицает, что основа свободы есть частная собственность, и грань между частным и государственным, коллективным и индивидуальным, территориальным и федеральным остается, но Кеннеди хочет протянуть поверх нее узы общественной связности.

Акцент на общественном[237] поддерживали бедные и либералы. Но расширение вмешательства в жизнь страны и социальные программы вызывали подозрения в попытках попрания основ американского образа жизни, мобилизуя электорат республиканцев.

4

Еще одна особая сфера — отношения Белого дома и большого бизнеса.

В 1963 году, в связи с удорожанием серебра, Кеннеди предложил прекратить выпуск серебряных монет и сертификатов. И провел соответствующий закон. Попутно он разрешал Федеральному резерву[238] выпускать банкноты достоинством 1 и 2 доллара. Впоследствии это дало повод для конспирологической версии, по которой Кеннеди якобы собирался лишить ФРС монополии на денежную эмиссию, что стало одной из причин заговора против него.

Особым фронтом стала борьба за «потолок» цен. В бой пошли металлурги: стальной гигант «Ю.С.Стил» заявил о повышении цен на свою продукцию. О чем сообщил, выступая от имени стального бизнеса, председатель правления компании Роджер Блаф. До поворота экономики к постиндустриализму было еще далеко, «короли металлургии» помнили о могуществе Пирпонта Моргана, чувствовали себя, в известном смысле, неуязвимыми и решили проверить Кеннеди на прочность. Блаф не блефовал. Кеннеди понял это и смело пошел на обострение.

Он заявил, что Блаф — один из горстки руководителей стальной промышленности, чья жажда власти и прибылей превосходит чувство гражданской ответственности… «Не так давно, — продолжил президент, — я обратился к американцам — в том числе и к сталелитейным компаниям — с просьбой: обдумать, что они могут сделать для страны. Вчера мы получили ответ».

Попутно «Ю.С.Стил» объяснили, что лишат ее госзаказов, а ФБР займется ее финансами.

«Стальные воротилы» дали задний ход. Цена на сталь осталась прежней. Но доверие бизнеса к Кеннеди поколебалось. Чтобы вернуть его и заодно стимулировать капиталовложения, он предложил снизить налоги. Теперь каждый предприниматель мог получить пятнадцатипроцентную скидку на новые инвестиции. Джек предложил снизить налоги и для населения — в общей сложности на 11 млрд., но оппозиция выступила за льготы не для всех, а прежде всего — для бизнеса. Кеннеди отстоял почти половину предложенной им суммы, но добиться принятия масштабной налоговой реформы не успел.

5

Строя гибкие отношения с бизнесом, Белый дом служил своего рода посредником между «организованными деньгами» — бизнесом и «организованным трудом» — профсоюзами.

Впрочем, стремление их лидеров доминировать в этих

отношениях власти ограничили законом[239]. И хотя конфликты остались нормой, их больше не улаживали полиция или гангстеры: рабочее движение в большой степени удалось очистить от связанных с мафией боссов.

Здесь поработал братец Бобби. Не хуже, чем когда-то Джек — над законами о труде. Не раз обсуждалась тема их контактов с лидерами союзов, замешанными в коррупции. Писали, что, контролируя десятки тысяч голосов, они всерьез помогли Кеннеди на выборах… Но такое уже бывало — Союз шахтеров финансировал кампании Рузвельта, портфелями возя нал в Белый дом[240].

Кеннеди начал войну с коррупцией в рабочем движении. Но если дельцов (скажем, стальных) он называл «горсткой тех, чья жажда власти и прибылей превосходит чувство гражданской ответственности», то о трудящихся высказывался иначе.

— Американское рабочее движение демонстрирует верность интересам общества. Это было и остается благом для всех в Америке, — заявлял он.

И пролетарии хлопали.

— Профсоюзы, — продолжал Джек, — работают не на себя. Они добились подъема зарплат, сокращения рабочего дня, больших льгот… Путем переговоров и апелляций к закону, они утвердили в цехах справедливость и демократию.

И пролетарии хлопали вновь.

Кеннеди был избран во многом благодаря тому, что получил кредит доверия рабочих Америки. Выступая перед ними в 1960 году, он утверждал: «Пятьдесят лет назад американское рабочее движение было не более чем группой мечтателей. Но посмотрите на него сейчас: индустриальная демократия работает — на фабриках, складах, в магазинах и других бизнесах».

Как тут не хлопать? Представители организованных рабочих реально участвовали в управлении предприятиями. К 1960 году их уровень жизни был самым высоким в мире среди лиц этой категории трудящихся. Их право на труд защищали договоры. Они имели льготы, немыслимые еще поколение назад.

А Кеннеди продолжал: «Профсоюзы боролись за доступ к образованию, за жилье, за спасение семейных ферм. Они выступали не за свои узкие интересы, но за интересы народа».

И все сильнее, дальше, выше — над овацией, над нацией, над Америкой звенел усиленный микрофонами голос: «А тот, кто попытается отнять или ограничить права рабочих, тот, кто станет мешать переговорам или созданию союзов, — нанесет урон демократии».

В 1962 году он подписал указ, открывший путь в профсоюзы

двум миллионам госслужащих.

6

Кеннеди и его политика открывали новые рубежи в образовании и исследованиях. Прежде всего — космоса. Благодаря ему американская космическая отрасль совершила прорыв, высадив человека на Луне до конца десятилетия.

Но сперва США догнали СССР в космосе. От Эйзенхауэра Джон унаследовал проект «Меркурий», в задачи которого входило вывести человека на орбиту, изучить возможности управления космическим кораблем, обеспечить возвращение и «восстановление» пилота. Кандидатов было семеро: Джон Гленн, Верджил (Гус) Гриссом, Скотт Карпентер, Лерой Гордон Купер, Дональд Слейтон, Уолтер Ширра и Алан Шепард.

В целом наследство неплохое. Но Юрий Гагарин 12 апреля 1961 года бросил ему больший вызов, чем спутник — Айку. Теперь, пока Хрущев планировал догнать и перегнать США по производству молока и мяса, Кеннеди решил догнать и перегнать СССР за пределами Земли.

Это была попытка занять стратегический военный и научный плацдарм, борьба, давшая заказы сотням военных и гражданских предприятий, породившая новые производства, технологии, направления и пути познания. Те, что позволят спроектировать экономику знания.

25 мая 1961 года президент стоял перед Конгрессом, оглашая послание о безотлагательных потребностях страны: 7 млрд долларов на пять лет вдобавок к 9 млрд, уже выделенным «на космос». Задача: до 1970 года достичь Луны и вернуться. Нашлись и скептики. Но примолкли, едва двое американцев слетали в космос.

Первым достиг орбиты Джон Гленн[241] — 20 февраля 1962 года. За четыре часа он трижды облетел планету на «Френдшип-7»[242] и нырнул в Атлантику близ Бермуд. Его успех зажег всех, кто готовил полет на Луну: пилотов-испытателей и изобретателей, инженеров и создателей полимеров, техников, медиков, биологов, психологов, бизнесменов, рабочих и всех прочих. Они готовили мир к полету на другую планету…

«Заправлены в планшеты космические карты…» — пело радио в СССР.

«Fly me to the Moon and let me play amoung the stars…» — отвечал Фрэнк Синатра[243].

Меж тем, Скотт Карпентер, Уолтер Ширра и Гордон Купер

облетели Землю.

Джек не увидел воплощения своей мечты. Но она сбылась 20 июля 1969 года, когда Нил Армстронг, Майкл Коллинз и Эдвин Олдрин достигли Луны.

Кеннеди явил миру политику космических высот. Политику полета.

7

— Мы живем в особую эпоху. И она бросает нам особый вызов. Наша мощь и наши убеждения вменяют нам роль лидеров дела свободы, — заявил Кеннеди Конгрессу 25 мая 1961 года. — История не знала роли более трудной и более важной. Мы — за свободу.

Много ли есть слов, столь богатых смыслами, как свобода? В разных политических языках его значение может быть почти противоположным. Язык левацких доктрин (если для краткости упрощать) говорит, в основном, о «свободе… от наемного рабства»[244], но при этом, на просьбу: «Большевики… позвольте нам критиковать ваши мероприятия!» на нем легко ответить: «…у вас есть свобода критиковать нас, но тогда… позвольте нам поставить вас к стенке и расстрелять!»[245]

На языке Кеннеди (опять же, упрощая), свобода — это выбор. Не стесненный искусственно. Выбор формы брака; профессии; информации; критики; знаний и собраний; страны и места жительства; слов и основ; религиозных и философских воззрений; социальных и политических убеждений; бизнеса и власти. Выбор, граница которого — насилие в отношении выбора другого.

При этом в ненасильственном управлении выбором он видел инструмент демократии.

Для Кеннеди это касается и личной жизни, и глобальных отношений. Он говорит: «Наша цель… — мирное сообщество свободных и независимых государств, самостоятельно выбирающих свое будущее и политическое устройство, не ограничивая свободу других».

Он заявляет: «Кто-то выберет… образ жизни, который мы бы не выбрали… Но мы можем приветствовать разнообразие; коммунисты — нет. Мы предлагаем мир выбора, они — мир принуждения». Здесь — ключ к его видению и публичному изложению точки зрения на миры, существовавшие на Земле: свободный мир (поощряющий выбор) — т. е. «страны Запада»; порабощенный мир (навязывающий свою волю) — «страны Восточного блока»; и мир самоопределяющийся — страны,

лишившиеся статуса колоний.

«Сегодня полем сражения за свободу стал юг планеты, — говорит Кеннеди, — Азия, Латинская Америка, Африка и Ближний Восток. Люди восстают, творя величайшие в истории революции. Они хотят изжить несправедливость, тиранию и эксплуатацию. Но еще больше, чем покончить, они жаждут начать». И Америка, считает он, должна помочь им и делает это. Имея в этом свои интересы. Чем и обусловлены главные черты ее международной политики.

8

Во многом международная стратегия Кеннеди коренилась в подходах демократов послевоенной эпохи. Их пример видим в письме президента Трумэна Элеоноре Рузвельт: «Американский образ жизни будет разрушен, если мы не сможем гарантировать народам, желающим ему следовать, что они смогут это сделать. Чтобы обеспечить эту гарантию, мы не можем оставлять без присмотра силы разрушения». Под такой силой он понимал коммунизм.

Интересы США сформулировал особый комитет: «Регионы, где есть месторождения металлов, нефти и других ресурсов, должны быть в руках друзей». А «стратегическую ценность имеют регионы с большим хозяйственным и людским потенциалом и серьезными вооруженными силами… позволяющие влиять на стабильность и безопасность в мире».

Предлагалось продавать товаров на 7,5 млрд долларов больше, чем ввозить, оказывая при этом помощь ключевым регионам. Издержки, пояснялось в тексте, окупит обретенное влияние. «Контроль друзей» над ключевыми районами предполагалось осуществлять с помощью Центрального разведывательного управления[246], а опеку над регионами с промышленным и людским потенциалом — через план Маршалла.

4 апреля 1949 года — важная веха в истории США. В этот день был создан блок НАТО. США взяли на себя роль гаранта порядка, созданного в Европе и в районах, зависимых от европейских стран. В конце 40-х это примерно треть суши. При этом, как говорилось в программном документе Совета национальной безопасности США (1948 г.): «Советский мир простерся от Эльбы до Манчжурии… и охватывает одну пятую суши». Вскоре в зону влияния Москвы предстояло войти Китаю, Северному Вьетнаму и Северной Корее. Война в Корее стала для

Америки пробой сил в «горячем» конфликте с коммунизмом[247].

Это превращало вчерашние колонии в арену борьбы за влияние, делало политику США политикой строительства военно-политических блоков. Изоляционизм стал маргинальным подходом. В статье в журнале Foreign Affairs госсекретарь Джон Ф. Даллес в системе американских приоритетов ставил военные союзы выше стратегических ядерных сил.

В 1955 году были основаны блоки СЕАТО, АНЗЮС, СЕНТО и другие. Штаты лидировали в международных кредитных и финансовых организациях. «Отсутствие союзников или утрата их привели бы США к изоляции и… поставили под угрозу их способность… победить в случае всеобщей войны», — таков, если коротко, подход тогдашних американских элит.

Он строился на основах экспансии в «третьем мире» и сдерживания — в Европе[248].

Такое внешнеполитическое наследство досталось Кеннеди.

9

Америка и ее интересы — в опасности. Из этого исходил Джек, формируя свою внешнюю политику. Им угрожает стратегический соперник, претендующий на роль «авангардной силы, указывающей путь к лучшему, яркому и смелому образу жизни». Выход один: вернуть лидерство в мире. Как в военной и финансовой области, так и в пространстве идей и образцов.

В понимании Джоном Кеннеди свободы есть и еще одна важная сторона. Для него она измерялась евангельским тезисом «Истина сделает вас свободными», а Америка служила Истине. Да, его образ жизни не отвечал католическому идеалу, но в душе он был верным христианином и отвергал торжество безбожников. Этом, во многом, объясняется его неприятие коммунизма.

А чтобы противостоять ему, требовалась мобилизация на всех направлениях. Этой задаче отвечал план «двух с половиной войн», согласно которому США могли одновременно воевать и в Европе, и в Азии плюс участвовать в еще одном конфликте. В 1962 году Макнамара предложил «программу действий с целью победы над коммунистами без обращения к опасностям и ужасу ядерной войны». Началась разработка стратегии победы невоенными средствами.

Это мы видели, обсуждая тему Берлина и Карибский кризис. Также Джек не применил силу в Лаосе и Вьетнаме. Хотя знал: здесь — ключи к Юго-Восточной Азии, отдав которые, возможно, придется «отступить на бастионы Сан-Франциско»[249]. Да, ради

свободы он был готов «заплатить любую цену и перенести любые тяготы». И ждал этого от американцев. Но не спешил.

Все структуры его администрации строили работу на основе документа «Базовые цели национальной безопасности», разработанного Уильямом Ростоу[250]. В нем он изложил принцип: «Американским интересам отвечают такие международные отношения, когда страны Евразии, Африки и Латинской Америки, в целом, развиваются в соответствии с нашими концепциями»[251].

Но план действий, направленных на победу без применения силы, отразил понимание реалий ядерной эпохи: в войне победителей не будет. А ею чреват любой конфликт сверхдержав. Ближе к 1963 году этот подход стал перевешивать. Была установлена прямая линия связи между Белым домом и Кремлем. США объявили об ограничениях испытаний ядерного оружия, поддержали в ООН резолюцию о запрете ядерных испытаний в космосе. В августе 1963 года Вашингтон, Москва и Лондон подписали договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Это были шаги к доверию. Как и продажа СССР зерна[252].

Да, Джек стремится сделать США глобальным лидером. Утвердить Америку как образец для Земли. Но он и его окружение видят: эту задачу надо решать без насилия и шантажа.

И начинают искать способы достижения исторических побед без применения военной силы, грозящей гибелью миллионам людей.

Кеннеди обозначил этот поворот в своей речи в «Американском университете» 10 июня 1963 года. В ней он говорил о мире. Но о нем говорили и прежде. В чем же разница?

— О каком мире я говорю? Какого мира желаем мы все? Не Pax Americana, установленного силой. Не могильного покоя и незащищенности раба. Я говорю… о том мире, что делает жизнь на земле стоящей того, чтобы на ней жить, о мире, что дает людям и народам силы развиваться, и надеяться, и строить лучшее будущее для своих детей. Это не мир «только для американцев». Но мир для всех мужчин и женщин. Мир не только дня нынешнего, но мир навсегда.

Похоже, летом 1963-го он начал воплощать в жизнь эту мечту. Создал «Корпус мира» — организацию, члены которой и сейчас добровольно трудятся в системе образования, медицине, социальном обеспечении в самых бедных регионах мира. Для это создано Агентство международного развития, US AID и USIA[253].

Имела ли новая парадигма шансы в начале 60-х — в разбалансированном мире, сложность коего видел Кеннеди?

Возможно — да.

Но он не успел предложить ее в развернутом виде. Одной речи для этого мало. Его остановили на ее пороге — куда он вывел страну. На развилке, о которой писал Ростоу: «На этом этапе истории мы — величайшая держава в мире. Если будем вести себя как величайшая держава в мире».

10

США к концу 1963 года выходили из кризиса, международная напряженность спадала. Но и мир, и Америка были в куда более глубоком кризисе, выходившем за рамки экономики, политики и культуры: перемен требовали система мироустройства и образ жизни во всем их разнообразии. Масштабы, содержание и длительность кризиса не представлял себе фактически никто.

Но, возможно, «фабрика мысли» Джека, его лучшие и блистательнейшие вышли на подступы к их осмыслению и проектированию системы управления этими процессами. Однако осознание реальных масштабов исторического вызова и ответа на него было впереди.

Джон Кеннеди начал марш Америки в новую эру развития, взлет на новый этап. В короткий срок своего пребывания в Белом Доме он сумел стать ее проводником и лидером на этом пути. А стратегические поиски его команды — знаками скорых перемен.

Именно это, а не обаяние, красноречие или трагическая смерть сделали его — в отличие от многих других президентов — одной из звезд, сияющих в образе Америки ярче других.

Глава девятая. Огонь

1

Не читайте эту книгу с конца.

Почему я прошу об этом? Потому что, принимаясь за нее и рассказывая, что буду писать о Кеннеди, в ответ я почти всегда первым делом слышал: а ты что — знаешь, кто его убил?

Как ответить на такой вопрос? Странно. Вопрос, кто убил, интересовал людей так, будто речь шла о детективе. Я же надеялся, что будущим читателям интересно, что значила жизнь Кеннеди для его близких, Америки и мира и чем стала для них его смерть…

Но: кто убил?.. Признаться — удивили. Но и ответ сыскать помогли.

О'кеу, говорю я, его жизнь несравненно интересней, чем смерть. Невероятный ее сюжет не для детектива, а для исторического романа. Из тех, что стали классикой. Из тех, что любил наш герой…

Герой. Героем делает человека текст. И почти всегда герой и человек — разные. И оба — для окружающего мира — лишь образы. Образ Кеннеди вобрал столь противоречивые черты в почти крайнем их выражении, что думаешь: как можно слить гении и злодейство в одном герое? Как?

Порой, читая о Кеннеди, видишь: это — великий политик. На грани гениальности. Да, это так. Но знакомясь с новыми сведениями, узнаешь: ряд эпизодов его жизни и дел есть зло. По крайней мере — с точки зрения моральных начал и ценностей, укорененных в американской духовной почве. И знай о них общество в дни его правления, оно, скорее всего, его не простило бы.

2

Сотни томов изданы о жизни и смерти Кеннеди. Сняты сотни документальных и художественных фильмов. Поставлены спектакли. Плюс — тонны интервью и статей. Изучение если не всех, то хотя бы большинства из них, может занять годы.

Трагедия породила немало как бредовых, так и безобидных фантазий. Равно как и сознательных вымыслов. И, в то же время, — серьезных, хотя и смелых предположений.

Версий, признанных главными, — пять. Они возникли в первый год после покушения. И с момента засекречивания результатов расследования Комиссии Уоррена[254] социологи регулярно проводят исследования об отношении к ним американцев. Вот итоги недавнего опроса на тему, кто убил президента Кеннеди: ЦРУ -49 % мафия — 37 %; Куба — 22 %; СССР — 13 %; Ли Харви Освальд — 11 %[255].

Любопытно, что названо лишь одно имя — Освальд. ЦРУ, мафия, Куба и СССР безлики. Но читатель может найти ряд подозрительных имен, изучив сотни книг, посвященных убийству. В том числе — Хрущева и Кастро. Впрочем, сегодня историки и юристы считают первое подозрение пустым, а второе — сфабрикованным все тем же ЦРУ (которое само есть в списке).

Мы же, будучи заинтересованы больше в жизни героя, чем в его гибели, отметим: наш интерес среди многих версий вызывают две. И обе имеют в основе заговор. Один гипотетический заговор устроили миллионеры-нефтяники во главе с техасским воротилой Гарольдом Хантом[256], другой — стратег мировой революции Эрнесто Че Гевара.

Первая основана на том, что нефтедобытчики, получившие при Эйзенхауэре налоговые льготы, позволившие им сколотить колоссальные состояния, разгневались на Кеннеди за то, что тот намеревался этих льгот их лишить, и, ведомые реакционером Хантом, устроили покушение при участии ЦРУ. Вторая — на том, что Че Гевара, разъяренный победой Кеннеди в Карибском кризисе, его идеей глобального умиротворения (которая сводила на нет его план революции)[257], тайно влюбленный в Джеки и одержимый иными фобиями, организовал его убийство.

Обе версии близки нам своей оригинальностью и тем, что в них обычно безликие «американские элиты и ЦРУ» и «Куба» обретают человеческие имена.

Те, кого увлекает смерть Кеннеди, могут найти в исследовании этих и других вариантов (вплоть до инопланетян) немало любопытного.

Я же вернусь к его жизни.

3

Ведь она, на мой взгляд, несравнимо увлекательней его смерти.

Хотя рожденная ею драматическая интрига до сих пор побуждает людей искать и строить предположения. Потому что это — символическая смерть. Она изъяла из потока глобальных

перемен того, кто строил вокруг себя небывалую социальную, интеллектуальную и профессиональную среду, обгоняющую свое время, но нужную новой эре.

Эпоху, предлагавшую миру шанс на порядок, в котором решения политиков определяют не мегатонны долларов и термояда. И не башмак премьера, грозящий с трибуны ООН. Но, прежде всего, состязание интеллектов, конкуренция технических и социальных инноваций и гуманитарных технологий. Да, это не означало немедленной конвергенции систем, перехода их к партнерству, сокращения вооружений, но — обещало поворот в таком направлении…

Я пытался очертить масштабы «Большого проекта Кеннеди», часть которого составил «Семейный план» его отца, во многом определивший стратегию прихода клана Кеннеди к власти в США с расчетом изменить страну. А с нею — и мир.

Никто ни тогда, ни теперь не ручался и не поручится головой, что все было именно так. Но вряд ли станет и отрицать, что множество очень разных людей связали надежды на глобальные перемены именно с Кеннеди. Вот почему о нем пишут уже более пятидесяти лет и еще будут писать.

Он нужен публике не потому, что его убили. А потому, что он жил.

Выстрелы в Далласе грянули полвека назад. И ныне многие верят выводам комиссии Уоррена, что президента убил измученный комплексом Герострата левак Ли Харви Освальд — свихнувшийся террорист-одиночка, помешанный на собственной исключительности. Иные считают, что к трагедии привел сговор спецслужб и «ястребов», «выполнявших волю монополий, недовольных политикой президента». Третьи спрашивают: уж не след ли это мохнатой лапы «мирового правительства»? Четвертые на вопрос, «а скрывали ли власти США подробности убийства Джона Ф. Кеннеди?», отвечают: «Да». И в мае 2006 презентуют одноименный доклад[258]… Пятые уверены: покушение — месть мафии и ее главарей. Порой вспоминают о ревности Джонсона, желавшего быть первым, а ставшего вторым…

Но вернемся к социологии: Освальду, объявленному убийцей, досталось меньше всех процентов. А между тем, его судьба всерьез занимала авторитетных людей: то судьи труп эксгумировали, то Норман Мейлер[259] собирал о нем данные в Минске…

Как бы то ни было, не вижу смысла ни оспаривать, ни поддерживать ни одну из версий. И признаю: включить в эту книгу глубокое и объективное рассуждение об обстоятельствах гибели тридцать пятого президента США, невозможно. А

спекуляция была бы очередным трюком. И потом, похоже, по-русски о его смерти рассказано больше, чем о жизни.

Возможно, используя эти тексты, можно защитить не одну диссертацию. Скажем, на тему: кому было выгодно и кто заказал ту или иную версию и ее публикацию. Или: какие приемы дезинформации применялись при их подготовке. Как и о книгах (и не только фэнтези), полных сделок и скандалов, афер, ужасов, магов, призраков а также путешествий по эпохам и мирам.

Желаю успеха диссертантам. В том числе — в работе с материалами Комиссии Уоррена и биографией Ли Харви Освальда. И его убийцы Джека Руби. А сам ни слова не скажу о следствии и сопровождавшей его шумихе в СМИ. И без меня уже много написали.

Я же расскажу, что было в Далласе 22 ноября 1963 года.

4

Но сперва о том, что было в тот день в Москве.

В семье Головни беспокоились, торопились, волновались — провожали в армию сына Сашу. Сестры Валя, Лена и Люба переживали: ведь на три года уходит. А обстановка-то в мире ох какая!.. Понимать надо. О зловещих планах НАТО, американских монополий и Пентагона знали не только комсомольцы, но и пионеры, и октябрята.

Девушки плакали.

Плакала и мама — видная советская светская дама. Но, правду сказать, не сильно. Что ж такого? Часто провожала мужа: то на войну, то на тайные задания Родины в сказочных краях Магриба и Леванта. Все говорят: специалист он был большого мастерства и редкого таланта.

Сам же Саша всех успокаивал, улыбаясь нездешней улыбкой рекрута. Отправлялся служить. Родину сторожить. Весь собранный, такой серьезный весь. Ведь оказана ему огромная честь. Идет он защитить рубеж страны Советов. Шепча «спасибо» партии за это.

Дошли до военкомата. Расцеловались. Двери закрылись. Дамы домой воротились. Согрелись. Осмотрелись. Разговорились. Поплакали. Покушали. Включили радио.

Музыку послушали. А тут новости. И… сообщение ТАСС: бац — президент Кеннеди.

И снова они зарыдали.

Почему? Почему плакали советские женщины, узнав о смерти лидера США? Почему не ликовали? Войны испугались?

Испугались. Пожалели — проявили бескрылый гуманизм? Проявили, да. А может… он им просто нравился? Точно: очень нравился! Он был такой, такой, такой молодой, милый и прекрасный, с улыбкой веселой и ясной… И плакали они долго, и сильно боялись за Сашу — война же… И сердечно жалели убитого Джека, ведь любили его как мужчину и человека. А кое-кто пронес любовь и через полвека…

А на другом конце Москвы, в писательском кооперативе у метро «Аэропорт» (сообщает писатель Василий Аксенов в романе «Таинственная страсть») гости рассаживались вокруг стола: отмечался чей-то день рождения. Едва подняли первый тост, как пришел молодой партиец в высоких чинах. И объявил, что в Далласе, штат Техас, застрелен из снайперской винтовки президент Кеннеди. Потом сел к столу, налил себе стакан водки, и лишь когда улегся гам, добавил: «Между прочим, убийца — коммунист».

Что ж, все ясно: следующий шаг — ультиматум Америки. Затем обмен ядерными ударами. Ну и… Все постарались накиряться до объявления тревоги: дескать, там не дадут… Только через несколько дней поняли: обошлось. Вместо атомной войны последовал шквал дезинформации.

Тем временем в средоточии идеологической и государственной мысли — московском Кремле — глава партии и правительства Никита Сергеевич Хрущев, как говорят, также был весьма встревожен. С той самой минуты, когда его среди ночи разбудил помощник: Кеннеди убит! Говорят, вождь спросил: «Мы к этому имеем отношение?..»

Согласитесь, вопрос странноватый. И страшноватый в устах главы государства.

5

Москва. 12.15. Ноябрь 1963 г.

Госпоже Жаклин Кеннеди

С глубокой скорбью я узнал о трагической кончине Вашего мужа — президента США Джона Ф. Кеннеди. В каждом, кто его знал, он вызывал огромное уважение. Встречи с ним навсегда останутся в моей памяти. Прошу принять мои самые искренние соболезнования и глубокое сочувствие вашему горю.

Н. Хрущев

23 ноября 1963 года.[260]

6

23 ноября 1963 года всю первую полосу газеты «Неделя» (приложения к официозным «Известиям») заняло фото Кеннеди. Его поставил журналист-международник Мэлор Стуруа[261]. На такие портреты имели право только члены президиума ЦК КПСС. И потому начальство собралось Стуруа уволить. Хорошо, додумались связаться с ЦК. А там сообщили, что не возражают. Так Мэлор Георгиевич избежал кары суровой и скорой.

Тягостное ощущение, испытанное в те дни многими, кто ждал от Кеннеди прорыва к новому миру, хорошо выразил поэт Евгений Евтушенко в стихотворении «Свобода убивать». Оно написано через пять лет после Далласа, но в нем — свежие боль и разочарование.

Цвет статуи Свободы — он все мертвенней,
когда, свободу пулями любя,
сама в себя стреляешь ты, Америка.
Ты можешь так совсем убить себя!
Опасно выйти в мире этом дьявольском,
еще опасней — прятаться в кустах,
и пахнет на земле всемирным Далласом,
и страшно жить, и стыден этот страх.
Глаза убийц под шляпами и кепками,
шаги убийц слышны у всех дверей,
и падает уже второй из Кеннеди…

Брат Роберт — в соответствии с планом отца — занял место убитого Джона и в 1968 году баллотировался в президенты. Но был сражен пулей в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе 5 июня 1968 года — после победы на праймериз в Калифорнии.

7

А за пять лет до того…

Мотоциклисты показались неожиданно. То есть нет. Все их ждали, посматривали на часы, снимали стейтсоновские шляпы — промокали лбы, готовили флажки и платочки. Вот сейчас, вот сейчас, вот… И — дождались. На угол улиц Элм и Хаустон вырулил кортеж.

— Вон они! Вон они! Во второй машине! Сзади! — Толпа взорвалась восторгом.

Кеннеди в Далласе не любили. Как и вообще — в Техасе. Зато любили шоу. А какое шоу интереснее, чем проезд президента, а заодно и кандидата в новые президенты?!

На промежуточном — откидном — кресле широко улыбался человек с пышной белой гвоздикой в петлице. Губернатор Джон Коннэли был доволен: предварявшая избирательную кампанию поездка Джека по Техасу началась лучше, чем он ожидал.

Подготовка к визиту вышла беспокойной.

Джека отговаривали от поездки в «оплот реакционеров». Но он настоял. Полиция, ФБР и секретная служба приняли крайние меры безопасности. Проверили все досье на живущих в Техасе расистов, немногих леваков и других подозрительных. Несколько раз прошерстили маршрут. Проверили, прочно ли подвешена люстра в зале, где будет завтрак? Да, прочно. Не скрыто ли что опасное в пяти тысячах роз, коими украшен зал? Все o'key — проверили каждую, сэр. Вот бы проверить все две с половиной тысячи стейков, что подадут на ланч! Но зачем? Ведь порцию для президента возьмут наугад. Тогда и проверим.

— Ну так как, мистер президент? Все же летите в Даллас?

— Да, ребята. Лечу…

* * *

И вот…

В 11.38 ВВС-1 приземлился в Далласе. Джеки вручили букет алых роз. Их ждал «Линкольн»-кабриолет. Кеннеди устроились на заднем сиденье, впереди — лицом к ним — губернатор Коннэли с женой Нэлли. Помощник президента Дэйв Пауэрс посоветовал Джеки смотреть влево и махать людям со своей стороны. Джеку же надлежало работать с избирателями справа. Так, считал Пауэрс, будет охвачено больше людей.

Двести тысяч человек выражали бурный восторг. И он разгорался всякий раз, стоило руке Жаклин в белой перчатке подняться над головой. Машины свернули с Мейн-стрит на улицу Хьюстон. Солнце било в глаза. Она надела черные очки, но муж попросил их снять. Люди должны насладиться красой первой леди. В 12.30 свернули на Элм-стрит. Осталось пять минут.

— Почти приехали, — сказала Нэлли, улыбаясь.

Улыбнулась и Джеки.

Машины двигались к тоннелю. «Может, там будет прохладнее», — подумала Джеки. Рокот мотоциклов сопровождения сливался с шумом улицы.

Нэлли улыбнулась Джеку: «Нельзя сказать, что в Далласе вас встретили холодно».

Тот воскликнул: «Конечно нельзя!» И приветственно поднял руку.

Тут и ударили выстрелы.

— Нет! Нет!! О, нет!!! — крикнул Коннэли.

На крик обернулась Джеки. Боковым зрением увидела мужа. Его лицо каменело. На нем навсегда застыл вопрос. Он быстро прижал руку ко лбу и упал лицом вниз. Она попыталась прикрыть его собой: «Нет! Нет!! Нет!!!». Водитель затормозил. В машину запрыгнул охранник Клинт Хилл. Джеки помогла ему. Теперь она держала на коленях голову мужа. Кто-то крикнул: «Скорее! В госпиталь!»

Первая пуля попала в правое легкое и вышла через шею. Рана не была смертельной. Но водитель, сбавив и так малую скорость, дал убийце (или убийцам) шанс. И им воспользовались. Стреляли с восьмидесяти ярдов. Опытный стрелок скажет вам, что попасть с такого расстояния в голову человека — не вопрос. Тем более — неподвижного. Тем более — из снайперской винтовки.

Джеки видела — его голова раздроблена выстрелом. Тишина. У меня на коленях размозженная голова моего мужа! Боже! Разве я надевала перчатки в горошек? Да это же кровь! Кровь Джека.

И рев толпы.

8

«Линкольн» подлетел к госпиталю. Жаклин сидела, прижимая его голову к груди. Хилл тронул ее за плечо. Она, на миг справившись с рыданиями, подняла глаза.

— Мы должны передать господина президента врачу.

— Я его не отдам, мистер Хилл.

— Мы должны его забрать, миссис Кеннеди.

— Нет, мистер Хилл. Вы же видите. Он мертв, — ответила она, прикрывая, как бы нянча, голову мужа.

Опытный Хилл понял: она не хочет, чтобы люди видели размозженный череп своего кумира. Смекалистый — он снял пиджак, они прикрыли им Джона, и Джеки следила, чтоб он не сполз, когда тело несли и везли на каталке. Он был слишком высок. Ноги торчали. Она бежала рядом, вцепившись изо всех сил, стремясь оставить его себе или уйти вместе с ним. Руку она разжала — с трудом — лишь у операционной. И опустилась на складной стул в коридоре.

Люди что-то ей говорили. Она молчала.

С нее пытались снять перчатки. Она не давала.

Вышел доктор Кемп Кларк. И сказал ей: это конец, мэм. Я сожалею.

Она встала и, ступая ощупью, тычась как слепая, попыталась

войти в палату. На пути встала сестра. «Мне нужно туда, — сказала Джеки, — я хочу быть рядом, когда он умрет».

— Пропустите, — сказал доктор Баркли.

Джеки прошла в палату. Прошла мимо операционного стола, на котором лежал Джон. Встала в углу на колени. И стала молиться. Потом поднялась, подошла к столу и посмотрела в лицо мужу. Его глаза были открыты, страшную рану скрывала повязка. Жаклин прижалась губами к его холодному рту. Сняла свое обручальное кольцо и надела ему на мизинец.

Приехал священник. Внесли гроб. Она вышла. И застыла перед дверями палаты.

Там ее и нашла жена вице-президента Джонсона.

«Она была совершенно одна, — вспоминает она, — мне кажется, я никогда не видела такого одинокого человека. Я подошла, обняла ее, что-то говорила, думаю, шептала что-то типа «Господи, помоги нам». Чувства разрывали мою грудь. И не было слов, чтобы их описать».

Врачи записали в формуляр время смерти.

Официально Джек покинул наш мир ровно в час пополудни.

Но душа его оставила тело раньше — когда вторая пуля пробила череп.

9

Гроб поставили на каталку. Джеки положила на него руку и шла в окружении агентов секретной службы. Несла две розы из букета, что ей вручили в аэропорту.

И вот она снова там. Глядит, как друзья вносят гроб в самолет. Как царапают его. Нервничают. Пререкаются. Перекликаются. На борту она умылась, расчесала волосы, но не надела платье, которое кто-то заботливо разложил на койке. Так и стояла рядом с Джонсоном — в розовом костюме, — пока тот приносил клятву президента, положив руку на библию Кеннеди, которая всегда была в спальне.

Линдон, измученный и осунувшийся, сел в главном салоне. Тело разместили в хвосте. Там же села и Джеки. А рядом — «ирландская мафия». Это напоминало традиционные для ирландцев народные бдения у гроба. Они пили виски и толковали: о спорте, выборах, совещаниях, о последней поездке Джека в Хианнис-Порт — к отцу. А ей вспомнился его рассказ о визите в Ирландию. Как после официальных мероприятий он посетил Нью-Росс — село, где жили его предки. Что в пятидесяти милях от замка Лисмор. Восемь веков назад его построил король

Джон, там в 1185 году присягнули на верность Британии архиепископ ирландский и его клир. И вот — он в родных местах, где не был с 1947 года. Толпа, всюду американские флажки, на людях — его значки, в руках — его фото…

Еще эпизод — военное кладбище Арбор Хилл. Возложение венков к монументу расстрелянным англичанами в 1916 году борцам за независимость Ирландии.

«Знаешь, — говорил он Джеки, — меня поразили юные курсанты в почетном карауле[262]. И даже не эти их филигранно отточенные упражнения с винтовками и строевая подготовка, а выражение лиц — сочетание гордости, благодарности и почтения к тем, чьи тела лежат у этой стены. И — внимательное уважение ко мне. А я-то что?

Просто возложил венок…».

«Эти курсанты будут на погребении, — решила Жаклин — И волынки. А на могиле — огонь».

Она велела вынести гроб по главному трапу — по которому всегда спускался Кеннеди. Прямо к прессе, теле- и кинокамерам. Меж тем у аэродрома собралась необъятная скорбящая толпа. В салон влетел Бобби, обнял Джеки и помог сойти на землю. Они встали рядом у бронзового гроба. Все молчали. Оно страшно — молчание многих тысяч.

Потом ее спросят: почему она не переоделась и требовала спустить гроб по главному трапу.

— Я решила, — отвечала Джеки, — пусть они видят, что сделали.

10

Но кто — они? Кто был виноват в ее беде? Все американцы? На которых она внутренне возложила вину, которым служил ее муж, но из среды которых вышел его убийца? Или — конкретные люди, имена которых она знала? И которые, как считала, были на аэродроме? Это — одна из тайн гибели Кеннеди. Вопрос, на который пока нет ответа. И на который не пролили свет пять томов, имевшихся в КГБ и частично рассекреченных документов по Ли Харви Освальду.

— Папа умер, — вскоре сказала Кэролайн гувернантка Мод Шоу.

Ее попросила Джеки. Джону-младшему сказали утром.

— Я пошла к Кэролайн, — вспоминает Мод, — присела на краешек кровати. Начала читать сказку, но через несколько абзацев остановилась — слезы слепили глаза. Кэролайн

нахмурилась: «Что случилось, мисс Шоу? Почему вы плачете?» Я обняла ее: «Я плачу потому, что должна сказать тебе что-то очень-очень грустное». И сказала, что папу застрелили. И врачи не смогли помочь. И теперь он отправился на небеса, чтобы заботиться о Патрике, которому там одиноко.

Девочка уснула в слезах, а Мод так и осталась сидеть на ее кровати. На краешке.

Утром Кэролайн спросила, что поручит папе Господь? Мод ответила: он сделает Джона ангелом-хранителем для нее, Джона-младшего и мамочки. И папа будет всегда любить их.

11

В военном госпитале Бетезда провели вскрытие. Доктор Бакли снял кольцо Джеки с мизинца покойного и вернул ей. Привезли новый гроб — красного дерева. Жаклин не хотела, чтобы он был открыт. Но Бобби, занимавшийся похоронами, настаивал: глав государств хоронят именно так. Впрочем, стоило вдове и друзьям увидеть, что из Джека сделали какую-то восковую фигуру, как крышку немедля водрузили на место.

Бобби распределил обязанности по организации церемонии между сотрудниками, друзьями и членами семьи. Было решено взять за образец церемонию прощания с президентом Абрахамом Линкольном. Погребальную службу и предание тела земле запланировали на понедельник. Тело выставили в субботу. В воскресенье перевезли в Капитолий. Началось прощание.

Соболезнования поступали от тысяч людей. Как обычно в таких случаях — и от глав государств. Джеки передали телеграмму Хрущева. Она разрыдалась. Вспомнила Nikit'у в Вене. Смешную его Nin'у. Милых космических щенков…

Проститься с Джеком прибыл де Голль. Они собирались встретиться, но так и не успели. Прилетел президент Ирландии Эймон де Валера. Герцог Эдинбургский и премьер-министр сэр Даглас-Хоум. Анастас Микоян. Император Эфиопии. Королева Греции. Король Бельгии Бодуэн I. Всего — девятнадцать глав государств. Двести двадцать почетных гостей из девяносто двух стран мира.

Утро 25 ноября. Вдова и дети молятся у гроба.

Траур. На всех государственных и муниципальных зданиях, биржах, тюрьмах и школах — повсюду в стране — приспущены флаги. Отменено заседание Верховного суда. Улицы Вашингтона пусты.

Но вот в 11:30 начинается шествие.

Во главе — командующий Вашингтонским военным округом генерал-майор Филип Уил. За ним — барабаны, рота морской пехоты, начальники штабов родов войск и три военных адъютанта Кеннеди. Дальше — гроб на лафете, флаги всех штатов, президентский флаг, конь без всадника, погребальная команда. Следом — лимузин вдовы и машины с родными. За последней — журналисты. В конце колонны — полиция.

Лафет остановился у восточного входа в Капитолий. Гроб внесли в Ротонду. Установили на катафалк Линкольна. Разместили траурный венок с надписью: «От президента Джонсона и нации».

Джеки и дети преклонили колена.

Раздался грохот — дали залп орудия в парке Юнион нейшн.

Хор запел «Славу вождю». Каждые пять минут пение прерывал залп прощального салюта.

Проститься пришли двести тысяч человек, и люди все прибывали. К полуночи прошла едва половина. По плану Капитолий был открыт до 9 вечера, но к 5.15 утра полиция сообщила, что закроет двери в 8.30. До закрытия успевали пройти около восьмидесяти пяти тысяч человек. Престарелого Эймона де Валеру провели без очереди. Ветераны катера PT-109 шли вместе со всеми.

От Капитолия до Белого дома лафет с гробом сопровождали семья и воинские части. Затем Джеки шла во главе процессии до собора Святого Матфея. После службы колонна двинулась через Конститьюшн-авеню, мимо памятника Линкольну, через Мемориальный мост и Проспект павших героев на Арлингтонское кладбище.

Улицы заполнили скорбящие люди. Америка прощалась со своим героем, своим принцем, воплощением своей мечты. Пули не могли убить мечту. Но они догнали и сразили того, кто символизировал ее для миллионов соотечественников и людей во всем мире.

Жаклин и дети вышли на крыльцо Белого дома. Трагическая картина: красота и детство в безутешном горе. Церемониал. И напрасно кто-то видел в этом позу и циничное шоу. На этом крыльце вот уже много десятков лет шоу и жизнь — одно. И на этот раз в нем не было ни капли цинизма. Только беда.

В эти минуты их видел весь мир. NBC транслировала церемонию на двадцать три страны.

В соборе Святого Матфея, где некогда Кеннеди молился перед инаугурацией, теперь мать и дочь рядом молились за упокой его души. Завершая службу, кардинал Кушинг заплакал, потом оставил латынь и произнес по-английски: «Дорогой мой

ангел Джон, лети прямиком в рай».

Служба завершилась, люди встали с колен. Дочка гладила мамину руку. Те, кто стоял рядом, отводили глаза: вуаль не скрывала невыносимую муку на лице Джеки. Но овладев собой, она лично поблагодарила каждого, кто пришел проститься с ее мужем.

Джеки положила в гроб локон Джона-младшего, письма (Кэролайн нацарапала пару строк, водя рукой брата) и запонки Джека. Бобби — четки, подаренные женой на свадьбу, и булавку в галстук. Он держал Жаклин под руку — она едва стояла на ногах.

* * *

Пока они прощались с Джеком, в Далласе Джек Руби убил Ли Харви Освальда.

* * *

На кладбище Джеки и Линдон Джонсон шли пешком. Она опустила густую черную вуаль, держась «не менее величественно, чем императоры и королевы, что шли за ней следом», — так напишут завтра газеты. За ней следовали братья Кеннеди, высшие должностные лица страны и представители других стран.

По американской традиции на кладбище вдовы не идут за гробом. Но никто не посмел перечить Жаклин. Прежде чем сделать первый шаг за лафетом, она шепнула сыну: «Можешь отдать честь папе, Джонни».

И трехлетний малыш приветствовал гроб отца солдатским салютом.

Это видел весь мир. И мир запомнил это.

12

Караул у могилы несли двадцать пять ирландских курсантов.

Представители родов войск простерли над ней государственный флаг.

Гремит последний салют.

Играет горн.

Джеки и братья зажигают вечный огонь.

И он горит.

Литература

Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003.

Брандт В. Воспоминания. М., Новости, 1991.

Брэдфорд С. Американская королева. СПб., Амфора, 2009.

Блинов А. «Кеннеди и мафия». «Известия», 18.10.1991.

Ган В. «Правда или ложь?». «Правда», 11.03.1988.

Гевара Э. Эпизоды революционной войны. М., Военное издательство МО СССР, 1974. Громыко А.А. 1036 дней президента Кеннеди в Белом доме. М., Политиздат, 1968. Громыко А.А., Кокошин А.А. Братья Кеннеди. М., Мысль. 1985.

Егорова-Гантман Е.В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М., Никколо М, 2003.

Жижек С. «Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня?». «Скепсис», scepsis.net/library/id_1960.html Караш Ю.Ю. Тайны лунной гонки. СССР и США. Сотрудничество в космосе. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Кеннеди Э.М. Один за всех. Воспоминания. М., «Азбука-Аттикус», 2012.

Кинг С. «11/22/63». Астрель, М., 2013.

Комов Ю. Освальд — человек, похожий на убийцу. «Аргументы и факты», № 4, 1989. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. Олма-Пресс, М.: 2001. Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. М., АСТ, 2007.

Ленин В.И. «О «демократии» и диктатуре». ПСС, изд.5, т.37.

Лосев С., Петрусенко В. «За фасадом мафии». «Огонек», № 48, 1983.

Майсагер З. «Огонек», № 5, 1963.

Манаков А. «По следам убийства века». Литературная газета, 22.03.1978.

Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М., Academia, 2006.

Мостовщиков С. «КГБ намерен рассекретить досье на убийцу Джона Кеннеди». «Известия», 25.01.1991.

Никонов В.А. От Эйзенхауэра до Никсона. М., Издательство Московского университета, 1984.

Николаевич С. «Великий Гэтсби большой политики». «Огонек» № 44, 1991.

Нигматова Л. «Послушная девочка или икона стиля?». «Даракчи-плюс», № 28, 2008. Очиаи Н. «Убийство президента Кеннеди». «За рубежом» — «Сюкан бунсюн», № 1, 1978. Палладии А. «Зачем потревожили Освальда». «Неделя», № 42, 1981.

Подвигин М. «Между мафией и президентом». «Труд», 28.01.1997.

Рузвельт Ф.Д. Военное послание нации. Сайт «История США в документах». (http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/fdr-voennoe-poslanie-nacii.php).

«Новая версия убийства Джона Кеннеди». «Известия» — Рейтер, 08.08.1990.

Сиротин А. «Никита Хрущев и Джон Кеннеди. Берлин 1961», 16.09. 2011. «Чайка», США.

Суворов Виктор (Резун В.Б.) Кузькина Мать. Хроника великого десятилетия. М., «Добрая книга», 2011.

Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М., «Алгоритм», 2003.

Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история карибского кризиса 1958–1964. М., Гея Итэрум, 1999.

Фурсенко А. А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кнннеди. «Звезда» № 7, 1997.

Хейман Д. «Мэрилин и президент». «За рубежом» — Paris Match, № 44, 1990. Херридж Ф. «Второй пистолет», «За рубежом» — New York Post, № 26, 1973.

Чернышев С.Б. «Рузвельт всегда живой. Юбилейные тезисы». «Русский журнал», 2007. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., Начала-Пресс, 1991.

Alinsky S-D. John L. Lewis: An Unauthorized Biography. N.Y. Putnam, 1949.

Bradley B. Conversations with Kennedy. N.Y. WWNorton&Co, 1984.

Burns J.M-C. John Kennedy. A Political Profile. N.Y., Avon Book Division, 1961.

Carmichael N. A Brief History of the Berlin Crisis of 1961. National Declassification Center / National Records and Archives Administration. W.D.C.

Cold War International History Project Bulletin. «A Tipical Pragmatist», 1994.

Congressional Record, v. 108, p. 688–689.

Dellek R. John F. Kennedy: An Unfinished Life. Penguin, N.Y., 2004 Donavan R-J. PT-109. N.Y. McGraw-Hill, 2001.

Downing A.J. A Treatise on the Theory and Practice of Landscape Gardening. N.Y. Putnam 1865.

Douglas J.W. JFK and Unspeakable. N.Y.: Touchstone, 2008.

FRUS — The Foreign Relations of the United States.

Gaddis J.L. Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy; N.Y. 1982.

GarthoffR. Berlin 1961: the record corrected, Foreign Policy, 84

(Fall 1991)

Halberstam D. The Best and the Brightest. Con., Fawcett Publications, 1973.

Hersh S.M. The Dark Side of Camelot. Boston; Little, Brown, 1998.

Kempe F. Berlin 1961. Kennedy, Khrushchev, and the Most Dangerous Place on Earth. N.Y., Putnam, 2011.

Kennedy J.F. Why England Slept. N.Y., Wilfred Funk, 1961.

Kennedy J.F. Profiles of Courage. N.Y., Harper&Brothers, 1956.

Kennedy J.F. A Nation of Immigrants. N.Y. Harper Perennial, 2009.

Kennedy J.F. Bay of Pigs Speech. April 27, 1961.

Kennedy J.F. Prelude to Leadership. Post-War Diary of John F.Kennedy. N.Y. Regnery Publishing, 1995.

Kennedy J.F. Strategy of Peace. American University Speech. June 10, 1963.

Kennedy J.P. I am for Roosevelt. N.Y., Reynal & Hitchcock, 1936.

Mailer N. Superman Comes to the Supermarket. Esquire, 1960.

Mailer N. Oswald's Tale: an American Mistery. NY. Random House, 2007.

Mathews R. Cuban Rebel is Visited in Hideout; Castro Is Still Alive and Still Fighting in Mountains. The New York Times, 24.02.1957.

Rostow W. The Delusion of Power. An Essay in Recent History. N.Y., 1972.

Sabato L. Kennedy Half-Century. Bloomsbury. N.Y., 2013.

Salinger P. With Kennedy. Berkeley, U.C.P., 1966.

Salinger P. John F. Kennedy. Commander in Chief. Penguin. N.Y.,1997.

Schroeder A. Presidential Debates: 40 Years of High-Risk TV. Columbia University Press, 2008.

Smith M. The Kennedys. The Conspiracy to Destroy a Dynasty. Edinburgh, Mainstream, 2006 Smith J.E. Lucius D. Clay. An American Life. N.Y., Henry Holt and Company, 1990.

Soltis A. Kennedy Orgies in Romper Room. The New York Post, June 15, 2010.

Sorensen T. Kennedy. N.Y., Harper & Row, 1965.

Sorensen T. Let the World Go Forth. The speeches, statements and writings of John F.Kennedy 1947 to 1963. N.Y., Delacort Press, 1988.

White T.H. The Making of the President 1960. N.Y., Anthem Publishers, 1965.

The Warren Commission Report: Report of the President's Commission on the Assassination of President John F. Kennedy. St. Martin's Griffin, 1992.

notes

Примечания

1

Монета в пять центов. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Рыжий цвет волос считается отличительным признаком уроженцев Ирландии.

3

Американское понимание термина «либерал» отличается от европейского. И тот и другой выступают за демократическое правление, гражданские свободы и права человека. Но если европейский либерал всегда и во всем — сторонник предельно свободного рынка, то либерал американский — напротив: выступает за рынок регулируемый, значительную роль государства в экономике и общественно-политической жизни, в частности — регулировании отношений между наемным трудом и бизнесом.

4

Томас Джефферсон — политик и социальный мыслитель, один из «отцов-основателей США». Считал материальные и деловые интересы вторичными по отношению к духовным поискам и политическим взглядам.

5

В английской традиции имя Джон (John) соответствует библейскому Иоанн (русскому Иван). А вот с именем Джек (Jack) — все непросто. Оно может быть как вполне самостоятельным, так и уменьшительным от Джейкоб (Иаков, Яков). И в то же время — уменьшительным от Джон. То есть если политики или газеты называли президента Джона Кеннеди Джеком, то это все равно, как если бы русского президента Ивана называли Ваней. Так вышло с Кеннеди: к нему, крещенному Джоном, и в частной жизни, и в политике «прилипли» оба имени.

6

Игра слов: wasp по-английски — «оса», а WASP — аббревиатура слов: white, anglo-saxon, protestant (в русской версии: белые англосаксы-протестанты) — означает элиту американского общества.

7

Место одного из первых сражений Войны за независимость США. Победили в нем британцы, но молодая армия колоний показала стойкость и мужество, ставшие впоследствии чертами армии Соединенных Штатов.

8

Улисс Грант — видный военный деятель армии северян, Роберт Ли — один из военных вождей конфедератов.

9

Kick — удар, пинок (англ.).

10

Около 40 метров.

11

Слон и осел — традиционные символы ведущих американских партий. Слон — республиканцев, осел — демократов.

12

Kick — удар, пинок. Так звали Кэтлин дома.

13

Совместно с Джорджем Плимтоном.

14

Имеется в виду вступление Джона Кеннеди в должность президента. На Пенсильвания-авеню расположен Белый дом — резиденция президентов США. Если сенатор покидает свой пост до истечения его срока, для замещения вакансии в штате, который он представляет, назначают новые выборы. В таких выборах и победил Эдвард Кеннеди.

15

В американской политической системе — предварительные выборы, борьба кандидатов за выдвижение от партии.

16

«Конгресс производственных профсоюзов» — массовая организация американских наемных тружеников, завоевавшая легитимность и широкое влияние путем ожесточенной забастовочной борьбы в 20—30-х годах XX века.

17

Президент Рузвельт разъяснял свою политику Новой сделки в радиобеседах «У камина», которые пользовались немалой популярностью.

18

Интеллектуальный журнал леволиберального толка.

19

Премьер-министр Великобритании и близкий политический советник королевы Виктории.

20

Молодежная организация сторонников Демократической партии.

21

Престижный студенческий клуб, членами которого были предприниматели и политики, в том числе президенты США Теодор Рузвельт, Франклин Рузвельт и Джон Кеннеди.

22

Об этом спустя годы рассказал Линдон Джонсон — впоследствии вице-президент и президент США, а тогда амбициозный конгрессмен из Техаса, оказавшийся в Овальном кабинете во время этого разговора.

23

Об этой сделке сообщает Сеймур Херш — автор книги «Темная сторона Камелота» (The Dark Side of Camelot), ссылаясь на свидетельство жены близкого друга Рузвельта издателя журнала Time Генри Люса.

24

Артур Невилл Чемберлен (1869–1940) — британский политик и государственный деятель, лидер Консервативной партии. Премьер-министр Великобритании в 1937-40 гг. Сторонник «политики умиротворения» Гитлера. В 1938 г. подписал Мюнхенское соглашение, открывшее нацистам путь к аннексии Чехословакии. Вернувшись в Лондон и предъявив документ, сказал: «Я привез вам мир». А в следующем году началась Вторая мировая война. Больной Чемберлен покинул пост премьер-министра, уступив его Уинстону Черчиллю. И скончался. Стэнли Болдуин (1867–1947) — британский политик, консерватор, предшественник Чемберлена на посту премьер-министра, автор политики «умиротворения» Гитлера.

25

В английском языке вопросительные слова why — «почему», и while — «пока» — созвучны.

26

Аламо — крепость, которую в ходе войны Техаса за независимость от Мексики группа добровольцев защищала от превосходящих сил врага. Все они погибли. А клич «Помни Аламо!» стал боевым девизом американских солдат.

27

Американцы сбили 29 машин противника.

28

Цитируются фрагменты текста, опубликованного на сайте «История США в документах».

29

Перевод Дмитрия Петрова. В дальнейшем, везде, где переводчик не указан, — перевод автора.

30

Память старшего сына семьи Кеннеди увековечена в имени боевого корабля — эсминца «Джозеф Кеннеди-младший».

31

Джимми Дин записал песню в 1962 году, когда Кеннеди уже был президентом. В 1963 году студия Warner Brothers выпустила фильм Лесли Мартинсона «PT-109».

…Может быть, жизнь круговертью

Мое свидание со смертью
Отложит, продлив пребыванье
На земле, изрытой войною
И идущей по ней весною…

(Перевод А. Шляпентох)

33

Американский фут — 0,3048 метра.

34

Система организации международных отношений, построенная на основе мирного договора по итогам Первой мировой войны, подписанного 28 июня 1919 года. Главным институтом этой системы служила Лига Наций.

В ряде случаев (как, например, в Техасе) только на референдуме может быть принято решение о выходе члена федерации из ее состава.

36

В США графство (county) — территориально-административная единица, меньшая, чем штат, и приблизительно соответствующая понятию район. Может как включать в себя города, так и быть их частью.

37

Dixie — так по традиции называют область южных штатов.

38

Графство. Долго являлось местом проживания беднейших слоев белой общины Нью-Йорка.

39

Бостон помнил его деда Патрика, а Фитц был жив и к нему прислушивались.

40

Речь идет о лекции Джо Кеннеди в Виргинском университете, с которой он выступил за два месяца до слушаний.

41

Вскоре после выборов Boston Post получила от Джо Кеннеди кредит в 500 000 долларов.

42

В США было принято в официальных приглашениях после слова «госпожа» указывать фамилию и имя супруга.

43

На Капитолийском холме расположены здания Конгресса США, а на Пенсильвания-авеню — резиденция президента.

44

Герберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) — философ, филолог, теоретик массовой коммуникации. Стал знаменит как исследователь воздействия электронных СМИ на общество. Автор ряда книг. Самая известная — «Понимая медиа».

Не случайно даже названия комитетов, основанных для сбора средств в ходе предвыборной кампании, распределялись по этим отраслям.

46

Новая Англия — группа штатов, расположенных на северо-восточном побережье США. С них началось промышленное развитие страны.

47

Однофамильца Юджина Маккарти — видного либерала.

48

«Лучше быть мертвым, чем красным!», «Убей комми ради мамы!» (англ.)

Profiles of Courage — дословно: «Профили мужества».

50

В 1940 году издательство Harper & Brothers отвергло рукопись книги Кеннеди «Почему Англия спала».

51

После выхода книги пошли слухи, что написал ее Соренсен, а Кеннеди лишь подписал. Тэд опроверг их. Но после присуждения «Образцам» Пулитцеровской премии журналист Дрю Пирсон вновь озвучил их на ТВ. Тогда Кеннеди пригрозил иском и посоветовал Пирсону прочесть рукопись. Тот прочел и признал, что автор — Кеннеди.

52

Джон Куинси Адамс — президент с 1825 по 1829 год. Первый посланник в России с 1809 по 1814 год.

53

Дэниэл Уэбстер — член Палаты представителей в 1813–1817 и 1823–1827 годах, сенатор в 1827–1841 и 1845–1850 годах, госсекретарь в 1841–1843 и 1850–1852 годах.

54

Эдмунд Росс — сенатор, герой гражданской войны. Его голос стал решающим в голосовании по импичменту президента Эндрю Джонсона. Он голосовал «против» и спас Джонсона от отрешения от должности.

55

Эндрю Джонсон — президент США с 1865 по 1869 год. Вице-президент при Аврааме Линкольне, возглавивший страну после его убийства. Против него Конгресс начал процедуру импичмента.

56

Джордж Уильям Норрис — конгрессмен и сенатор.

57

Элфред Эмэнуэл Смит — политик-демократ. Четырежды избирался губернатором Нью-Йорка. В 1928 году, будучи католиком, решился выставить кандидатуру на выборах президента США.

58

Элеонора Рузвельт использует цитату из Евангелия, играя словами: в английском языке слово profile многозначно. В т. ч. оно означает как «профиль» (щека), так и «биография», «образ» и производное от образа — «образец». Текст записки: «My dear boy I only say these things for your own good I have found in lifetime of adversity that when blows are rained on one, it is advisable to turn the other profile. Mrs. Eleanor Roosevelt».

59

Самая авторитетная литературная премия США. Присуждается в том числе за публицистику и журналистику.

60

Видные аристократы, деятели искусств и интеллектуалы того времени.

61

Чарльз Л.Бартлетт — журналист либерального направления, будущий лауреат Пулитцеровской премии 1956 года.

62

Этот месяц и год называют большинство источников, но в некоторых (например, в русском переводе книги «Американская королева» Сары Бредфорд) упоминается 8 мая 1952 года.

63

Герцог Виндзорский — король Великобритании Георг VIII, который, будучи принужден выбирать между короной и любовью, выбрал любовь, отрекся от престола и женился на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон. Он остался в истории как романтик и образец стиля. Герцогиня Виндзорская — его супруга, получила титул в замужестве.

64

Цитируется по русской версии книги «Американская королева. История жизни Жаклин Кеннеди-Онассис».

65

Светская хроника обычно приводила полное имя Черного Джека.

66

Эстес Кифовер (1903–1963) — политик, демократ, конгрессмен с 1939 по 1949 год, сенатор от штата Теннесси с 1949 по 1963 год, когда и скончался. Кандидат в вице-президенты США на выборах 1956 года.

Тогда тандем католика Альфреда Смита и Джо Робинсона потерпел поражение. Его объяснили тем, что в преимущественно протестантской Америке католик не имеет шансов попасть в Белый дом.

Тогда позиция Кеннеди по расовой проблеме была умеренной и устраивала белых на Юге.

69

В США победителя на выборах президента определяют исходя не из соотношения голосов избирателей, а на основании полученных кандидатами голосов выборщиков, закрепленных за штатами.

Имеется в виду Ричард Никсон — кандидат в вице-президенты от Республиканской партии.

71

Общественные связи — англ. public relations. Версия перевода на русский язык — связи с общественностью.

72

Политик, лидер ряда либеральных, «прогрессистских» инициатив в Конгрессе и штате Небраска, который 40 лет представлял в Палате представителей и Сенате. Свой последний срок прослужил как независимый сенатор.

Напомним: Джордж Норрис стал ее героем.

Унитарианизм — протестантская конгрегация, не признающая таинств, учения о Троице и грехопадении и ряда догматов.

75

Вершина в континентальной части США — высота 4421 метр.

76

Перефразированный куплет из песни знаменитого американского поэта Вуди Гатри: This land is your land This land is my land From California to the New York island; From the red wood forest to the Gulf Stream waters This land was made for you and Me.

В таком числе штатов проводились президентские праймериз в тот период.

78

Имеется в виду полет американского самолета-разведчика U-2, пилотируемого Фрэнсисом Пауэрсом, сбитого над Уральским регионом 1 мая 1960 года незадолго до уже согласованного визита президента Эйзенхауэра в Москву. В связи с этим инцидентом визит был отменен.

79

Бравурная американская мелодия.

А республиканец — лишь однажды.

81

Без вариантов (англ).

В Висконсине они распределялись так: 10 получал победитель праймериз. 20 оставались парторганизациям — по 2 на каждый из 10 округов, а один делили пополам мужской и дамский советы Национального комитета партии.

В Западной Вирджинии они составляли 95 % населения.

84

Роберт Ла Файетт (1855–1925) — деятель Республиканской партии. Затем — лидер «Партии прогресса». Член Палаты представителей, губернатор Висконсина, сенатор. В 1924 году выдвигался в президенты США. Получил 17 % голосов избирателей и голос выборщика от Висконсина. Его жена Бель Кейс Ла Файетт и сыновья Роберт и Филип шли его курсом в 30—40-х годах. Боба считали «едва ли не самым видным противником власти корпораций».

85

Уильям Эдвин Уолтон (1909/1910—1994) — журналист и художник-абстракционист. Друг семьи Кеннеди. Участвовал во многих политических операциях и частных делах Джона до его избрания президентом и после. С 1963 по 1971 год возглавлял Комиссию искусств США.

86

«Геттисбергское послание» — речь Авраама Линкольна, которую считают одним из образцов ораторского искусства. Он произнес ее 19 ноября 1863 года, посвятив открытию Национального военного кладбища в Геттисберге.

87

«Солидарность навсегда» — боевой гимн американских профсоюзов. Текст написан Ральфом Чаплиным в 1915 году. Исполняется на мотив знаменитого «Боевого гимна республики».

88

Джеймс Баррет Рестон (1909–1995) — влиятельный политический обозреватель. Лауреат Пулитцеровской премии.

United Mine Workers of America.

90

В 1960 году черное население штата составляло 4 % населения штата.

91

«Старая слава» — Old Glory — одно из названий флага США. Другая версия перевода: «Доблесть прошлого».

92

Over the Hump with Humphrey — в этом девизе обыгрывалось созвучие слова hump, в значении перевал, и первой части фамилии сенатора: Humphrey. (В английском языке сочетание согласных p и h обычно дает звук £)

93

Троллинг — намеренная и целенаправленная атака на одного из участников диалога в эфире. Нередко — с элементами глумления. Сегодня этот прием активно используется в Интернете, прежде всего — в социальных сетях.

94

Первая строка песни Вуди Гатри — неофициального гимна американских левых.

95

С 1884 года — общую для членов Конгресса и администрации.

96

12-я поправка к Конституции США принята Конгрессом 9 декабря 1803 года. Ратифицирована 15 июня 1804 года.

См. книгу Екатерины Егоровой-Гантман «Игры в солдатики», М., Никколо М, 2003.

98

Зорин Валентин Сергеевич — видный советский и российский медиа-деятель, политолог, в 60—70-х годах — один из виднейших советских журналистов-международников, автор многих телепередач, документальных фильмов и книг.

99

«Синими воротничками» (по цвету спецовок) в США именуют рабочих, занятых в цехах, на стройках, транспорте и в обслуживании. А «белыми» — инженеров, техников, управленцев, бизнесменов, людей интеллектуального труда.

100

Колеблющиеся штаты.

101

Философ Ефим Островский говорит о делении пространства бытия на три уровня: нижний: инфраструктуры — мир предметов — зданий, дорог, ЛЭП, водо-, нефте- и газопроводов, компьютеров, каналов связи и т. д.; срединный: антропоструктуры — мир людей и их деятельности; высший: ультраструктуры — метафизическое пространство смыслов, знаков, ценностей, целей. Те, кому он доступен, прядут знакоткань, творя историю человечества.

102

Крепость, которую во время войны между Мексикой и Техасом оборонял небольшой гарнизон добровольцев. Ее оборона до последнего человека вошла в историю как подвиг. Клич «Помни Аламо!» и сегодня звучит в армии США.

103

Маккаферти, Бейли и Кейри — традиционно ирландские фамилии.

Католических.

105

Из речи Джона Кеннеди перед протестантскими пасторами в Хьюстоне 12 сентября 1960 года.

106

Города Сент-Луис и Новый Орлеан расположены в штатах Луизиана и Миссури, где многих белых не устраивала слишком либеральная, как им казалось, политика Кеннеди в отношении черных. Вскоре Луизиана проголосует за Кеннеди, а выборщики от штата Миссури отдадут голоса «третьему кандидату» — Гарри Берду.

107

Русская версия произнесения DC — District Columbia — округ Колумбия, где находится столица США Вашингтон.

Like — любить (англ.).

109

Это он вдохновил Эйзенхауэра баллотироваться в президенты в 1956 году.

110

Из речи Джона Кеннеди на встрече с протестантскими пасторами в Хьюстоне 12 сентября 1960 года.

111

Mutual News — подразделение сети Mutual Broadcasting System (MBS). Она начала радиовещание в 1934, в 1950—70 годах входила в число ведущих трансляционных компаний и завершила свое существование в 1999 году.

Авторитетные эксперты, такие как Дэвид Вэнсил, Майкл Шадсон, Теодор Уайт и ряд других считают, что это не так и победа Никсона в радиоэфире — народная американская сказка. Из исследований, посвященных дебатам, только одно (проведенное фирмой по изучению рынка Альберта Синдлингера) показало, что Никсон победил среди слушателей со счетом 43 % против 20 %, а Кеннеди выиграл на ТВ с 28 %, при 19 % у Никсона.

113

Цифра приведена в Broadcast Magazine — издании, ведущем, в частности, мониторинг аудитории радио и ТВ.

With the Nation Watching (англ.).

115

Он задавался этим вопросом уже полвека лет назад!

116

Из выступления Кеннеди на теледебатах 21 октября 1960 года.

Например, независимый колумнист Ральф МакГилл или журналист New York Herald Tribune Эрл Мазоу.

118

Таммани-холл — отделение Демократической партии в Нью-Йорке. В первой половине XIX века славилось вольномыслием — требовало дать право голоса неимущим белым мужчинам. Тайные сделки, раздача виски, подкуп политиков сделали Таммани-холл символом небрежности в средствах. Он достиг пика влияния на рубеже XIX–XX веков и утратил его в 30-х годах, став клубом демократов. В отличие от символа партии его эмблема тигр.

С ним согласны не все. Дэниел Бурстин в книге «Образ» настаивает, что дебаты не показали, «кто более годен на пост президента», но «низвели огромные… проблемы до уровня, где их мерили общим аршином».

120

Он имел право голосовать за себя. Что, возможно, и сделал. 8 ноября 1960 года США, согласно докладу президента компании CBS Френка Стэнтона Сенатскому комитету по коммуникациям, в 1961 году, американцы выбирали не только между Никсоном и Кеннеди. Также баллотировались: Фаррелл Доббс (Социалистическая рабочая партия), Бентон Койнер (Консервативная партия Вирджинии) плюс кандидаты от Партии конституции, Национальной партии за права штатов и еще 10 кандидатов, включая Саймона Гоулда от «Партии вегетарианцев».

121

Американская миля — 1760 ярдов, 5280 футов — 1,609344 км.

122

Тачдаун (англ. touch down) — способ заработать очки в американском футболе. Игрок атакующей команды должен доставить мяч в очковую зону (англ. end zone) соперника. Есть два способа сделать это: первый — атакующий игрок вбегает с мячом в очковую зону; второй — игрок забегает в зону и получает пас. Касаться мячом земли не обязательно.

123

Телетайп — прибор для оперативной передачи текста на расстоянии. Наследник телеграфа и предшественник телекса и телефакса. Широко использовался в информационных агентствах.

124

Вскоре выяснят: подсчет голосов в Кэмпбелл-каунти (включая голос Арта Шопенгауэра с заправки «Мобил», что на углу Кант-роуд и Гегель-драйв) показал: 54,2 % у Никсона, 45,8 % — у Кеннеди. Первый облом за сто лет.

125

Опросы избирателей, выходящих с участков.

Так порой называют Пенсильванию.

127

Закон, ограничивающий прямые взносы в фонды избирательных кампаний, вступит в силу только в 1974 году.

128

Английское слово inauguration происходит от латинского inauguro — «посвящаю».

129

Инаугурации долго проводили в марте.

130

I do solemnly swear that I will faithfully execute the office of the President of the United States and will, to the best of my ability, preserve, protect, and defend the Constitution of the United States.

131

Тогда у американских президентов еще не было особой резиденции.

132

Здесь, видимо имеется в виду книга Кеннеди «Образцы мужества» — Profiles of Courage.

133

Публикуется с сокращениями.

134

Декстроамфетамин — амфетамин. В медицине используется как рекреационный наркотик при лечении синдрома дефицита внимания и гиперактивности.

При этом его новизна определялась не столько возрастом, сколько мировоззрением и причастностью к новым видам деятельностей.

136

Вест-Пойнт — престижная военная академия.

137

Принстон, Йель, Берки, Гарвард — ведущие университеты США и мира.

138

Генри Льюис Стимсон (1867–1950) — американский государственный деятель, государственный секретарь (1929–1933) и военный министр (1940–1945).

139

Организация Варшавского договора (ОВД) основана 14 мая 1955 г. в Варшаве, как противовес НАТО. Ведущая роль в этом блоке принадлежала СССР. В ОВД вошли Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, ПНР, Румыния, СССР и ЧССР. В 1991 г. ОВД была распущена. СМИ Запада часто называли ее «Варшавский (Восточный) пакт».

140

NATO (North Atlantic Treaty Organization) — создана 4 апреля 1949 г. для «сдерживания… агрессии в отношении любого государства-члена НАТО или защиты от нее». Сначала в нее вошли Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США. 6 мая 1955 г. присоединилась ФРГ. СМИ Востока звали его «агрессивный блок НАТО».

141

На Ялтинской конференции 4-11 февраля 1945 г. лидеры Великобритании, СССР и США наметили формы нового устройства Европы. В Потсдаме 17 июля — 2 августа 1945 г. они обсудили судьбу Германии. К ним присоединилась Франция. Лондонский протокол от 12 сентября 1944 г. объявлял Берлин зоной совместной оккупации. Восточную часть занял СССР, западной управляли Франция, Британия, США и магистрат города.

142

Здесь вероятна игра слов. Кеннеди может намекать, что предложения, с которыми он выступает, уже почти запоздали, так что выслушать их нужно несмотря на то, что уже вечер и заседание палаты подходит к концу.

143

Джордж Ф.Кеннан (1904–2005) — историк, дипломат. Основатель Института Кеннана. «Отец концепции сдерживания», легшей в основу плана Маршалла и НАТО. Автор трудов об отношениях России и Запада. Аверелл Гарриман (1891–1986) — промышленник, политик, дипломат. В 1943–1946 годах — посол в СССР. Автор книг «Америка и Россия в меняющемся мире: полвека личных наблюдений». Льюллин Томпсон (1904–1972) — посол в СССР в 1957–1962 и 1966–1969 годах.

В Лэнгли расположена штаб-квартира ЦРУ. В Майами были сконцентрированы беглецы с Кубы. В Гватемале находились тренировочные центры их вооруженных формирований.

145

Коктейль в кубинской традиции: 50 мл белого рома, 5 мл ликера Maraschino, 20 мл свежего сока лайма, 10 мл сахарного сиропа, мелкий лед, долька лайма. Можно добавить кофейный ликер, клубничный сироп и т. д.

146

Имеется в виду провал десанта кубинских эмигрантов в заливе Свиней.

Кстати, и Джонсон, как «мастер закулисных комбинаций» и политик, «запачканный нефтью».

148

Антонин Новотный (1904–1975) — чехословацкий политический деятель, коммунист, президент ЧССР (1957–1968).

149

В Турции в то время располагались американские ракеты средней дальности.

150

Корниенко Георгий Маркович (1925–2006) — дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол, заслуженный работник дипломатической службы РФ, Герой Социалистического Труда. В 1960–1964 годах-сотрудник посольства СССР в США.

Хрущев имел в виду «кухонные дебаты» между ним и Никсоном на Американской выставке в Москве в макете дома, оснащенность которого бытовой техникой поразила советских гостей. На этом эпизоде мы еще остановимся.

152

Возможно, это был «Портрет кроля Англии Карла I на коне».

Women’s Wear Daily.

Air Force 1.

155

Пол Самуэльсон (1915–2009) — советник Кеннеди. Экономист, профессор Массачусетского технологического института. Лауреат Нобелевской премии по экономике.

156

Уолтер Хеллер (1915–1987) — с 1961 по 1964 год председатель Группы экономических советников при президенте США. Экономист, профессор Висконсинского университета и университета штата Миннесота.

157

«Движение 26 июля» — политическая организация, созданная и возглавленная Фиделем Кастро в 1953 году, которая в 1959 году свергла диктатуру Фульхенсио Батисты на Кубе.

158

Cuban Rebel Is Visited in Hideout; Castro Is Still Alive and Still Fighting in Mountains.

159

Маки — бойцы европейского Сопротивления времен Второй мировой войны.

Mark Kurlansky. 1968. The Year That Rocked the World. Ballantine Books. 2004.

161

Он же Тони Варона. Есть сведения о его связях с мафией, имевшей интересы на Кубе. После провала десанта жил в Нью-Йорке, работал преподавателем.

162

Карлос Прио Сокаррас — президент Кубы с 1948 по 1952 год. Основал Национальный банк и Банк развития сельского хозяйства и промышленности. Ввел валюту песо, вместо доллара США. Пытался обуздать коррупцию. В 1952 году его сверг Фульхенсио Батиста.

163

Организация американских государств.

В первую очередь в виду имелась, конечно же, Куба.

165

Речь идет о свержении Хакобо Арбенса (те же слова находим и в книге Теодора Соренсена «Кеннеди»).

166

Лайман Лемнитцер (1899–1988) — военачальник, участник Второй мировой и Корейской войн. С 1960 по 1962 год — председатель Объединенного комитета начальников штабов, с 1963 по 1969 год — командующий силами НАТО.

167

«Милисианос» — части, созданные для поддержания порядка, охраны границы и содействия армии.

Freedom — свобода (англ.).

169

Джон Маккоун (1902–1991) — предприниматель, миллионер. Президент ряда компаний. С 1961 по 1965 год — директор ЦРУ. Затем — один из директоров компании «International Telephon & Telegraph».

Эту операцию провели Бобби Кеннеди и «Комитет кубинских семей». Товары, обмененные на пленных, стоили 53 миллиона долларов. Казначейство и фонды ЦРУ к финансированию не привлекались.

171

Ленинские горы — с 1924 по 1991 год — название Воробьевых гор, холмов на правом берегу реки Москвы.

172

Козлов Фрол Романович (1908–1965) — советский партийный и государственный деятель. Член Президиума ЦК КПСС (1957–1964). В 1962 г. руководил подавлением рабочего восстания в Новочеркасске. Секретарь ЦК КПСС (1960–1964).

173

31 декабря 1961 года.

174

От 22 февраля 1946 года.

175

От 27 сентября 1946 года.

176

Армия ФРГ.

177

Мельник не называет имя, но судя по списку и хронологии службы советских послов во Франции, де Голль беседовал с Сергеем Александровичем Виноградовым.

178

Когда умер Сталин, в Красной армии было около 6 миллионов солдат, а к лету 1961 года — 2,4 миллиона.

179

Законодательный орган ГДР.

180

Soviet Life — советский журнал для аудитории в США. Основан, когда в 1956 году власти обеих стран договорились издавать и распространять журналы, посвященные их жизни. Американский аналог Soviet Life — журнал «Америка».

181

Александр Фурсенко (1927–2008) — историк, член АН СССР. Первый среди российских ученых послевоенной эпохи заложил основы академического изучения истории США. Автор ряда книг. Среди них «Адская игра. Секретная история карибского кризиса 1958–1964» (совместно с Тимоти Нафтали). Ее американскую версию — One Hell of a Gamble: Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964: The Secret History of the Cuban Missile Crisis — цитирует Херш.

182

Караш Ю.Ю. (р. 1963) — доктор философии (в американской версии — PhD), кандидат исторических наук, магистр Высшей школы международных исследований им. Пола Нитце (Johns Hopkins University), автор книги «Тайны лунной гонки. СССР и США. Сотрудничество в космосе» (2005), в которой обсуждается взаимодействие Георгия Большакова и братьев Кеннеди.

183

Интервью с Хоулменом Т. Нафтали 16 июля 1994 г.

184

Таким привлекательным, как… (англ.)

185

Интервью с Хоулменом Т. Нафтали 16 июля 1994 г.

186

Frederick Kempe (1954) — журналист The Wall Street Journal, автор ряда книг, в т. ч. «Берлин — 1961. Кеннеди, Хрущев и самое опасное место на земле» (2011), вошедшей в список бестселлеров New York Times. Президент «Атлантического совета внешнеполитических исследований».

187

Как выяснилось — не все. Есть расхожее мнение, что слова Ich bin ein Berliner означают «Я — берлинский пончик», а фраза «Я — берлинец» произносится без артикля ein. Но это не верно. Так можно сказать и «пончик», и «берлинец».

Материалы книги сына А.И. Микояна Серго Микояна «Анатомия Карибского кризиса» часто используются в этой главе.

189

Начальник штаба ВМС США.

190

Никсон был прав. Сын Хрущева Сергей Никитич живет в США, в городе Провиденс. Да и мы не при социализме.

191

Фут (американский) — 0,3048 метра.

192

Сергей Михалков. Басня «Две подруги».

193

The best and the brightest — «лучшие и блистательнейшие», (англ.)

Дискуссии с самого начала записывали на магнитофон.

195

СССР многократно уступал США в ракетах. Но проверить это было сложно — космических систем слежения не имелось. Поэтому советское правительство уверяло мир, что его ракетная мощь сравнима с американской.

New York Times. Rose Kennedy's Life, in Her Own Words, 29 сентября 2006 года, со ссылкой на Associated Press. Эдвард М. Кеннеди. «Один за всех», «Азбука-Аттикус», КоЛибри, М.: 2012.

197

Эдвард М. Кеннеди. «Один за всех». «Азбука-Аттикус», КоЛибри, М.: 2012.

198

Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Graham T. Allison, 1971. Название книги базируется на цитате из Кеннеди «The essence of ultimate decision remains impenetrable to the observer — often, indeed, to the decider himself» — «Суть (эссенция) окончательного решения недоступна наблюдателю. А часто и тому, кто его принимает».

199

А.Фурсенко, Т.Нафтали. «Адская игра», М.: Гея Интурум, 1999.

200

Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003. С. 617 и 624.

201

В главе фрагменты посланий и прямая речь Н.С. Хрущева, А.И. Микояна и Д. Кеннеди цитируются по книге С.А. Микояна «Анатомия Карибского кризиса». Сам же Микоян приводит переписку Кеннеди с Хрущевым по текстам, хранящимся в Архиве внешней политики Российской Федерации, а также по материалам, изданным в 1962 году.

202

Под «обменом мнениями» Микоян имеет в виду переписку Кеннеди и Хрущева и консультации дипломатов.

203

«Некоторые любят погорячее» — дословный перевод названия американского фильма Some Like It Hot (в советском прокате — «В джазе только девушки»), главную роль в котором играет Мэрилин Монро.

204

Специальный помощник Кеннеди. После гибели президента — куратор «Библиотеки и музея Джона Ф. Кеннеди».

205

Хозяйская спальня (англ.).

206

Создали пост специального советника по культуре. Им назначили искусствоведа и филантропа Огаста Хекшера.

207

Супруга советника президента Артура Шлезинджера художница Мэриан Кэннон.

Эти забавы беспокоили их тем, что одна из участниц могла быть советской или кубинской шпионкой.

209

Известный эстрадный коллектив: Фрэнк Синатра, Пит Лоуфорд, Дин Мартин и Сэм Дэвис.

Роберт тогда руководил избирательной кампанией, в том числе и в Неваде, где расположен Лас-Вегас.

211

Это был железнодорожный лоббист Билл Томпсон. Как пишет Херш, знаменитый «ходок» и спутник Кеннеди в утехах.

212

Луи Блаве составил и издал в 300 экземплярах генеалогическое древо своего рода с 1638 года. В 12-м поколении значатся Дьюри Малколм и ее третий муж — Джон Ф. Кеннеди, сын Джозефа П. Кеннеди, бывшего послав Англии.

213

Пренебрежительная кличка ирландцев в Америке.

В то время — юрист, представлявший интересы Кеннеди.

215

Питер Лоуфорд.

216

15 июня 2010 года газета New York Post сообщила, что согласно обнародованным документам ФБР, в «Карлайле» развлекались и другие братья Кеннеди, а также члены квартета Синатры «Рэт Пэк».

217

«С днем рождения, господин президент! С днем рождения вас!»

218

Патриша — жена Питера Лоуфорда и сестра Джона Кеннеди.

219

Видный американский журналист. Покончил с собой 3 августа 1963 года.

220

В старину остров Капри был базой морских разбойников.

221

Ирен (Ирина Борисовна) Голицына (1918–2006) — наследница древнего княжеского рода. Модельер, дизайнер. Покинула Россию в детстве. Училась в Италии и Франции. В 1946 году открыла салон мод. Успеха добилась в 1960-м, создав коллекцию брючных костюмов «Palazzo pigiama». Их носили Грета Гарбо, Софи Лорен, Одри Хепберн. И Жаклин Кеннеди. В 1996 году открыла бутик в Москве.

Не было у него и кредитных карт. А счета и чековые книжки у них с Джеки были разные.

223

Детская коммунистическая организация.

«You know, I have migraine headache if I don’t have a strange peace of ass every day» (англ.).

225

Контрразведка Великобритании.

Кабинет Макмиллана ушел в отставку в октябре 1963-го. А в 1964-м консерваторы проиграли выборы в парламент.

Согласно этому закону, принятому в 1966 году, с ряда документов сняли гриф «секретно».

Официально это называлось «депортация по указанию Министерства юстиции».

229

Отчет об этом разговоре сохранился.

230

Dixicrats — «владыки Юга» — фонетическая игра, производное от democrats (демократы) и Dixi (Юг США) — группа политиков, представлявших интересы белых жителей южных штатов, разделявших расовые предрассудки.

231

Речи 10 июля 1960 г. и 14 января 1963 г.

232

Civil Rights Bill — законопроект запрещал дискриминацию при регистрации избирателей и в общественных местах. После борьбы и обращения президента Джонсона к Конгрессу был принят как закон (Civil Rights Act) 2 июля 1964 г.

233

Эверса, как ветерана войны, похоронили с воинскими почестями на Арлингтонском кладбище.

Его убийца, проведший на свободе почти 30 лет после преступления, был осужден и умер в тюрьме в 2001 г.

234

Знаменитая речь Мартина Лютера Кинга I have a dream.

235

Congressional Record, том 108, стр. 688–689. Цитируется по книге «От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории Республиканской партии США». В.А.Никонов. Изд-во Московского университета, 1984.

236

Людвиг Эрхард (1897–1977) — экономист, государственный деятель. Творец «германского экономического чуда», автор концепции социального государства. Министр в кабинете Аденауэра. Его преемник на посту канцлера.

237

В английском языке одно из значений слова public — «общественный» и, одновременно, — «государственный».

238

Федеральный резерв — система финансовых институтов (сегодня — 12 банков и 25 филиалов), созданная на основании закона о Федеральном резерве, элементы которой являются фискальными агентами правительства — управляют денежными фондами государства; хранят государственные резервы; обслуживают государственный долг; организуют размещение облигаций и иных ценных бумаг.

239

«Закон Тафта-Хартли» (Labor-Management Relations Act) — один из законов о труде в США. Принят в 1947 году. Назван по имени инициаторов — Роберта Тафта и Фреда Хартли. Детализировал финансовую отчетность профсоюзов, ограничил право на забастовки, ввел ряд других ограничений.

Об этом пишет Сол Алинский в «Неавторизованной биографии Джона Льюиса», основанной на интервью с этим влиятельным рабочим лидером.

241

Космический полет Алана Шепарда был суборбитальным.

Friendship — дружба (англ.).

243

Строки песен «Я верю, друзья» (слова Владимира Войновича, музыка Оскара Фельцмана) и In Other Words Барта Ховарда: «Возьми меня на Луну и дай мне поиграть средь звезд…» (англ.).

244

«О «демократии» и диктатуре». В. Ленин, «Правда» № 2, 23.12. 1918 г. / ПСС, изд. 5, т. 37, стр. 388.

245

Цитируется по статье Славоя Жижека «Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня?»

246

Central Intelligence Agency — специальная служба, ведущая разведывательную деятельность и защищающая интересы США за их пределами без применения регулярных вооруженных сил.

247

Война в Корее (1950–1953) — конфликт между Южной и Северной Кореей. Часто ее считают опосредованной войной между Западом и Востоком.

Подробнее об этом — в главе «Берлинский пончик».

249

Из доклада Джонсона о визите в Индокитай. Цитируется по книге Анатолия Уткина «Единственная сверхдержава».

Подробнее об этом — в главах «Лучшие и блистательнейшие» и «Ракеты Карибского моря».

251

Ростоу У. «Простирая власть. Эссе о современной истории», 1972.

252

В октябре 1963 года был подписан протокол о продаже США зерна СССР на сумму 250 млн долларов. По советским данным по этому протоколу США поставили СССР 12 млн тонн зерна.

USAID — Агентство по международному развитию. Отвечает за помощь другим странам в области торговли, сельского хозяйства, образования, поддержки демократии и в других областях. USIA — Информационное агентство США — ныне преобразовано в Совет по вопросам вещания, определяющий политику международного вещания США.

254

Комиссия по расследованию убийства Джона Кеннеди во главе с председателем Верховного суда Эрлом Уорреном.

Кроме них есть еще немало: от заговора таинственных «элит» — до инопланетян.

256

Гарольд Лафайет Хант (1889–1974) — нефтяной магнат, в 1948 году объявлен СМИ самым богатым человеком в мире. Обладал крайне правыми взглядами.

257

Кеннеди обнародовал ее в речи в «Американском университете» 10 июня 1963 года.

258

«Did the U.S. Government Cover-up JFK Assassination Details?». Авторы: Томас Липскомб, Дэвид Мантика, Джоан Меллен, Пол Кунцлер, Дуглас Хорн, Джеймс Фетцер.

259

Известный писатель. Упоминался в главе «Прорыв», автор книги «Сказка Освальда: американская тайна».

Mrs. Jacqueline Kennedy. With deep personal sorrow I learned about the tragic death of your husband — the President of USA John F. Kennedy. In every one who knew him he inspired great respect, and my meetings with him will forever remain in my memory. Please accept my most sincere condolences and expressions of my deepest sympathy on the deep sorrow that befell you. N. Khruschev. 23 of November 1963.

261

Стуруа М.Г. (р. 1928) — советский и российский журналист-международник, публицист. С 1968 г. — собкор «Известий» в Нью-Йорке. С 1972 г. — заместитель редактора «Известий» по международному отделу. С 1977 по 1982 гг. — собкор в Вашингтоне. Автор книг: «Брожение», «С Потомака на Миссисипи», «Этот безумный…», «Вид на Вашингтон из отеля Уотергейт», «Бурное десятилетие» и других. Лауреат нескольких премий.

Это были кадеты 36-го отделения Дублинской военной академии. Потом его назовут «Классом Кеннеди».

[image]